УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

EB_1941_AKS_454

ИНСТИТУТ ПРАВА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Проф М. С. СТРОГОВИЧ

Акр
5811

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ВСЕСОЮЗНЫМ КОМИТЕТОМ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР УТВЕРЖДЕН В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНИКА ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР
МОСКВА ★ 1941

ГЛАВА I

ПРЕДМЕТ И ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Правосудие в СССР и его задачи. § 2. Осуществление правосудия. § 3. Определение уголовного процесса. § 4. Процессуальные гарантии и их значение. § 5. Уголовный процесс и технические правила производства уголовных дел. § 6. Уголовно-процессуальное и уголовно-материальное право. § 7. Уголовный процесс и другие отрасли судебного права.

§ 1. Правосудие в СССР и его задачи

В системе государственных органов особое место принадлежит суду как органу, осуществляющему правосудие.

Суд есть орган государства, охраняющий интересы господствующего класса. В. И. Ленин говорил про буржуазный суд, что он «...изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»[1]. И далее: «Суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации»[2].

Совершенно иным по своей природе и по своим задачам является советский суд, суд социалистического государства рабочих и крестьян. В. И. Ленин так говорил о советском суде: «Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство, или отстаивать свои привилегии, или тайком протащить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся»[3].

Осуществление этих широких воспитательных задач присуще только советскому суду. Буржуазный суд не является органом, осуществляющим воспитание.

---

[1] Ленин, т. XXII, стр. 212.
[2] Там же, стр. 424.
[3] Там же.

Эта существеннейшая характерная черта, определяющая природу и задачи советского суда, четко сформулирована в ст. 3 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, принятого II сессией Верховного Совета СССР.

«Советский суд, применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников, но также имеет своей целью исправление и перевоспитание преступников.

Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития».

Пролетариат, овладев властью, использует власть как рычаг преобразования общества. В беседе с английским писателем Уэллсом товарищ Сталин говорил: «Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком». И далее: «Я стою не за всякий порядок. Я стою за такой порядок, который соответствует интересам рабочего класса» [1].

Советский суд является органом, охраняющим новую социалистическую законность, новые социалистические порядки.

Советский суд как орган социалистического государства рабочих и крестьян охраняет социалистический правопорядок, закрепляющий систему социалистических общественных отношений и содействующий дальнейшему укреплению и развитию социализма в нашей стране.

Осуществляемая судом государственная функция есть п р а в о с у д и е. Осуществление правосудия заключается в том, что суд решает вопрос о применении права, закона, к обстоятельствам каждого конкретного дела. Суд решает вопрос о применении правовой нормы, закона, к тому или иному конкретному факту, случаю, отношению, являющемуся предметом судебного разбирательства; в зависимости от того, как решен вопрос о применении правовой нормы, закона, суд делает из применения права, закона, к данному факту соответствующие выводы — признает подсудимого виновным или оправдывает его, применяет к осужденному наказание или освобождает его от наказания, удовлетворяет иск или отказывает в нем. Решая эти вопросы, суд сам действует на основании права, закона, руководствуется законом, подчиняется закону.

Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик так определяет задачи социалистического правосудия:

«Статья 2. Правосудие в СССР имеет своей задачей защиту от всяких посягательств:

а) установленного Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественного и государственного

---

[1] С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 611.

устройства СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности;

б) политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов граждан СССР, гарантированных Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик;

в) прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Правосудие в СССР имеет своей задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР».

Правосудие представляет собой особую государственную функцию, отличную от других государственных функций — законодательной и исполнительной. Поэтому и суд, как орган осуществления правосудия, по характеру осуществляемой им функции и методам своей деятельности отличается от других государственных органов.

Отличие суда от законодательного органа совершенно ясно: законодательный орган издает законы, суд решает вопрос об их применении по конкретным уголовным и гражданским делам.

Суд отличается от органов управления в такой же мере, в какой осуществляемое судом правосудие отличается от управления, от административной деятельности. Суд не управляет, не администрирует, а судит, т. е. на основании закона решает уголовные и гражданские дела, выносит по ним приговоры и решения.

Говоря о роли советского суда, Ленин писал: «Нет достаточного сознания того, что суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления), что суд есть о р г а н власти пролетариата и беднейшего крестьянства, — что суд есть о р у д и е в о с п и т а н и я к д и с ц и п л и н е» [1].

Ленин говорил о г о с у д а р с т в е н н о м у п р а в л е н и и в ш и р о к о м с м ы с л е, т. е. в смысле г о с у д а р с т в е н н о г о р у к о в о д с т в а о б щ е с т в о м, о котором товарищ Сталин говорил в своем докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов. Ленин именно так понимал положение суда в советском государстве и никогда не сводил суд к роли административного органа, т. е. органа управления в с о б с т в е н н о м, у з к о м з н а ч е н и и этого слова.

Сталинская Конституция устанавливает четкое разграничение и размежевание отдельных государственных функций и отдельных государственных органов, выполняющих эти функции. В соответствии с этим она отводит суду, как органу осуществления правосудия, особое место в системе государственных органов, отде-

---

[1] Л е н и н, т. XXII, стр. 460.

ляя его от органов государственного управления (в собственном значении), к которым относятся органы исполнительные и распорядительные (главы V и VI Конституции СССР).

Таким образом, особый характер судебной деятельности (правосудие) ставит суд в особое положение в системе всех государственных органов, равно как и правосудие занимает особое место в системе государственных функций.

Как видно из изложенного выше, деятельность суда всегда связана с применением права, закона. Следовательно, законность является той почвой, которая питает правосудие. Без законности не может быть правосудия.

Конечно, в действительности далеко не всегда суд действует в соответствии с законами: история классовой юстиции — рабовладельческой, феодальной, буржуазной — знает величайшее множество судебных процессов, в которых суд грубейшим образом нарушал действующие в государстве законы, выносил незаконные, неправосудные приговоры.

История классового правосудия чрезвычайно богата неправосудными делами. Для суда эксплоататорского государства, где классовые интересы эксплоататорского меньшинства всегда противоречат интересам широких эксплоатируемых народных масс, — это неизбежное явление, так как такой суд всегда принужден свои решения подчинять политическим задачам поддержания эксплоатации и угнетения, для чего он и существует.

Такие явления, органически присущие деятельности буржуазного суда, с особой остротой и в особо широких размерах имеют место в буржуазной юстиции в период империализма в связи с общим распадом и уничтожением буржуазно-демократических государственных форм и буржуазной законности. Буржуазный суд все больше и больше выявляет себя как орудие террористической расправы с трудящимися, послушное воле правящих классов. Один из наиболее ярких примеров последнего времени в этом отношении — процесс французских депутатов-коммунистов, прошедший в парижском военном трибунале в конце марта и начале апреля 1940 г., — процесс, насыщенный произволом, беззаконием и фальсификацией.

Неприкрытая террористическая расправа с трудящимися, революционерами, подстроенные процессы, искусственно созданные обвинения, фальсифицированные доказательства — все это не может быть названо правосудием даже в буржуазном значении этого понятия.

Советское правосудие, осуществляемое на основании Сталинской Конституции (ст. 102), является социалистическим и по содержанию и по форме. Это — правосудие, осуществляемое судом социалистического государства рабочих и крестьян в интересах дальнейшего укрепления социалистического строя. Это — правосудие, опирающееся на незыблемые основы социалистической законности.

§ 2. Осуществление правосудия

Подлинное правосудие может осуществляться лишь независимыми судьями, подчиняющимися только закону. О независимости судей говорят и буржуазные конституции, но эта независимость для буржуазного суда, служащего «интересам денежного мешка» (Ленин), является фикцией, она нереальна. Иначе — в советском социалистическом государстве. Согласно ст. 112 Конституции СССР, судьи независимы и подчиняются только закону. Независимость советских судей — подлинная и реальная независимость. Судьи в социалистическом государстве — выборные судьи, опирающиеся на доверие к ним народа, ни от каких органов власти не зависимые и подчиняющиеся в своей деятельности только советским законам, выражающим волю советского народа.

Существенным признаком правосудия является процессуальная форма его осуществления.

Деятельность суда, т. е. осуществление правосудия, протекает в определенных, законом установленных формах. Закон регламентирует всю деятельность суда, все его отдельные действия.

Осуществляя правосудие, суд действует в определенных специфических правовых формах. Каждое действие суда облекается в особую правовую форму. С деятельностью суда, рассматривающего уголовные дела, неразрывно связана деятельность органов следствия, расследующих уголовные дела до суда и для суда, и деятельность прокуратуры, наблюдающей за расследованием, направляющей дела в суд и поддерживающей на суде обвинение. Эта деятельность прокуратуры и следствия также протекает в особых правовых формах, обставлена особыми, определенными в законе условиями. Специфическая правовая форма деятельности суда и связанной с ней деятельности органов следствия и прокуратуры по разрешению уголовных дел, по осуществлению борьбы с преступлениями, является процессуальной формой, представляющей также специфическую особенность суда, отличающей его от других государственных органов.

Эти формы, в которых протекает и в которые облекается деятельность судебных и следственных органов, т. е. процессуальные формы, многообразны и различны в зависимости от характера тех действий суда, следствия, прокуратуры, к которым они относятся. В системе процессуальных форм, в которых осуществляется правосудие, основное значение имеют те формы, которые относятся к деятельности суда первой инстанции, рассматривающего и решающего дело по существу. Именно в суде, рассматривающем и решающем дело по существу, сосредоточивается важнейшая часть уголовного процесса, составляющая центр всей процессуальной деятельности.

Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик указывает на процессуальный порядок деятельности советского суда, как на необходимый признак социалистического правосудия. Ст. 4 Закона устанавливает, что суд осуществляет задачи правосудия путем:

«а) разбирательства в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к изменникам родины, вредителям, расхитителям социалистической собственности и другим врагам народа, а также к грабителям, ворам, хулиганам и иным преступникам;

б) разбирательства и разрешения в судебных заседаниях дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, государственных учреждений, предприятий, колхозов и других общественных организаций».

Однако хотя процессуальная форма представляет собой существенный признак правосудия, процесс нельзя рассматривать только как форму деятельности суда. Было бы неправильно процессу придавать только формальный характер и, следовательно, отличать суд от других государственных органов только по формальному признаку. Форма деятельности суда, т. е. процессуальная форма деятельности, отличается от формы, от порядка деятельности других государственных органов (например административных), но это вытекает из содержания, из существа деятельности суда как органа, осуществляющего правосудие.

§ 3. Определение уголовного процесса

Уголовный процесс представляет собой установленный законом порядок деятельности судебных и следственных органов при расследовании и разрешении уголовных дел.

Уголовный процесс складывается из действий суда и органов следствия, совершаемых ими при расследовании и разрешении уголовных дел. Осуществляя свою деятельность, органы следствия и суд устанавливают факты преступлений и совершивших их лиц, разрешают вопрос об ответственности привлеченных лиц, собирают и проверяют доказательства и производят ряд других действий, указанных в законе. Эти действия судебно-следственные органы производят в отношении лиц, привлекаемых к участию в деле в той или иной форме — в качестве обвиняемых, потерпевших, свидетелей, экспертов и т. д. Таким образом, суд и следственные органы, осуществляя свою деятельность по уголовным делам, вступают в определенные отношения с лицами, с гражданами, участвующими в деятельности этих органов. Тем самым между органами суда и следствия и гражданами по поводу рассматриваемого уголовного дела создаются определенные отношения, регламентируемые законом и имеющие правовой характер. Эти отношения судебных и следственных органов с участвующими в деле гражданами, закрепленные в законе, рег-

ламентированные правом, являются правовыми отношениями, именно процессуальными отношениями.

Природа этих процессуальных отношений определяется прежде всего тем, что они возникают из действий принудительного порядка, из тех принудительных мер, которые суд и органы следствия на основании закона применяют в отношении лиц, привлекаемых к участию в уголовном деле: привлечение к уголовной ответственности, предъявление обвинения, предание суду, избрание меры пресечения, вызовы в суд и т. д. Таким образом, процессуальные отношения возникают из осуществления судом и органами следствия тех полномочий, которые им предоставлены законом.

Далее, процессуальные отношения возникают из тех действий, которые совершают участвующие в деле лица для защиты своих интересов, для отстаивания своих прав; таковы, например, представление обвиняемым доказательств своей невиновности, обжалование сторонами приговора и различных судебных действий.

Наконец, в систему процессуальных отношений включаются и те отношения, в которых выражаются различные формы сотрудничества суда и органов следствия, должностных лиц и граждан в осуществлении правосудия; таковы, например, отношения суда, обвинителя и защитника или отношения гражданина, заявившего о преступлении, и следственного органа, которому это заявление было сделано.

Из всех этих отношений и складывается уголовный процесс. Таким образом, может быть дано следующее определение уголовного процесса: уголовный процесс есть установленный законом (правом) порядок отношений суда, прокуратуры и органов следствия с гражданами, в связи с расследованием и разрешением уголовных дел, обеспечивающий установление лиц, совершивших действия, опасные для господствующего класса и потому расцениваемые уголовным правом как преступления.

Это определение является общим и применимо ко всякому уголовному процессу, т. е. к уголовному процессу всякого государства, всякой эпохи.

Исходя из сущности советского суда как суда социалистического государства и специфических черт социалистического правосудия, советский уголовный процесс может быть определен таким образом: советский уголовный процесс есть установленный законами советской власти порядок отношений советского суда, прокуратуры и органов следствия с гражданами, участвующими в деятельности этих органов, в связи с расследованием и разрешением уголовных дел, основанный на принципах социалистической государственности и обеспечивающий осуществление социалистического правосудия.

Из этого вытекает, что уголовный процесс в своем осуществлении включает в себя следующие элементы: а) порядок деятельности суда, органов следствия и прокуратуры при расследовании и разрешении уголовных дел; б) полномочия и компетенцию этих органов; в) права и обязанности граждан, участвующих в расследовании и разрешении уголовных дел.

Особым свойством уголовного процесса является его динамичность, подвижность (самый термин «процесс» происходит от латинского слова procedere — двигаться вперед). Процессуальные отношения не являются неподвижными, застывшими — они движутся, развиваются, нарастают по ходу расследования и разбирательства уголовного дела, пока процесс по делу не закончится и оно не получит того или иного разрешения.

В буржуазной процессуальной литературе мы встречаемся с теорией, трактующей уголовный процесс как юридическое отношение.

Родоначальником этой теории является германский цивилист прошлого столетия профессор Бюлов. В дореволюционной русской литературе на этой точке зрения стояли профессора Н. Н. Розин и Г. С. Фельдштейн [1].

В основном эта трактовка уголовного процесса сводится к следующему. Уголовный процесс есть юридическое отношение между участвующими в производстве уголовного дела субъектами — судом, обвинителем и обвиняемым. В течение всего производства по уголовному делу суд и стороны (обвинитель и обвиняемый) находятся между собою в состоянии правоотношения. Как суд, так и стороны имеют при производстве дела определенные права и обязанности, и эти взаимные права и обязанности связывают суд и стороны в одно процессуально-правовое отношение в качестве субъектов этого правоотношения. Использование этими субъектами своих прав двигает это правоотношение от одной стадии процесса к другой вплоть до окончательного разрешения уголовного дела. Розин очень образно выражает указанное понимание уголовного процесса в следующих словах: «Изображенное графически, процессуально-правовое отношение должно представить две линии лишенного основания равнобедренного треугольника, где верхнюю объединяющую точку занимает суд, а обе нижние точки — спорящие стороны. Суд является тем медиумом, чрез который стороны сообщаются друг с другом, хотя и сам он связан с обеими сторонами. Таким образом, процессуально-правовое отношение есть отношение не двухстороннее, а трехстороннее» [2].

Эта теория рассматривает уголовный процесс как отношение трех равноправных процессуальных субъектов (суд, обвинитель и обвиняемый). Сам суд превращается в сторону наравне с обви-

---

[1] Розин, Уголовное судопроизводство, Петроград, 1914 (2 изд.), Фельдштейн, Лекции по уголовному судопроизводству, Москва, 1915.
[2] Розин, Указ. соч., стр. 5.

нителем и обвиняемым и лишается руководящей активной роли, которую он выполняет как орган государства, осуществляющий правосудие в интересах господствующего класса. Не он «двигает» процесс, а стороны, суд же лишь связывает спорящие стороны и решает их спор. Эта теория смазывает действительную роль суда, превращает его в своеобразного арбитра для сторон, выдвигает на первый план в процессе только стороны как активных «деятелей» процесса в отличие от «пассивного» суда, к тому же сведенного на положение стороны.

Существо процессуальных отношений эта теория извращает: они рассматриваются не как отношения, вытекающие из деятельности государственных органов, выполняющих возложенные на них задачи, а как отношения формально равноправных субъектов, возникшие по случаю «правового спора», вне всякой зависимости от задач борьбы с преступлениями, осуществляемых судом.

Эта теория процесса как юридического отношения представляет собой попытку построить уголовный процесс по типу гражданского, придавая ему частно-исковой характер. Поэтому она никогда не была реализована в буржуазном законодательстве. Из нее вытекало бы построение уголовного процесса по чисто обвинительному типу (см. стр. 31), уничтожение предварительного следствия и переложение всего ведения процесса с суда на стороны. Но в таком виде не строится не только уголовный процесс, но и гражданский. Поэтому теория уголовного процесса как юридического отношения не только извращает природу уголовно-процессуальных отношений, но и не объясняет реальных фактов действительности — построения действующих буржуазных уголовно-процессуальных систем или существовавших в истории форм уголовного процесса.

Именно потому, что эта теория уголовного процесса как юридического отношения неверно выражает действительную природу юридических (правовых) отношений, из которых складывается уголовный процесс, она должна быть отвергнута как методологически неверная. Она ни в малейшей мере не может быть сближаема с данным выше определением уголовного процесса как установленного законом порядка отношений суда, прокуратуры и органов следствия с гражданами, участвующими в расследовании и разрешении уголовных дел.

С понятием *уголовного процесса* неразрывно связано понятие *уголовно-процессуального права*. Эти понятия настолько близки друг к другу, что часто их рассматривают как однозначащие и применяют одно вместо другого. Однако они не вполне совпадают друг с другом, и между ними есть известная разница. Как видно из всего изложенного выше, *уголовный процесс* означает само движение уголовного дела, т. е. совокупность действий суда и следственных органов и их отношения с гражданами, принимающими участие в производстве по уголовному делу. *Уголовно-процессуаль-*

ное право — это определенная отрасль права, т. е. совокупность правовых норм, регулирующих действия суда и следственных органов и их отношения с гражданами.

Вкратце это различие можно выразить так: уголовный процесс есть деятельность суда и следственных органов, регулируемая уголовно-процессуальным правом, а уголовно-процессуальное право есть совокупность правовых норм, регулирующих деятельность суда и следственных органов.

Советское уголовно-процессуальное право есть отрасль социалистического права. Поэтому оно может быть определено как совокупность норм, выраженных в законах советской власти и регламентирующих порядок осуществления социалистического правосудия по делам о действиях, посягающих на социалистическое государство рабочих и крестьян и на установленный им социалистический правопорядок, а потому расцениваемых уголовно-материальным правом как преступления.

Таким образом, советское уголовно-процессуальное право состоит из совокупности установленных законом правил (норм), определяющих порядок деятельности, полномочия и обязанности советского суда, прокуратуры и следственных органов, их отношения с участвующими в этой деятельности гражданами и права и обязанности последних.

Отсюда — обязательная сила всех установленных процессуальных норм как предписаний советского закона.

Нашему изучению в дальнейшем подлежит и уголовный процесс и уголовно-процессуальное право в том значении этих понятий, которое дано выше. Следовательно, в курсе уголовного процесса изучаются и правовые нормы, законы, регулирующие судебно-следственную деятельность, и сама эта деятельность, и составляющие ее действия и отношения.

В процессуальной теории оба эти понятия обычно объединяют термином «уголовный процесс» в широком его значении, разумея под этим термином и уголовный процесс в собственном, узком значении этого понятия и уголовно-процессуальное право. Именно такое широкое значение придается термину «уголовный процесс» в наименовании нашей дисциплины — наука уголовного процесса, курс уголовного процесса.

Поэтому в дальнейшем изложении мы будем применять термин «уголовный процесс» в его широком значении, т. е. подразумевать под ним и уголовный процесс в собственном, узком значении и уголовно-процессуальное право.

§ 4. Процессуальные гарантии и их значение

Уголовно-процессуальное право, регламентируя деятельность суда, прокуратуры и следственных органов и их отношения с гражданами, устанавливает тем самым ряд средств, при помощи

которых судебные и следственные органы разрешают поставленные перед ними задачи раскрытия преступлений, обнаружения по делу материальной истины (см. стр. 114). В этом отношении вся совокупность процессуальных норм представляет систему процессуальных гарантий, которые тем самым являются процессуальными гарантиями правосудия. Но понятие «процессуальные гарантии» имеет и другое, более узкое значение. Уголовно-процессуальное право, определяя порядок деятельности суда, органов прокуратуры, и следствия, определяет вместе с тем ряд прав, предоставляемых тем лицам, которые участвуют в деятельности суда и следствия, — обвиняемым, потерпевшим, свидетелям и т. д. Предоставляя этим лицам определенные права, уголовно-процессуальное право снабжает эти права определенными гарантиями, обеспечивающими их соблюдение. Таким образом, процессуальными гарантиями в собственном, узком смысле слова, являются те установленные законом средства, при помощи которых участвующие в уголовном процессе граждане могут защищать свои права и интересы. Эти процессуальные гарантии распространяются на всех участников процесса. Особое значение имеют те процессуальные гарантии, которые устанавливаются для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, т. е. для обвиняемых, так как именно обвиняемый является тем лицом, в отношении которого суд, прокуратура и органы следствия применяют предусмотренные законом принудительные меры и судьба которого зависит от разрешения уголовного дела, по которому он привлечен.

Эти процессуальные гарантии являются существенной составной частью процессуальной системы, и в дальнейшем мы будем говорить именно о них.

В том или ином объеме процессуальные гарантии существовали во всех исторических процессуальных системах, хотя часто они суживались до таких минимальных пределов, что почти сводились к нулю (например в инквизиционном процессе, см. стр. 35).

В уголовном процессе буржуазно-демократических государств в период расцвета капитализма процессуальные гарантии были представлены в значительном объеме, но, как и все буржуазно-правовые демократические права и «свободы», они носили по преимуществу формальный характер и их практическое осуществление было крайне затруднено, а подчас совершенно недоступно для трудящихся, для неимущих, для эксплоатируемых, которые лишены возможности организовать свою защиту.

Сейчас в буржуазном уголовном процессе процессуальные гарантии приобретают все более и более бумажный характер — они фактически лишаются силы, а часто и официально отменяются. В особенности это сказалось в новейшем процессуальном законодательстве и судебной практике во время империалистической войны 1939 г. Об этом ниже будет сказано подробнее (стр. 42 и сл.).

В советском уголовном процессе процессуальные гарантии широки по объему и реальны, действенны по существу. Советское уголовно-процессуальное право предоставляет привлеченным к ответственности лицам широкие и реальные возможности защищаться от предъявленных обвинений, оспаривать эти обвинения, представлять в свою защиту необходимые доказательства, обжаловать действия следственных органов, определения и приговоры суда.

Такое решение вопроса о процессуальных гарантиях в советском уголовном процессе определяется подлинно демократическими основами советского уголовного процесса, во всех своих частях проникнутого принципами социалистического демократизма. Это положение закреплено в Сталинской Конституции, ст. 111 которой утверждается право обвиняемого на защиту как конституционный принцип. Этот же принцип сформулирован и в ст. 8 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик в качестве руководящего принципа социалистического правосудия.

Важнейшая процессуальная гарантия неприкосновенности личности советского гражданина также в качестве конституционного принципа закреплена в ст. 127 Сталинской Конституции, согласно которой никто не может быть подвергнут аресту иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора. Процессуальные гарантии обеспечивают гражданина от необоснованного обвинения, от неосновательного стеснения его свободы, от всяких незаконных и необоснованных действий тех органов и должностных лиц, которые осуществляют борьбу с преступлениями.

В процессуальной литературе мы встречаемся, однако, и с иной трактовкой процессуальных гарантий в уголовном процессе.

В теории уголовного процесса существовала концепция, по которой все существо уголовного процесса сводилось к процессуальным гарантиям: уголовный процесс трактовался как система процессуальных гарантий для личности от произвола государства. В этом усматривались существо и задачи уголовного процесса — защитить личность гражданина от государства. Эта теория связана с известным афоризмом итальянского криминалиста-антрополога Энрико Ферри, позднее открыто примкнувшего к фашизму, о том, что уголовный кодекс есть кодекс «для негодяев», преступников, а уголовно-процессуальный кодекс есть кодекс для честных людей. Ферри подразумевал под этим то положение, что суть уголовно-процессуального кодекса заключается в установлении гарантий для честных граждан от привлечения к уголовной ответственности и осуждения, хотя по всей системе своих ярко реакционных взглядов Ферри меньше всего был в действительности склонен трактовать уголовный процесс в подобном либеральном духе.

В советской литературе теория уголовного процесса как системы гарантий для личности была развита профессором Н. Н. Полянским. Он утверждал, что применение наказания, осуществле-

ние государством «карательной деятельности» (т. е. борьбы с преступлениями), вовсе не является целью уголовного процесса: цель уголовного процесса заключается «...в установлении для конкретного случая существования (т. е. существует ли) права государства на наказание и эвентуально (т. е. если оно существует) — тех пределов, в которых оно подлежит осуществлению» [1]. Это означает, что государство, осуществляя свою карательную деятельность (т. е. борьбу с преступлениями путем применения мер наказания), на своем пути встречает преграду в виде уголовного процесса, который представляет собой особый порядок разрешения спора между государством, стремящимся применить наказание к обвиняемому в совершении преступления гражданину, и этим гражданином, оспаривающим претензии государства.

В дореволюционной русской литературе аналогичное воззрение развивал И. В. Михайловский, утверждавший, что «...задачей суда является вовсе не борьба с преступностью и не поддержание интересов власти. Единственной задачей суда (уголовного) должно быть признано разрешение спора между государством, предъявляющим обвинение и доказывающим существование в каждом данном случае своего карательного права, и личностью» [2].

Между точками зрения Полянского и Михайловского было известное различие: Полянский признавал, что в уголовном процессе помимо гарантий есть еще известная сумма моментов, относящихся к охране интересов общества, для Михайловского же в уголовном процессе кроме гарантий вообще ничего не было. Однако трактовка уголовного процесса как способа защиты личности от государства — общая у обоих авторов — дает основание утверждать, что принципиального различия между точками зрения Полянского и Михайловского не было.

Такая трактовка существа и задач уголовного процесса в корне извращает действительное существо и уголовного процесса, и суда, и самого государства. Суд превращается в своеобразный орган, стоящий над государством (так как он решает спор между государством и личностью), а уголовный процесс отрывается от задач укрепления государства и борьбы с преступлениями и превращается в преграду для государства в его борьбе с преступлениями и в барьер между государством и личностью.

Эта трактовка в условиях дореволюционной России представляла собой попытку буржуазных либеральных юристов как-то противопоставить царский суд неограниченной монархической власти и тем самым ограничить последнюю, т. е. попытку осуществить явно неосуществимую задачу.

---

[1] Полянский, Очерки общей теории уголовного процесса, Москва, 1927, стр. 44. Говоря об ошибках проф. Н. Н. Полянского, следует отметить, что этот культурный и талантливый советский ученый в последующие годы добросовестно пересмотрел свои старые взгляды.

[2] Михайловский, Основные принципы организации уголовного суда, Томск, 1905, стр. 89.

Подобная трактовка уголовного процесса не соответствовала ни одной из форм суда и процесса, которые когда-либо существовали в истории, так как суд всегда был органом государства, а уголовный процесс — порядком деятельности этого органа.

Как видно из изложенного выше, процессуальные гарантии не могут рассматриваться как гарантии личности от государства, так как именно государство является их источником. Это ни в малейшей степени не снижает роли процессуальных гарантий в советском уголовном процессе — их роль крайне велика и неуклонно возрастает с развитием и укреплением социализма в нашей стране, с ростом значения социалистической законности как метода социалистического строительства, с усилением социалистического демократизма.

Мы все время говорили о процессуальных гарантиях для лиц, участвующих в уголовном процессе, главным образом для обвиняемого. Но процессуальные гарантии устанавливаются и для обвинения, поддерживаемого на суде прокуратурой, выступающей в качестве стороны в процессе и направляющей свою деятельность в интересах защиты государства от преступных посягательств. Поэтому вопрос о процессуальных гарантиях не исчерпывается процессуальными гарантиями прав граждан, участвующих в уголовном процессе. Понятие процессуальных гарантий шире: они являются также гарантиями интересов государства, интересов правосудия.

С вопросом о процессуальных гарантиях неразрывно связан вопрос о правах обвиняемого в уголовном процессе, о процессуальном положении обвиняемого как лица, действия которого являются предметом исследования в уголовном процессе, о гарантиях его законных интересов. Этот вопрос является одним из существеннейших вопросов практики советского правосудия и теории советского уголовного процесса.

Общим местом почти для всех учебников и курсов уголовного процесса буржуазных авторов является положение, что в уголовном процессе сталкиваются два противоречивых интереса: интерес целого, государства, требующий беспощадной расправы с преступником, чтобы ни один виновный не избег наказания, и интерес индивида, личности, требующий, чтобы тщательно были взвешены данные дела и чтобы невиновный не пострадал незаслуженно. Старые теоретики-процессуалисты XIX в. (например Эли) обычно давали перевес этому последнему интересу — личности обвиняемого, придавая своим конструкциям определенную либерально-индивидуалистическую окраску. Новейшие теоретики либо ограничиваются констатацией непримиримости, неизбывной антагонистичности обоих интересов (Липманн), либо дают преимущество интересам целого, интересам государства, суживая значение прав обвиняемого. К этому последнему направлению принадлежат представители реакционных кругов буржуазных юристов, представители антропологической школы уголовного

EB_1941_AKS_454

права (например Ферри). Этой же точки зрения придерживаются современные фашистские юристы, утверждающие, что прошло время либеральных и индивидуалистических послаблений для обвиняемых, что необходимо, чтобы преступник дрожал перед грозящим ему наказанием, что личность — ничто пред всемогущим государством и что в уголовном процессе гарантии и средства защиты для привлекаемых к ответственности лиц должны быть сужены с тем, чтобы были расширены полномочия и права органов государственной власти (следствия и суда) по применению репрессивных мер (например Рокко в Италии, Эткер в Германии и др.). Совершенно ясно, что это — проявление в области уголовного процесса общей линии на ограничение и ликвидацию демократических свобод и гарантий, на усиление неприкрытых террористических, насильственных мер в отношении трудящихся народных масс, поскольку трудящиеся составляют основной контингент обвиняемых в буржуазном суде.

Несомненно, здесь мы имеем частный случай более общей и широкой проблемы — проблемы соотношения интересов целого, коллектива и личности, индивида. Эта проблема в буржуазном государстве неразрешима, и там эти интересы всегда будут антагонистичны.

Буржуазное государство — орудие в руках эксплоататорского меньшинства; народные массы — трудящиеся, эксплоатируемое большинство. Как же тут могут быть согласованы интересы государства и личности гражданина, которую подавляет, уродует и калечит капиталистический строй! Далее, буржуазный суд — суд эксплоататорского меньшинства, обвиняемые — в большинстве случаев представители эксплоатируемого большинства. Когда буржуазные процессуалисты говорят о противоречивости интересов целого и личности в процессе, в действительности речь идет о классовых противоречиях, о противоречивости интересов господствующего класса, представляемых судом, и интересов трудящихся, эксплоатируемых масс, из которых составляется основной контингент обвиняемых. Следовательно, теоретический спор по вопросу о соотношении в процессе интересов целого и личности в буржуазной процессуальной теории — не что иное, как идеологическое отражение этих реальных классовых противоречий общества и государства.

Иначе решается этот вопрос у нас, в стране победившего социализма. И для области уголовного процесса, как и для всех областей государственной и общественной деятельности, решающее значение имеют замечательные слова товарища Сталина в беседе с Уэллсом: «Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам

Библиотека

может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между «индивидуализмом» и социализмом нет»[1].

Этот же вопрос товарищ Сталин освещает и в своей беседе с Рой-Говардом. Говоря о трудностях, связанных с построением социалистического общества, товарищ Сталин указал: «Но это общество мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной»[2].

Отсюда следует, что вопрос о соотношении интересов коллектива и личности в уголовном процессе в Советском государстве ставится и решается совершенно иначе, чем в буржуазном государстве. Советский суд представляет и обеспечивает интересы всего народа, а не меньшинства, не господствующей верхушки. Поэтому защита интересов личности советского гражданина, в том числе и обвиняемого, от возможных ошибок, от неосновательного нарушения его прав и законных интересов есть интерес самого коллектива, самого государства, неотъемлемая составная часть советского правосудия, есть, наконец, задача самого суда.

Это не значит, разумеется, что в каждом уголовном деле интерес суда и интерес обвиняемого совпадают: суд преследует задачу наказать виновного, а обвиняемый, если он в действительности виновен, обычно стремится избежать ответственности или смягчить ее. Речь идет не об этом, а о том, что законный интерес обвиняемого — избежать неосновательной ответственности — ни в какой мере не находится в противоречии с интересом суда — наказать только виновного и в соответствии с его действительной виновностью.

В этом отношении для всей системы советского уголовного процесса существеннейшее значение имеет принцип, сформулированный в ст. 111 Конституции СССР (также в ст. 7 Закона о судоустройстве), — обеспечение обвиняемому права на защиту. В уголовном процессе право на защиту имеет два значения: во-первых, имеется в виду «защита в материальном смысле», т. е. совокупность прав обвиняемого, при помощи которых обвиняемый может защищаться против предъявленного ему обвинения (сюда относятся все процессуальные права обвиняемого, как-то: право знать существо обвинения, право давать объяснения и представлять оправдывающие доказательства, право обжалования приговора суда и т. д.); во-вторых, имеется в виду «защита в формальном смысле», т. е. право обвиняемого иметь специального представителя его интересов, защитника. Статья 111 Конституции предусматривает защиту и в материальном и в формальном смысле и, следовательно, означает и расширение всех процессуальных прав обвиняемого и предоставление ему

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 602.
[2] Сборник Ленин и Сталин, т. III, стр. 666.

права иметь защитника. Предоставление обвиняемому процессуальных прав, при помощи которых он может защищаться от предъявленного ему обвинения, установление для обвиняемого системы процессуальных гарантий от неправильного привлечения и осуждения — это и есть одна из важнейших форм осуществления советского социалистического демократизма в области уголовного процесса.

Социалистическое государство трудящихся заинтересовано в том, чтобы ни один гражданин не был ограничен в своих правах незаконно, чтобы никто не был привлечен к ответственности неосновательно, чтобы никто не был осужден неправильно, чтобы только при несомненной доказанности обвинения выносился обвинительный приговор.

Забота о людях, обеспечение их прав, их свободы и достоинства является неотъемлемой чертой социалистического общества. Из этого следует, что гарантирование граждан от неосновательного привлечения и осуждения является составной частью всей борьбы с преступностью, всего советского правосудия. Обеспечивая успешность и решительность борьбы с врагами народа, с дезорганизаторами социалистического общества и нарушителями его законов, уголовно-процессуальное право Советского государства в то же время обеспечивает охрану прав личности граждан. Это усиление процессуальных гарантий для обвиняемого есть проявление в нашем процессе укрепления и развертывания советской демократии.

Иначе обстоит дело в капиталистических странах, где отказ от буржуазно-демократических форм управления и переход к неприкрыто террористическим методам расправы с трудящимися и их подавления выражается в области уголовного процесса в резком ограничении процессуальных прав обвиняемого, даже в полном уничтожении этих прав и в превращении обвиняемого в бесправный объект исследования, каким обвиняемый был в системе средневекового инквизиционного процесса (см. стр. 35).

§ 5. Уголовный процесс и технические правила производства уголовных дел

В деятельности органов суда и следствия имеется ряд технических моментов, которые частично находят свое отражение в процессуальном кодексе.

Очень многие статьи Уголовно-процессуального кодекса в известной мере касаются вопросов техники производства и оформления различных следственных и судебных действий (например ст. 207 УПК РСФСР, устанавливающая формулировку обвинительного заключения, ст. 334, говорящая о формулировке приговора, и т. д.). Но суть процесса, как уже видно из изложенного, заключается вовсе не в технических моментах, и они в Уголовно-процессуальном кодексе неотделимы от правовых

форм, от правовых отношений. Если, например, ст. 334 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает формулировку приговора суда, то суть вопроса здесь не в том, как технически писать приговоры, а в закреплении в законе тех правовых условий, которым должен удовлетворять судебный акт, разрешающий по существу уголовное дело и определяющий судьбу преданного суду лица.

Взгляд на уголовный процесс как на совокупность технических правил, как на техническую инструкцию производства по уголовным делам одно время получил некоторое распространение и среди практических работников юстиции, и среди лиц, претендовавших на то, чтобы считаться теоретиками в области права.

Взгляд этот представлял разновидность контрреволюционной теорийки отмирания, «выветривания», советского права: процессуальные нормы якобы теряют свой правовой характер и превращаются в технические правила, соблюдать которые следует лишь постольку, поскольку это представляется технически целесообразным по обстоятельствам конкретного дела. Тем самым делалась попытка ослабить обязательную силу процессуального закона и внедрить в практическую работу органов юстиции пренебрежение к процессуальным нормам, распространить нарушения процессуальных норм, а тем самым дезорганизовать осуществление социалистического правосудия.

Сведение процессуальных норм к техническим правилам должно быть признано абсолютно неверным и недопустимым. Процессуальные нормы являются правовыми нормами, предписаниями советского закона, и они должны быть такими же непрелюжными, обязательными и устойчивыми, как и все советские законы. «...Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было», — говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов. Это относится полностью и к процессуальным законам.

§ 6. Уголовно-процессуальное и уголовное материальное право

Уголовный процесс тесно связан с уголовным материальным правом. Уголовное право определяет, что является преступлением, и устанавливает систему правовых мер, применяемых к лицам, совершившим преступления; уголовный процесс определяет систему правовых форм, в которых производится установление преступлений и совершивших их лиц, и условия применения уголовно-правовых мер в каждом конкретном случае.

Таким образом, существует неразрывная связь и взаимная обусловленность уголовного процесса и уголовного права. Уголовный процесс немыслим без уголовного права, равно как уголовное право немыслимо без уголовного процесса, устанавливающего условия и порядок применения первого. Разделение

уголовно-материальных и уголовно-процессуальных норм по самостоятельным кодексам (уголовные и уголовно-процессуальные) — исторически позднее явление и проведено полностью лишь в буржуазном законодательстве, первоначально же (в рабовладельческом и феодальном государстве) и те и другие нормы были объединены в одних и тех же законодательных актах.

Вопрос о соотношении уголовно-материального и уголовно-процессуального права разработан и освещен Карлом Марксом в его замечательной ранней работе, написанной им по поводу закона о краже дров. В этой работе Маркс дал блестящий анализ соотношения уголовного процесса и уголовного материального права, установив их органическую связь и взаимозависимость и категорически отвергнув всякие попытки оторвать их друг от друга.

Маркс едко высмеивает тех «деятелей», которые пытаются снизить значение процессуальных форм, извратить их роль.

«Судебные формы представляются жадному беспокойству частного интереса тягостными и лишними препятствиями педантичного правового этикета. Судебный процесс есть только надежная охрана, которая должна проводить противника до тюрьмы, простое приготовление к экзекуции, а где процесс желает быть не только этим, там его заставляют молчать» [1].

Такое воззрение на процесс, по утверждению Маркса, коренится в отношении частного интереса (т. е. интереса частного собственника) к праву вообще.

«При этом наталкиваются на самое право как на препятствие необузданному проявлению частных интересов и обращаются с правом как с препятствием... Интерес права получает возможность говорить, поскольку это есть право интереса, но он должен молчать, как только он сталкивается с этим святым» [2].

Маркс решительно отвергает воззрение, согласно которому уголовный процесс есть только форма, не имеющая своего содержания и не опирающаяся на смысл, на содержание всего права.

«Если процесс не представляет ничего, кроме бессодержательной формы, то такой формальный пустяк не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; материальное право, однако, имеет свои необходимые присущие ему процессуальные формы, и как для китайского права необходима палка, как необходима для содержания драконовского средневекового уголовного права, в качестве процессуальной формы, пытка, так же необходимо связано с гласным свободным процессом гласное по своей природе, продиктованное свободой, а не частным инте-

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 257.
[2] Там же.

ресом — содержание. Процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, напр., формы растений и животных связаны с мясом и кровью животных. Один дух должен одушевлять процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно проявление его внутренней жизни»[1].

Эта яркая и выразительная характеристика исчерпывающе разрешает вопрос о роли и значении процессуальных форм и их связи с материальным правом. Они друг от друга неотделимы, так как только через уголовный процесс находит свое осуществление и применение в жизни уголовное материальное право. Уголовное материальное право не может существовать без уголовного процесса, так как только последний устанавливает тот порядок, в котором нормы уголовного материального права применяются на практике, в жизни. С другой стороны, уголовный процесс не может существовать без уголовного материального права, так как только последнее определяет, какие действия являются преступлениями и какую ответственность несут лица, эти преступления совершившие; следовательно, без уголовного права уголовный процесс был бы беспредметен. Кое-кто из вредителей, орудовавших на фронте теории права, пытался опошлить и извратить приведенные выше мысли Маркса и истолковать их таким образом, что уголовный процесс есть форма и только форма, а уголовное материальное право есть содержание этой формы; иначе — уголовный процесс есть форма уголовного материального права, уголовное материальное право есть содержание уголовного процесса. Это абсолютно неверно, и приведенные выше утверждения Маркса не дают никаких оснований к таким выводам. Смысл этих положений Маркса в том, что уголовный процесс и уголовное право органически связаны между собой, проникнуты общими принципами (одним духом), определяющими форму и содержание обеих отраслей права.

Уголовно-процессуальное право и уголовное материальное право есть части единой системы права, причем оба они регламентируют разные стороны одной и той же деятельности государственных органов, осуществляющих правосудие, и действий, поведения граждан, участвующих в уголовном деле.

Различие уголовного процесса и уголовного права проходит по линии тех отношений, которые регулируются и оформляются той и другой отраслью права. На различных стадиях деятельности органов, участвующих в осуществлении правосудия, имеются налицо материально-правовые и процессуальные отношения, которые тесно связаны и переплетаются друг с другом, но тем не менее друг от друга отличаются.

Материально-правовое отношение (в уголовном праве) есть выраженное в законе отношение государственной власти к лицу, совершившему действие, расцениваемое законом как преступление.

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 257—258.

Процессуально-правовое отношение, как указывалось выше, есть выраженное в законе отношение судебных и следственных органов к гражданам, участвующим в расследовании и разрешении уголовных дел.

При возбуждении уголовного дела материально-правовое отношение, т. е. отношение государственной власти к совершившему преступление лицу, выступает еще в очень нечетких контурах — еще неизвестно, кто совершил преступление и что это за преступление. Но по мере того как органы следствия и суда совершают определенные действия, выявляя определенных лиц— обвиняемых, допрашивают свидетелей и выясняют обстоятельства дела, процессуальные отношения постепенно вливаются в русло материально-правового отношения и наполняют его живым, конкретным содержанием. По мере того как в ходе развития уголовно-процессуальных отношений устанавливаются конкретные черты преступления и конкретные лица, которые виновны в совершении этого преступления, материально-правовое отношение становится все более и более ясным, определенным и конкретным. Наконец, с окончанием уголовного процесса оно получает полную ясность и определенность во вступившем в законную силу судебном приговоре, которым подсудимый либо признан виновным в совершении преступления, либо оправдан и освобожден от ответственности.

Процессуальное отношение является вспомогательным в отношении материально-правового, но оно от последнего неотделимо и от него неотъемлемо.

Так решается вопрос о взаимоотношении, связи и различии материального уголовного права и уголовного процесса.

§ 7. Уголовный процесс и другие отрасли судебного права

Уголовный процесс (уголовно-процессуальное право) представляет собою отрасль судебного права. Судебное право есть совокупность правовых норм, определяющих организацию и деятельность суда и связанных с ним органов следствия, прокуратуры и адвокатуры.

В состав судебного права входят следующие отрасли: судоустройство, уголовный процесс и гражданский процесс. С судебным правом также связана криминалистика как вспомогательная техническая дисциплина, трактующая о научных методах собирания и исследования доказательств по судебным делам.

Вопрос о судебном праве и его системе разработан академиком А. Я. Вышинским в его докладе на Всесоюзном научном совещании работников права «О задачах науки советского социалистического права» (1938 г.).

Уголовный процесс находится в тесной связи со всеми отраслями судебного права.

Уголовный процесс и судоустройство. Судоустройство представляет собой часть судебного права, регламентирующую организацию судебной системы. Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик регламентирует организацию суда, судебной системы и ее отдельных звеньев. К области же науки о судоустройстве относятся вопросы организации не только суда, но и тех органов, деятельность которых связана с судом, которые содействуют суду в осуществлении правосудия (органы следствия, прокуратура, адвокатура).

Уголовный процесс представляет собою как бы продолжение науки судоустройства: судоустройство охватывает главным образом организационные принципы судебной системы и связанных с судом органов, а уголовный процесс является наукой о деятельности этих органов, о тех правовых формах, в которых эта деятельность протекает по уголовным делам. Однако вопросы организации и деятельности по существу между собой тесно связаны и часто сливаются друг с другом. Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик (в отличие от законов о судоустройстве буржуазных государств) характерен тем, что он устанавливает не только «скелет» (структуру) судебной системы, но определяет и основные, важнейшие процессуальные принципы судебной деятельности.

Такими процессуальными принципами, включенными в Закон о судоустройстве, являются следующие: а) определение национального языка, на котором ведется судопроизводство (ст. 7); б) гласность процесса и право обвиняемого на защиту (ст. 8); в) право обжалования судебных приговоров, решений и определений и принципы их проверки вышестоящим судом (ст. 15); порядок опротестования вступивших в законную силу приговоров и решений (ст. 16); г) подсудность уголовных дел народному суду (ст. 21), краевому, областному, окружному суду и суду автономной области (ст. 32), Верховному суду автономной республики (ст. 40); полномочия народного суда (ст. 27), народного судьи (ст. 28), председателя краевого, областного, окружного суда и суда автономной области (ст. 37), председателя Верховного суда автономной республики (ст. 44), председателя Верховного суда союзной республики (ст. 57), председателей специальных судов (ст. 62), председателя Верховного суда СССР (ст. 74).

Введение таких процессуальных принципов в состав Закона о судоустройстве связывает вопросы организации суда с вопросами его деятельности и лишает наше судоустройственное право того схематического и отвлеченного характера, какой оно имеет в буржуазных странах. В этом же выражается органическая связь судоустройственного права с процессуальным правом, связь науки о судоустройстве с наукой уголовного и гражданского процессов.

Уголовный и гражданский процессы. Связь уголовного и гражданского процессов определяется тем, что и тот и другой выражают порядок деятельности суда (и связанных с ним органов) — в одном случае по уголовным делам, в другом — по гражданским делам.

Процессуальные отношения в уголовном и в гражданском процессах отличаются друг от друга по своему содержанию: в первом случае речь идет об уголовном преследовании совершивших преступление лиц, во втором — о разрешении спора о праве гражданском.

Суд у нас один и для уголовных и для гражданских дел, и ряд процессуальных форм очень близок по обеим этим категориям дел (например порядок судебного рассмотрения, кассация). Производство по делам частного обвинения крайне сходно с производством по гражданским делам. Гражданский иск в уголовном деле и рассмотрение гражданских последствий преступных действий в порядке гражданского судопроизводства также являются моментами, сближающими гражданский и уголовный процессы. Сюда же относится учение о доказательствах, основные принципы которого являются общими для уголовного и гражданского процессов (при наличии все же некоторых различий).

Надо иметь в виду, что между уголовным преступлением и гражданским нарушением, между уголовным преследованием и гражданско-правовым спором нет той непереходимой грани, которую устанавливают буржуазные юристы, разграничивая «уголовную неправду» и «гражданскую неправду». Гражданское нарушение может переходить в уголовное преступление (например невыполнение договора с государственным учреждением, неплатеж алиментов), а уголовное преступление может влечь гражданско-правовые последствия (возмещение причиненного ущерба). Наш гражданский процессуальный кодекс в отличие от буржуазных кодексов ограничивает усмотрение сторон в распоряжении их правами (так называемый принцип диспозитивности), обязывает суд не ставить свое решение по гражданским делам в зависимость только от тех данных, которые ему представили стороны, а стремиться к выяснению действительных взаимоотношений сторон и действительных обстоятельств дела (см. ст. 5 ГПК).

Все это, несомненно, сближает советский гражданский процесс с уголовным.

Но вместе с тем необходимо иметь в виду наличие существенных различий между уголовным и гражданским процессами. Как было указано выше, уголовный процесс связан с уголовным материальным правом; подобно этому и гражданский процесс связан с гражданским правом.

Специфические отличия материальных уголовно-правовых и гражданско-правовых отношений обусловливают различие и процессуальных форм, в которых происходит разрешение уголовных

и гражданских дел; порядок уголовного преследования совершивших преступления лиц в ряде существенных моментов отличен от порядка разрешения споров о праве гражданском.

Борьба с преступностью путем применения наказания по своим задачам, методам и формам отличается от регулирования гражданских правовых отношений и связей. Поэтому при всей близости отдельных форм и институтов уголовного и гражданского процессов не только не может быть их слияния, но и сближение их возможно только в ограниченных пределах.

В теории процесса можно наметить две противоположные точки зрения на взаимоотношение уголовного и гражданского процессов, две линии: линию разрыва уголовного и гражданского процессов и линию их слияния, отождествления.

Рассмотрим сперва первую точку зрения, резко отделяющую уголовный и гражданский процессы и противопоставляющую их друг другу. Случевский говорит по этому вопросу: «Для государства безразлично, правильно ли построит истец свои требования, или ответчик свои возражения, а также все ли доказательства представит каждая из сторон в подтверждение своих заявлений. Но публичный интерес может существенно пострадать, если какие либо доказательства вины или невиновности будут упущены судом из виду при разрешении уголовного дела»[1]. Аналогичное положение выдвигает Цу-Дона: «В то время как в гражданском процессе дело идет о соревновании равноправных субъектов права, в уголовном процессе подданный противостоит государству»[2].

Основное содержание этих положений состоит в том, что принцип диспозитивности господствует и главенствует в гражданском процессе, в котором стороны направляют дело и принимают меры, чтобы дело получило то или иное разрешение, — они «хозяева процесса». В уголовном же процессе, где государство заинтересовано в исходе уголовного дела, построение процесса иное, — здесь основная роль принадлежит суду. В силу этого считается, что уголовный и гражданский процессы ничего общего по существу не имеют. С точки зрения марксистско-ленинской процессуальной теории ясно, что разрывать уголовный и гражданский процессы нельзя; ни в коей мере неприемлем взгляд на гражданский процесс только как на спор между сторонами при пассивном арбитре — суде. Это чисто буржуазное положение у нас неприемлемо и резко отвергается ст. 5 Гражданского процессуального кодекса РСФСР.

Гражданский процесс, так же как и уголовный, представляет собою порядок отношений суда и участвующих в разбирательстве дела граждан, а принципы суда и правосудия одинаковы и для гражданских и уголовных дел. Именно поэтому граждан-

---

[1] Случевский, Учебник русского уголовного процесса, изд. 4, 1913, стр 12.

[2] Graf zu Dohna, Das Strafprozessrecht, 1929, стр. 4.

ский и уголовный процессы имеют много общих черт и при всех их специфических отличиях проникнуты общими началами.

Противоположная точка зрения выражается в отождествлении уголовного и гражданского процессов. Эта линия находит свое выражение у некоторых буржуазных процессуалистов, сторонников трактовки процесса как юридического отношения. Так, из отождествления уголовного и гражданского процесса исходит Розин [1], развивающий точку зрения, что, поскольку суд решает спор между сторонами, никакой разницы нет, гражданский ли это спор или уголовное преследование, так как в уголовном процессе также происходит разрешение спора о праве. У Розина уголовный процесс по существу превращается в гражданский процесс. Розин как бы «цивилизирует» уголовный процесс, что логически вытекает из взгляда его на уголовный процесс как на юридическое отношение.

В нашей юридической литературе была сделана иная попытка — «криминализировать» гражданский процесс, поглотить его уголовным, слить оба процесса путем превращения гражданского процесса в уголовный. Эта попытка исходила из вредительских установок и была рассчитана на ликвидацию гражданской процессуальной деятельности советского суда, а тем самым — на ликвидацию судебной защиты личных и имущественных прав и интересов советских граждан.

Один из таких «теоретиков» договорился до того, что объявил, что с укреплением социалистических отношений в нашей стране гражданский процесс преобразовывается в уголовный. Практика наших судов дает достаточно убедительное опровержение этого дикого утверждения: количество гражданских дел в народных судах значительно превышает количество уголовных дел. Рост гражданских дел в судах находится в прямой зависимости от роста материального и культурного уровня граждан нашей страны и повышения их требований к защите их личных и имущественных прав и интересов.

Статья 2 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик к числу задач правосудия в СССР относит защиту политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов граждан СССР, равно как и защиту прав и интересов государственных и общественных учреждений и организаций. Несомненно, вредительская попытка поглотить гражданский процесс уголовным находится в прямой связи с проводившейся вредителями на правовом фронте ликвидацией гражданского права, которое растворялось в так называемом «хозяйственном праве». Предметом последнего была правовая организация хозяйственного управления, но из него почти полностью были исключены гражданско-правовые отношения, имущественные права и интересы граждан. Понятно, что ликвидация гражданского права в силу неразрывной связи материаль-

---

[1] Розин, Уголовное судопроизводство, 1914, стр. 17.

ного и процессуального права лишала базы и гражданский процесс. А отсюда — попытка фактической ликвидации и гражданского процесса под предлогом его слияния с уголовным процессом.

Следовательно, правильным будет такое решение вопроса о соотношении уголовного и гражданского процессов: уголовный и гражданский процессы представляют отдельные отрасли судебного права; принадлежность их обоих к судебному праву определяет их связь и общность у них ряда принципов и форм; различный характер связанных с ними материально-правовых отношений определяет и различие уголовно-процессуальных и гражданско-процессуальных отношений, различие ряда процессуальных институтов в уголовном и гражданском процессах.

Уголовный процесс и криминалистика. С уголовным процессом близко соприкасается специальная дисциплина — криминалистика. Криминалистика изучает научно-технические приемы собирания и исследования доказательств. В своем конкретном содержании наука криминалистики строилась до сих пор почти исключительно применительно к условиям расследования уголовных преступлений и сводилась к сумме научно-технических методов следствия (сам термин «криминалистика» происходит от латинского слова crimen — преступление). Но несомненно, что ряд криминалистических приемов и методов имеет непосредственное применение и к сфере гражданского процесса, так как и по гражданским делам требуется научная обоснованность исследования ряда доказательств.

В целом криминалистика входит в состав науки судебного права, являясь ее частью как вспомогательная дисциплина в отношении уголовного и гражданского процессов.

Этим определяются связь и различие уголовного процесса и криминалистики. Уголовный процесс охватывает правовые формы и отношения, криминалистика — технические методы и приемы. С одной стороны, криминалистика способствует правильному выполнению процессуальных действий, с другой стороны — криминалистические методы свое применение могут находить лишь в тех правовых формах, которые установлены в уголовном процессе (например осмотр места преступления, производство криминалистической экспертизы и т. д.). Криминалистика находит все более и более широкое применение в следственной и судебной практике, способствуя научному оснащению следствия, обеспечивая научную базу расследования преступлений.

ГЛАВА II

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС ЭКСПЛОАТАТОРСКИХ ГОСУДАРСТВ

А. История уголовного процесса в эксплоататорских государствах: § 1. Общие понятия. § 2. Обвинительный процесс. § 3. Розыскной (инквизиционный) процесс. § 4. Уголовный процесс в период Французской буржуазной революции 1789 г. § 5. Смешанный процесс.
Б. Уголовный процесс современных буржуазных государств: § 1. Французский уголовный процесс. § 2. Английский уголовный процесс. § 3. Германский уголовный процесс. § 4. Итальянский уголовный процесс.

А. ИСТОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ЭКСПЛОАТАТОРСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

§ 1. Общие понятия

Для уяснения классовой природы уголовного процесса и составляющих его процессуальных отношений и их прямой зависимости от классовой структуры общества необходимо ознакомиться с историей уголовного процесса. В основном исторически различаются три формы уголовного процесса, последовательно сменявшие друг друга: а) обвинительный процесс; б) розыскной, или инквизиционный, процесс; в) смешанный процесс.

Обвинительная форма процесса представляет собою такое построение уголовного процесса, при котором возбуждение уголовного преследования и все дальнейшее движение процесса зависит от обвинителя, определяется его действиями. Обвиняемый противостоит обвинителю и оспаривает перед судом обвинение. Суд же решает спор сторон на основании тех данных, которые ему представили стороны, не выходя из их пределов. Таким образом, обвинительный процесс основан на последовательно проведенном состязательном принципе (см. стр. 78). Процесс заключается в споре сторон, причем сами стороны собирают доказательства и представляют их суду, суд же выступает как арбитр между спорящими сторонами, наблюдает, чтобы состязание сторон проходило по установленному законом регла-

менту, и своим решением подводит итог этому спору, определяя, какая сторона доказала свое право.

Эта форма процесса называется обвинительной, потому что при таком построении процесса возбуждение дела и весь его дальнейший ход определяются действиями обвинителя, зависят от него; суд приступает к рассмотрению дела лишь по просьбе об этом обвинителя.

Соответственно этому обвинительный процесс сводится почти целиком к рассмотрению дела на судебном заседании; предварительное следствие почти полностью отсутствует, так как собирание доказательств и их представление суду лежит на сторонах.

Обвинительный процесс был процессом г л а с н ы м (публичным) и у с т н ы м.

Розыскная или инквизиционная форма процесса построена на совершенно противоположных принципах. В р о з ы с к н о м п р о ц е с с е вообще нет сторон, возбуждение уголовного преследования и все направление и содержание процесса определяется единоличным усмотрением судьи (он же и следователь), который ведет расследование и рассмотрение дела независимо от участвующих в деле лиц в силу своих служебных полномочий и обязанностей (ex officio). В инквизиционном процессе обвиняемый, являвшийся в обвинительном процессе равноправной с обвинителем стороной, представлял собой лишь объект исследования, который мог использовать свои права на защиту от обвинения лишь в той мере, в какой это считал необходимым судья.

Соответственно этому в инквизиционном процессе основной и главнейшей стадией процесса являлось предварительное следствие, на котором судья-следователь выяснял все обстоятельства дела и собирал доказательства. Судебное же рассмотрение и вынесение приговора представляло лишь завершение предварительного следствия, как бы привесок к нему.

В противоположность обвинительному процессу инквизиционный процесс являлся процессом п и с ь м е н н ы м и т а й н ы м.

С м е ш а н н ы й п р о ц е с с представляет собой комбинацию элементов обвинительной и инквизиционной форм процесса. Процесс делится на две основные стадии — предварительное следствие и судебное рассмотрение; предварительное следствие в основном построено по розыскной форме, судебное рассмотрение — по обвинительной.

Исторически ни одна из этих форм не существовала в чистом виде. Деление процесса на названные три формы в значительной мере является схематическим, и живая историческая действительность в эти схемы полностью, разумеется, не укладывается. Поэтому подобное деление процессуальных форм имеет условное значение и может быть принято лишь как средство, при помощи которого можно уловить специфические и наиболее характерные черты той или иной системы уголовного процесса.

§ 2. Обвинительный процесс

Обвинительный процесс — древнейшая форма уголовного процесса. Его возникновение относится к тем временам, когда впервые в сферу общественных отношений начало проникать правовое регулирование. В развернутом виде обвинительный процесс существовал в рабовладельческих государствах — в древней Греции и в древнем Риме (примерно до IV столетия) и в средние века в период феодализма (примерно по XIV столетие, а в России — по XVI столетие).

В древней Греции (в Афинах) система уголовного процесса характеризовалась наиболее широко развернутыми состязательными формами. Предварительное следствие отсутствовало, дело начиналось непосредственно в суде по заявлению потерпевшего, предъявлявшего обвинение к обвиняемому. По государственным преступлениям обвинение предъявлял и поддерживал публичный обвинитель, избираемый народом.

Обвинитель (частный или публичный) представлял обвинительный акт архонту (высшее должностное лицо), который производил некоторые подготовительные действия и назначал заседание суда. Суд состоял из 501 заседателя под председательством архонта и происходил под открытым небом, в форме широкого народного зрелища.

Типичная форма суда в Афинах — суд гелиастов (от слова гелиос — солнце; суд продолжался от восхода до заката солнца). Обвинитель произносил обвинительную речь и в процессе ее, в подтверждение указываемых им фактов, представлял суду свидетелей и документы. Он же сам допрашивал своих свидетелей, мог допрашивать и обвиняемого. После того как обвинитель оканчивал свою речь и допрос представленных им свидетелей, защитительную речь говорили обвиняемый и его адвокат, которые также представляли суду своих свидетелей и допрашивали их. Процесс вели сами стороны, председатель не вмешивался в их действия, следя лишь за соблюдением внешнего порядка. По окончании прений сторон заседатели голосовали путем опускания в урну особых шаров: белых — за оправдание, черных — за осуждение. Большинство шаров определяло приговор.

Эта широкая демократическая форма процесса, построенного на началах устности, гласности и состязательности, была классической формой процесса рабовладельческих Афин, хотя последние знали и порядок сокращенного процесса (в отношении лиц, пойманных на месте преступления, самовольно вернувшихся из изгнания и т. д.). Но афинская демократия была демократией рабовладельцев, и описанная форма процесса, основанная на свободном состязании сторон, распространялась только на свободных рабовладельцев; рабы же, число которых во много раз превышало число свободных граждан, в этом процессе, как правило, не участвовали ни в качестве обвинителей, ни в качестве обвиняемых. Раб расценивался как вещь, принадлежавшая ее

собственнику, и в случае совершения какого-либо преступления рабом, а равно и по любому иному поводу он подвергался казни без особой судебной процедуры. На обычном же суде раб мог фигурировать лишь в качестве свидетеля, но в этом случае он обязательно подвергался пытке: предполагалось, что раб как существо низшего порядка может показать правду только под пыткой.

Таким образом, афинский уголовный процесс, при всех своих демократических формах, был классовым процессом рабовладельческого государства.

Схожая форма процесса существовала и в рабовладельческом Риме эпохи республики. Но римский социальный строй — рабовладельческий, как и в Афинах, — был значительно более аристократическим, чем в Афинах. Главенствующая роль принадлежала патрициям (землевладельческая аристократия), с которыми конкурировало сословие всадников (денежная, ростовщическая знать). Третья социальная группа, плебеи, в пределах господствующего (рабовладельческого) класса занимала зависимое положение.

Это придавало несколько иной характер и структуре суда и форме уголовного процесса, в которых состязательность была ограничена по сравнению с афинским судом гелиастов. Обычная форма уголовного суда в Римской республике — «постоянные квестии». Прежде всего обращает внимание количественно меньший состав судейской коллегии: претор (председатель суда), несколько членов суда — помощников председателя (квестионные судьи) и от 32 до 75 заседателей. Затем в римском процессе хотя и не было предварительного следствия в собственном смысле этого слова, но на претора ложилась обязанность производства до суда ряда действий проверочного и подготовительного свойства — проверка доказательств, представляемых обвинителем, установление лица, которое на суде будет поддерживать обвинение, выдача обвинителю приказа, уполномочивающего его собирать доказательства, и, с другой стороны, предоставление обвиняемому возможностей подготовиться к своей защите.

На судебном заседании процесс также был построен несколько иначе, чем в Афинах. В Риме не было деления судебного заседания на две части, предоставленные целиком в распоряжение соответственно обвинителя и обвиняемого. Судебное заседание начиналось с прений сторон: речь обвинителя, обосновывающего обвинение и представляющего доказательства в подтверждение обвинения, и речь обвиняемого или его защитника, оспаривающих обвинение и представляющих доказательства в защиту обвиняемого, затем допросы свидетелей, затем заключительные прения сторон, излагающих свои выводы из судебного рассмотрения.

Вопрос о виновности обвиняемого решался тайным голосованием. Каждый заседатель опускал в урну табличку с одним из следующих обозначений: С (начальная буква от слова condemno—

EB_1941_AKS_454

осуждаю), A (начальная буква от слова absolvo—освобождаю, оправдываю) или NL (начальные буквы слов non liquet, т. е. неясно, не выяснено). Большинство табличек с буквой C означало обвинительный приговор, с буквой A — оправдательный, с буквами NL — отложение разрешения дела и постановку его на новое судебное разбирательство.

Определение наказания производилось претором и квестионными судьями, причем уголовные законы устанавливали абсолютно определенные, твердые санкции, так что претор лишь объявлял наказание, установленное в законе. Как и в Афинах, рабы выступали в этом суде только в качестве свидетелей, подвергаясь в этом случае пытке; при этом сторона, по требованию которой раб был вызван свидетелем, должна была собственнику раба уплатить соответствующую сумму, если в результате такого допроса свидетель-раб умрет или получит увечье.

Такая форма процесса (в основном обвинительная) существовала в период Римской республики. С установлением диктатуры цезарей, в императорский период Рима, в обвинительную форму процесса проникали все больше и больше элементы розыскного процесса, процесс делался тайным и письменным, и ведение уголовного дела в значительной мере переходило от сторон к суду. Пытка стала общим средством получения показаний и стала применяться не только к свидетелям-рабам, но и к свободным гражданам и распространилась на обвиняемых.

В средние века, в эпоху раннего феодализма, обвинительная форма процесса также была господствующей.

Процесс шел в форме состязания сторон. Эта форма нашла свое законченное выражение уже в VI и VII вв. нашей эры. Так, во Франции в этот период судебное разбирательство (предварительное следствие отсутствовало) протекало в следующем виде. Обвинитель излагал перед судьями свою жалобу, после чего обвиняемый опрашивался, признает ли он обстоятельства, указываемые обвинителем; если обвиняемый их признавал, разбирательство заканчивалось и судьи выносили приговор, если же отрицал, судьи переходили к рассмотрению доказательств, к допросу свидетелей. Обвинитель представлял суду своих свидетелей, обвиняемый — своих. В некоторое отступление от чисто обвинительного принципа суд также имел право вызвать свидетелей, чьи показания он считал полезными для дела. Каждая сторона имела право оспаривать показания свидетелей противной стороны. По исчерпании всех доказательств и заключительных слов сторон суд постановлял приговор.

Важнейшими составными частями феодального обвинительного процесса были судебный поединок и ордалии.

Судебный поединок заключался в том, что обвинитель (потерпевший) и обвиняемый разрешали свой спор путем физической борьбы с оружием в руках перед лицом суда, и выигрывала дело победившая сторона. При победе обвинителя обвиняемый признавался виновным и к нему применялось наказание;

при победе обвиняемого он освобождался от ответственности, и наказание падало на обвинителя. Ордалии означали «суд божий» и заключались в том, что обвиняемый подвергался испытаниям огнем, железом, водой и т. п. (например должен был пронести в руках кусок раскаленного железа) и если не выдерживал этого испытания, признавался виновным; иногда такому испытанию подвергался обвинитель в подтверждение выдвинутого им обвинения.

Аналогичные формы процесса имели место и в старом русском праве периода удельных княжеств (судебный поединок носил название «поля»).

Обвинительный процесс эпохи раннего феодализма и со стороны своего содержания и со стороны формы представлял собою совершенно иной процесс, чем обвинительный процесс рабовладельческих Афин или Рима. Обе эти формы процесса носят общее название обвинительного процесса только в силу одной общей им черты: процесс начинается и движется инициативой обвинителя, а суд решает спор между ним и обвиняемым. Важно отметить и такое обстоятельство: в обвинительном процессе периода раннего феодализма суд, как правило, не входил в существо дела и разрешал его на основании доказательств, не связанных с существом дела, так как разрешение дела зависело от различных обстоятельств, существу дела посторонних, — исход поединка сторон, результат испытания той или иной стороны и т. д. В обвинительном же процессе античной эпохи (Греция, Рим) суд должен был разбираться по существу в показаниях свидетелей, в представленных сторонами документах и т. д.

В частности, иной была и роль свидетелей в обвинительном процессе периода феодализма: свидетель в нем выступал главным образом в виде так называемого «соприсяжника», который не давал своих показаний по существу, а только подкреплял под присягой утверждения той стороны, которая его выставила.

Свои корни система обвинительного процесса феодальной эпохи имела в самом социальном строе феодального общества. Централизованное государство отсутствовало, общество делилось на множество самостоятельных феодальных владений различных рангов, связанных между собой сложными взаимоотношениями и договорными условиями по принципу верховенства сильнейшего (в военном и экономическом отношении) над более слабым. Судьей по уголовным делам являлся феодал, который и разбирал тяжбы между подвластными ему землевладельцами (вассалами). Раздробленность феодального государства, отсутствие или слабость центральной власти обусловливали именно эту форму уголовного процесса: обидчик и обиженный, обвинитель (потерпевший) и обвиняемый вели между собой спор — каждый из них доказывал свою правоту, собирал доказательства и т. д. И процесс сводился к публичному состязанию перед судом феодала. Но эта форма процесса касалась лишь свободных

землевладельцев (так называемый «суд равных», т. е. суд, в котором судьи в классово-сословном отношении были равны обвиняемому). В отношении крепостных крестьян не существовало обвинительного процесса и при обвинении их в каком-либо преступлении с ними непосредственно расправлялся их господин без особой судебной процедуры.

Следует добавить, что в этот период судьей был сам феодал или его уполномоченный. Осуществление суда для этого феодала было «доходной статьей», так как от каждого рассмотренного дела феодал-судья получал определенный доход в виде судебных пошлин и штрафов. Следовательно, феодал-судья был материально заинтересован в рассматриваемом им судебном деле.

§ 3. Розыскной (инквизиционный) процесс

На смену обвинительному процессу пришел розыскной, или инквизиционный процесс.

По своему построению он является прямой противоположностью обвинительному процессу. В розыскном процессе вообще не существовало сторон. Функции обвинения и защиты были слиты в руках суда. Обвиняемый не имел почти никаких прав на участие в процессе и рассматривался лишь как объект исследования; потерпевший же являлся лишь жалобщиком. Раскрытие и расследование преступлений лежало на самом суде как органе государственной власти, который направлял исследование дела, как находил нужным. Розыскной процесс — процесс тайный (проходил не публично, в стенах судейских канцелярий) и письменный (суд решал дело по письменным материалам, протоколам допросов и актам, а не на основе непосредственного, живого допроса обвиняемого и свидетеля).

С розыскным процессом непосредственно связано применение к обвиняемому пытки в целях получения его сознания; иногда пытка применялась и к свидетелям.

Пытка рассматривалась как способ получить у допрашиваемого показания относительно тех или иных фактов.

Эта форма процесса возникла в средние века, в период абсолютизма.

Розыскная (инквизиционная) форма процесса первоначально возникла в каноническом (церковном) праве и получила наиболее широкое распространение в церковных судах (особенно по делам об ересях). Оттуда эта форма была перенесена и в светские суды и распространилась на дела о всех преступлениях.

Ее появление связано с развитием капиталистических отношений в феодальном обществе, усилением королевской власти и созданием централизованного, бюрократическо-полицейского государства. Это дворянское, помещичье, абсолютистское государство своей регулирующей деятельностью охватывало все обла-

сти общественной жизни, уничтожая самодеятельность отдельных лиц и их объединений.

В области деятельности суда этот политический строй повлек за собой уничтожение самодеятельности сторон с переложением их функций на самый суд. Розыскной процесс был неприкрытой формой господства дворянства в отношении класса крепостного крестьянства и рабочих-ремесленников, владевших средствами производства; крестьянин еще не был откреплен от земли, а рабочий — от средств производства, и отнятие у них продукта их труда могло быть произведено только путем непосредственного насилия, «внеэкономического принуждения». Именно против этого класса — обезземеливаемого крестьянства, из которого вербовались массы «лихих людей», под влиянием необходимости становившихся на путь бродяжничества, нищенства, разбоя, было направлено острие розыскного процесса со всей его системой тайного и бюрократическо-канцелярского производства, лишением обвиняемого права на защиту, пытки и т. п. Это — период первоначального накопления со всеми его кровавыми террористическими чертами; одной из них и был инквизиционный процесс [1].

Исторически розыскной процесс не сразу сменил обвинительный, в известные периоды они существовали совместно и параллельно. Элементы розыскного процесса в Западной Европе стали появляться уже в XIII в., когда господствовала обвинительная форма. В это время начинает появляться так называемый розыск (или дознание), производившийся по инициативе агентов королевской власти: это — расследование, производимое должностным лицом в розыскной форме. Характерно, что этому дознанию знатные дворяне подвергались только тогда, когда они сами на это соглашались, в случае же несогласия знатного обвиняемого процесс проводился в обычной обвинительной форме. В отношении же простолюдинов (вилланов) дознание производилось вне всякой зависимости от их согласия или несогласия.

Во Франции инквизиционный процесс в развернутой форме установился в XVI в., полностью вытеснив обвинительный процесс. Законченное законодательное выражение эта форма процесса нашла в ордонансе (указе) Людовика XIV в 1670 г.

Типичная форма инквизиционного процесса строилась таким образом. Весь процесс представлял собою сплошное предварительное следствие. Судебное рассмотрение и вынесение приговора по существу представляло собой придаток к предварительному следствию, так как суд выносил приговор на основании только письменных материалов предварительного следствия, часто даже не видя обвиняемого. Само же предварительное следствие представляло длинную и сложную цепь следственных действий, направленных на изобличение обвиняемого, почти полностью лишенного возможности защищаться от обвинения, существа которого он, как правило, и не знал.

---

[1] См. Маркс, Капитал, т. I, 1936, стр. 612 — 639.

Предварительное следствие делилось на генеральное (или общее) и специальное.

Генеральное предварительное следствие представляло собою особое расследование или дознание, которое почти не было связано процессуальными формами, и обвиняемый фигурировал на нем в качестве заподозренного лица, даже не зная конкретно, в чем он обвиняется. Допрашивался же он в порядке так называемого суммарного допроса, т. е. без предъявления ему обвинения. Эта стадия в процессе и была главной. Специальное предварительное следствие представляло собою дальнейшую стадию — здесь уже фигурировал обвиняемый, которому предъявлялось обвинение и производился его «допрос по пунктам», т. е. по существу тех фактов, которые ему инкриминировались. На всем протяжении следствия к обвиняемому могла применяться в целях получения у него признания пытка и по нескольку раз. Обвиняемый не мог отказываться от дачи показаний, даже когда применение пытки формально было отменено (в конце XVIII и начале XIX вв., фактически она продолжала применяться и позднее). Обвиняемый, отказывавшийся давать показания или дававший ложные показания, подвергался помимо наказания за основное преступление, в котором он обвинялся, наказанию «за ложь и непокорность».

По окончании предварительного следствия дело разрешалось судом. Суд, как правило, решал дело на основании письменных материалов следствия, вернее на основании специальной докладной записки, в которой эти материалы суммировались и делались из них выписки. Свидетелей суд не допрашивал, судебного следствия не проводил и лишь в очень ограниченном числе случаев допрашивал обвиняемого, обычно же выносил приговор, не видя обвиняемого. Пытка, применявшаяся на предварительном следствии с тем, чтобы путем мучительства вырвать у обвиняемого признание своей виновности, могла применяться и после осуждения — перед приведением приговора в исполнение.

Неотъемлемой составной частью инквизиционного процесса являлась так называемая теория формальных доказательств (о ней см. стр. 100). Террористический характер инквизиционного процесса и бесправное положение в нем обвиняемого выражались также в том, что суд не был обязан во всех случаях окончательно решать вопрос о виновности обвиняемого: вместо обвинительного или оправдательного приговора суд мог вынести приговор об оставлении обвиняемого в подозрении. Это так называемое absolutio ab instantia, т. е. освобождение от суда, представляло собой не освобождение обвиняемого от ответственности, а оставление вопроса о виновности открытым. Обвиняемый с висящим над ним обвинением мог пребывать в таком состоянии длительное время, иногда всю жизнь, подвергаясь вместе с тем различным ограничениям прав, а при обвинении в наиболее тяжких преступлениях — также и лишению свободы.

В старом русском праве мы точно так же наблюдаем постепенное проникновение розыскных форм процесса и вытеснение ими обвинительного процесса. В XVI и XVII вв. они существовали одновременно, причем в XVI в. преобладала обвинительная форма, а в XVII в. — розыскная; в XVIII веке розыскной процесс вытеснил обвинительный полностью.

Старые русские правовые памятники говорят «о суде и сыске», т. е. об обвинительной и розыскной формах процесса. В «Судебнике» Ивана Грозного (1550 г.) регламентируется в основном обвинительная форма процесса («суд»), но вместе с тем устанавливаются и розыскные, инквизиционные формы («сыск» или «розыск»).

Розыскная форма устанавливалась в отношении «лихих людей», по делам о разбое, о краже с поличным, об убийствах и некоторых других преступлениях. Устанавливался так называемый «повальный обыск», т. е. опрос жителей места, где проживал обвиняемый, о его репутации. Если этим опросом устанавливалось, что обвиняемый — «лихой человек», дело проводилось розыскным процессом, а если устанавливалась «добрая слава» обвиняемого, применялась обвинительная форма.

В «Уложении царя Алексея Михайловича» (XVII в.) розыскная форма уже вытесняла обвинительную. Не только уголовное дело, но и любое гражданское дело могло проводиться в формах розыскного процесса. В основном розыскная форма применялась по делам о преступлениях, представлявшихся наиболее опасными для существующего феодально-помещичьего строя, в отношении «лихих людей», по делам, связанным с владением землей и крепостными («о делах холопьих и вотчинных»).

«Воинский устав» Петра I для дел, производящихся в военных судах, установил законченную розыскную форму, а «Указ о форме суда» 1723 г. эту форму распространил на все дела и все судебные инстанции. Характерно постановление петровского законодательства о применении пытки: «Людей твердых, бесстыдных и худых пытают сильнее, а тех, которые деликатного тела, и честных людей — легче». И далее: «Когда свидетель в больших и важных гражданских делах обробеет или смутится, или в лице изменится, то пытан бывает».

В России инквизиционный процесс просуществовал до судебной реформы 1864 г. Применение пытки формально было отменено в 1801 г., фактически же она продолжала применяться почти до самой судебной реформы.

§ 4. Уголовный процесс в период Французской буржуазной революции 1789 г.

С развитием капиталистических отношений в недрах феодального общества восходящий класс буржуазии выступил с политической программой борьбы с абсолютизмом для ограничения власти феодалов в области государственного управления. В об-

ласти организации и деятельности суда буржуазия выдвигала замену чиновничьих судов абсолютистского государства судами присяжных, т. е. судами, к участию в которых привлекались представители общества, народа и инквизиционного тайного и письменного уголовного процесса — процессом состязательным, в котором обвиняемый имел бы процессуальные права стороны и который проводился бы гласно и устно.

После победы Французской буржуазной революции и установления власти Учредительного собрания, вместе с политической формой абсолютизма был уничтожен и розыскной процесс и установлен в основных чертах смешанный тип процесса (см. ниже). В основу уголовного процесса были положены буржуазно-демократические принципы, формальные гарантии прав обвиняемого в противовес его бесправному положению в инквизиционном процессе. Знаменитая «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г., вошедшая в состав Конституции 1791 г. в качестве ее вводной части, устанавливает принцип: «Никто не может быть обвинен, задержан или заключен иначе, как в случаях, определенных законом, и по предписанным им формам» (ст. 7); тут же делается оговорка, что гражданин все же не может оказывать сопротивления произвольному распоряжению, — «право на сопротивление» было признано позднее, в законодательстве Конвента. Ст. 9 Декларации устанавливала так называемую «презумпцию невиновности»; эта статья гласит: «Так как каждый человек предполагается невинным, пока его не объявят виновным, то в случае необходимости его ареста всякая строгость, которая не является необходимой для обеспечения (за судом) его личности, должна быть строго караема законом».

Таким образом, презумпция невиновности заключалась в предположении, что привлеченное лицо считается невиновным, пока положительно не доказана и не признана его виновность судом, т. е. пока привлеченное лицо не осуждено судом. Это положение существенно отличалось от принципа инквизиционного уголовного процесса, в котором, наоборот, всякий обвиняемый предполагался виновным, и даже при недостаточности улик обвинение могло не быть снято и в этом случае оставалось лежать на обвиняемом в форме оставления в подозрении.

В вопросе о самом построении уголовного процесса имеют основное значение временный закон 8—9 октября 1789 г. и закон 16 сентября 1791 г. Временный закон 8—9 октября 1789 г. в основном сохранял порядок уголовного процесса, установленный ордонансом Людовика XIV 1670 г., т. е. форму инквизиционного процесса, но ввел гласность процесса и участие защитника. Закон 16 сентября 1791 г., принятый Учредительным собранием непосредственно вслед за конституцией 1791 г., был озаглавлен как закон «О полиции безопасности, об уголовном правосудии и учреждении жюри». Этим законом вся система уголовного процесса была перестроена, и в основу процесса были положены принципы гласности, устности, состязательности и

свободной судебной оценки доказательств. Розыскные элементы в этом процессе были представлены в очень малой степени — принцип состязательности применялся и в стадии предварительного следствия. Вообще процессуальное законодательство в первые годы Французской революции находилось под сильным влиянием английских образцов [1]. Последующее законодательство (при Наполеоне I) внесло существенные изменения в это построение уголовного процесса в направлении ограничения принципа состязательности, который полностью был устранен из предварительного следствия и предания суду, вследствие чего процесс получил характер смешанного процесса (о французском уголовном процессе см. дальше).

Из эпохи Французской буржуазной революции особый интерес для нас представляет законодательство более позднего периода — законы Конвента о революционных трибуналах, в которых иначе ставились вопросы и формулировались задачи уголовного процесса в отношении контрреволюционеров, врагов народа.

По мере развития революции, когда крупная буржуазия пыталась затормозить ее поступательное движение, а затем перешла в лагерь контрреволюции и власть фактически (а потом и формально) перешла в руки партии революционной мелкой буржуазии (якобинцев), в обстановке обостренной классовой борьбы, восстаний и интервенции состязательная форма уголовного процесса уже не отвечала задачам решительной и беспощадной борьбы с врагами революции.

Наряду с общими судами были созданы революционные трибуналы, имевшие своей целью борьбу с контрреволюцией (декрет Конвента 9 марта 1793 г.). Этот исключительный суд по делам о политических преступлениях в основном отличался от общих судов как суровостью репрессии (право применять смертную казнь), так и упрощенными формами процесса. Фактически упрощение процесса первоначально свелось к отмене права обжалования приговоров трибунала (декрет Конвента 10 марта 1793 г.). В таком виде революционный трибунал не сыграл роли действительного орудия борьбы с политическими преступлениями, и декрет Конвента 29 октября 1793 г. предоставил трибуналу право прекращать судебное следствие и выносить приговоры, если после трехдневного судебного следствия присяжные признают дело ясным (этот закон был принят в связи с затяжкой в рассмотрении дела о жирондистах, преданных суду революционного трибунала).

10 июня 1794 г. в Конвенте вновь стал вопрос о реорганизации процессуальной формы революционного трибунала. Докладчик от Комитета общественного спасения изложил определенную

---

[1] См. Н. Полянский, Судебное законодательство учредительного и законодательного собраний в эпоху первой французской революции (1789—1792 гг.), журнал «Сов. государство и право», 1939, № 5.

точку зрения о необходимости двух систем процесса: для обычных преступлений, непосредственно посягающих на интересы отдельных лиц, необходим процесс, предоставляющий обвиняемым ряд прав и гарантий; для преступлений же контрреволюционеров, «врагов народа», формальности излишни и даже вредны для общества; «наказание врагов родины должно следовать немедленно за их обнаружением; речь идет не столько об их наказании, сколько об их уничтожении».

Принятым 10 июня 1794 г. декретом Конвента процесс в революционных трибуналах устанавливался в следующем виде: 1) предварительное следствие отменяется, обвиняемый допрашивается сразу же на суде; 2) «доказательством, необходимым для вынесения приговоров над врагами народа, является всякая вещественная или моральная улика в устной или письменной форме, которая может служить достаточным основанием для всякого справедливого, разумного гражданина; единственным руководством для вынесения приговора должна быть совесть присяжных, проникнутых любовью к родине; их целью является торжество республики и гибель ее врагов. Формами судопроизводства являются те простые способы, которые подсказываются присяжным их здравым смыслом для выяснения истины по установленным законом правилам» (ст. 8); 3) «если налицо имеются моральные или вещественные доказательства вне зависимости от свидетельских показаний, то свидетели не заслушиваются, если только соблюдение этой формальности не окажется необходимым для обнаружения виновных или по каким-либо другим важным соображениям общественного характера» (ст. 13); 4) показания даются только публично, кроме случаев, когда свидетели не могут явиться в трибунал; 5) «в качестве защитников для оклеветанных патриотов закон дает присяжных-патриотов, заговорщикам же закон не дает никаких защитников» (ст. 16). Смысл этого последнего положения — отмена участия защиты в трибунале: невиновного человека, ошибочно преданного суду трибунала, будут защищать сами судьи, которые отвергнут обвинение и оправдают обвиняемого, а виновному защитник не полагается, следовательно формального защитника не будет ни в том, ни в другом случае.

Классово-политическое содержание этого процесса выражено совершенно ясно: процесс в революционных трибуналах был орудием в руках бедноты и мелкой буржуазии в ее борьбе с феодальной реакцией и с контрреволюционными вылазками крупной буржуазии. Революционный трибунал Французской буржуазной революции был органом этой борьбы, был орудием наиболее революционных слоев буржуазии, и его процессуальная форма соответствовала содержанию его классово-политической деятельности [1].

---

[1] См. Н. Полянский, Судебное законодательство конвента, «Сов. гос. и право» 1940 г. № 1.

Для буржуазных историков и юристов революционный трибунал был проявлением только насилия и произвола, процессуальные формы трибунала — нарушением всех и всяческих человеческих прав.

Виднейший французский процессуалист Гарро писал в своем «Курсе уголовного процесса»: «Во время своего краткого существования, с одной стороны, режим революционных трибуналов и их процесса создал наряду с общим правом состояние ненавистного исключения; с другой стороны, самый ход обыкновенного процесса был испорчен невероятным произволом, который царил везде»[1]. Оценка — вполне понятная в устах буржуазного ученого: в ней сказывается вообще отношение буржуазии к революции, которая может потрясти основы ее существования, вследствие чего буржуазия спешит отмежеваться от революционных эпизодов своего собственного исторического прошлого.

С разгромом якобинцев эта процессуальная форма была использована термидорианской реакцией против революционных элементов и вскоре была отменена.

В период господства термидорианцев (при директории) для подавления восставших рабочих, для расправы с оставшимися в Конвенте якобинцами, термидорианцы относительно редко прибегали к суду, а осуществляли террор различными несудебными способами, главным образом при помощи так называемой «военной комиссии», с судом имевшей мало общего[2].

После того как господство промышленной буржуазии было закреплено при Наполеоне I, буржуазный процесс принял смешанную (состязательно-розыскную) форму, являющуюся сейчас основной формой уголовного процесса буржуазного государства.

§ 5. Смешанный процесс

С окончательной победой буржуазии, уничтожившей феодальные крепостнические отношения, и с установлением буржуазных форм государства изменилась и форма уголовного процесса. Буржуазная формальная демократия, устанавливая формальное равенство всех граждан перед законом и различные формальные гарантии прав личности (свобода слова, собраний и т. п.), в своей основе имела развязывание производительных сил буржуазного общества, обеспечение потребностей свободного товарооборота. По мере развития и обострения классовой борьбы буржуазии и пролетариата формальная демократия стала играть роль маскировки действительных отношений господства и подчинения, эксплоатации рабочего класса, прикрывая формальным равенством фактическое экономическое неравенство.

---

[1] Garraud, Traité théorique et pratique d'instruction criminelle et de procédure pénale, 1907, т. I, стр. 82.

[2] Об этом см. данные в интереснейшей работе Е. Тарле, Прериаль и Жерминаль, 1938.

Розыскная форма процесса, проводившая незамаскированное классовое насилие и внеэкономическое принуждение, оказалась непригодною в новых условиях, где формальное равенство прав всех граждан прикрывало положение, при котором фактическая возможность пользования этими правами сохранялась лишь за имущим, эксплоататорским меньшинством. Буржуазный процесс принял состязательную форму: обвиняемый из объекта исследования, каким он был в розыскном процессе, обратился в субъекта процессуальных прав, пользуясь которыми он мог принимать активное участие в процессе, оспаривая предъявленное ему обвинение; функция обвинения отделилась от суда, обвинитель и обвиняемый стали сторонами в процессе, спор между которыми решает суд. Как видим, здесь имело место частичное возрождение формы обвинительного процесса, но с совершенно иным социальным содержанием и на иной классовой основе.

Основа и существо буржуазного уголовного процесса — те же, что и всей системы буржуазной формальной демократии, т. е. гарантия отношений товаропроизводящего общества с его свободной конкуренцией и маскировка классовой юстиции буржуазного государства, скрывающая под формой состязания равноправных процессуальных субъектов (обвинитель и обвиняемый) перед лицом «беспристрастного» суда фактическую роль суда как орудия классового принуждения и расправы с нарушителями отношений буржуазного общества. Но эта состязательная форма в буржуазном процессе не получает последовательного осуществления. Буржуазное государство — это мощная централизованная организация классового подавления, и для обеспечения охраны классового правопорядка от посягательства на него чисто состязательная форма уголовного процесса не является в полной мере пригодным средством. Вследствие этого в буржуазном уголовном процессе мы наблюдаем раздвоение процессуальной формы, расчленение уголовного процесса на две основные стадии, построенные на различных принципах: предварительное следствие, построенное по розыскному типу (где обвиняемый является не стороной, а лишь объектом исследования), проводимое единоличным усмотрением следователя, и состязательное судебное рассмотрение, где обвиняемый и обвинитель выступают как стороны. Правда, элементы состязательности проникают и в предварительное следствие (например частичное допущение защиты), но и судебное рассмотрение не вполне состязательно, так как суд не является пассивным зрителем состязания, а активно руководит ходом судебного следствия (особенно во французском процессе).

Расцвет этой формы процесса относится к периоду расцвета капитализма (от Французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны). Но в период упадка капитализма, с переходом к империализму, эта форма начинает расшатываться, хотя внешне (в законодательстве) она существенным изменениям не подвергается, а в отдельных случаях

допускает даже некоторые зигзаги в сторону либерализма (например французский закон 1897 г., внесший некоторые элементы состязательности на предварительном следствии допущением в эту стадию процесса защиты). В особенности же в этот период имеют место распространение внесудебных форм репрессии (например при расправе с парижскими коммунарами) и исключительных (военных) судов с их упрощенными, урезанными формами процесса, поход на суд присяжных и тому подобные явления.

Таким образом, классическая форма буржуазного процесса — состязательная форма. Однако она не является полным воспроизведением обвинительного процесса, так как руководящая и активная роль во всех стадиях процесса принадлежит органу государственной власти: на предварительном следствии — следственному судье, действующему под контролем прокурора, на судебном рассмотрении — суду. Но все же это в основном состязательная форма: состязательный процесс судебного рассмотрения, система процессуальных прав обвиняемого во всех стадиях процесса. Эта состязательная форма и является основной, характерной чертой классического буржуазного уголовного процесса.

Состязательная форма, состязательный принцип буржуазного процесса, представляет собою не что иное, как существенную составную часть всей системы буржуазной демократии с ее буржуазно-демократическими свободами. Процессуальные права и гарантии сторон, устность и гласность процесса являются преломлением в деятельности буржуазного суда тех конституционных гарантий и свобод, которые составляют специфическую черту буржуазно-демократических форм государственного управления. Эти процессуальные гарантии так же лицемерны, так же имеют в своей основе охрану классовых интересов буржуазии, как и вся буржуазная демократия в целом.

Тем не менее эта состязательная форма буржуазного процесса представляет собою прогрессивное явление по сравнению с инквизиционным процессом средневекового абсолютизма в той же мере, в какой прогрессивным явлением была сама буржуазная демократия. При всей своей лицемерности и ограниченности буржуазно-демократическая процессуальная форма представляет известные гарантии сторонам и основывается на таких принципах, как устность, гласность, непосредственность и состязательность процесса. Именно благодаря этому в известных пределах она может быть используема и пролетариатом в буржуазном государстве в случаях, когда пролетарии, трудящиеся, революционеры принуждены защищаться перед судом от тех или иных обвинений. Именно поэтому сейчас в капиталистических странах эта буржуазно-демократическая форма смешанного процесса бесцеремонно ломается и уничтожается, как и все проявления буржуазной демократии.

Б. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ ГОСУДАРСТВ

§ 1. Французский уголовный процесс

Классическая форма буржуазного уголовного процесса нашла свое наиболее яркое выражение во французском уголовно-процессуальном кодексе, изданном в 1808 г. при Наполеоне I. Этот кодекс продолжает действовать во Франции и сейчас и является старейшим буржуазным уголовно-процессуальным кодексом. Разумеется, за 130 с лишним лет своего существования он подвергся многим изменениям и дополнениям.

Основная черта французского уголовного процесса — это его явно выраженный публичный характер, это — широкие полномочия органов уголовного преследования и суда в процессе. Этот авторитарный характер французского уголовного процесса сочетается с широким использованием состязательной формы, причем принцип состязательности и свободы деятельности сторон в ряде случаев существенно урезывается в пользу публичного начала официальной деятельности органов следствия и суда. В течение почти всего XIX века предварительное следствие отличалось ярко выраженным розыскным характером. Обвиняемый на предварительном следствии по своему процессуальному положению был очень близок к тому объекту исследования, каким он был в системе инквизиционного процесса. Гарро был вполне прав, когда в своем «Курсе уголовного процесса» (издание 1907 г.) писал, что уголовно-процессуальный кодекс 1808 г. соединяет в себе ордонанс 1670 г. (см. стр. 39) и закон 1791 г., установивший состязательную форму судебного рассмотрения [1].

Закон 8 декабря 1897 г. ввел в известных пределах состязательное начало в предварительное следствие и расширил процессуальные права обвиняемого в этой стадии процесса. Этим законом была установлена обязательность допроса обвиняемого следственным судьей не позднее 24 часов по аресте обвиняемого; далее установлено, что следственный судья при первом же появлении у него обвиняемого знакомит последнего с фактами, которые вменяются ему в вину, и выслушивает его объяснения, предупредив его, что он имеет право никаких объяснений не давать. С этого же момента обвиняемый получает защитника, который свободно общается с обвиняемым, присутствует при допросах обвиняемого, но в ведении самого следствия участия не принимает. Закон 22 марта 1921 г. предоставил аналогичные гарантии потерпевшему — гражданскому истцу, который также может избрать себе защитника и в этом случае допрашивается на следствии только в присутствии защитника.

Но и при наличии этих изменений французский уголовный

---

[1] Garraud, Указанное сочинение, стр. 92.

процесс продолжал характеризоваться огромной ролью в производстве по уголовным делам органов уголовного преследования, именно так называемой судебной полиции. Но помимо судебной полиции, т. е. специальных органов уголовного преследования, во французском уголовном процессе очень велико значение административных органов, общей полиции. Согласно ст. 10 Code d'instruction criminelle (уголовно-процессуальный кодекс), префекты департаментов (т. е. управляющие департаментами административные лица, чиновники) и префект парижской полиции могут самолично или через чинов судебной полиции предпринимать всякие действия, необходимые для раскрытия преступлений и изобличения виновных. Так, префекты имеют право производить обыски, аресты и иные следственные действия. Эта норма французского кодекса дает административным органам возможность широкого вмешательства в судопроизводство преимущественно по делам, имеющим политическое значение, и во многом парализует действие формально-процессуальных гарантий.

В последние годы во Франции было принято несколько очень существенных процессуальных законов.

Закон 5 марта 1932 г. реорганизовал процессуальный порядок вынесения приговоров в суде присяжных. Согласно этому закону, присяжные заседатели отдельно от коронных судей выносят вердикт по вопросу о виновности подсудимого, а затем, если вынесен обвинительный вердикт, совместно с коронными судьями решают вопрос о мере наказания. Таким образом, закон 5 марта 1932 г. по видимости расширил полномочия присяжных, устанавливая их участие в определении наказания, тогда как до этого присяжные решали только вопрос о виновности. Однако суть этого закона заключается не в расширении полномочий присяжных заседателей, а в подготовке к упразднению суда присяжных и его замене судом шеффенского типа. Сейчас, когда присяжные допущены к решению вопроса о наказании совместно с коронными судьями, остается только допустить коронных судей к решению вопроса о виновности совместно с присяжными, и суд присяжных превратится в суд шеффенов, характеризующийся подчинением заседателей (шеффенов) коронным судьям — чиновникам. Таким образом, закон 5 марта 1932 г. под прикрытием либеральной формы подготовляет реакционное мероприятие. Именно такой вывод сделал проект нового французского уголовно-процессуального кодекса, внесенный в парламент в 1939 г., но парламентом не рассмотренный: согласно этому проекту коронные судьи и присяжные заседатели в одной коллегии совместно решают вопросы виновности и наказания.

Не менее характерен закон 7 февраля 1933 г. «О гарантиях индивидуальной свободы». Этот закон ввел ряд ограничений в производство обысков и в применение заключения под стражу в качестве меры пресечения; право производства обысков и на-

ложения ареста на имущество предоставлено только следственному судье, чины же судебной полиции могут принять эти меры только в специальных, законом указанных случаях; сроки предварительного заключения ограничены и продление их по каждому делу свыше 15 суток возложено на суд.

Этот же закон отменил указанную выше ст. 10 французского уголовно-процессуального кодекса. Таким образом, закон 7 февраля 1933 г. носил ярко выраженный либеральный характер, усилив процессуальные гарантии и ограничив полномочия административно-полицейских органов в области уголовного преследования. Но закон этот, представлявший собою вынужденную и лицемерную уступку правящих кругов буржуазии широким народным массам, просуществовал очень недолго: законом 25 марта 1935 г. большинство этих процессуальных гарантий было отменено, а ст. 10 уголовно-процессуального кодекса вновь была восстановлена.

Дальнейшие изменения во французском уголовном процессе производились в том же направлении. Так, была ограничена компетенция суда присяжных по делам о нарушениях закона о свободе печати; расширена компетенция военных судов (декрет 17 июня 1938 г.); расширена возможность рассмотрения уголовных дел в отсутствии подсудимого (декрет 8 августа 1935 г.); ограничены процессуальные гарантии для обвиняемого при применении в виде меры пресечения заключения под стражу (декрет 15 ноября 1939 г.).

В основном неизменным остался порядок судебного разбирательства.

Судебное разбирательство построено на состязательном начале с участием сторон, но характерной чертой французского процесса в этой его стадии является громадная дискреционная (решающая в окончательном виде) власть председателя суда, который единолично и независимо от сторон и других членов суда определяет рамки и направление судебного следствия и принимает те меры (в отношении вызова свидетелей, производства розысков и т. д.), которые находит нужными. Соответствующие распоряжения дает председатель единолично без всякой мотивировки.

Все реакционные стороны французского уголовного процесса, его бюрократические полицейские черты крайне усилились с началом второй империалистической войны. Еще сохранявшиеся ранее демократические процессуальные формы (состязательность и др.) утратили всякое значение, и на первый план выступила непосредственно репрессивная, террористическая роль суда как органа не правосудия (хотя бы и буржуазного), а расправы. Это особенно проявилось в процессе по делу депутатов-коммунистов французского парламента, рассмотренному в парижском военном суде в апреле 1940 г. Грубые нарушения процессуальных норм, фальсификация процессуальных актов, закрытие дверей судебного заседания, отказы суда подсудимым в ходатайстве о вызо-

ве свидетелей и, наконец, необоснованный и беззаконный приговор, — все это показывает, во что во Франции превратились процессуальные принципы и институты [1].

§ 2. Английский уголовный процесс

Своеобразие исторического развития Англии повлекло за собой то, что в Англии не было того законченного типа абсолютистского государства и свойственного ему инквизиционного процесса, которые получили в XVII — XVIII вв. повсеместное распространение на континенте Европы, хотя и в Англии инквизиционные элементы в уголовном процессе, начиная с XVI в., получили достаточно широкое применение (главным образом в предварительном следствии). В особом суде для дел о мятежах и других тяжких преступлениях, носившем название «Звездной палаты» (Camera stellata), представлявшем отделение Тайного совета при короле (в XVI в.), существовал розыскной процесс, применялась пытка. Однако в целом английский уголовный процесс инквизиционной формы не принял, и в том виде, в каком он сложился в середине XIX в., он представляет собою процесс, построенный по типу обвинительного процесса. Такое построение английского уголовного процесса составляет его особенность, отличающую его от процессуальных систем континентальных государств.

Состязательное начало проводится через все стадии процесса. Состязательным является предварительное следствие, которое со стороны своей процессуальной формы резко отличается от французского предварительного следствия. В английском процессе предварительное следствие заключается, как и судебное следствие, в состязании сторон: обвинитель производит собирание доказательств и представляет их мировому или полицейскому судье, последний вызывает обвиняемого, предъявляет ему представленные обвинителем данные и предоставляет определенный срок для представления доказательств в свою защиту.

Все необходимые процессуальные действия (допросы свидетелей и т. д.) мировой судья производит по требованию сторон, обвинителя и обвиняемого. Судебное рассмотрение также построено по обвинительному типу. Судебное следствие делится на две части: первая находится в распоряжении обвинителя, который излагает свои доводы и представляет свои доказательства, вторая — в распоряжении защиты, которая излагает свои возражения против обвинения и представляет свои доказательства. Суд, как правило, не вмешивается в этот спор.

Характерной чертой всего английского права является его крайняя архаичность и консерватизм — действующими законами

---

[1] См. Н. Полянский, Судьба процессуальных гарантий личной свободы во Франции, «Сов. гос. и право», 1940 г. № 5—6.

признаются законы, изданные несколько столетий назад, в совершенно иной исторической обстановке и имевшие во время их издания совершенно иной смысл. В настоящее время, сохраняя формальную силу этих актов, английское право, естественно, придает им новое содержание и значение. Основой английского процессуального права попрежнему считаются знаменитые старинные законодательные акты — «Великая хартия вольностей» (Magna harta libertatum) 1215 г. и так называемый Habeas corpus-act 1679 г.

«Великая хартия вольностей» была законом, вырванным у короля Иоанна Безземельного баронами (феодалами) в результате их победы над первым. Статья 39 Хартии, изданной побежденным королем, гласит: «Ни один свободный человек не будет задержан, или заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен вне закона, или изгнан, или как-нибудь иначе обездолен, и мы (король) не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных ему и законам страны». Смысл этого положения заключается в установлении для феодалов гарантий от произвола королевской власти — феодал может подвергнуться лишению свободы и прав со стороны короля только по приговору феодалов же, равных обвиняемому по сословному положению. Сейчас в английском праве этому принципу придается иное значение, в духе буржуазной формальной демократии—как гарантии для всякого гражданина, который только по суду своих сограждан (присяжных) может подвергнуться стеснению его прав. Говоря о правах личности по английской конституции, Энгельс писал: «Последнее из этих прав личности есть право каждого быть судимым себе равными, но и это право есть привилегия богатых. Бедный не судится себе равными, но во всех случаях судим своими прирожденными врагами, ибо в Англии богатые и бедные находятся в открытой войне» [1].

Habeas corpus-act был издан королем Карлом II после окончания революции XVII в. и реставрации Стюартов. Habeas corpus-act означает приказ суда начальнику места заключения доставить заключенного в суд, который должен проверить законность заключения и, если дело возбуждено не о государственной измене или о другом тяжком уголовном преступлении, освободить заключенного под залог. Каждый гражданин имеет право требовать выдачи ему приказа Habeas corpus и проверки судом оснований его ареста. Этот акт, устанавливающий судебно-процессуальную форму контроля за применением арестов и предоставляющий арестованным гражданам право получить освобождение под залог, являлся законом чисто буржуазным: возвращая на престол короля изгнанной династии, английская буржуазия обеспечила для себя гарантию от произвольных действий королевских чиновников. Этот закон сейчас также рассматри-

[1] Энгельс, Английская конституция, Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 383.

вается как основная конституционная гарантия прав граждан. Его классовый бружуазный характер несомненен. Энгельс писал: «Право habeas corpus, т. е. право каждого обвиняемого (исключается случай государственной измены) до начала процесса быть выпущенным на свободу под залог, это хваленое право есть опять-таки привилегия богатых. Бедный не может представить залога и должен поэтому отправляться в тюрьму» [1].

Вся система английского уголовного процесса, последовательно проводящая состязательный принцип через все его стадии, не знает общеизвестного в буржуазном процессе порядка допроса обвиняемого.

Исходя из своеобразного старинного принципа: «никто не может быть обязан к самообвинению», английское процессуальное право не допускает допроса обвиняемого по существу предъявленного ему обвинения. На предварительном следствии мировой судья спрашивает обвиняемого, желает ли он дать свои объяснения, и при этом предупреждает его, что если он эти объяснения даст, они могут быть использованы против него на суде при рассмотрении дела по существу. На судебном следствии обвиняемому задается единственный вопрос — признает ли он себя виновным или нет. До 1898 г. обвиняемый вообще не мог быть допрашиваем на суде по существу дела. В 1898 г. было установлено положение, что обвиняемый в случае своего желания может быть допрошен в качестве свидетеля; в этом случае обвиняемый на время допроса переводится в разряд свидетелей, приводится к присяге и по существу своего обвинения допрашивается обвинителем и защитником как свидетель, а после этого возвращается в свое прежнее положение обвиняемого. В этом правиле очень наглядно проявляется отмеченное Энгельсом лицемерие английского права. Вся система английского процесса, так широко, как нигде, проводящего состязательность, есть чисто буржуазная система права, проникнутая классовыми интересами буржуазии. Энгельс писал про английский уголовный процесс: «Подсудимого следует всячески защитить, подсудимый свят и неприкосновенен, как король, и не может поступать неправильно, т. е. вообще ничего не может делать, и если что сделает, это будет недействительно» [2].

И далее: «Всякая защита обращается против того, кого хочет защитить; закон хочет защитить общество и вредит ему, ибо ясно, что всякий, кто слишком беден, чтобы противопоставить официальному крючкотворству такого же крючкотворца-защитника, будет иметь против себя все те формы, которые были созданы для его защиты. Кто слишком беден, чтобы выставить защитника или изрядное количество свидетелей, погиб, если дело его сколько-нибудь сомнительное. Он получает на предвари-

---

[1] Энгельс, Английская конституция, Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 382—383.

[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 384.

тельный просмотр только обвинительный акт и первоначально данные мировому судье показания и, следовательно, не знает в подробностях собранных против него улик (а это как раз для невинных опаснее всего); он должен тотчас же, по окончании обвинения, отвечать, говорить может только один раз; если он не исчерпает всего, если не достанет свидетеля, которого он считал нужным, — он погиб» [1].

Необходимо иметь также в виду, что при всей внешней демократичности своих форм английский уголовный процесс является процессом очень быстрым и эффективным. Именно это имел в виду тов. Г. К. Орджоникидзе, когда на XV съезде ВКП(б) говорил, что в качестве минимального требования, предъявляемого к нашему суду, следует выставить «...чтобы наш суд был хотя бы таким, каким является английский буржуазный суд по скорости производства судебных процессов...» [2].

§ 3. Германский уголовный процесс

В Германии формально сохраняет силу уголовно-процессуальный кодекс 1877 г., перередактированный в 1924 г. и построенный по типу смешанного процесса. Структура германского уголовного процесса в основном заимствована из французского уголовно-процессуального права. Деление процесса на предварительное следствие и судебное рассмотрение и построение того и другого проведено в основном по образцу французского уголовно-процессуального кодекса 1808 г. Однако на предварительном следствии при допросе обвиняемого не допускается присутствие защитника (как во Франции), на судебном же следствии председатель суда не имеет тех широких и дискреционных полномочий, которыми наделен председатель суда во французском процессе.

Роль прокурора на предварительном следствии более ограничена, чем во французском процессе; производство всех действий судебного порядка, вторгающихся в сферу личных прав граждан (арест, обыск и т. д.), может иметь место лишь по постановлению участкового судьи или следственного судьи. В отношении судебного следствия германский уголовно-процессуальный кодекс устанавливает ряд условий, ограничивающих возможность для суда пользоваться материалами предварительного следствия в целях того, чтобы суд выносил приговор лишь на основе непосредственно им воспринятых и устно обсужденных доказательств, прошедших на судебном следствии.

Свыше 30 лет назад в Германии началась работа по пересмотру уголовно-процессуального кодекса. В 1905 и 1908 гг. были опубликованы проекты нового уголовно-процессуального кодек-

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 385.
[2] XV съезд ВКП(б), Стенографический отчет, Партиздат, 1935.

са, которые в действие не вошли. В послевоенное время, в 1920 г., был опубликован новый проект, разработанный профессором Гольдшмидтом. Этот проект представлял собою крайнее выражение либерально-демократических буржуазных принципов, развиваемых известной частью буржуазных юристов-процессуалистов. Основная тенденция, проникающая этот проект, — последовательное устранение из процесса его инквизиционных элементов и развитие состязательных форм. Проект строит процесс на началах состязательности во всех процессуальных стадиях и находится под несомненным влиянием английских процессуальных принципов. Так например, устраняется предварительное следствие с тем, чтобы все действия по розыску проводила прокуратура при помощи полиции, обращаясь к участковому суду всякий раз, когда нужно закреплять какое-либо доказательство для суда, который будет разрешать дело по существу, а также тогда, когда нужно применить какую-либо меру, вторгающуюся в сферу личных прав гражданина (арест, обыск и т. п.). Защита допускается во всех стадиях процесса. На судебном следствии усиливаются процессуальные гарантии для сторон, в частности для обвиняемого. Проект 1920 г. в действие не вошел, а его либеральные установки вызвали возражения со стороны ряда реакционных юристов. Однако некоторое влияние на законодательство проект 1920 г. оказал. 27 декабря 1926 г. в Германии был принят закон, устанавливающий, что избрание в виде меры пресечения заключения под стражу на предварительном следствии по требованию обвиняемого должно производиться в порядке специального, устного, с участием обвиняемого, рассмотрения судом этого вопроса. Этим же законом расширены права обвиняемого на защиту, удлинен срок для приглашения защитника.

Дальнейшее развитие уголовно-процессуального права в Германии пошло отнюдь не в том направлении, которое намечал проект 1920 г. Оно характеризовалось резким сокращением процессуальных гарантий, ограничением состязательности и усилением репрессивной деятельности суда. Таковы законы или указы, изданные после прихода к власти национал-социалистов.

Законы 28 февраля и 28 июня 1935 г. крайне ограничили применение предварительного следствия, поставив его в зависимость от требования прокуратуры. Если прокуратура не требует предварительного следствия, по делу производится лишь дознание (прокурором и полицией). Оно не связано процессуальными формами, установленными уголовно-процессуальным кодексом, и обвиняемый (подозреваемый) процессуальными правами не пользуется. Дознание может применять любые принудительные меры к привлекаемым лицам и на его материалах строится судебное рассмотрение. Закон 28 июня 1935 г. предоставил суду право устанавливать по своему усмотрению объем судебного следствия, принимать или устранять из рассмотрения те или иные доказательства независимо от соображений сторон. Этим же законом введено применение аналогии при установлении наказуемо-

сти деяния в совершенно безграничных размерах. Этот закон обязывает прокуратуру привлекать к уголовной ответственности за действия, которые заслуживают наказания «согласно здоровому народному чувству», хотя по уголовному кодексу такие действия ненаказуемы. Руководящая роль в таком определении «народного чувства» применительно к каждому отдельному делу принадлежит прокурору. Закон 24 апреля 1934 г. отменил для всех дел установленный законом 27 декабря 1926 г. порядок применения ареста на основе устного судебного разбирательства при участии обвиняемого, предоставив неограниченное право ареста прокуратуре и полиции.

Наибольшие изменения были внесены в германский уголовный процесс указом 1 сентября 1939 г. «О мероприятиях в области судоустройства и отправления правосудия». Указ сильно упрощает и сокращает судоустройство и процесс, исходя из тех соображений, что во время войны необходимо беречь силы и проводить экономию во всех областях государственной деятельности, в том числе и юстиции [1]. Указ упразднил суд шеффенов и вообще устранил из судоустройства и процесса заседателей (кроме «народного суда», о котором см. ниже), установил во всех судебных инстанциях рассмотрение дел только коронными судьями, причем сильно расширена единоличная компетенция судьи. Расширена компетенция исключительных судов. Ограничен круг случаев обязательного участия защитника, причем во всех остальных случаях, когда обязательное участие защитника не предусмотрено, защитник назначается только по усмотрению председателя суда, если последний считает участие защитника необходимым в виду тяжести преступления или сложности дела.

Суду предоставлено право по своему свободному усмотрению (freies Ermessen) отклонять ходатайства сторон о рассмотрении доказательств. Внесены ограничения в обжалование приговоров.

Наряду с общими судами в Германии действуют исключительные суды (Sondergerichte) для рассмотрения дел о политических преступлениях и всяких иных, которые представляют опасность для общественного порядка. Процессуальный порядок в этих судах крайне упрощен: предварительное следствие отменено и заменяется прокурорско-полицейским дознанием, судебное следствие может быть по усмотрению суда сжато до любых пределов, свидетели, как правило, не вызываются, приговор не подлежит обжалованию и приводится в исполнение немедленно.

Особое место в германской судебной системе занимает «народный суд» (Volksgerichtshof), учрежденный законом 22 марта 1934 г. и предназначенный для рассмотрения наиболее важных политических дел. «Народный суд» действует по общим про-

---

[1] Освещение указа 1 сентября 1939 г. см. в статье Государственного секретаря имперского министерства юстиции Роланда Фрейслера — «Указ об упрощении как средство усиления репрессивности правосудия и его место в обновлении уголовного судопроизводства» (Deutsche Justiz, 22 September 1939 г. № 39).

цессуальным законам, но министру юстиции предоставлено полномочие по своему усмотрению вносить любые изменения в порядке судопроизводства для дел, рассматриваемых в «народном суде», т. е. устанавливать отступления от общих процессуальных норм.

§ 4. Итальянский уголовный процесс

В Италии до 1931 г. действовал уголовно-процессуальный кодекс, изданный 27 февраля 1913 г. и вступивший в действие с 1 января 1914 г. По сравнению с действовавшим до него уголовно-процессуальным кодексом 1865 г. кодекс 1913 г. был проникнут стремлением обеспечить большую активность суда и прокуратуры в деле преследования преступлений и в известной мере суживал процессуальные права сторон, в этом отношении ограничивая буржуазно-демократические формы и институты в процессе (гласность, состязательность). Но в целом кодекс 1913 г. был построен по обычному типу буржуазного смешанного процесса. Этот кодекс формально продолжал действовать и по приходе фашизма к власти, но ряд специальных законов устанавливал ограничение состязательных форм процесса по делам, имеющим политическое значение. Таков, например, закон «о защите государства» 1926 г.

В 1930 г. был утвержден новый уголовно-процессуальный кодекс, введенный в действие с 1 июля 1931 г. Это — целиком фашистский кодекс, неуклонно проводящий ограничение и сведение на-нет прав обвиняемых на защиту, развязывающий руки суду и прокуратуре от всяких правовых сдержек.

Этот отказ от буржуазно-демократических процессуальных форм проникает весь фашистский итальянский уголовно-процессуальный кодекс от начала до конца. Кодекс составлен бывшим министром юстиции Рокко, который в своей объяснительной записке к проекту дал всю квинт-эссенцию фашистских установок в вопросах уголовного процесса. Рокко исходит из того, что в фашистском государстве не все без различия граждане могут рассматриваться как «носители прав человека и гражданина». Признание всех граждан носителями этих прав, по мнению Рокко, было одной из основных ошибок демократического индивидуализма. В фашистском же государстве тот, кто нарушает правопорядок данного государства, не может пользоваться теми гарантиями, которые предоставлены лицам, живущим в согласии с правопорядком. Таким образом, автор итальянского уголовно-процессуального кодекса устанавливает особую процессуальную «неполноценность» граждан, которые, по выражению Рокко, по собственной воле ставят себя вне правового порядка данного государства. Общая линия кодекса направлена на ограничение процессуальных прав обвиняемого, лишение его средств защиты, сужение таких принципов процесса, как устность и гласность.

Кодекс не знает, например, такого принципа процесса, как «презумпция невиновности», заключающаяся в том, что всякий считается невиновным, пока положительно не доказана его виновность. Про эту презумпцию невиновности в объяснительной записке Рокко сказано, что «она представляет собою странность, связанную со старыми понятиями, которые коренятся в принципах Французской революции». Смысл этого утверждения ясен: каждый привлеченный заранее считается виновным, если ему не удастся доказать свою невиновность.

С этим положением связано определение понятия обвиняемого. Согласно ст. 78, «обвиняемым признается тот, кто хотя бы и без постановления судебной власти представлен под стражей в ее распоряжение, или тот, кому в форме какого бы то ни было акта производства приписано преступление». Это значит, что любой человек, по любому основанию (и без всяких оснований) может рассматриваться как обвиняемый со всеми вытекающими для него как обвиняемого последствиями; не требуется ни постановления судебно-следственных органов о привлечении кого-либо в качестве обвиняемого, ни вообще какого-либо обоснования и оформления привлечения обвиняемого: достаточно его арестовать или «приписать» ему преступление.

Участие защиты на предварительном следствии, ранее допускавшееся, уголовно-процессуальный кодекс 1931 г. устраняет. По этому поводу в объяснительной записке к кодексу Рокко писал: «Гарантии со стороны следственного судьи делают излишними гарантии со стороны защитника». Это значит, что на предварительном следствии гарантии для обвиняемых зависят целиком от усмотрения следственного судьи (следователя), т. е. что для обвиняемого вообще никаких гарантий не существует. Это с несомненностью явствует хотя бы из правил ст. ст. 145 и 305, согласно которым следователь не обязан выносить никаких постановлений по заявлениям, подаваемым ему обвиняемым или защитником, и может их просто приобщить к делу. При вынесении приговора суд может осудить обвиняемого за более тяжкое преступление, чем то, по обвинению в котором он был предан суду. Если обвиняемый дает неправильные показания по вопросам, относящимся к его личности, он за это подлежит уголовной ответственности помимо основного обвинения (ср. наказание «за ложь и непокорность» в средневековом инквизиционном процессе, стр. 37). Жаловаться же обвиняемому фактически нет возможности—каждая отклоненная его жалоба влечет применение к нему штрафа: отклонение заявленного обвиняемым отвода судьи — 10 000 лир, отклонение просьбы о переносе дела в другой суд — 10 000 лир, отказ от пользования на суде итальянским языком — 2 000 лир, оставление без последствий кассационной жалобы — 5 000 лир. Если обвиняемый, находившийся на предварительном следствии под стражей, осужден к лишению свободы, с него взыскиваются издержки по его содержанию в предварительном заключении. Если обвиняемый просит о вызове

свидетеля, он должен внести денежную сумму на расходы по вызову и вознаграждению свидетеля (ст. 419). Прокурор может требовать, чтобы обвиняемый был заключен под стражу, но не может требовать освобождения обвиняемого. Суд может слушать дело в закрытом заседании и устранить гласность процесса по тем мотивам, что дело может вызвать «предосудительное любопытство» (ст. 423).

На судебное заседание не допускаются лица, «известные своей склонностью к совершению преступлений против личности и собственности», а также лица, «неприлично одетые». Это правило дает суду возможность не допускать в зал суда трудящихся, неимущих и материально необеспеченных.

Крайне характерными являются постановления, касающиеся положения свидетеля в процессе. Если свидетель отказывается давать показания, или, по мнению следователя и суда, дает ложные показания, или умалчивает об известных ему фактах, следственный судья или председатель суда делает ему предупреждение, а затем арестовывает его до повторного допроса в этот же или следующий день. Если свидетель продолжает сохранять свою позицию, арест продолжается и свидетель привлекается к уголовной ответственности. Если же свидетель возьмет обратно свое прежнее показание и «раскроет истину», дело о нем прекращается (ст. ст. 357 и 461). Иначе как вымогательством показаний свидетеля и прямым подстрекательством его к даче ложных показаний, которые угодны следователю и суду, это положение назвать нельзя.

ГЛАВА III

СОВЕТСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

§ 1. История советского уголовного процесса. § 2. Источники советского уголовно-процессуального права и действующее уголовно-процессуальное законодательство. § 3. Природа советского уголовного процесса и его задачи.

§ 1. История советского уголовного процесса

История советского уголовного процесса не может быть изложена в развернутом виде отдельно от истории советского суда. Вопросы организации суда и вопросы судебной деятельности (т. е. процессуальные вопросы) связаны друг с другом крайне тесно и разорваны быть не могут. Это особенно сказывается при рассмотрении истории советского уголовного процесса, так как важнейшие законодательные акты по вопросам суда касались и тех или иных процессуальных вопросов. Иными словами, изучать историю советского процесса можно только вместе с историей советского суда. Поскольку же история советского суда излагается в курсе судоустройства, в настоящем учебнике уголовного процесса мы не даем подробной истории уголовного процесса, а ограничиваемся изложением лишь отдельных важнейших законодательных актов, непосредственно касающихся вопросов уголовного процесса.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции началось упразднение, слом дореволюционного суда. Непосредственным правотворчеством народных масс под руководством партии большевиков с первых же дней Октябрьской революции стали создаваться новые советские суды и простые, демократические формы их деятельности. Таким образом, советский уголовный процесс стал создаваться сразу же с победой пролетариата, еще до того, как советской властью были изданы какие-либо законы о суде.

Первым законом советской власти, касающимся уголовного процесса, был д е к р е т о с у д е № 1 24 ноября 1917 г. Этот исторический декрет разрушил, сломал старый дореволюционный буржуазно-помещичий суд и заложил прочные основы нового советского народного суда. Именно в этом историческое значение декрета о суде № 1, именно поэтому декрет о суде № 1

навсегда останется в истории советского суда ее первой блестящей страницей.

Декрет о суде № 1 окончательно упразднил старые суды и установил принципы организации советского суда, суда государства пролетарской диктатуры, суда, организация и деятельность которого опирались на основы пролетарского демократизма, т. е. подлинно народного суда.

Вредители различных мастей и оттенков много сил приложили к тому, чтобы дискредитировать этот декрет, и приписывали ему всевозможные отрицательные качества. Особенно старался в этом отношении вредитель Крыленко, характеризовавший декрет о суде № 1 как акт либерально-буржуазного порядка, несовместимый якобы с принципами пролетарской революции. Особенным нападкам подвергался установленный этим декретом принцип выборности местных (народных) судей путем всеобщих и прямых выборов. Как известно, по ряду исторических причин (гражданская война, сопротивление кулачества мероприятиям советской власти и т. д.) этот принцип долгое время не удалось реализовать и он осуществляется лишь сейчас, в эпоху Великой Сталинской Конституции, когда ликвидированы в нашей стране эксплоататорские классы и в основном построен социализм. Но то, что еще в 1917 г. декрет о суде № 1 сформулировал и провозгласил этот принцип, является, разумеется, не дефектом декрета, а его величайшей заслугой. В основном своем содержании декрет о суде № 1 был посвящен вопросам организации суда; определение процессуальных форм деятельности суда относится к последующим декретам. Но новая организация суда тем самым установила и новые принципы процесса в суде— именно в силу неразрывной связи судоустройственных и процессуальных вопросов.

Декрет о суде № 1 установил, что местные (т. е. народные) суды в своей деятельности руководствуются законами свергнутых правительств, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию (ст. 5). При этом декрет устанавливал, что отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов и Рабоче-крестьянского Правительства, а также программам-минимум РСДРП и партии С.Р. (примечание к ст. 5).

Таким образом, декрет о суде № 1, еще не определяя процессуального порядка деятельности советского суда, допускал в известных пределах сохранение старых, дореволюционных процессуальных форм. Это обстоятельство также вызывало запоздалое возмущение проникших на теоретический правовой фронт вредителей, которые, подходя к условиям 1917 г. с масштабами 1927 и следующих годов, высокомерно критиковали и разносили подписанный Лениным декрет за его «политическую невыдержанность». А суть и смысл указанного положения заключались вовсе не в том, что он сохранял старые процессуальные фор-

мы, а в том, что он в качестве руководящих принципов деятельности советского суда выдвинул декреты советской власти, судейскую совесть и революционное правосознание. Это было не чем иным, как одним из методов, одним из путей революционного слома старого суда и его процессуальных форм. Упразднение дореволюционных процессуальных форм, начатое декретом о суде № 1, было завершено несколько позднее.

Следующим декретом о суде был так называемый декрет о суде № 2 22 февраля 1918 г. Этот декрет был издан в развитие и дополнение декрета № 1. В этом декрете уже дано развернутое изложение принципов процесса и ряда процессуальных форм. Декрет устанавливал состязательность уголовного процесса, вводя участие обвинения и защиты на судебном следствии и в известной мере проводя принцип состязательности и на предварительном следствии (допущение защиты). Особо важным было установленное декретом о суде № 2 положение о том, что судопроизводство может проводиться на всех местных языках, т. е. обеспечивались права национальностей в области процесса (тогда как до революции в царской России общегосударственным языком в судах был русский). Известно и другое положение декрета о суде № 2: кроме основных обвинителя и защитника по делу могут выступать дополнительно один обвинитель и один защитник из публики. Рассматривались дела судьею с участием народных заседателей, но вопрос о виновности и мере наказания решали только народные заседатели, судья же участвовал в обсуждении вопросов о виновности и наказании только с совещательным голосом, давая народным заседателям свое «заключение» о мере наказания. Этим же декретом были установлены принципы кассационного производства, причем указывалось, что основаниями к отмене приговоров и решений являются не только формальные нарушения закона, но и несправедливость приговора или решения. В отношении дореволюционного процессуального законодательства декрет о суде № 2 в основном сохранял положение, установленное декретом о суде № 1, лишь несколько его конкретизируя, — судопроизводство ведется по судебным уставам 1864 г., поскольку таковые не отменены декретами ЦИК Советов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов.

Некоторые процессуальные положения декрета о суде № 2 впоследствии утеряли значение как не оправдавшиеся на практике, но, учитывая значение декрета о суде № 2, ни в какой мере нельзя давать ему ту отрицательную оценку, которую давали вредители, утверждавшие, что декрет о суде № 2 был эсеровским документом, протащенным тогдашним Народным комиссаром юстиции левым эсером Штейнбергом. Известно, что проект этого декрета проверял и исправлял лично Ленин. Такие процессуальные принципы, установленные декретом о суде № 2, как устность и состязательность процесса, право обвиняемого на защиту или как обжалование и пересмотр приговоров по мотивам

их несправедливости, представляют прочное достояние советского уголовного процесса и на дальнейших этапах его развития.

Третий исторический акт о суде — декрет о суде № 3 (опубликован 20 июля 1918 г.) — особых изменений в уголовный процесс не ввел; основное процессуальное положение, установленное декретом, сводилось к расширению подсудности дел народному суду.

Таковы основные процессуальные принципы, установленные первыми декретами советской власти о суде.

Следует отметить, что фактически советский уголовный процесс по старым судебным уставам проводился в очень малой степени и указание на них в декрете о суде № 2 с оговоркой, что эти уставы применяются лишь постольку, поскольку они не отменены декретами советской власти, не противоречат революционному правосознанию, не может пониматься иначе, как определенная мера, направленная на полное упразднение всяческих старых процессуальных форм. В скором времени ссылки в приговорах на старые дореволюционные законы были категорически запрещены. Можно констатировать, что с первых же дней советской власти создавался новый уголовный процесс — советский процесс, простой, гибкий и демократический, отвечавший условиям работы советского суда.

В продиктованном 28 марта 1918 г. первоначальном наброске статьи «Очередные задачи советской власти» В. И. Ленин, говоря о задачах советского суда, характеризовал новый суд таким образом: «Лишь подобные суды, при условии участия в них самых широких масс трудящегося и эксплуатируемого населения, сумеют в демократических формах сообразно с принципами Советской власти добиться того, чтобы пожелания дисциплины и самодисциплины не остались голыми пожеланиями» [1]. Эти указанные Лениным демократические формы деятельности советского суда и являются процессуальными формами, основные черты которых были установлены в первых же декретах советской власти о суде.

Дальнейшее и более детализированное законодательство по вопросам уголовного процесса относится к более позднему периоду гражданской войны и военного коммунизма.

В период военного коммунизма существовали две организационно разъединенные системы судебных органов: народные суды и революционные трибуналы. Декрет о суде № 1 предусматривал организацию наряду с местными (т. е. народными) судами также и революционных трибуналов для борьбы с контрреволюцией, мародерством, хищничеством и другими особо тяжелыми преступлениями. Наиболее полное развитие революционные трибуналы получили позднее, в период гражданской войны, в обстановке интервенции, блокады, бешеных попыток со стороны международной и внутренней контрреволюции задушить проле-

---

[1] Ленин, т. XXII, стр. 425, (Подчеркнуто нами. — М. С.)

тарскую революцию. Наряду с революционными трибуналами существовала система народных судов, основы которых были заложены тем же декретом о суде № 1 и которые рассматривали все неподсудные трибуналам дела об общеуголовных преступлениях, а также гражданские дела. Совершенно естественно, что процессуальные формы в народных судах и в революционных трибуналах имели некоторые различия соответственно характеру деятельности тех и других. Деятельность народных судов и революционных трибуналов регламентировалась различными законами. Но принципы процесса были одни и для нарсудов и для революционных трибуналов, различия были лишь в отдельных процессуальных формах. Поэтому должны быть признаны совершенно несостоятельными всякие попытки представить процесс в народных судах и процесс в революционных трибуналах как два качественно различных процесса — различие отдельных их форм не устраняло общности их основных принципов.

Законодательным актом, детально определившим как организацию, так и процесс народных судов, явилось Положение о народном суде Российской Социалистической Советской Республики 30 ноября 1918 г. Основные процессуальные положения этого закона в основном сводились к следующему.

Ссылки на законы свергнутых правительств запрещаются, суд применяет декреты Рабоче-Крестьянского Правительства и руководствуется своим социалистическим правосознанием (ст. 22). При рассмотрении дел суд не стеснен формальными доказательствами и от него зависит допустить те или иные доказательства, исходя из обстоятельств дела (ст. 24). Процесс — состязательный, на суде допускается широкое участие обвинения и защиты. Защитники допускаются и на предварительном следствии, хотя их участие по постановлению следственной комиссии может быть ограничено, если этого требуют интересы раскрытия истины (ст. 34). Положение подробно регламентировало порядок предварительного следствия, судебного разбирательства, кассационного обжалования.

Это Положение действовало до октября 1920 г. 21 октября 1920 г. было принято и введено в действие новое Положение о народном суде. Основные изменения, внесенные этим Положением, относятся к области судоустройства. Процессуальные принципы и формы были изменены лишь в отдельных вопросах. Так, проведение предварительного следствия было возложено на единолично действующих народных следователей (вместо ранее действовавших коллегиальных следственных комиссий), участие защиты на предварительном следствии не допускалось. Судебное рассмотрение попрежнему основывалось на состязательном принципе, но суду предоставлялись бóльшие полномочия при разрешении вопроса об обязательности участия на суде обвинителя и защитника.

Таковы основные черты уголовного процесса в народных судах по законодательству 1918—1920 гг.

Уголовный процесс в революционных трибуналах характеризовался в этот же период следующим.

Декрет Совета Народных Комиссаров 4 мая 1918 г. установил организационные принципы революционных трибуналов, а также и важнейшие процессуальные принципы их деятельности, как гласность и состязательность процесса.

Подробный порядок уголовного процесса в революционных трибуналах был установлен позднее, в Положении о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г. Этот закон устанавливал гласность процесса (ст. 19) и формулировал положение, что подсудимый пользуется правами стороны в процессе (ст. 21). Таким образом, процесс в революционных трибуналах строился на принципе состязательности. Вместе с тем, исходя из характера подсудных революционным трибуналам дел, Положение о революционных трибуналах 12 апреля 1919 г. вносило некоторые ограничения в отношении прав обвиняемого, устранив участие защиты на предварительном следствии и предоставив самому трибуналу полномочия решать вопрос о допущении или недопущении участия обвинителя и защитника на суде (ст. 17).

Эти процессуальные полномочия революционных трибуналов были еще более расширены Положением о революционных трибуналах 18 марта 1920 г. Этим законом была уточнена подсудность уголовных дел революционным трибуналам в смысле устранения из их рассмотрения дел общеуголовного характера, реорганизована система предварительного расследования подсудных трибуналам дел передачей расследования органам Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Вопросы о свидетелях, подлежащих вызову на суд, о допущении обвинителя и защитника решались самим революционным трибуналом в зависимости от ясности дела, от доказанности преступления и других подобных обстоятельств. Трибуналу принадлежало право на судебном следствии прекратить допрос вызванных свидетелей, если обстоятельства дела были достаточно выяснены показаниями допрошенных свидетелей (ст. 19).

Таким образом, по этому закону революционный трибунал обладал рядом процессуальных полномочий, которые не были предоставлены народному суду.

Тем не менее, принципы, на которых строился процесс в революционных трибуналах, были в основном те же, что и в народном суде. Гласность процесса оставалась руководящим принципом процесса в революционных трибуналах (ст. 18); обвиняемый на суде пользовался всеми правами стороны и мог задавать вопросы свидетелям и давать свои объяснения в любой момент судебного следствия (ст. 21).

Особо важно отметить следующее обстоятельство. Положение о революционных трибуналах 18 марта 1920 г. было издано во исполнение постановления 1 сессии ВЦИК VII созыва 2—7 февраля 1920 г. Это постановление гласило: «В целях установления единообразной практики революционных трибуналов и предо-

ставления подсудимым возможных и необходимых гарантий, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет выработать и опубликовать новое Положение о революционных трибуналах».

Таким образом, процессуальным гарантиям придавалось большое значение в советском уголовном процессе не только в народном суде, но и в революционном трибунале.

О процессе в военных трибуналах мы говорить особо не будем, так как в основном он был тем же, за некоторыми изъятиями (отсутствие кассационного обжалования по Положению о революционных военных трибуналах 20 ноября 1919 г.).

**
*

Существеннейшие изменения в области уголовного процесса внесло принятие и введение в действие Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (24 июня 1922 г.).

Этот первый советский Уголовно-процессуальный кодекс представлял собою развернутую и детализированную систему процессуальных норм, подробно регламентирующих всю деятельность следственных и судебных органов по расследованию и разрешению уголовных дел. Уголовно-процессуальный кодекс 1922 г. был создан как единый процессуальный закон для всех судов — для народных судов и революционных трибуналов. Для революционных трибуналов кодекс 1922 г. сохранил некоторые процессуальные изъятия из общего порядка процесса, но в целом процесс был единым.

В связи с тем, что 31 октября 1922 г. 4 сессия ВЦИК IX созыва приняла Положение о судоустройстве РСФСР, явилась необходимость пересмотреть и ранее принятый Уголовно-процессуальный кодекс. Последний и был пересмотрен, в результате чего 15 февраля 1923 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в новой редакции. Основное отличие Уголовно-процессуального кодекса 1923 г. от кодекса 1922 г. заключается в том, что кодекс 1923 г. был приведен в соответствие с Положением о судоустройстве. Вместе с тем в него были внесены и некоторые процессуальные изменения.

Уголовно-процессуальный кодекс 1923 г. действует в РСФСР до настоящего времени. В течение последующих лет в него вносился ряд изменений, но основной его костяк — редакция 1923 г.

Отметим наиболее существенные из этих изменений.

На V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции (10 — 15 марта 1924 г.) по докладу тов. А. Я. Вышинского было принято решение о внесении в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР некоторых изменений, которые вскоре же (в 1924 г.) были приняты в законодательном порядке. Эти изменения заключались главным образом в расширении круга дел, подсудных народному суду, в сближении дознания и предварительного

следствия как форм или этапов единого порядка расследования преступлений, в предоставлении кассационной коллегии губернского суда права снижать наказания, определяемые народным судом, без отмены приговора.

31 октября 1924 г. ЦИК СССР принял общесоюзный процессуальный закон — «Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», установивший руководящие процессуальные принципы, которые должны быть положены в основу процессуального законодательства союзных республик и включены в их уголовно-процессуальные кодексы.

Далее, некоторые изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР были внесены законом 20 октября 1929 г. Эта процессуальная новелла еще более сблизила дознание с предварительным следствием, сделав для дознания обязательным соблюдение ряда процессуальных форм, которые ранее относились только к предварительному следствию. Этим же законом были ликвидированы распорядительные заседания как органы предания суду (см. стр. 209) и внесены некоторые другие изменения.

В связи с ликвидацией округов и изменением тем самым административно-территориального деления, законом 30 октября 1930 г. была произведена реорганизация органов юстиции. Вместе с тем были произведены некоторые процессуальные изменения — значительное расширение круга дел, подсудных народному суду (за счет большей части дел, ранее подсудных окружному суду), предоставление краевому суду права изымать из народного суда любое подсудное последнему дело и принимать его к своему производству, устранение кассационного обжалования по некоторым незначительным уголовным делам (последнее правило было позднее отменено). О других изменениях, внесенных в Уголовно-процессуальный кодекс, см. следующий параграф.

§ 2. Источники советского уголовно-процессуального права и действующее уголовно-процессуальное законодательство

Источником советского уголовно-процессуального права является закон, именно Конституция СССР и конституции союзных республик, устанавливающие важнейшие процессуальные принципы, Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г., также содержащий ряд важнейших процессуальных норм, «Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» 1924 г., уголовно-процессуальные кодексы союзных республик и иные законы по вопросам уголовного процесса, как правило, включаемые в состав действующих уголовно-процессуальных кодексов. Поскольку, согласно ст. 14 Конституции СССР, процессуальное законодательство относится к компетенции СССР, а согласно ст. 5 Закона о судоустройстве, правосудие в СССР осуществляется на началах единого и обя-

зательного для всех судов процессуального законодательства, предстоит издание единого общесоюзного Уголовно-процессуального кодекса, построенного на принципах Сталинской Конституции и соответствующего нормам Закона о судоустройстве.

Закон является единственным источником советского уголовно-процессуального права. Это вытекает как из принципа подчинения судей только закону (ст. 112 Конституции СССР), так и из установленного ст. 5 Закона о судоустройстве положения, что суды действуют на основе единого и обязательного для них процессуального законодательства. По этим же основаниям обычай не является источником советского уголовно-процессуального права.

Не является источником советского уголовно-процессуального права и судебный прецедент, т. е. ранее вынесенное судом решение по аналогичному делу. В Англии, где решение суда является обязательным для других судов по аналогичным делам, судебный прецедент является несомненным источником уголовно-процессуального права и как источник права занимает преобладающее место над законом. В советском же государстве судьи при решении конкретных дел руководствуются только законом и своим внутренним убеждением, опирающимся на рассмотренные судом фактические обстоятельства дела и социалистическое правосознание судей. Решение же суда по уголовному делу (т. е. судебный приговор) имеет силу только для того дела, по которому он вынесен, но не для других дел, хотя бы и сходных по своим фактическим или юридическим чертам. Надо также иметь в виду, что каждое судебное дело всегда индивидуально, всегда имеет свои особенности и сходство его с каким-либо другим, ранее решенным делом, может быть очень ограниченным, может касаться лишь некоторых его признаков. По этим основаниям судебный прецедент не может быть источником советского уголовно-процессуального права.

Может возникнуть вопрос, не являются ли источником советского уголовно-процессуального права постановления Пленума Верховного суда СССР, который, согласно ст. 75 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, «...дает руководящие указания по вопросам судебной практики на основании решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом СССР судебным делам». На этот вопрос также следует ответить отрицательно. Руководящие указания Пленума Верховного суда СССР, имеющие громадное значение для судебной практики, для улучшения работы судов, не создают и не могут создавать новых правовых норм, помимо тех, которые содержатся в действующих законах, не могут ни изменять, ни дополнять законы. Существо и значение руководящих указаний Пленума Верховного суда СССР состоят в том, что Пленум, установив наиболее существенные и повторяющиеся ошибки, допущенные судами при применении законов, указывает судам на них и разъясняет, как следует поступать, чтобы такие ошибки больше не повторялись.

Таким образом, руководящие указания Пленума Верховного суда СССР помогают судам правильно применять законы, но никаких иных норм, помимо законов, не устанавливают и, следовательно, источником права не являются.

Из действующих уголовно-процессуальных кодексов союзных республик старейшим является кодекс РСФСР (1923 г.), который послужил образцом для кодексов ряда других союзных республик.

Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР был принят вскоре же после введения в действие кодекса РСФСР, в том же 1923 г., и в основном по своему содержанию совпадает с последним.

Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР действует в редакции, утвержденной постановлением ЦИК УССР 20 июля 1927 г., и в основе своей имеет также кодекс РСФСР, хотя в ряде вопросов от него существенно отличается.

Уголовно-процессуальные кодексы Армянской ССР (1934 г.) Азербайджанской ССР, Киргизской ССР также в основе своей, а во многом и в деталях, совпадают с кодексом РСФСР.

В Грузии действует Уголовно-процессуальный кодекс, принятый постановлением Всегрузинского ЦИК 17 августа 1923 г., в основном совпадающий с кодексом РСФСР. Но 1 марта 1931 г. постановлением Всегрузинского ЦИК и СНК были приняты «Временные правила производства предварительного расследования по уголовным делам», заменившие разделы Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, относящиеся к дознанию и предварительному следствию и построившие предварительное расследование иначе, чем это было в кодексе РСФСР (об этом см. стр. 163). От названных выше кодексов существенно отличаются уголовно-процессуальные кодексы Туркменской ССР 11 сентября 1932 г., Узбекской ССР 29 июня 1929 г. и Таджикской ССР 15 августа 1935 г. Эти кодексы меньше по объему и менее детализированы, чем первая группа кодексов. В основе их лежат проекты Уголовно-процессуального кодекса, разрабатывавшиеся и публиковавшиеся НКЮ РСФСР в разное время, но в РСФСР не ставшие законом. Это сказалось в неполноте этих кодексов, в их некоторой упрощенности. Так, в предисловии Наркомюста к официальному изданию кодекса Туркменской ССР 1938 г. отмечены некоторые недостатки этого кодекса, «вытекающие главным образом из чрезмерной его краткости, объясняемой устранением из его текста всего, что ранее считалось «процессуальной техникой».

Из общесоюзных законов по вопросам уголовного процесса (помимо указанных выше «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» 1924 г.) отметим постановление ЦИК СССР 10 июля 1934 г. (СЗ № 36, ст.ст. 283 и 284). Этим постановлением в связи с организацией НКВД СССР была упразднена так называемая судебная коллегия ОГПУ и подведомственные ей уголовные дела были переданы в ведение

общих судов (краевых, областных и др.) и военных трибуналов. Тем самым была значительно усилена роль судебно-процессуального порядка рассмотрения уголовных дел.

В связи со злодейским убийством троцкистско-бухаринскими бандитами 1 декабря 1934 г. тов. Сергея Мироновича Кирова, постановление ЦИК СССР от того же числа в целях более решительной борьбы с подобными террористическими преступлениями установило по делам о террористических организациях и террористических актах следующие процессуальные изменения: срок предварительного следствия сокращен до 10 дней, обвинительное заключение вручается обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде, участие обвинения и защиты на суде не допускается, не допускается также кассационное обжалование и подача ходатайств о помиловании.

Законом 14 сентября 1937 г. установлены некоторые процессуальные изменения по делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях: по этим делам срок вручения обвиняемому обвинительного заключения сокращен до одних суток до суда и отменено кассационное обжалование (но в отличие от закона 1 декабря 1934 г. сохранено участие обвинения и защиты на суде и подача ходатайства о помиловании).

Оба эти закона — 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г. — являются исключительными законами и их применение ограничено определенными категориями уголовных дел и допускается в определенных пределах. Так, судебные дела о террористических организациях не всегда и не во всех случаях подлежат рассмотрению в порядке закона 1 декабря 1934 г.: например, дела троцкистско-зиновьевского террористического центра, троцкистского антисоветского центра и антисоветского «право-троцкистского блока» рассматривались Верховным судом СССР не в порядке закона 1 декабря 1934 г., а в порядке широкого развернутого состязательного процесса.

В дальнейшем изложении при описании отдельных процессуальных стадий и институтов мы будем основываться главным образом на действующем Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, приводя из других кодексов данные лишь постольку, поскольку они существенно отличаются от кодекса РСФСР.

§ 3. Природа советского уголовного процесса и его задачи

Сталинская Конституция СССР и вопросы советского уголовного процесса

Величайший документ нашей эпохи — Сталинская Конституция — вопросам суда, осуществлению правосудия в нашей стране уделяет большое внимание. Суду и прокуратуре посвящена глава IX Конституции.

Конституция СССР утверждает незыблемость советского за-

кона, его стабильность, его обязательность для всех. Указание товарища Сталина о том, что «...стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было»[1], относится и к процессуальному закону, устанавливающему условия, гарантирующие правильность решений суда, обоснованность привлечения к уголовной ответственности и справедливость осуждения преданных суду лиц.

Конституция в ряде своих статей устанавливает положения процессуального порядка. Статья 127 Конституции в качестве гарантии неприкосновенности личности советских граждан устанавливает, что никто не может быть подвергнут аресту иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора. Статья 110 Конституции устанавливает ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области и обеспечивает лицам, не владеющим языком, на котором ведется рассмотрение дела, возможность полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также право выступать на суде на родном языке. Статья 111 устанавливает гласность процесса и право обвиняемого на защиту. Статья 112, устанавливая независимость судей и их подчинение только закону, тем самым обеспечивает судьям свободу и самостоятельность при решении дела, вынесение приговора по внутреннему убеждению судей, основанному на рассмотрении ими всех обстоятельств дела. Все это — процессуальные правила, процессуальные нормы. Но тем самым, что эти принципы процесса помещены в Конституции СССР, они получают иное качество и иное значение. Из процессуальных принципов они превращаются в конституционные принципы, не только определяющие содержание отдельной области права (процессуального права), но и устанавливающие основные черты советской системы государства.

Таким образом, Конституция СССР устанавливает основные принципиальные положения советского уголовного процесса. Ими определяется весь советский уголовный процесс в целом, вся система уголовно-процессуальных норм и отношений. На Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов в своем докладе о проекте Конституции СССР товарищ Сталин сказал: «Конституция не исключает, а предполагает текущую законодательную работу будущих законодательных органов. Конституция дает юридическую базу для будущей законодательной деятельности таких органов»[2]. Процессуальные принципы, которые сформулированы в Конституции СССР и тем самым стали конституционными принципами, являются той основой, на которой должен быть создан новый общесоюзный Уголовно-процессуальный кодекс. В нем эти принципы должны быть разработаны в развернутую систему конкретных процессуальных правил и институтов.

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 530.
[2] Там же, стр. 524.

Поскольку же указанные выше принципы являются основными принципами советского процесса, определяющими всю систему процессуальных форм и отношений, которая выражается в Уголовно-процессуальном кодексе, Конституция СССР поднимает на небывалую высоту роль и значение советского уголовного процесса, советского уголовно-процессуального права. И все особенности новой Конституции, о которых говорил товарищ Сталин, свое применение и осуществление находят во всех областях советского социалистического права, т. е. и в области советского уголовно-процессуального права.

Основные задачи советского уголовного процесса

Советский уголовный процесс неразрывно связан с содержанием и задачами социалистического правосудия. Советское уголовно-процессуальное право есть отрасль социалистического права, права социалистического государства рабочих и крестьян.

Уголовный процесс является необходимым условием осуществления правосудия и выполнения последним его задач, сформулированных в ст. 2 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик. Иными словами, уголовный процесс по существу есть не что иное, как порядок осуществления правосудия по делам об уголовных преступлениях. Соответственно этому задачи уголовного процесса заключаются в обеспечении защиты от всяких преступлений общественного и государственного устройства СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, прав и интересов граждан СССР, прав и интересов государственных и общественных учреждений и организаций. Тем самым советский уголовный процесс представляет собою метод борьбы с изменниками родины, вредителями, расхитителями социалистической собственности и другими врагами народа, с грабителями, ворами, хулиганами и иными преступниками. И действительно, уголовный процесс включает в себя систему установленных законом средств и способов, при помощи которых уполномоченные законом органы изобличают преступников и обеспечивают применение к ним наказания.

Вместе с тем уголовный процесс организует такое проведение следствия и судебного разбирательства уголовных дел, которое обеспечивает осуждение и наказание лиц, действительно совершивших преступления, и в соответствии с их виной, гарантируя тем самым граждан от неосновательного привлечения, неосновательного стеснения их прав, неправильного, несправедливого осуждения.

Решительность и непреклонность борьбы с врагами народа, с троцкистско-бухаринскими диверсантами и шпионами, террористами и вредителями есть важнейшая задача советского уголовного процесса, своими формами обеспечивающего меткость удара су-

дебной репрессии, беспощадность подавления остатков разбитых эксплоататорских классов, пытающихся повернуть вспять колесо истории. Процессы по делам антисоветского троцкистского центра и антисоветского «право-троцкистского блока» со всей наглядностью показали, как процессуальные формы помогают вскрыть перед всем миром гнуснейшие преступления этих бандитов, всю глубину их падения и разложения, осветить все уголки контрреволюционного подполья, с полной несомненностью доказать обоснованность и правильность обвинения и обеспечить применение необходимых мер наказания.

Советское уголовно-процессуальное право есть право государства диктатуры рабочего класса, и это определяет его форму, содержание и задачи. Но диктатура рабочего класса есть в то же время советская социалистическая демократия. «Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии...», — указывал Ленин [1]. «Только при пролетарской диктатуре, — говорил товарищ Сталин, — возможны действительные «свободы» для эксплоатируемых и действительное участие пролетариев и крестьян в управлении страной» [2].

Сейчас же, когда в Советской стране нет больше антагонистических классов, когда уничтожена эксплоатация человека человеком, когда осуществлен в основном социалистический строй, этот подлинный, действительный, социалистический демократизм укрепляется и развивается в невиданных до сих пор размерах. Говоря об особенностях проекта новой Конституции, товарищ Сталин отмечал его «последовательный и до конца выдержанный демократизм». И этот демократизм свое осуществление находит и в области советского правосудия, советского уголовного процесса.

Развертывание и укрепление демократических форм советского уголовного процесса — такова задача, вытекающая из Сталинской Конституции.

Для уяснения задач советского уголовного процесса решающее значение имеет учение товарища Сталина о двух фазах развития социалистического государства (Доклад товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б). Поскольку во второй фазе развития социалистического государства отпала функция военного подавления внутри страны и вместо нее появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра, естественно, что именно в этом направлении сосредоточивается уголовно-процессуальная деятельность суда, прокуратуры и следствия. Далее, в виду того, что на второй фазе развития социалистического государства получила полное развитие функция культурно-организаторской и культурно-воспитательной работы государственных органов, особо усиливается воспитательное значение советского уголовного

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 350

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 30.

процесса. Наконец, то обстоятельство, что острие карательных органов (а советский суд хотя не является только карательным органом, но выполняет и карательные задачи) обращено не во внутрь советской страны, а во вне ее, против внешних врагов, означает, что все процессуальные средства, предназначенные для изобличения лиц, виновных в совершении преступлений, особо решительно и эффективно должны применяться в отношении диверсантов, шпионов, вредителей, засылаемых в советскую страну капиталистическими государствами.

Обеспечение осуществления задач социалистического правосудия достигается уголовным процессом путем: а) установления материальной истины по каждому уголовному делу, т. е. установления судом обстоятельств дела в полном соответствии с действительностью; б) правильной материально-правовой оценки судом фактических обстоятельств дела, т. е. правильной квалификации, правильного применения норм уголовного права; в) правильного определения юридических последствий применения норм уголовного права к установленным фактическим обстоятельствам дела, т. е. правильного назначения мер наказания признанным виновными лицам и оправдания невиновных.

Значение советской уголовно-процессуальной формы

Уголовно-процессуальные формы имеют громадное значение для практической работы органов суда и прокуратуры. Один из виднейших процессуалистов прошлого столетия французский ученый Эли дал очень яркую и выразительную характеристику роли и значения уголовно-процессуальной формы. Хотя капитальный многотомный курс уголовного процесса Эли был выпущен в свет еще в 60-х годах прошлого столетия, он до сих пор сохраняет очень большой интерес. Это едва ли не самое удачное, что по вопросам уголовного процесса написано буржуазными теоретиками. Эли так определяет сущность и задачи уголовно-процессуальной формы:

«Процессуальные формы предназначаются, как маяки, освещать ход судебной деятельности. Их целью является останавливать увлечение юстиции, придать род торжественности каждому ее шагу, подготовить ее акты.

Они (процессуальные формы) должны быть достаточно могущественны, чтобы извлечь истину из лона фактов; они должны быть простыми, чтобы служить опорой, не делаясь преградами, достаточно гибкими, чтобы их можно было применить к особенностям каждого дела, достаточно прочными, чтобы противопоставить насилиям судей и сторон. Если они (процессуальные формы) объединяют эти все черты, они обеспечивают свободу граждан, так как они гарантируют их защиту, они дают судебным решениям их силу, так как они являются залогом их бес-

пристрастности, они облекают юстицию своим величием, так как они свидетельствуют о спокойствии и мудрости ее актов»[1].

Не трудно заметить в этой формулировке чисто буржуазные черты, чисто буржуазную фразеологию либерального порядка — «защиту граждан от произвола государства». В ней отсутствует хоть какой-либо намек на классово-политическое существо всей судебной деятельности. Эли — типичный буржуазный либеральный ученый. Если принять ту характеристику процесса, какую имеет в виду Эли, то получается, что отправление правосудия и деятельность буржуазной юстиции — это оплот гражданских прав, проявление величайшей беспристрастности, аполитичности, внеклассовости, чего, конечно, нельзя найти в реальной истории развития юстиции. Это — идеализация буржуазной юстиции, здесь скрыто все существо классовых отношений. Но здесь характерно и заслуживает серьезного внимания, какое высокое значение буржуазный юрист придает своему буржуазному процессуальному закону, как высоко он ценит процессуальную форму. Эли придает процессуальному закону громаднейшее значение, и, конечно, он в этом прав.

Значение советской уголовно-процессуальной формы определяется ее конкретными задачами. Таких задач может быть намечено четыре.

1. Осуществление социалистической законности в судебной и следственной деятельности.

Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает твердый и детально регламентированный порядок расследования и разрешения уголовных дел. Согласно ст. 5 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, единое и обязательное для всех судов процессуальное законодательство является одним из тех начал, на которых осуществляется правосудие в СССР. Таким образом, вся деятельность суда, прокуратуры и органов следствия, все совершаемые ими действия при расследовании и разрешении уголовных дел основываются на процессуальных законах, протекают в тех формах, которые этими законами установлены.

В этом смысле уголовно-процессуальная форма есть метод осуществления и проведения революционной социалистической законности в деятельности самих органов следствия, суда, прокуратуры. Суд, прокуратура, органы следствия являются органами охраны социалистической законности; но они и сами должны проводить социалистическую законность во всей своей деятельности, их деятельность сама должна быть основана на социалистической законности. В этом заключается первая задача, первое значение уголовно-процессуальной формы.

2. Обеспечение правильности расследования и разрешения дела по существу. Это то, что мы называем проблемой качества судебно-следственной работы.

---

[1] Faustin Hèlie, Traité d'instruction criminelle, т. I, стр. 2 — 3.

Правильно расследовать дело, выяснить и правильно установить все действительные его обстоятельства; установить факт преступления и именно так, как он имел место в действительности; не упустить действительных преступников и не приписать никому того преступления, которое на самом деле тот не совершал, — к этому, в основном, сводится требование высокого качества следственной и судебной работы.

Решению этой задачи служит уголовно-процессуальная форма и в этом заключается ее вторая задача. Нельзя найти в Уголовно-процессуальном кодексе ни одной статьи, которая не преследовала бы цели обеспечить правильность решения дела по существу.

Установление обстоятельств дела в точном соответствии с действительностью в теории уголовного процесса носит название материальной истины. Процессуальная форма, вся система процессуальных норм, является важнейшим средством, обеспечивающим установление материальной истины по каждому отдельному уголовному делу.

Нарушение процессуальных форм всегда ставит под угрозу правильность расследования и разрешения дела по существу, всегда отрицательно влияет на существо расследования и разрешения дела.

Таким образом, борьба за соблюдение процессуальной формы, борьба с процессуальным упрощенчеством есть тем самым борьба за высокое качество следствия и судебной работы. Это — второе значение процессуальной формы.

3. Обеспечение общественного воспитательного результата деятельности советского суда. Не только наказание преследует воспитательные цели. Воспитательные цели преследует вся деятельность органов следствия, суда и прокуратуры, начиная с возбуждения дела и кончая приведением приговора в исполнение. Весь ход судебной и следственной работы от начала до конца имеет воспитательное значение вне прямой зависимости от того наказания, которое будет применено по приговору суда (может быть, наказание по данному конкретному делу даже не будет применено вовсе).

Когда совершается преступление, первым реагирует на этот факт преступления следственный орган — следователь. И именно деятельность органов расследования в первую очередь видна населению, трудящимся, когда совершено какое-либо преступление. И уже эта деятельность следствия имеет известное мобилизующее, воспитательное значение для тех трудящихся, которые следят за движением процесса. Но главное воспитательное значение процессуальной формы лежит не в стадии предварительного следствия, а в стадии судебного рассмотрения дела — сама процедура судебного разбирательства, на котором присутствуют широкие массы либо за которым они следят, имеет громаднейшее воспитательное значение. Если взять, например, процессы по делу антисоветского троцкистского центра и по делу

антисоветского «право-троцкистского блока», то, конечно, значение этих процессов заключалось прежде всего в том, чтобы вскрыть банду преступников террористов-контрреволюционеров и уничтожить эту банду. Но значение процессов было не только в этом. Оно заключалось и в том, что эти процессы мобилизовали бдительность широких масс трудящихся на борьбу с скрытым, еще не разоблаченным врагом; процессы показали широким массам, к чему ведет отпадение от той политической линии, которую проводит Коммунистическая партия. Эти процессы показали трудящимся всего мира, всему передовому человечеству, лицо троцкистов и бухаринцев, их связь с капиталистической разведкой, их действительные цели. И процессуальные формы широкого гласного процесса эту задачу помогли разрешить блестяще.

4. Обеспечение прав и законных интересов привлекаемых к ответственности граждан.

Уголовно-процессуальный кодекс включает в себя определенную систему гарантий для граждан от неправильного, ошибочного, неосновательного ограничения и стеснения их прав, от неправильного привлечения к ответственности и предания суду, от несправедливого осуждения. Таковы правила о своевременном вручении обвиняемому обвинительного заключения, рассмотрении ходатайств обвиняемого, слушании дела в присутствии обвиняемого и т. д. Уголовно-процессуальный кодекс предоставляет обвиняемому ряд процессуальных прав, используя которые обвиняемый может защищаться против предъявленного ему обвинения, оспаривать обвинение, представлять данные в свою защиту.

Об этом значении процессуальной формы, обеспечивающей осуществление советской демократии в деятельности органов юстиции, подробнее было сказано выше. В этом значении уголовно-процессуальная форма является одним из средств выполнения судебно-следственными органами указаний, содержащихся в речи товарища Сталина 4 мая 1935 г. на выпуске академиков РККА, о бережном отношении к кадрам, к людям — участникам социалистической стройки.

Ленин об уголовном процессе

Вопросам уголовного процесса Ленин придавал серьезнейшее значение. Ленин особенно ценил общественно-воспитательную роль процессуальной формы. В отношении борьбы с волокитой в учреждениях Ленин писал: «...с точки зрения принципа необходимо такие дела не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных» [1].

---

[1] Ленин, т. XXIX, стр. 412.

Здесь Ленин подчеркивает значение процессуальной формы, самого судебного процесса, независимо от мер наказания, которые могут быть применены судом.

В одном своем письме, настаивая на предании суду виновных в волоките и жестоко осмеивая тех, кто пытался смазать, притушить дело, Ленин писал:

«Ежели Вы думаете, что в Р.С.Ф.С.Р. не найдется одного умного обвинителя и трех умных судей, действительно умных (не торопыг, не крикунов, не фразеров), то я Вас обвиняю еще в пессимизме насчет Советской власти. Копию сего письма (вместе с Вашим письмом) посылаю т. Курскому с специальной просьбой, чтобы он прочел и пошире дал юристам прочесть и чтобы специально на его, Курского, ответственности считал лежащим приискание для сего процесса непременно умного обвинителя и умных судей. И чтобы Курский лично отвечал (1) за максимальное ускорение суда и (2) за представление мне стенографического отчета о сем процессе (для вывода: начинает ли наконец наш слабенький Н. К. Юст учиться ставить и вести гласные дела о волоките). Пора начать учиться.

Не понимаю, почему умный обвинитель не может перед всеми разнести вдрызг, осмеять и опозорить «богдановскую» и «осинскую» защиту бюрократической волокиты и вместе с тем поставить обвинение разумно, правильно, в меру?» [1].

Эти указания Владимира Ильича представляют в сжатом виде целое руководство для работников суда и прокуратуры и показывают, как надлежит на практике применять процессуальные формы, как следует строить уголовный процесс, чтобы он обеспечил максимальный общественный эффект и правильное по существу решение уголовных дел.

Принципы советского уголовного процесса.

Принципы советского уголовного процесса определяются ролью и значением советского суда, существом и задачами советского социалистического правосудия. Советский уголовный процесс построен на принципах социалистического демократизма, которые и определяют все его формы и институты. Это — принципы гласности, устности, непосредственности и состязательности.

В свое время, накануне Французской буржуазной революции конца XVIII в., принципы гласности, устности, непосредственности и состязательности процесса были выдвинуты лучшими представителями буржуазии, а позднее были установлены во всех буржуазно-демократических системах уголовного процесса. (О действительном значении этих принципов в буржуазном уголовном процессе см. стр. 44).

---

[1] Ленин, т. XXIX, стр. 415.

Именно поэтому эти принципы сейчас резко ограничиваются или уничтожаются капиталистическими государствами. На VII Всесоюзном съезде советов в своем докладе об изменениях в советской Конституции товарищ В. М. Молотов говорил: «Если буржуазии в странах капитала приходится теперь оплевывать то, что записано в качестве высших достижений буржуазного государства в ее же учебниках, в ее же литературе и общественной науке, то советская власть берет все лучшее в развитии современных государств и смело воплощает в жизнь в интересах трудящихся и против эксплоататоров, в интересах строительства социализма».

В советском уголовном процессе принципы гласности, устности, непосредственности и состязательности являются важнейшими принципами, реально и последовательно осуществляемыми и определяющими весь строй нашего уголовного процесса. Эти принципы являются выражением социалистического демократизма в области уголовно-процессуальной деятельности, они являются социалистическими принципами, поэтому их роль и значение исключительно велики.

Вредители, орудовавшие одно время в области правовой теории, пытались изобразить дело таким образом, что эти принципы советский уголовный процесс заимствовал из буржуазного процесса, что эти принципы по своему существу буржуазные. Это была клевета на советский уголовный процесс. Принципы гласности, устности, непосредственности и состязательности советского уголовного процесса отличны от одноименных принципов буржуазного уголовного процесса в такой же мере, в какой социалистическая демократия отлична от буржуазной демократии.

Остановимся на каждом из этих принципов в отдельности.

1. Гласность процесса. Судебное разбирательство производится гласно, т. е. публично, в присутствии посторонних лиц, «публики». Элементы гласности проникают и в предварительное расследование, в стадии же судебного следствия принцип гласности проведен наиболее полно.

Этот принцип установлен ст. 111 Конституции СССР: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения...». В соответствии со ст. 111 Конституции это же положение сформулировано в ст. 8 «Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик». Значение принципа гласности двоякое: 1) им обеспечивается общественный эффект судебного рассмотрения дела в смысле оказания воспитательного воздействия на широкие слои населения; 2) гласность (публичность) судебного рассмотрения ставит работу суда под контроль народа, укрепляя связь судебной деятельности с широкими кругами трудящихся, повышая в их глазах доверие к суду и его авторитет. Тем не менее от принципа гласности в зависимости от характера рассматриваемого дела допу-

скаются отступления: а) в случаях необходимости охраны государственной тайны; б) по делам о половых преступлениях, когда открытое судебное разбирательство является крайне тяжелым для потерпевших и препятствует правильности разрешения дела. В этих случаях судебное разбирательство производится при закрытых дверях полностью или в отдельных частях судебного следствия (ст. 19 УПК), но приговор суда во всяком случае провозглашается публично (ст. 21 УПК).

Дети в возрасте до 14 лет не могут посещать судебных заседаний, так как то, что происходит в суде, может оказать нежелательное влияние на их несформировавшуюся психику (ст. 20 УПК). Это последнее правило не устраняет возможности допроса несовершеннолетних в качестве свидетелей, а равно и фигурирования их на суде в качестве обвиняемых за преступления, предусмотренные законом 7 апреля 1935 г.

2. Устность и непосредственность процесса. Устность и непосредственность заключаются в том, что в процессе судебного рассмотрения дела суд заслушивает устные показания и объяснения всех участвующих в деле лиц и те или иные сведения получает от них непосредственно, без участия промежуточных инстанций. Устность и непосредственность судебного рассмотрения дают суду возможность получить наиболее четкое, ясное и живое впечатление от всех данных дела, от личности обвиняемых и свидетелей; тем самым обеспечивается наиболее правильная оценка доказательств и правильность судебного приговора. Устность и непосредственность процесса между собой неразрывно связаны, и эти понятия разграничить можно только условно. Устность процесса означает, что все обстоятельства дела на судебном заседании обсуждаются судом и сторонами устно, что стороны дают свои устные объяснения суду, свидетели дают показания устно, письменные документы оглашаются. Непосредственность процесса означает, что суд основывает свой приговор на непосредственном восприятии доказательств, лично выслушивая участвующих в деле лиц — обвиняемых, свидетелей и экспертов, а не на письменном изложении их показаний.

Устность и непосредственность являются очень существенными принципами советского уголовного процесса, они служат действенным средством для вынесения правильного по существу приговора. Это не значит, что материалы предварительного следствия выпадают из поля зрения суда на судебном заседании.

Советский уголовный процесс в отличие от буржуазного не знает никаких формальных ограничений прав суда знакомиться на судебном следствии с имеющимися в деле письменными показаниями свидетелей, данными на предварительном расследовании.

Но основным и решающим материалом, из которого суд исходит и на котором он основывает свой приговор, служат данные судебного следствия, в первую очередь — показания живых лиц (обвиняемого и свидетелей) и непосредственное ознакомление и

устное обсуждение всех иных доказательств (документов, вещественных доказательств).

Это положение выражено в ст. 23 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», в ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и в соответствующих статьях УПК других союзных республик, согласно которым суд основывает свой приговор на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. А это предполагает непосредственное восприятие судом и устное обсуждение с участием сторон тех доказательств, которые могут быть положены в основание приговора.

С принципом устности и непосредственности тесным образом связан принцип непрерывности судебного рассмотрения, т. е. требование, чтобы каждое дело рассматривалось в судебном заседании непрерывно, так как порядок, при котором суд рассматривал бы часть одного дела, затем переходил бы к рассмотрению другого, затем вновь возвращался бы к первому, самым существенным образом нарушает целостность впечатлений суда от всех обстоятельств дела (ст. 258 УПК).

3. Состязательность процесса. Состязательность как принцип уголовного процесса свое наиболее полное применение находит в стадии судебного разбирательства, так как только в этой стадии появляются стороны — обвинение и защита, снабженные равными процессуальными правами. Обвинитель обвиняет перед судом, т. е. выставляет свои доводы и соображения, решает же не он, а суд. Равно обвиняемый, называемый в этой стадии процесса подсудимым, приобретает ряд процессуальных прав, которыми он не пользовался в стадии предварительного следствия и важнейшим из которых является право участвовать в проверке всех проходящих перед судом доказательств.

Под состязательностью процесса понимается такое его построение, при котором функция обвинения отделена от функции решения дела по существу и обвиняемому принадлежит право оспаривать обвинение перед судом. Функция обвинения принадлежит прокуратуре, которая сама не решает дела, а поддерживает обвинение перед судом в качестве стороны в процессе. Обвиняемый же, также в качестве стороны, защищается перед судом от предъявленного ему обвинения как лично, так и при помощи защитника.

Именно так построен наш уголовный процесс в стадии судебного рассмотрения, являющийся, следовательно, состязательным процессом. Такая форма процесса обеспечивает полноту и всесторонность судебного исследования дела и гарантирует права обвиняемого.

Будучи основным принципом, определяющим характер важнейшей стадии процесса — судебного разбирательства, судебного заседания, состязательное начало не может быть целиком приурочено только к одной этой, хотя бы и важнейшей, процессуаль-

ной стадии. Оно присуще всем стадиям и институтам процесса. В известных пределах элементы состязательности имеются и на предварительном следствии, на котором обвиняемому обеспечиваются процессуальные права, используя которые он может защищаться против предъявленного ему обвинения и которые и в этой стадии процесса придают обвиняемому характер субъекта процесса (а не объекта исследования). Состязательной является и стадия кассационного производства, причем право сторон обжаловать судебный приговор тоже есть одна из важнейших составных частей состязательного процесса.

Статья 111 Конституции СССР, обеспечивая обвиняемому право на защиту, тем самым устанавливает основной признак состязательной формы советского уголовного процесса.

Построение процесса на принципе состязательности вовсе не означает сведения суда к роли пассивного наблюдателя состязания сторон: вершителем дела, «хозяином процесса» (dominus litis) во время судебного разбирательства дела остается суд в полной мере. Но принцип состязательности обеспечивает такое разграничение функций участников процесса, которое гарантирует всестороннее исследование всех обстоятельств дела, и права и интересы как обвинения, так и обвиняемого.

ГЛАВА IV

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ СУБЪЕКТЫ

§ 1. Система уголовного процесса. § 2. Суд и его положение в системе уголовно-процессуальной деятельности. § 3. Подсудность. § 4. Уголовное преследование. § 5. Обвинение. § 6. Обвиняемый. § 7. Защита. § 8. Гражданский иск в уголовном процессе. § 9. Процессуальные сроки.

§ 1. Система уголовного процесса

Уголовный процесс, охватывающий порядок деятельности органов следствия и суда и участвующих в этой деятельности лиц, представляет собою сложную систему процессуальных действий и отношений, возникающих, изменяющихся и развивающихся по ходу расследования и разбирательства уголовного дела.

Вся совокупность процессуальных действий и отношений, из которых складывается уголовный процесс, распадается на ряд определенных стадий, соответствующих этапам прохождения уголовных дел в процессе их расследования и разрешения. Стадиями уголовного процесса являются: 1) возбуждение уголовного дела; 2) предварительное расследование; 3) предание суду; 4) судебное разбирательство и постановление приговора; 5) кассационное обжалование; 6) исполнение приговора. Каждая из этих стадий будет предметом особого рассмотрения в соответствующих главах учебника, здесь же мы отметим лишь основное содержание стадий и их взаимную связь.

Первая стадия — возбуждение уголовного дела — представляет собою начало уголовного процесса. Уголовный процесс начинается лишь в силу определенного юридического акта уполномоченного на то органа. Этот акт констатирует, что налицо имеются необходимые фактические и юридические предпосылки и наряду с этим не имеется фактических и юридических препятствий для того, чтобы по данному конкретному случаю органы следствия, прокуратуры и суда могли приступить к применению предусмотренных уголовно-процессуальным законом принудительных мер, направленных на преследование, и изобличение виновного в совершении преступления лица. Таким

образом, в этой стадии возникает уголовное дело, начинается производство по нему.

Вторая стадия — предварительное расследование — отличается значительно большей сложностью. После того как состоялось возбуждение уголовного дела, органы дознания и следствия производят ряд следственных действий, направленных на выяснение обстоятельств дела, собирание и проверку доказательств, изобличение лиц, виновных в совершении преступления. Эта стадия процесса называется предварительным расследованием, иногда — предварительным производством (Vorverfahren), так как его задача — не решение дела по существу, что относится к стадии судебного разбирательства, а подготовка необходимых материалов для того, чтобы суд мог правильно разрешить дело.

Третья стадия — предание суду — состоит в том, что особое заседание суда по материалам предварительного расследования разрешает вопрос о том, имеются ли налицо все необходимые условия для постановки дела на разрешение судом по существу, собраны ли на предварительном расследовании достаточные доказательства, соблюдены ли все требования закона и что нужно еще сделать для того, чтобы суд на судебном разбирательстве мог полно и точно исследовать все обстоятельства дела и вынести правильный приговор. В немецкой юридической литературе стадия предания суду называется «промежуточным производством» (Zwischenverfahren), так как она занимает промежуточное место между предварительным расследованием и судебным разбирательством.

Четвертая стадия — судебное разбирательство, — заканчивающееся постановлением приговора, является важнейшей стадией процесса, занимающей центральное место в системе всех процессуальных действий и отношений. Все, что предшествует этой стадии процесса, представляет собой подготовку к ней, создание для нее необходимых условий; все, что следует за нею, сводится к контролю за правильностью проведения судебного разбирательства и законностью и обоснованностью приговора, а также к реализации приговора, если он не подвергся отмене. Но само решение дела по существу, т. е. решение вопроса о виновности или невиновности привлеченных и преданных суду лиц производится именно в этой стадии процесса, являющейся, таким образом, основной, главной и решающей. Принципы уголовного процесса — гласность, устность, непосредственность и состязательность — свое полное выражение и осуществление находят именно в этой стадии процесса. Эта стадия характеризуется тем, что в ней участвует ряд процессуальных субъектов, осуществляющих свои права и выполняющих свои обязанности: суд и стороны, т. е. состав суда, разбирающего дело, обвинение, представленное прокурором, обвиняемый (подсудимый), защищающийся от предъявленного ему обвинения, защитник, представляющий интересы обвиняемого (подсудимого)

и помогающий ему использовать его процессуальные права, часто гражданский истец, т. е. потерпевший, отыскивающий возмещение ущерба, причиненного ему преступлением, или его представитель. Все эти субъекты процесса, участвуя в судебном разбирательстве, отстаивают свои точки зрения, защищают свои позиции. Таким образом, все судебное разбирательство развертывается в основных своих чертах в виде борьбы сторон при активном участии в исследовании доказательств самого суда, которому предоставлено полномочие решения дела по существу, в виде состязания сторон. Завершается эта стадия процесса вынесением приговора.

Пятая стадия — кассационное обжалование — заключается в том, что сторона, недовольная приговором, обжалует его в вышестоящий суд, который проверяет приговор с точки зрения его законности и обоснованности.

Шестая стадия — исполнение приговора — заключается в реализации приговора, вступившего в законную силу, в осуществлении тех решений, которые в нем содержатся.

Это — нормальные стадии процесса, нормальные этапы прохождения уголовного дела. Но в зависимости от конкретных условий и результатов рассмотрения того или иного дела число стадий может как сокращаться, так и увеличиваться. Например, дело может быть прекращено в стадии предварительного расследования; в этом случае все последующие стадии отпадают. Наоборот, вынесенный судом приговор может быть отменен в порядке кассации; в этом случае стадии предварительного расследования, предания суду, судебного рассмотрения и кассационного обжалования по данному делу могут быть повторены, так как дело по отмене первоначального приговора вновь будет проходить те же этапы.

Кроме указанных шести нормальных стадий, имеются еще две особые, исключительные стадии, которые уголовное дело проходит лишь в особых случаях: судебный надзор и возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Об этих стадиях будет сказано особо.

Процессуальные отношения, объединяемые в каждой процессуальной стадии, и связь этих стадий между собой образуют систему уголовного процесса.

Процессуальные нормы, относящиеся к отдельным стадиям, и связь этих норм в одно целое образуют систему уголовно-процессуального права.

Система уголовного процесса, равно как и система уголовно-процессуального права, не является механическим соединением разрозненных процессуальных отношений и норм. Система процесса — это стройное, целостное объединение процессуальных отношений, норм, институтов, проникнутое едиными принципами, вытекающими из принципов суда и правосудия и определяемыми общими принципами данной государственной системы. Поэтому группировка процессуальных отношений и норм по стадиям и

соединение стадий в определенном порядке не является случайной и произвольной конструкцией, а находится в неразрывной связи с сущностью данной формы уголовного процесса, с его классовой природой и задачами. Так, например, обвинительная форма процесса имеет иную систему, чем инквизиционная форма, а последняя — иную, чем смешанная.

§ 2. Суд и его положение в системе уголовно-процессуальной деятельности

Основным органом, деятельность которого определяет направление и исход уголовного процесса, является суд. Уголовный процесс — это в основном судебный процесс. Поэтому уголовный процесс иногда называется уголовным судопроизводством. Следовательно, суд — главный субъект уголовного процесса. И нормальным результатом уголовного процесса является вступивший в законную силу приговор суда. Это не значит, что суд участвует во всех стадиях процесса и что его роль на разных стадиях процесса одинакова. В буржуазном уголовном процессе предварительное следствие проводится органом суда — следственным судьей, формально независимым от прокуратуры. Но, как будет видно из дальнейшего, роль суда в стадии предварительного следствия в буржуазном уголовном процессе очень незначительна и по сути дела лишь номинальна.

В советском уголовном процессе вся стадия предварительного следствия находится в руках прокуратуры, а не суда, но это не меняет того положения, что главным субъектом уголовного процесса в целом, «хозяином процесса» (dominus litis), является именно суд. Поскольку советский уголовный процесс является состязательным и принцип состязательности представляет собой важнейший руководящий принцип всей процессуальной деятельности, за судом сохраняется и именно ему принадлежит функция решения дела по существу. Только суд в уголовном процессе может признать человека виновным, только ему принадлежит право удостоверить, установить вину привлеченного лица и применить к нему предусмотренные Уголовным кодексом меры наказания. Как уже было сказано, существенным признаком состязательной формы уголовного процесса является отделение функции обвинения от функции решения дела. Следовательно, в советском уголовном процессе, построенном на принципе состязательности, центр тяжести всей процессуальной деятельности всех участников процесса лежит в том, чтобы обеспечить вынесение главным субъектом процесса, т. е. судом, своего решения по вопросу о виновности или невиновности привлеченного к уголовной ответственности лица.

Участвующие в процессе другие его субъекты (прокурор, защитник и др.) направляют свою процессуальную деятельность на то, чтобы доказать и обосновать свои утверждения, убедить суд

в правильности своих требований и притязаний. При этом каждый из них строит свою процессуальную деятельность исходя из своих процессуальных задач, в соответствии с выполняемой им процессуальной функцией. Но суд есть решающий субъект процесса, облеченный полномочиями выносить окончательное решение по существу дела, лишь ему принадлежит оценка обоснованности требований и утверждений всех других участников процесса. Следовательно, суд как субъект процесса не становится на позицию кого-либо из других участников процесса, — он все выслушивает, все взвешивает, все оценивает и решает вопросы дела самостоятельно, на основании закона и своей совести, по своему внутреннему судейскому убеждению. Поэтому объективность, непредвзятость, беспристрастность являются обязательными и неотъемлемыми свойствами суда как главного субъекта процесса.

§ 3. Подсудность

Подсудностью называется признак дела, по которому оно относится к ведению того или иного суда. Таким образом, вопросы подсудности сводятся к установлению суда, который может рассматривать определенные категории уголовных дел. При этом различаются два вида подсудности: 1) подсудность предметная, определяющая род дел, относимых к ведению отдельных звеньев судебной системы; 2) подсудность территориальная, определяющая, к ведению суда какой местности (района, области) относится данное дело. К этим двум основным видам подсудности в ряде случаев присоединяется еще третий вид подсудности — персональная, определяемая по признаку личности обвиняемого, его должностного положения.

В буржуазном уголовном процессе (в частности в дореволюционном русском) вопросы подсудности крайне осложнены, и относительно сферы ведения каждого суда и порядка отнесения к ней отдельных категорий уголовных дел существует очень сложная и казуистическая система правовой регламентации.

Развитие советского уголовного процесса шло в сторону расширения подсудности дел народному суду как основному звену советской судебной системы. По проведении реорганизации органов юстиции в связи с упразднением округов, согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР 10 октября 1930 г. (СУ № 51, ст. 627), вопросы предметной подсудности были разрешены следующим образом:

1) все дела, за исключением дел о контрреволюционных преступлениях, дел, по которым может быть применена высшая мера наказания, и иных дел, специально указанных в законе, подсудны народному суду;

2) дела о преступлениях контрреволюционных и иных, по которым может быть применена высшая мера наказания, а равно

дела о должностных и хозяйственных преступлениях руководящих работников краевых (областных) административных и хозяйственных учреждений подсудны краевому (областному) суду.

Постановлением 47 Пленума Верховного суда СССР 7 июня 1934 г. к подсудности краевым и областным судам отнесены все дела по обвинению в должностных и хозяйственных преступлениях директоров совхозов, совхозных трестов, МТС и их заместителей, а также должностных лиц всех видов промышленности не ниже директоров, их заместителей и главных инженеров предприятий общесоюзного и республиканского масштаба.

Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик определяет предметную подсудность уголовных дел каждому из судов, входящих в установленную Законом судебную систему, кроме Верховного суда СССР и Верховного суда союзной республики. Согласно ст. 21 Закона, народному суду подсудны следующие уголовные дела: о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства граждан — об убийстве, нанесении телесных повреждений, производстве незаконных абортов, незаконном лишении свободы, изнасиловании, злостном неплатеже алиментов, оскорблении, хулиганстве, клевете; об имущественных преступлениях — разбое, грабеже, краже, мошенничестве, вымогательстве; о служебных преступлениях должностных лиц — злоупотреблении властью, превышении власти, бездействии власти, растрате, бесхозяйственности, подлоге, обвешивании и обмеривании, превышении цен; о преступлениях против порядка управления — нарушении избирательного закона, злостном неплатеже установленных законом налогов и сборов, отказе от выполнения государственных поставок и повинностей, уклонении от призыва и от обязанностей военной службы, нарушении законных распоряжений органов власти.

Согласно ст. ст. 32 и 40 Закона, краевому, областному, окружному суду, суду автономной области и Верховному суду союзной республики подсудны следующие уголовные дела: о контрреволюционных преступлениях, об особо опасных преступлениях против государственного управления, о хищениях социалистической собственности, об особо важных должностных и хозяйственных преступлениях.

Подсудность дел специальным судам — военному трибуналу и линейным судам железнодорожного и водного транспорта — определяется ст.ст. 58 и 60 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик. Военному трибуналу подсудны дела о воинских преступлениях, а также об иных преступлениях, отнесенных к их ведению Положением о военных трибуналах и военной прокуратуре. Линейным судам железнодорожного и водного транспорта подсудны дела о преступлениях, направленных на подрыв трудовой дисциплины на транспорте, и о других преступлениях, нарушающих нормальную работу транспорта.

Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда союзной республики, а также Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР в качестве судов первой инстанции подсуден круг дел, определяемых по особым признакам, указанным в законе (ст. 449 УПК РСФСР).

Краевые и верховные суды могут принять к своему производству любое дело, подсудное нижестоящему суду.

В отношении территориальной подсудности действует такое положение: дело подсудно тому суду, в районе которого совершено преступление. Смысл этого правила заключается в том, что именно в месте совершения преступления, как правило, находятся свидетели по делу и те лица, интересы которых затронуты преступлением. К тому же общественный интерес, возбуждаемый уголовным делом, проявляется прежде всего среди граждан той местности, в которой совершено преступление, что не исключает того, что ряд уголовных дел может иметь общественное значение, далеко выходящее за пределы данного района, края, области. Однако по соображениям более полного, быстрого и беспристрастного рассмотрения дела оно может быть передано высшей судебной инстанцией (краевым, областным или Верховным судом) в другой суд — по месту жительства обвиняемого или потерпевшего, по месту нахождения важнейших свидетелей и по другим подобным признакам.

Персональная подсудность применяется лишь тогда, когда она прямо указана в законе, например подсудность Верховному суду РСФСР дел о должностных преступлениях высших должностных лиц республики согласно пп. 2 и 3 ст. 449 Уголовно-процессуального кодекса.

В дореволюционном русском уголовном процессе существовал особый институт — «пререкание о подсудности», т. е. порядок разрешения спора между судами по вопросу о том, кому подсудно данное дело. Советский Уголовно-процессуальный кодекс с самого начала установил, что никакие пререкания между судами по вопросу о подсудности не допускаются (ст. 40 УПК РСФСР).

§ 4. Уголовное преследование

Уголовным преследованием называется совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление. Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает ряд действий этого рода: привлечение к уголовной ответственности, собирание уличающих доказательств, применение мер пресечения, допросы, обыски и др.

Уголовное преследование является основной движущей силой уголовного процесса в том смысле, что именно эта процессуаль-

ная деятельность создает и развивает процессуальные отношения, приводит в движение всю систему процессуальных отношений.

Субъектами уголовного преследования являются органы следствия и прокуратура, а по делам частного обвинения (см. стр. 92) — потерпевший. Суд не является субъектом уголовного преследования — он не преследует, не изобличает, а судит, решает дело, устанавливает, насколько уголовное преследование, осуществленное органами следствия и прокуратурой, было обоснованным.

Объектом уголовного преследования является обвиняемый, т. е. лицо, привлеченное к уголовной ответственности по обвинению в совершении преступления. Как уже указывалось выше, в состязательном уголовном процессе обвиняемый является не объектом исследования, а субъектом процессуальных прав. То обстоятельство, что он в то же время является и объектом уголовного преследования, не устраняет его положения в процессе как субъекта процессуальных прав. Уголовное преследование, являясь основной движущей силой процесса, не поглощает всего процесса, а представляет собой лишь одну сторону процессуальной деятельности наряду с другими, о которых будет сказано ниже и которые обеспечивают обвиняемому его положение процессуального субъекта во всей системе процесса.

Являясь частью, видом процессуальной деятельности, уголовное преследование распространяется не на весь процесс. Так, оно начинается лишь тогда, когда в процессе появляется обвиняемый — конкретное лицо, которому предъявлено обвинение в совершении преступления, так как преследовать можно лишь определенное, конкретное лицо. Обычно уголовный процесс начинается при отсутствии достаточных оснований для привлечения кого-либо в качестве обвиняемого, так как предварительно требуется производство ряда следственных действий, направленных на выяснение основных обстоятельств дела и собирание доказательств, на основе которых только и можно привлечь конкретное лицо к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. Следовательно, первая стадия уголовного процесса — возбуждение уголовного дела — еще не есть возбуждение уголовного преследования, так как обвиняемого в этой стадии процесса еще нет, он появится позднее, в стадии предварительного расследования. Но и вторая стадия уголовного процесса — предварительное расследование — редко начинается с привлечения вначале обвиняемого: сперва производится ряд следственных действий в виде допросов, собирания доказательств и лишь потом, когда собраны данные, достаточные для предъявления обвинения, происходит привлечение лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого (ст.ст. 128 и 129 УПК). Следовательно, и в начальной части предварительного расследования может не быть еще уголовного преследования. Таким образом, уголовное преследование начи-

нается с момента привлечения лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого.

На предварительном расследовании уголовное преследование осуществляется органами следствия и прокуратурой, изобличающими виновного в совершении преступления и применяющими для этого предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом меры. Но поскольку следственные органы, согласно ст. 111 Уголовно-процессуального кодекса, должны исследовать обстоятельства и собирать доказательства, не только уличающие обвиняемого, но и оправдывающие его, уголовное преследование является частью процессуальной деятельности прокуратуры и следственных органов, но не исчерпывает всех их процессуальных задач.

На суде уголовное преследование осуществляется в форме обвинения прокуратурой, а по делам частного обвинения — самим потерпевшим от преступления.

Возбуждение уголовного преследования может иметь место лишь при наличии условий, установленных законом. Основным условием возбуждения уголовного преследования является наличие достаточных данных, указывающих на определенное лицо как на совершителя преступления. Какие именно данные являются в этом случае достаточными, в общем виде указать нельзя — это зависит от обстоятельств каждого конкретного случая. В самом общем виде можно установить, что привлечение к уголовной ответственности возможно тогда, когда: а) тот факт, по поводу которого подлежит привлечению данное лицо, является, согласно Уголовному кодексу, преступным и б) по делу собраны доказательства, дающие серьезное основание для обвинения данного лица в совершении этого преступления.

Буржуазное уголовно-процессуальное право и процессуальная теория устанавливают два по видимости противоположных, друг друга исключающих принципа, определяющих подход прокурора к возбуждению уголовного преследования: 1) принцип законности (Legalitätsprinzip), 2) принцип целесообразности (Opportunitätsprinzip). Принцип законности заключается в том, что прокурор обязан возбуждать уголовное преследование по поводу всякого факта, который уголовным законом предусмотрен как преступление. Принцип целесообразности, наоборот, дает прокурору право по соображениям нецелесообразности уголовного преследования воздерживаться от возбуждения такового, хотя бы состав преступления был налицо. Буржуазное процессуальное право сейчас обычно воспринимает принцип целесообразности, дающий прокурору возможность отступать от закона и по различным политическим и иным соображениям отказываться от возбуждения уголовного преследования, если такое возбуждение представляется нежелательным, неудобным. В противопоставлении этих двух принципов проявляется характерное для буржуазной правовой идеологии противопоставление «законности» и «целесообразности».

Это противопоставление в советском праве не имеет никакого смысла, так как в советском праве целесообразность не расходится с законностью и не противоречит ей. Так, ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает положение: «Прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему преследованию преступлению». Но преступление советским Уголовным кодексом определяется не только по формальным признакам, указанным в Особенной части Уголовного кодекса, но прежде всего по общественно-опасному содержанию данного действия. Поэтому действие, хотя формально и подпадающее под признаки какой-либо статьи Особенной части Уголовного кодекса, но в силу своей малозначительности и отсутствия вредных последствий лишенное общественно-опасного характера, преступлением не является и по поводу его уголовное преследование не возбуждается (примечание к ст. 6 УК РСФСР).

Уголовно-процессуальный закон устанавливает особый перечень обстоятельств, наличие хотя бы одного из которых устраняет возможность возбуждения уголовного преследования.

Обстоятельствами, устраняющими возможность уголовного преследования, являются: 1) смерть обвиняемого, 2) примирение обвиняемого с потерпевшим по делам частного обвинения, 3) отсутствие жалобы потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения, 4) истечение срока давности, 5) отсутствие состава преступления в действиях, приписываемых обвиняемому, 6) акт амнистии—общей (в отношении категории дел, к которой относится данное дело) и частной (в отношении данного дела или лица), 7) недостижение лицом, о преступлении которого возникает вопрос, установленного законом возраста и 8) наличие вступившего в законную силу приговора в отношении данного лица по обвинению в том же преступлении (ст.ст. 3 и 4 УПК).

Из этих общих положений допускаются некоторые исключения. Так, если лицо, о преступных действиях которого органами прокуратуры и следствия собраны данные, умерло, то возбуждение уголовного преследования, естественно, не может иметь места, так как является совершенно бесцельным. Но возбуждение уголовного преследования в отношении умершего имеет смысл, когда от исхода этого дела зависит судьба других дел, по которым привлечены и осуждены живые лица. Так, если судебный приговор основан на показаниях свидетеля или на заключении эксперта, как оказалось впоследствии — ложных, то хотя бы свидетель или эксперт умерли, в отношении их будет возбуждено уголовное преследование и произведено расследование, так как в зависимости от того, подтвердится ли или не подтвердится это обвинение, будет отменен или оставлен в силе приговор, основанный на их показании или заключении. Точно так же может быть возбуждено уголовное преследование в от-

ношении умершего судьи, если станет известно, что при вынесении им того или иного приговора им совершено преступление (взятка и т. п.), так как и в этом случае от результатов расследования будет зависеть решение вопроса об отмене или оставлении в силе вынесенного судьей приговора (ст.ст. 373 и 375 УПК).

Наконец, если осужденный умер, а после этого выявились новые данные, устанавливающие необоснованность вынесенного в отношении его обвинительного приговора, может быть произведено расследование в целях реабилитации умершего, если об этом просят его родственники, друзья или общественные организации, в которых он состоял (ст. 376 УПК).

Таким образом, смерть обвиняемого (п. 1 перечня) является обстоятельством, устраняющим возможность уголовного преследования, за исключением указанных выше случаев возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

По поводу положений, указанных в пп. 2 и 3 перечня, будет подробнее изложено ниже.

Истечение давностного срока (п. 4 перечня), согласно ст. 14 УК, не устраняет возможности уголовного преследования только в тех случаях, когда разрешение вопроса о применении давности зависит от суда (примечания 1 и 2 к ст. 14 УК).

Отсутствие в действиях обвиняемого состава преступления (п. 5 перечня) делает уголовное преследование беспредметным, безосновательным, а следовательно незаконным.

Положение, указанное в п. 6 перечня (п. 6 ст. 4 УПК), в особых пояснениях не нуждается.

Пункт 7 перечня говорит о разрешении вопроса об уголовном преследовании в зависимости от возраста обвиняемого.

До постановления ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» возбуждение уголовного преследования могло иметь место только в отношении лиц, которым к моменту совершения преступления минуло 16 лет.

Постановлением 7 апреля 1935 г. в целях быстрейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних этот возрастной предел снижен до 12 лет в отношении несовершеннолетних, уличенных в совершении кражи, в совершении насилия, причинении телесных повреждений, увечий, в убийстве, в покушении на убийство или в попытках к убийству. По этим делам возбуждение уголовного преследования возможно в отношении всех несовершеннолетних, достигших 12 лет. По остальным же делам (о всех прочих преступлениях) остается прежняя норма: уголовное преследование может возбуждаться только в отношении лиц, достигших в момент совершения преступления 16 лет.

Серьезное значение имеет принцип, указанный в п. 8 перечня: если в отношении данного лица был вынесен приговор, вступивший в законную силу, это лицо не может быть вновь при-

влечено за то же преступление, по обвинению в котором оно было осуждено или оправдано (если только этот приговор не был отменен). Этот принцип носит название «non bis in idem», что значит «нельзя дважды (привлекать) за одно и то же». Это правило вытекает из авторитетности и общеобязательности судебного приговора, имеющего для данного дела силу закона.

§ 5. Обвинение

Обвинением в уголовном процессе называется деятельность органа или лица, осуществляющего уголовное преследование, направленная на то, чтобы обеспечить успешность уголовного преследования.

Понятие обвинения можно разграничить на обвинение в материальном смысле и обвинение в формальном смысле.

Обвинение в материальном смысле — это совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление, т. е. то же самое, что и уголовное преследование.

Обвинение в формальном смысле — это деятельность специально уполномоченного законом органа или лица (обвинителя), выступающего перед судом и изобличающего на суде лицо, привлеченное к уголовной ответственности. Следовательно, обвинение в формальном смысле есть способ или форма уголовного преследования, осуществляемого на судебном разбирательстве прокуратурой, а в делах частного обвинения — потерпевшим. Обвинение, предъявляемое прокуратурой, является государственным обвинением.

В стадии предварительного расследования имеется обвинение в материальном смысле. В этой стадии собирание обвинительных и оправдательных доказательств сосредоточено в руках одного и того же органа (следствия, прокуратуры), который осуществляет уголовное преследование (обвинение) и в то же время обеспечивает обвиняемому возможность защищаться от предъявленного обвинения и решает все возникающие на следствии вопросы.

В стадии же судебного разбирательства мы имеем обвинение в формальном смысле. Здесь специальный орган—прокуратура—через своего представителя обвиняет на суде привлеченное к уголовной ответственности лицо, а суд решает, насколько это обвинение является обоснованным. Мы говорим здесь об обвинении в формальном смысле потому, что функция обвинения в этой стадии процесса выделена из всей процессуальной деятельности и сосредоточена в руках специального лица — обвинителя. Орган государственного обвинения через своего представителя (обвинителя-прокурора), поддерживающего на суде обвине-

ние, является стороной в процессе, которой противостоит другая сторона — защита. О функции обвинителя на суде в дальнейшем будет сказано особо.

Обвинение в уголовном процессе бывает трех видов: 1) публичное; 2) частное; 3) частно-публичное.

Существо этой классификации видов обвинения заключается в следующем.

Советский уголовный процесс носит публичный характер. Под публичностью процесса понимается такое его построение, при котором возбуждение уголовного дела, собирание доказательств и привлечение к уголовной ответственности лежат на органах государственной власти, выполняющих эти функции в силу возложенных на них обязанностей в публичных интересах (ex officio) независимо от воли и усмотрения частных граждан, потерпевших от преступления. В процессуальной литературе термин «публичность» иногда применяется в смысле «гласность»; надо иметь в виду это двойное значение термина.

Но наряду с этим общим порядком в известных узких пределах допускаются и иные.

Порядок уголовного преследования различается в зависимости от того, как разграничиваются функции по возбуждению уголовного преследования между судебно-следственными органами и частными лицами — потерпевшими. В уголовном процессе устанавливаются три категории уголовных дел:

1) дела публичного обвинения, по которым возбуждение уголовного преследования и все дальнейшее производство зависят от органов государственной власти (суд, прокуратура, следствие);

2) дела частного обвинения, уголовное преследование по которым возбуждается только по жалобе потерпевшего и подлежит прекращению в любой стадии процесса в случаях отказа потерпевшего от обвинения (оскорбление, клевета, легкие телесные повреждения и побои);

3) дела частно-публичного обвинения, уголовное преследование по которым возбуждается только по жалобе потерпевшего, но которые после возбуждения ведутся тем же порядком, что и дела публичного обвинения, и не подлежат прекращению в случаях отказа потерпевшего от обвинения.

Это разграничение порядка производства по уголовным делам выражено в ст.ст. 10 и 11 Уголовно-процессуального кодекса.

Однако по делам частного обвинения усмотрению потерпевшего не всегда придается решающее значение: от суда и прокуратуры зависит продолжить производство и закончить его приговором, если дело имеет общественное значение, хотя бы потерпевший примирился с обвиняемым и отказался от обвинения.

В отношении дел частно-публичного обвинения, к которым относятся дела об изнасиловании, определяющим моментом для возбуждения уголовного преследования является наличие жалобы потерпевшей. Это находит объяснение в том, что всякое та-

кое дело даже при условии его рассмотрения в закрытом судебном заседании связано с известной оглаской факта изнасилования потерпевшей и тяжелыми для нее моральными переживаниями. Поэтому закон и оставляет вопрос о возбуждении этих дел на усмотрение самой потерпевшей. Но коль скоро потерпевшая подала заявление о возбуждении дела, оно уже не подлежит прекращению даже в том случае, если потерпевшая заявит о своем примирении с обвиняемым. Это объясняется серьезностью такого рода преступлений и задачами борьбы с ними.

Дело о квалифицированном изнасиловании (ч. 2 ст. 153 УК РСФСР), равно как и об изнасиловании как преступлении, составляющем пережитки родового быта, относится не к частно-публичному, а к публичному обвинению.

§ 6. Обвиняемый

Обвиняемым в уголовном процессе называется лицо, в отношении которого следствием собраны достаточные доказательства, дающие основание предполагать его виновность в совершении конкретного преступления, и которое на основании этих доказательств в установленном законом порядке привлечено к уголовной ответственности по обвинению в совершении данного преступления.

Иначе, обвиняемый — это лицо, в отношении которого возбуждено уголовное преследование.

Обвиняемый появляется в уголовном процессе в стадии предварительного следствия, когда следствием собраны доказательства, достаточные для привлечения к уголовной ответственности, и в дальнейшем проходит через весь процесс. Именно вокруг него концентрируются все процессуальные действия всех участников процесса.

С того момента как в отношении обвиняемого состоялось решение о его предании суду, обвиняемый именуется подсудимым.

Являясь объектом уголовного преследования, обвиняемый в советском уголовном процессе, построенном на принципе состязательности, занимает процессуальное положение субъекта процессуальных прав. Он пользуется правом на защиту (в материальном и формальном смысле) и на судебном разбирательстве как равноправная сторона в процессе, участвует в исследовании всех доказательств и имеет все возможности оспаривать обвинение.

На судебном разбирательстве обвиняемый (подсудимый) является полноправной стороной в процессе, наделенной широкими процессуальными правами, при помощи которых он защищается от обвинения, поддерживаемого прокурором.

§ 7. Защита

Защитой называется совокупность процессуальных действий, направленных на опровержение обвинения, на установление невиновности обвиняемого или на смягчение его ответственности.

Следует различать защиту в материальном смысле и защиту в формальном смысле.

Защитой в материальном смысле называется совокупность процессуальных средств, которые предоставлены обвиняемому и при помощи которых он может защищаться от предъявленного ему обвинения. Следовательно, защита в материальном смысле — это вся сумма процессуальных прав обвиняемого и их процессуальных гарантий.

Защитой в формальном смысле называется участие в процессе защитника, т. е. лица, представляющего обвиняемого, защищающего его, помогающего ему использовать его процессуальные права.

Обвиняемый имеет право на защиту в материальном смысле во всех стадиях процесса, в том числе и на предварительном следствии, где закон ему предоставляет процессуальные права для оспаривания обвинения. Право же на защиту в формальном смысле обвиняемый имеет лишь в тех стадиях процесса, в которых закон допускает участие защитника, т. е. после того, как в отношении обвиняемого состоялось предание его суду. Защитник выступает на суде как сторона, противостоящая обвинителю, с равными процессуальными правами.

Статья 111 Конституции СССР, устанавливающая право обвиняемого на защиту, имеет в виду защиту в обоих значениях — и права самого обвиняемого, при помощи которых он защищается, оспаривает обвинение, приводит доводы и доказательства в свою защиту, и участие на суде защитника, защищающего обвиняемого, помогающего обвиняемому использовать его процессуальные права.

§ 8. Гражданский иск в уголовном процессе

Если при производстве по делу имеются данные о том, что преступными действиями обвиняемого потерпевшему причинен материальный ущерб, убытки, потерпевший может предъявить к обвиняемому гражданский иск. Этот иск может рассматриваться тем же судом одновременно с уголовным делом. Уголовный процесс, в котором суд совместно с уголовным обвинением рассматривает и вытекающий из этого обвинения гражданский иск, в юридической литературе часто называется «соединенным процессом» (Adhäsionsprozess).

Потерпевший от преступления может предъявить иск к лицу,

причинившему ему ущерб, в общем порядке, т. е. в порядке гражданского процесса. В этом случае иск будет рассматриваться отдельно от уголовного дела. Но закон дает потерпевшему право предъявлять этот иск и при производстве уголовного дела. В этом случае иск рассматривается судом вместе с уголовным делом, по подсудности последнего, независимо от размера, цены иска (ст. 14 УПК). Гражданский иск, предъявляемый при производстве уголовного дела и рассматриваемый совместно с ним, освобождается от единой государственной пошлины.

Рассмотрение гражданского иска совместно с уголовным делом обусловливается следующими основаниями. Прежде всего это есть серьезная льгота для потерпевшего от преступления лица. Помимо того что потерпевший освобождается в этом случае от уплаты единой государственной пошлины, ему значительно легче защищать свои интересы и обосновывать свои исковые требования, когда его иск рассматривается совместно с уголовным делом, в уголовном процессе, в котором выясняются все обстоятельства дела, относящиеся как к самому преступлению, так и к его последствиям.

Этот порядок удобен и для обвиняемого (подсудимого), который таким образом освобождается от необходимости отвечать на суде дважды: один раз по уголовному обвинению, другой раз по гражданскому иску.

Этот порядок удобен и для суда, устраняя необходимость дважды рассматривать связанные друг с другом вопросы и давая возможность суду в одном заседании, в одном процессе решить и уголовное дело и связанный с ним гражданский иск.

Наконец, по ряду уголовных дел установление размеров причиненных преступным деянием убытков является необходимым для правильного решения уголовного дела и квалификации преступления. Поэтому раздельное рассмотрение уголовного дела и гражданского иска может отрицательно отразиться на правильности разрешения самого уголовного дела (например по делам о хищениях, растратах и др.).

Гражданский иск в уголовном процессе может быть предъявлен лишь потерпевшим (как лично, так и через своего представителя). Другие лица, кроме потерпевшего, при наличии оснований могут предъявлять иск к обвиняемому отдельно от уголовного дела в общем порядке гражданского процесса, а не в уголовном процессе.

Как правило, гражданский иск может быть предъявлен к самому обвиняемому. Но в некоторых случаях он может быть предъявлен и к лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого (ст. 14 УПК); например, в случае привлечения к уголовной ответственности малолетних иск может быть предъявлен к родителям обвиняемого.

Гражданский иск может быть заявлен потерпевшим при возбуждении дела, на предварительном следствии и на суде, в последнем случае до начала судебного следствия (ст. 15 УПК).

Гражданский истец — потерпевший или его представитель — на судебном разбирательстве уголовного дела пользуется всеми правами стороны и может участвовать в исследовании на суде всех тех обстоятельств, которые имеют значение для обоснования иска или установления его размера. Если иск предъявлен не к самому подсудимому, а к лицу, несущему материальную ответственность за его действия, это лицо на судебном разбирательстве также выступает в качестве стороны (ответчика), возражающей против иска, оспаривающей его.

Если суд при рассмотрении уголовного дела отказал потерпевшему в гражданском иске, потерпевший лишается права предъявления этого иска вновь в порядке гражданского процесса. Равным образом, если потерпевшему, предъявившему гражданский иск в порядке гражданского процесса, в иске было отказано, он не может этот иск предъявить при производстве по уголовному делу.

О процессуальном положении потерпевшего см. стр. 191, 233 и 234.

§ 9. Процессуальные сроки

Ряд процессуальных действий участников процесса ограничен установленными законом сроками. Так например, срок на принесение жалобы на действия следователя устанавливается в 7 суток с того дня, когда жалобщику стало известно обжалуемое действие следователя (ст. 215 УПК); срок для принесения кассационных жалоб на приговор народного суда — в 5 суток со дня вынесения приговора (ст. 346 УПК) и т. д.

Соблюдение процессуального срока является необходимым условием для того, чтобы соответствующее процессуальное действие имело юридический эффект (например рассмотрение дела кассационной инстанцией). Закон устанавливает точные правила для исчисления этих сроков (ст. ст. 83—85 УПК). Сроки могут исчисляться часами, сутками или месяцами (это указано в соответствующих статьях УПК, предусматривающих отдельные процессуальные действия).

Если до истечения срока соответствующая жалоба или бумага были сданы на почту, срок не считается прошедшим, хотя бы в соответствующий орган (к следователю, прокурору, в суд) эти жалобы или бумаги дошли по истечении срока (ст. 86 УПК).

Лицо, пропустившее срок, может обратиться к следователю, прокурору или суду с просьбой о восстановлении срока. Если срок был пропущен по уважительной причине, постановлением следователя или прокурора или определением суда, в производстве которого находится дело, этот срок должен быть восстановлен (ст. 87 УПК).

ГЛАВА V

УЧЕНИЕ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ

§ 1. Общие понятия. § 2. Доказательства в обвинительном процессе. § 3. Теория формальных доказательств. § 4. Теория свободной судебной оценки. § 5. Теория доказательств в советском уголовном процессе. § 6. Доказательства и материальная истина. § 7. Предмет доказывания. § 8. Бремя доказывания. § 9. Презумпция невиновности. § 10. Средства доказывания. § 11. Классификация доказательств. § 12. Виды доказательств.

§ 1. Общие понятия

Одним из важнейших вопросов уголовного процесса является учение о доказательствах.

Доказательствами являются все фактические данные, которые в предусмотренных законом процессуальных формах устанавливают или опровергают событие преступления, уличают или оправдывают привлеченных к ответственности лиц и устанавливают степень их ответственности.

Таким образом, доказательствами является весь тот фактический материал, которым следствие и суд оперируют в процессе всей своей деятельности по разрешению уголовных дел и на основе которого они решают все основные вопросы существа этих дел.

Но в уголовном процессе доказательство может быть использовано следствием и судом лишь с соблюдением требований процессуального закона. Все фактические данные, при помощи которых следствие и суд исследуют и устанавливают обстоятельства дела и делают свои выводы о доказанности преступления и виновности обвиняемого, должны соответствовать условиям, устанавливаемым процессуальным законом, и закрепляться и оформляться согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса.

Следовательно, доказательство в уголовном процессе является процессуальным средством установления истины по уголовному делу, средством, опирающимся на процессуальный закон и применяемым в соответствии с ним.

Самый термин «доказательство» в уголовном процессе применяется в двух значениях — доказательство как источник получения следствием и судом сведений о том или ином факте и доказательство как самый факт, обстоятельство, на основании которого следствие и суд делают свои выводы по данному уголовному делу.

Приведем пример. По делу об убийстве Иванов, допрашиваемый в качестве свидетеля, показал, что он видел и слышал, как обвиняемый Васильев, незадолго до убийства потерпевшего Сидорова, грозил последнему убийством. В данном случае мы говорим, что свидетельское показание Иванова является доказательством (разумеется, одним из доказательств) виновности Васильева и, следовательно, имеем в виду под доказательством источник сведений о факте, имеющем значение по делу (т. е. об угрозах обвиняемого потерпевшему). И далее, в данном же случае мы говорим, что тот факт, что обвиняемый незадолго до насильственной смерти потерпевшего грозил последнему убийством, может служить доказательством (опять-таки, разумеется, в совокупности с другими доказательствами) виновности обвиняемого.

Такое придание понятию доказательства двух значений имеет тот смысл, что следствие и суд при пользовании доказательствами должны исследовать и оценить каждое из них в обоих значениях: во-первых, правилен ли, достоверен ли источник, из которого стало известно о данном факте (т. е. правду ли показывает свидетель, не ошибается ли он), во-вторых, если источник правилен, достоверен, можно ли из данного факта сделать вывод о виновности обвиняемого. Такое разделение понятия доказательства на два значения можно провести не во всех случаях. Это относится главным образом к косвенным доказательствам, о которых ниже будет сказано особо.

Техника собирания и исследования доказательств является предметом криминалистики. В науке же уголовного процесса вопросы доказательств изучаются с точки зрения принципов, на которые опираются пользование доказательствами и их оценка, и процессуальных форм и условий, соблюдение которых обязательно для того, чтобы те или иные фактические данные могли быть доказательствами по делу.

Для теории уголовного процесса проблема доказательств является одной из основных и важнейших. Знаменитый английский юрист Бентам говорил: «Искусство судопроизводства в сущности есть ни что иное как искусство пользоваться доказательствами» [1].

В этом утверждении есть, несомненно, некоторое преувеличение. Весь процесс, все процессуальное право не сводится к одному пользованию доказательствами, но несомненно, что именно здесь, в вопросах пользования доказательствами и их оценки,

---

[1] Бентам. О судебных доказательствах, русский перевод, 1876, стр. 2.

лежит один из существеннейших моментов всей процессуальной деятельности, тем более что вопросы доказательств, доказывания тех или иных фактов, проверки и оценки доказательств связаны со всеми стадиями уголовного процесса. Те процессуальные нормы и принципы, которые определяют порядок собирания доказательств, их закрепления и оценки, в теории уголовного процесса носят название доказательственного права, являющегося частью процессуального права.

В науке уголовного процесса совокупность принципов, положенных в основу действующих процессуальных норм, относящихся к доказательствам, обычно называется теорией доказательств. Применяя это название, следует иметь в виду, что им охватываются не только те или иные теоретические положения, но и принципы, которые лежат в основе действующего уголовно-процессуального права, действующего процессуального законодательства и судебной практики.

Рассмотрим, как решался вопрос о доказательствах в основных исторических формах уголовного процесса.

§ 2. Доказательства в обвинительном процессе

В период обвинительного процесса феодального государства, характеризовавшегося тем, что основная работа по собиранию доказательств лежала на сторонах, состязавшихся друг с другом, процесс доказывания сводился к тому, что стороны представляли суду доказательства и подвергались особым испытаниям, исход которых решал дело. Суд же лишь определял, на ком из сторон лежала обязанность доказывать то или иное положение и каким именно способом.

Так, процесс решался так называемым «судебным поединком», т. е. физической борьбой обвинителя и обвиняемого, и вопрос о правильности или неправильности тех или иных утверждений сторон, о достоверности свидетельских показаний и т. п. решался в зависимости от того, на чьей стороне оказывалась победа. Далее, процесс решался в зависимости от испытаний, которым подвергались стороны (а иногда и свидетели), — испытаний огнем, водою, раскаленным железом и т. п. (так называемые «ордалии»). В этих случаях вопрос о доказанности или недоказанности тех или иных фактов решался в зависимости от того, у какой стороны оказывалось больше телесных повреждений от подобных испытаний, выдержала ли та или иная сторона испытание огнем и т. д. (см. стр. 33). Здесь трудно вообще говорить о «теории доказательств», о какой-либо их системе. Религиозное обоснование доказательств — характерная черта феодального обвинительного процесса соответственно феодальной идеологии. Сами доказательства не были связаны с существом рассматриваемого дела, не извлекались из обстоятельств дела.

§ 3. Теория формальных доказательств

При смене обвинительного процесса розыскным (инквизиционным) процессом абсолютистского государства в корне изменились система доказательств и подход к ним со стороны суда. Для розыскного процесса в области оценки доказательств характерным являлось то, что сама оценка доказательств вообще перешла от суда к законодателю. Розыскному процессу присуща так называемая теория формальных доказательств. По этой теории, ценность каждого вида доказательств была определена в законе, который устанавливал заранее определенную степень достоверности каждого доказательства. Наиболее совершенным доказательством считалось сознание обвиняемого, признание им своей виновности («царица доказательств»). Согласные показания двух свидетелей имели преимущество перед показанием одного свидетеля. Показания одного свидетеля считались «неполным» доказательством, недостаточным для обоснования обвинительного приговора, но достаточным лишь для так называемого «оставления в подозрении» (см. стр. 37 и 264). Сами свидетельские показания расценивались по-разному, в зависимости от личности свидетеля. Но и этот различный подход к свидетелям вытекал не из обстоятельств конкретного дела, а из заранее данных предписаний закона; например, показания знатного имели преимущество перед показаниями незнатного, показания духовного лица — перед показаниями светского, показания мужчины — перед показаниями женщины. В этом — суть теории формальных доказательств, существовавшей в Западной Европе до конца XVIII и начала XIX в., а в России — до половины XIX в. (1864 г.).

Классовая природа этой системы очевидна. Она ясна хотя бы из приведенного выше разного подхода к показаниям свидетелей, в зависимости от их социального положения. Но и вся система жесткой законодательной регламентации оценки доказательств вытекала полностью из самого строя абсолютистского государства. Таким образом, при системе (теории) формальных доказательств роль суда сводилась по существу не к оценке, а к подсчету доказательств. «Совершенные» доказательства, как сознание обвиняемого, согласные показания двух «достоверных» свидетелей, предрешали обвинительный приговор, хотя бы по обстоятельствам дела суд вовсе не был уверен в правильности такого вывода. С другой стороны, на показаниях одного свидетеля, как бы убедительны они ни были, суд обосновать обвинительный приговор не мог.

В дореволюционном русском праве теория формальных доказательств была в развернутом виде представлена в «Воинском уставе» Петра I. О признании обвиняемого в нем сказано следующее: «Когда кто признает, чем он винен есть, тогда дальнего доказу не требует, понеже собственное признание есть лучшее свидетельство всего света».

В отношении оценки показаний свидетелей «Воинский устав» содержал все положения, характерные для теории формальных доказательств. Прежде всего устанавливается перечень «неугодных и презираемых свидетелей, которых на суде признать не можно», т. е. лиц, не допускаемых к даче свидетельских показаний. Этот перечень очень обширен и включает 15 категорий; к ним относятся, например, клятвопреступники, разбойники и воры, убийцы, лица, не выполнявшие религиозных обрядов («причастие»), родственники потерпевшего (жалобщика, «челобитчика»), лица, портящие межевые знаки, и др. Если обвиняемый оспаривает обвинение, он должен представить своих свидетелей против свидетелей обвинителя. «И кто из них лучших и более свидетелей на своей стороне имеет, которые правду сущую обстоятельствами доказать могут, тому и поверится».

Таким образом, решающее значение имеет прежде всего количество свидетелей со стороны обвинения или обвиняемого, а затем — чьи свидетели являются «лучшими».

Это последнее понятие «Воинский устав» разъясняет таким образом: «Сие слово лучшие свидетели, разумеется, что свидетель мужеска полу паче женска, и знатный паче худого, ученый неученого и духовный светского человека почтен бывает».

Теория формальных доказательств не могла обеспечить достижения в процессе материальной истины, так как заранее по формальным признакам придавала отдельным видам доказательств ту силу, которой они по обстоятельствам каждого данного дела иметь не могли. Эта теория и не преследовала такой цели; ее цель и смысл заключались в том, чтобы обеспечить вынесение обвинительного приговора, а если этого не удавалось — хотя бы оставить обвиняемого в подозрении, что фактически также сводилось к применению наказания.

На грани ломки инквизиционных форм процесса как переходную форму от теории формальных доказательств к теории свободной судебной оценки (см. ниже) некоторые законодательства вводили так называемую «отрицательную» теорию формальных доказательств. Изложенная выше «положительная» теория формальных доказательств исходила из предпосылки, что при наличии формальных доказательств суд не может оправдать обвиняемого; «отрицательная» же теория формальных доказательств видоизменяла это положение, переделывала его на либеральный лад, в пользу обвиняемого: при отсутствии формальных доказательств (т. е. доказательств, ценность которых заранее определена в законе) суд не может вынести обвинительный приговор в отношении обвиняемого. Существо теории формальных доказательств заключается в ее «положительной» форме; «отрицательная» форма означала разложение теории формальных доказательств, подготовку ее полной отмены и замены теорией свободной судебной оценки.

Известный политический писатель XVIII в. Монтескье, боровшийся против абсолютистского государства и инквизиционного

процесса, в известной мере придерживался отрицательной теории формальных доказательств. В своей книге «О духе законов» он писал: «Законы, допускающие гибель человека на основании показаний одного только свидетеля, пагубны для свободы. Разум требует двух, потому что свидетель, который утверждает, и обвиненный, который отрицает, уравновешивают друг друга, и нужно третье лицо для решения дела»[1]. Это — теория формальных доказательств с ее подсчетом доказательств, но перевернутая в сторону, благоприятную для обвиняемого.

§ 4. Теория свободной судебной оценки

Теория формальных доказательств, связывавшая свободное усмотрение суда заранее данными формулами закона, была уничтожена Французской буржуазной революцией 1789 г. Победившая буржуазия, уничтожившая систему феодальных отношений и абсолютистское государство, уничтожила для своего суда рамки, ограничивавшие свободное убеждение, свободное усмотрение судей. Судьям буржуазии, полностью проникнутым интересами своего класса, буржуазное государство предоставило полную свободу в оценке доказательств. На место формальных предписаний закона в области оценки доказательств была установлена свобода внутреннего убеждения суда.

Крайне интересны те прения, которые развернулись в заседании Учредительного собрания 26 декабря 1790 г. (во Франции) по вопросу об уголовно-судебных доказательствах. Некоторые ораторы, стоявшие за сохранение формальных доказательств, утверждали, что только система формальных доказательств способна обуздать произвол судей и гарантировать свободу граждан; отсутствие формальных доказательств и предоставление судьям права их свободной оценки сделает условными и необеспеченными жизнь и честь граждан и благо общества. «Достаточно ли того, чтобы судьи считали обвиняемого виновным, для того, чтобы признать преступление доказанным?» — патетически восклицал один оратор — Прюньон. Как видим, сторонники формальных доказательств в Учредительном собрании в защиту своей позиции выдвигали доводы, отнюдь не вытекающие из тех политических и социальных оснований, на которых была построена теория формальных доказательств в ее историческом осуществлении: делалась попытка революционизировать эту теорию, оторвать ее от абсолютистских основ и связать ее с «Декларацией прав человека и гражданина». Противники теории формальных доказательств выдвигали противоположные доводы, утверждая, что познание истины нельзя связать формулами и нельзя все многообразие жизненных явлений уложить в рамки формальной теории — это одинаково вредно как для общества, так и для об-

[1] Монтескье, О духе законов, русский перевод, 1900, стр. 188.

виняемого. Участвовавший в дебатах Робеспьер предлагал собранию компромиссное решение: формальные доказательства сохраняются, обвиняемый не может быть осужден при отсутствии определенных в законе доказательств; но он не может быть осужден и тогда, когда формальные доказательства имеются налицо, но они противоречат внутреннему убеждению судьи. Это была в основном «отрицательная» теория формальных доказательств. В результате дебатов победили сторонники свободы оценки доказательств исключительно по внутреннему убеждению судей, и принципы этой новой, в то время революционной теории впервые получили свое осуществление в законе от 16—29 сентября 1791 г., ст. 24 гл. VI которого гласила: «Только на обсуждениях и прениях, которые имели место в их присутствии, судьи должны обосновывать свое личное убеждение; только их личное убеждение играет здесь роль; только его объявление требуется от судьи законом; только к нему обращаются общество и обвиняемый».

Однако и в период Французской революции эти положения были установлены лишь для производства в общих уголовных судах. Когда же в период диктатуры Конвента для борьбы с тягчайшими посягательствами на основные завоевания революции был организован революционный трибунал, то принципы оценки доказательств для этого трибунала были сформулированы в ином виде. По вопросу о доказательствах в производствах по уголовным делам в революционном трибунале декрет Конвента 22 прериаля II г. (10 июня 1794 г.) устанавливал: «Доказательством, необходимым для вынесения приговоров над врагами народа, является всякая вещественная или моральная улика в устной или письменной форме, которая может служить достаточным основанием для всякого справедливого разумного гражданина; единственным руководством для вынесения приговора должна быть совесть присяжных, проникнутых любовью к родине: их целью является торжество Республики и гибель ее врагов...».

Декрет Конвента устанавливал положение, существенно отличное от того, которое ранее было установлено Учредительным собранием и позднее перешло в ныне действующий французский уголовно-процессуальный кодекс 1808 г. Здесь также подчеркивается свобода суда при оценке доказательств, но подчеркивается не пассивная сторона внутреннего убеждения, как в декрете 16—29 сентября 1791 г., а активное усмотрение суда в выборе средств для борьбы с тягчайшими, угрожающими революции, преступлениями.

Положительное буржуазное право западноевропейских государств свои истоки берет не в декретах Конвента, а в предшествовавшем ему законодательстве Учредительного собрания 1791 г.

Наиболее яркое выражение теория свободной судебной оценки нашла во французском уголовно-процессуальном кодексе 1808 г. В формулировке того обращения, которое должно быть сделано

присяжным их старшиной прежде чем они начнут обсуждение дела в совещательной комнате, принцип свободы судейского убеждения определен таким образом: «Закон не требует у присяжных отчета в тех средствах, от которых они получили убеждение; он не предписывает им правил, по которым они должны определить полноту и достаточность доказательств; он им предписывает спросить себя в тишине и сосредоточенности и поискать в искренности своей совести, какое впечатление произвели на их сознание доказательства, представленные против обвиняемого, и средства защиты последнего. Закон не говорит им: вы должны считать за истинный всякий факт, удостоверенный таким-то числом свидетелей; тем более он им не говорит: вы не будете считать достоверным всякое доказательство, которое не оформлено таким-то протоколом, такими-то документами, таким-то числом свидетелей и улик; закон ставит присяжным один единственный вопрос, который заключает всю меру их обязанностей: имеете ли вы внутреннее убеждение? Самое главное — это не терять из виду, что все обсуждение состава присяжных должно быть ограничено обвинительным актом; они должны сосредоточиться только на фактах, которые входят в его состав; присяжные не исполнят своей первой обязанности, если, думая о тексте уголовного закона, они будут соображать о тех последствиях, которые будут иметь для обвиняемого их решение. Их миссия — не в преследовании, не в наказании преступлений; они призваны исключительно для того, чтобы решить, виновен ли обвиняемый в инкриминируемом ему преступлении» (ст. 342).

В приведенных выражениях закона как бы слышны отзвуки тех страстных дебатов, которые развертывались по вопросу об уголовно-судебных доказательствах полтора века тому назад; их авторов воодушевляла острая полемика против теории формальных доказательств.

Таким образом, сущность теории свободной судебной оценки в том виде, как она выработалась во Французской революции 1789 г. и нашла свое классическое выражение в ст. 342 французского уголовно-процессуального кодекса, сводится к провозглашению свободного, ничем не ограниченного судейского убеждения, судейской совести. Внутреннее убеждение, основанное на тех впечатлениях, которые произвели на судей представленные им доказательства, — вот та основа, на которой строится судебное решение. Единственное ограничение, которое закон делал в этой области, — это очень мало выполнимое в действительности требование о том, чтобы присяжные думали только о доказанности или недоказанности обвинения и не думали о посторонних вещах, каковыми, по мнению французского законодателя, является судьба обвиняемого в результате его осуждения. Но и это ограничение отменено законом 5 марта 1932 г., согласно которому определение осужденному наказания производится судьями совместно с присяжными, а не одними судьями, как было до этого закона. Этим законом была изменена редакция ст. 342. Из

нее было исключено окончание, начиная со слов: «присяжные не исполнят своей первой обязанности...» и т. д.

О социально-политических основаниях этой теории было уже сказано выше. Освобождение буржуазии от тех пут, которые на нее накладывал абсолютистский режим, произошло во всех областях общественной и правовой жизни, в том числе и в сфере окончательного решения уголовных дел. Крайне характерно, что доктрина французской революции отрицала всякую самостоятельность и усмотрение суда в вопросах толкования закона: когда фактическая сторона дела разрешена вердиктом присяжных, суд лишь механически применяет материальный закон к установленному фактическому составу. Наоборот, в отношении установления самого фактического состава, разрешения фактической стороны дела (прежде всего в вопросе о виновности преданных суду лиц) эта доктрина полностью освободила суд от всяких формальных условий, предоставила суду (присяжных) полную свободу усмотрения. Причину этого явления следует искать в разделении суда на судей факта (присяжные заседатели) и судей права (постоянные судьи). Революция питала очень мало доверия к последним, еще тесно связанным с королевской властью, и наоборот, всецело полагалась на первых, избираемых из среды народа.

В положительном праве главнейших западноевропейских государств процессуальное законодательство повсеместно утверждает теорию свободной судебной оценки, хотя и в более сжатых и сдержанных выражениях, чем французский уголовно-процессуальный кодекс. Так, ст. 260 германского уголовно-процессуального кодекса 1877 г. устанавливает: «О выводе из представленных к делу доказательств суд решает по своему свободному убеждению, сложившемуся в результате рассмотрения производства дела». На той же точке зрения стоял и русский дореволюционный Устав уголовного судопроизводства (ст. 766).

Довольно своеобразную вариацию теории свободной оценки доказательств представляет английское доказательственное право. Воспринимая теорию свободной судебной оценки, английское право сочетает ее с некоторыми чертами теории формальных доказательств. Оценку доказательств английское право, как и континентальное процессуальное право, предоставляет целиком внутреннему убеждению судей, но в отличие от второго оно подвергает строгой и казуистической регламентации порядок допущения тех или иных доказательств к рассмотрению их судом. Если доказательство допущено, оно свободно оценивается судьями по их внутреннему убеждению, но самое допущение доказательства к делу обставлено различными формальными условиями. Английское доказательственное право устанавливает так называемые правила об относимости фактов и допустимости доказательств. Правила об относимости устанавливают круг тех фактов, которые признаются относящимися к делу, а потому подлежащими доказыванию,

и, соответственно, круг фактов, к делу не относящихся и доказыванию не подлежащих. Правила о допустимости доказательств устанавливают, какие доказательства могут приниматься судом к рассмотрению и какие нет. Реально правила об относимости и допустимости переплетаются и разграничить их очень трудно.

Приведем несколько иллюстраций из области английского доказательственного права. При обвинении в тяжких преступлениях требуется определенный минимум доказательств; так, осуждение за государственную измену не может быть основано на показаниях одного свидетеля, требуется не менее двух. Недопустимы свидетельские показания «по слуху», т. е. показания свидетеля о том, что он слышал от другого лица (исключение — свидетельство о предсмертных словах умершего). Недопустимо высказывание свидетелем своих мыслей и выводов. Данные о дурном образе жизни обвиняемого, его дурном поведении в прошлом признаются не относящимися к делу и не могут быть доказываемы, однако прежняя судимость обвиняемого за аналогичное преступление может быть принята судом в расчет при определении наказания. Наконец, английское доказательственное право детально регламентирует так называемое «бремя доказывания», (onus probandi), устанавливая, на ком лежит обязанность доказывать тот или иной факт. Исходя из презумпции невиновности, т. е. из предположения, что всякий признается невиновным, пока положительно не доказана его виновность, английское доказательственное право это «бремя доказывания» возлагает на обвинителя. Однако, когда сторона защиты в ходе процесса выставляет какое-либо утверждение в пользу обвиняемого, «бремя доказывания» в отношении этого утверждения переходит к защите.

При рассмотрении дела в суде присяжных председатель суда обязан указать присяжным правила, которым они должны следовать при оценке доказательств, но эти правила для присяжных являются необязательными. Например, судья должен указать присяжным, что оговору обвиняемого его соучастниками не следует доверять; однако присяжные могут этому оговору поверить, если он их убеждает. Таким образом, в своем существе английское доказательственное право стоит на позициях свободной судебной оценки, внося в нее коррективы лишь в отношении внешней регулировки представления доказательств на рассмотрение судей.

Характерной особенностью буржуазной теории свободной судебной оценки является то, что, отказываясь от регулирования самой оценки доказательств формальными предписаниями закона, она эту оценку целиком предоставляет внутреннему убеждению суда. Внутреннее убеждение суда как единственный критерий (мерило) оценки доказательств — вот в чем суть этой теории. Ценность, сила, значение каждого доказательства определяются тем, насколько это доказательство убеждает суд, насколько оно создает у судей ту или иную степень убежденности.

Для правильности понимания теории свободной судебной оценки, внутреннего судейского убеждения необходимо иметь в виду следующее.

По сравнению с теорией формальных доказательств средневекового инквизиционного процесса эта теория имела громадное положительное, прогрессивное значение. Теория формальных доказательств связывала суд заранее данными формальными рамками, механизируя оценку доказательств, определяя степень их достоверности по формальным признакам, не вытекающим из особенностей каждого конкретного дела. Она превращала судей в механических счетчиков доказательств, лишала их возможности учитывать все своеобразие обстановки каждого дела, действительное значение каждого отдельного факта и обстоятельства. Теория формальных доказательств не могла обеспечить правильности решения дела по существу, да и не преследовала этой цели. Задачей этой теории как неотъемлемого элемента инквизиционного процесса было обеспечить обвинение во что бы то ни стало, усилить репрессивную роль инквизиционного суда как органа непосредственной террористической расправы дворянско-помещичьего государства с крестьянством, с «лихими людьми», со всеми угнетенными и эксплоатируемыми. С этой точки зрения теория свободной судебной оценки, отменив формальные признаки для оценки доказательств и предоставив суду свободно воспринимать и оценивать все доказательства и решать дело по внутреннему убеждению судей, была громадным шагом вперед.

Вместо тайного, письменного инквизиционного процесса, лишавшего обвиняемого всех процессуальных прав, буржуазия создала гласный, устный и состязательный процесс, вместо системы формальных доказательств — свободную их оценку судом по внутреннему убеждению судей. В этой теории свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей нашли свое выражение все элементы буржуазной правовой идеологии эпохи расцвета капитализма — индивидуализм и либерализм.

Следовательно, теория свободной судебной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей является, наряду с принципами устности, гласности, непосредственности и состязательности процесса, определенным элементом буржуазной демократии в сфере деятельности суда.

То понимание, которое дается буржуазным процессуальным правом внутреннему судейскому убеждению в качестве критерия оценки доказательств, носит определенно выраженный субъективистский характер: центр тяжести оценки доказательств перенесен в сознание судей, в их внутреннее убеждение, в их впечатления, получаемые ими от рассмотрения доказательств. Приведенная выше ст. 342 французского уголовно-процессуального кодекса прямо говорит о «впечатлениях» («какое впечатление произвели на их сознание доказательства...»). За внешними фактами, за объективными обстоятельствами не признается какого-

либо обязательного для суда значения — все дело в том, какое убеждение (или впечатление) создалось у судей от того или иного факта.

Мы не можем признать теорию свободной оценки по внутреннему убеждению суда, вполне адэкватно (правильно, точно) отражающей действительное содержание и действительные методы деятельности буржуазного суда в области оценки доказательств. Конечно, меньше всего есть оснований утверждать, что буржуазный суд решает дела только по впечатлению, что объективные факты не имеют для него никакого значения, что исключительно субъективные переживания судей определяют оценку доказательств. Теория свободной оценки по внутреннему убеждению отражает деятельность буржуазного суда в идеологически извращенной форме. Внутреннее убеждение буржуазного суда есть форма реагирования классового суда на те или иные конкретные факты нарушения интересов класса буржуазии, и это убеждение при всей его субъективистской трактовке не расходится с интересами класса, а всемерно им соответствует и содействует. Но самый принцип внутреннего, бесконтрольного и не поддающегося учету убеждения маскирует классовое содержание деятельности буржуазного суда при решении вопроса о виновности обвиняемого.

Маркс дал резкую критику внутреннего убеждения буржуазных судей — присяжных заседателей, указывая на классовый характер их «совести», которою они якобы руководствуются при разрешении уголовных дел. В статье «Процесс Готшалька и его товарищей» (1848 г.) Маркс писал, что суд присяжных не сможет обеспечить правильного решения этого дела. «Но с о в е с т ь присяжных, — возразят нам, — с о в е с т ь — нужна ли бóльшая гарантия? Ах, mon dieu (боже мой. — А в т.), совесть зависит от сознания и от всего образа жизни человека.

У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего — иная, чем у неимущего, у мыслящего — иная, чем у того, кто никогда не мыслит. У человека, который призван к обязанностям присяжного одним только цензом, и совесть цензовая.

В том-то и дело, что «совесть» привилегированных — привилегированная совесть»[1].

Исторически теория свободной судебной оценки доказательств была связана с введением суда присяжных. Именно на присяжных заседателей была рассчитана основная установка этой теории — внутреннее убеждение суда как критерий оценки доказательств, но распространена она была на все формы суда. Реакционный поход против суда присяжных, характерный для эпохи империализма, всевозможные ограничения сферы его деятельности, полное упразднение суда присяжных в ряде государств (Италия, Германия) — все это связано также с различными нападками на теорию свободной судебной оценки, попытками лик-

[1] М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. VII, стр. 495—496.

видировать внутреннее судейское убеждение и найти какие-то другие критерии оценки доказательств.

В теоретическом обосновании этих реакционных устремлений руководящая роль принадлежала антропологической школе уголовного права. Один из виднейших представителей антропологической школы, итальянский криминалист Энрико Ферри, в своей книге «Уголовная социология» дал следующую трактовку теории доказательств.

Ферри устанавливает четыре фазиса в эволюции уголовно-судебных доказательств: первый фазис — первобытный, когда доказательства основываются на наивном эмпиризме личных впечатлений (месть, оборона); второй фазис — религиозный (ордалии, судебные поединки); третий фазис — законный или легальный (система формальных доказательств); четвертый фазис — сентиментальный (теория свободной оценки). К этим четырем, имевшим место в истории, фазисам Ферри желает добавить пятый фазис — научный, который не нашел своего осуществления в законе, но уже намечается в научных исследованиях. Сущность этого фазиса заключается, по мнению Ферри, в том, что судьи будут решать дело не по впечатлению, как это имеет место ныне, а на основании точных данных науки. Поэтому решающее значение для дела будет иметь экспертиза. Наука создает ряд средств для установления преступлений и опасного состояния преступников. Эти средства являются предметом различных научных дисциплин, которые разрабатывают данные о психофизических свойствах преступника, о способах установления личности преступника, о химических и физических свойствах различных обстоятельств уголовных дел. Например, данные об очертаниях черепа того или иного лица могут послужить основанием к установлению участия этого лица в совершении преступления; особый аппарат, так называемый сфигмограф, по изменениям в кровообращении заподозренных в преступлении лиц сможет указывать, действительно ли виновны они в преступлении; научная психология и психопатология определяет правильность или неправильность свидетельских показаний и т. д. Внутреннее же убеждение судей, судейскую совесть Ферри объявляет фикцией, измышлением, не имеющим реального основания.

Рассматривая эти воззрения Ферри, следует признать, что он лишь прикрывает, лишь маскирует их научной (вернее, наукообразной) фразеологией, в действительности же во всех его утверждениях нет ни малейшего намека на научность даже с точки зрения достижений буржуазной науки.

Все приемы и методы, которые Ферри предлагает применять (а он предлагает применять к допрашиваемым лицам и гипноз), ничего общего с наукой не имеют. Это — мракобесие, средневековое варварство, прикрашенное под науку и заменяющее свободную деятельность суда всевозможными махинациями с приборами, аппаратами, якобы вскрывающими действительную опас-

ность лица, а в действительности дающими возможность суду приходить к каким угодно выводам. Это — старая теория формальных доказательств, перелицованная на современный лад. Ферри утверждает, что правосудие есть клиника, предохраняющая от преступлений. И несомненно, что теория Ферри имеет значение и в том смысле, что она пытается авторитетом науки прикрыть классово-угнетательскую роль буржуазного суда, когда ссылки на совесть и внутреннее убеждение судей для этой цели оказываются недостаточными. Эта теория реакционна от начала до конца.

В капиталистических государствах, ломающих буржуазно-демократические правовые формы, естественно, ничего не остается и от теории свободной судебной оценки доказательств в ее классическом виде. И в законодательстве и в практике появляются различные доказательственные средства из арсенала средневековой теории формальных доказательств: ориентировка на сознание обвиняемого как на «лучшее доказательство», применение пытки, отказ от презумпции невиновности. Но главенствующую и преобладающую роль в этой области получают искусственно созданные, подстроенные и фальсифицированные доказательства, показания заведомых лжесвидетелей (полицейских агентов, провокаторов и др.), так что в этом отношении вообще нельзя говорить о какой-либо «теории» доказательств.

§ 5. Теория доказательств в советском уголовном процессе

Советский уголовный процесс проводит резко отрицательное отношение к теории формальных доказательств. Самый строй, самое существо советского уголовного процесса категорически исключают возможность применения хоть каких-либо элементов этой теории в какой бы то ни было форме. Ни одно доказательство не может иметь для суда заранее установленного значения, но все они подлежат проверке и оценке судом в связи со всеми обстоятельствами данного дела. Связывание суда при оценке доказательств формальными признаками и условиями, ограничение его свободного внутреннего убеждения означало бы снижение роли и значения советского социалистического правосудия. Поэтому советский уголовный процесс берет из теории свободной судебной оценки доказательств все лучшее, что в ней имеется,—живое убеждение судей как основу судебного приговора, активную творческую роль суда в исследовании и оценке каждого доказательства в отдельности и всех их в совокупности.

Статья 112 Сталинской Конституции устанавливает: «Судьи независимы и подчиняются только закону». В соответствии с ней Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик формулирует принцип независимости судей и их подчинения только закону как важнейший руководящий принцип социалисти-

ческого правосудия (ст. 6). Из этого вытекает принцип свободного судейского убеждения при оценке доказательств. Советские судьи не связаны никакими внешними рамками и формальными условиями при оценке всех конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Равно недопустимы в отношении судей, когда они решают судебные дела, какие-либо посторонние влияния и воздействия. Судьи решают дело исходя из обстоятельств дела и по своему убеждению, опирающемуся на эти рассмотренные судом обстоятельства. Только закон является руководящим началом для судей и только закону они подчиняются. Следовательно, основным и руководящим принципом советской теории доказательств является принцип свободного судейского убеждения, основанного на рассмотрении всех обстоятельств дела.

Это положение было точно сформулировано в процессуальном законодательстве СССР и союзных республик.

Статья 20 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» 1924 г. устанавливает: «Суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства. Клятва и присяга на суде, как доказательство, не допускаются». В теснейшей связи с этим принципом находится принцип, установленный ст. 23 «Основ»: «Суд основывает свой приговор на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности».

Аналогичные положения сформулированы в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик (ст.ст. 57 и 319 УПК РСФСР).

Но свободная судебная оценка доказательств, свободное внутреннее убеждение судей в советском уголовном процессе имеет иной характер, иное содержание и иную форму, чем в буржуазном уголовном процессе. Это не та «теория свободной судебной оценки», которая характерна для буржуазного уголовного процесса. Внутреннее убеждение советских судей — это их социалистическое убеждение, социалистическая совесть, неразрывно связанные с социалистическим правосознанием, т. е. с сознанием судьями задач советского социалистического правосудия, своих задач в деле строительства социализма и борьбы с посягательствами на советскую власть, на правила социалистического общежития. Следовательно, в советском уголовном процессе речь идет о качественно ином внутреннем убеждении судей, чем в буржуазном процессе.

Но это означает, что и с точки зрения своего процессуального значения, своей процессуальной роли самый принцип свободной судебной оценки доказательств — и со стороны содержания и со стороны формы — есть социалистический принцип, принцип социалистического правосудия. Следовательно, он должен трактo-

ваться иначе, чем в теории и практике буржуазного уголовного процесса.

Наше понимание свободной судебной оценки доказательств лишено той субъективистской и идеалистической окраски, которая свойственна буржуазной теории доказательств. Само судейское убеждение, по которому суд выносит свой приговор, должно быть основано на обстоятельствах дела, на тех доказательствах, которые по делу собраны, должно из них вытекать и на них опираться. Следовательно, само убеждение судей в силе, в значении доказательств по данному делу должно быть обоснованным, должно быть правильным, должно устанавливать «материальную истину», т. е. устанавливать обстоятельства дела в полном соответствии с действительностью.

Основа оценки доказательств по советскому уголовному процессу заключается в том, чтобы обеспечить объективную, действительную достоверность выводов суда, а не только субъективную, внутреннюю убежденность судей. Каждое отдельное доказательство и вся их совокупность по каждому конкретному делу оцениваются судом в зависимости от того, насколько то или иное доказательство способно установить факты и события в том виде, как они имели место в действительности. Поэтому совершенно неприемлемой является оценка доказательств и установление судом тех или иных положений и выводов в противоречии с собранным материалом и с объективными данными дела.

Каждое доказательство оценивается судом по всей совокупности обстоятельств каждого данного дела, каждое доказательство берется не изолированно, а в той конкретной обстановке, с которой оно связано, в зависимости от того, от кого оно исходит и как оно связывается с другими обстоятельствами. Поэтому формально одинаковые, сходные доказательства могут быть поразному расцениваемы в различных делах, в различных случаях. Иными словами, одно и то же доказательство имеет различное значение в зависимости от обстоятельств конкретного дела.

Осуществление правосудия, как было указано в начале этого учебника, свое выражение находит в применении судом законов к конкретным фактам, установленным судом. Следовательно, существенным элементом правосудия является точное установление фактов, в полном соответствии с действительностью.

В этой деятельности суда метод установления фактов, событий преступления, обстановки их совершения, лиц, их совершивших, и т. д., занимает одно из существеннейших, определяющих мест; это и есть методы и принципы оценки доказательств. Эта оценка должна базироваться на точном объективном исследовании фактов действительности, с тем чтобы выводы суда полностью этой действительности отвечали.

Суммируя изложенное относительно теории доказательств в советском уголовном процессе, следует установить, что в основе этой теории лежит требование полной д о с т о в е р н о с т и выводов суда из рассматриваемых им доказательств, объективной

истинности тех обстоятельств, которые суд устанавливает.

Оценка доказательств судом представляет собой сложный процесс судебной деятельности. Эта деятельность включает субъективный и объективный моменты. Субъективный момент — внутреннее убеждение судьи, объективный момент — объективная достоверность выводов суда из рассмотренных доказательств. Советская теория доказательств, как и сама деятельность советского суда, должна сочетать оба эти момента, обеспечить их диалектическое единство [1]. Это достигается тем, что каждый приговор суда должен отвечать следующим основным условиям: убежденность судей в правильности своего решения, убедительность выводов суда, их обоснованность и полное соответствие объективным фактам действительности.

Задачу нахождения по делу материальной истины ставит и буржуазная процессуальная теория, но эта задача в буржуазном процессе наталкивается на ряд препятствий. В буржуазном суде обстоятельствами, препятствующими раскрытию по делу истины, часто является то, что раскрытие такой истины вовсе не выгодно господствующему классу; в ряде случаев «истина» прямо фальсифицируется по соображениям политического порядка, когда ее заведомо ищут не там, где следует искать. История буржуазного суда дает богатый перечень таких «судебных ошибок» (например в прошлом столетии известное дело Дрейфуса во Франции, в последнее время — дело Сакко и Ванцетти в США, дело Ракоши в Венгрии и множество других дел). Но даже в тех случаях, когда прямой подстроенности дела и нет, буржуазный суд при исследовании дела (даже общеуголовного) не может достаточно углубляться в выяснение причин имевшего место преступления, так как подобное выяснение причин преступления неизбежно привело бы к выявлению основных противоречий капиталистического строя, порождающих преступления.

Таких обстоятельств для нашего суда нет. Советский суд, Советское государство в целом заинтересованы в правильном во всех отношениях разрешении уголовного дела, в выявлении и наказании действительного виновника преступления, в гарантировании честных советских граждан от неосновательного привлечения и осуждения. Поэтому в советском уголовном процессе внутреннее убеждение судей ни в какой мере не служит целям обоснования их произвола и оправдания неправильных судебных решений, как это имеет место в буржуазном процессе, а является прочным основанием и важнейшей гарантией вынесения советским судом правильных, справедливых приговоров.

---

[1] По вопросу о роли внутреннего судейского убеждения в оценке доказательств см. дискуссию 1936 г. в «Проблемах уголовной политики», кн. IV, статьи А. Я. Вышинского, М. С. Строговича и С. А. Голунского. Автор настоящего учебника не считает возможным настаивать на всех своих утверждениях, сделанных им во время этой дискуссии: установка на ограничение роли внутреннего судейского убеждения, несомненно, была ошибочной.

§ 6. Доказательства и материальная истина

Как было указано выше (стр. 73), одно из важнейших значений уголовно-процессуальной формы в советском уголовном процессе состоит в том, что эта форма обеспечивает нахождение материальной истины по конкретным уголовным делам. Материальная истина в уголовном процессе—это полное соответствие выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого дела тому, что имело место в действительности[1].

Материальная истина по конкретным уголовным делам устанавливается при помощи доказательств, которые собираются и проверяются следствием, а затем при участии сторон исследуются на судебном разбирательстве и оцениваются судом при постановлении приговора.

Все процессуальные действия следователя, суда и сторон при исследовании доказательств направлены на то, чтобы при помощи этих доказательств притти к достоверным выводам, установить обстоятельства дела так, как они имели место в действительности, т. е. найти материальную истину.

В ряде юридических работ по уголовному процессу, главным образом буржуазных авторов, высказывается утверждение, что в уголовном процессе истина не может быть полностью обнаружена, что истина, вообще недоступна человеческому познанию, тем более недоступна для суда, деятельность которого поставлена в жесткие процессуальные рамки и ограничена сроками. Вследствие этого суду приходится довольствоваться по каждому уголовному делу так называемой «судебной (или юридической) истиной», представляющей собой не действительную истину, а лишь высокую степень вероятности (Владимиров, Розин). Иногда это утверждение о недоступности для суда истины обосновывается положениями кантианской теории познания, отрицающей познаваемость «вещей в себе» (Эли).

Для правильного уяснения и разрешения вопроса о материальной истине в уголовном процессе надлежит иметь в виду следующее. Процессуальное исследование обстоятельств уголовного дела, естественно, не может и не должно охватывать абсолютно все факты действительности, так или иначе соприкасающиеся с существом рассматриваемого дела. Круг фактов, подлежащих исследованию, о чем мы ниже скажем подробнее, ограничивается лишь теми обстоятельствами, которые имеют существенное значение для решения дела, для применения норм уголовного права. Поэтому процессуальное понятие материальной истины имеет условное значение — в смысле его обусловлено-

---

[1] Материальная истина противопоставляется в теории уголовного процесса формальной истине, под каковой понимается соответствие выводов следствия и суда различным формальным условиям, а не тому, что имело место в действительности.

сти характером рассматриваемого дела и рамками уголовного закона.

Но в пределах круга тех вопросов, которые подлежат разрешению в уголовном деле, выводы и утверждения суда должны быть не вероятны, а достоверны, т. е. правильны, истинны. Решение суда по таким вопросам, как: имело ли место преступление и какое именно, совершил ли его обвиняемый, по каким мотивам и т. д., должно устанавливать все эти обстоятельства так, как они имели место в действительности, не приблизительно, не с вероятностью, а точно и с достоверностью. Только достоверный вывод суда, опирающийся на правильно, в соответствии с действительностью установленные обстоятельства дела, может быть положен в основу судебного приговора. Исследование и оценка доказательств своей целью и результатом должны иметь материальную истину. Следовательно, истина, достоверность, а не вероятность (хотя бы и высокая ее степень) должны лежать в основе судебного приговора.

Правда, в каждом конкретном случае и отдельном деле нельзя заранее провести формальную грань между высокой степенью вероятности и достоверностью. В конечном счете сам суд по своему внутреннему убеждению, опирающемуся на всю совокупность рассмотренных им обстоятельств дела, решает, где достигается в данном деле достоверность, истина, а где речь может итти лишь о вероятности. Но различие между вероятностью и достоверностью — не количественное, а качественное. Вероятность тех или иных событий и обстоятельств (виновности обвиняемого и пр). может быть очень велика, но из нее все же нельзя сделать положительных выводов по делу до тех пор, пока суд не придет к твердому, глубокому и обоснованному убеждению, что в данном случае достигнута уже не вероятность, а именно достоверность, материальная истина.

Конечно, не всякое решение дела, не всякий судебный приговор в действительности устанавливают истину — могут быть и бывают неправильные приговоры, ошибочные утверждения суда. Но причина подобных явлений лежит вовсе не в непознаваемости истины для суда, а в недостаточно удовлетворительной работе отдельных судей, в плохом качестве работы отдельных следственных органов. Все это причины, которые можно и должно устранить.

Буржуазная юридическая доктрина придерживается положения — res judicata pro veritate habetur, т. е. решение суда считается истинным. Это положение можно принять лишь в том смысле, что решение (приговор) суда считается истинным, пока не имеется серьезных данных о его неправильности. Если же такие данные есть, советское законодательство всегда открывает путь к исправлению допущенной ошибки, к пересмотру и отмене приговора, хотя бы и вступившего в законную силу (ст.ст. 15 и 16 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик).

Мы выше уже указывали, что нахождение материальной истины в буржуазном уголовном процессе наталкивается на такие препятствия, вытекающие из эксплоататорского характера буржуазного правосудия, которые очень часто нахождение материальной истины делают невозможным и нежелательным для буржуазного следствия и суда. Таких препятствий в советском уголовном процессе нет, так как это процесс социалистического государства, заинтересованного всегда в правильном по существу решении уголовных дел, в осуждении и наказании только действительно виновных в совершении преступлений лиц. Поэтому в советском уголовном процессе материальная истина всегда должна быть целью и результатом процессуальных действий суда, оценивающего исследованные им доказательства по своему внутреннему социалистическому убеждению.

Принципы материальной истины находят широкое применение в советской судебной практике и настойчиво подчеркиваются в ряде решений Верховного суда СССР. Так, в постановлении Пленума Верховного суда СССР 31 декабря 1939 г. «О судебной практике по делам о спекуляции» указывается, что суд основывает свои выводы не на предположениях, а на конкретных фактах. В постановлениях Пленума Верховного суда СССР по конкретным делам также содержатся положения принципиального характера по вопросу о доказательствах: приговор суда должен основываться на строго проверенных и обоснованных материалах дела (постановление 3 мая 1939 г. по делу Васильева), приговор суда не может быть оставлен в силе при наличии неустранимых противоречий в материалах дела (постановление 28 декабря 1939 г. по делу Дрейзина) и т. п.

§ 7. Предмет доказывания

В уголовном процессе подлежат доказыванию (т. е. установлению при помощи доказательств) те факты и обстоятельства, которые относятся к существу рассматриваемого дела. Какие именно обстоятельства должны быть отнесены к существу рассматриваемого дела, зависит от характера преступления, в котором обвиняется привлеченное к уголовной ответственности лицо, от многих иных специфических черт данного дела. Поэтому заранее, раз навсегда определить предмет доказывания для всех уголовных дел нельзя. Но можно установить в самом общем виде круг вопросов, которые должны быть исследованы по всем уголовным делам и без выяснения которых дело не может быть правильно решено. К таким вопросам относятся следующие.

1. Факт преступления и все его юридические признаки. Прежде всего подлежит доказыванию само событие преступления, т. е. должно быть установлено, что преступление действительно было совершено. А так как преступление

квалифицируется по определенной статье Особенной части Уголовного кодекса, то должно быть доказано наличие в данном случае всех тех обстоятельств, которые образуют юридические признаки данного состава преступления. Например, при обвинении по ч. 2 ст. 116 Уголовного кодекса РСФСР доказыванию подлежат как самый факт присвоения или растраты должностным лицом определенных вверенных ему по должности ценностей, так и наличие у этого лица особых полномочий или же отнесение присвоенных или растраченных ценностей к числу особо важных государственных ценностей.

2. Все обстоятельства, уличающие или оправдывающие обвиняемого в совершении данного преступления. Следовательно, доказыванию подлежат все обстоятельства, которые позволяют сделать вывод, что преступление совершено данным лицом или, наоборот, что привлеченное к уголовной ответственности лицо этого преступления не совершало.

3. Возможность вменения обвиняемому в вину совершенных им действий. Доказыванию подлежат все обстоятельства, относящиеся к субъективной стороне преступления, — наличие умысла или неосторожности, способность лица руководить своими действиями и отдавать себе в них отчет (ст.ст. 10 и 11 УК РСФСР).

4. Противоправный характер действий обвиняемого. Доказыванию подлежат все обстоятельства, устраняющие противоправность действий обвиняемого (крайняя необходимость, необходимая оборона и другие вопросы, которые могут возникнуть по данному делу).

5. Последствия преступления. Подлежат исследованию и доказыванию тяжесть причиненного преступлением вреда, размер убытков, причиненных потерпевшему, и др.

6. Отягчающие и смягчающие вину обвиняемого обстоятельства. Эти обстоятельства перечислены в ст.ст. 47 и 48 Уголовного кодекса РСФСР. Они имеют значение для определения меры наказания к признанному виновным лицу, а в ряде случаев и для квалификации самого преступления. Поэтому они подлежат исследованию и доказыванию.

7. Личность обвиняемого. Должны быть исследованы и, следовательно, подлежат доказыванию все обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Суду должно быть ясно, что представляет собой обвиняемый (подсудимый) в общественном и моральном отношении, каково поведение его на работе и в быту, какова его прошлая деятельность, имеются ли порочащие обвиняемого обстоятельства или, наоборот, обстоятельства, характеризующие его с положительной стороны, и т. д. Все это подлежит доказыванию, так как имеет значение для разрешения дела. Обстоятельства, относящиеся к личности обвиняемого, переплетаются и отчасти совпадают с указанными в п. 6 отягчающими и смягчающими обстоятельствами. Но они шире послед-

них, так как представляют собой все вообще обстоятельства, в совокупности дающие характеристику личности обвиняемого.

В буржуазной юридической литературе ряд авторов иногда очень ограничивает возможность исследования и доказывания обстоятельств, относящихся к личности обвиняемого. Так, профессор Таганцев утверждал, что свойства личности преступника подлежат доказыванию лишь в той мере, в какой они «вложились в преступное деяние». В советском уголовном процессе нет никакого основания так ограничивать исследование личности обвиняемого (да и в буржуазной юриспруденции точка зрения Таганцева не была общепринятой). Все, что характеризует обвиняемого, что помогает уяснению его социального лица, что может иметь значение для оценки личности обвиняемого, для учета отягчающих и смягчающих обстоятельств, бесспорно подлежит доказыванию, тем более что материальный уголовный закон (ст. 45 УК РСФСР) прямо обязывает суд при определении наказания исходить «...из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности совершившего преступление».

8. Обстоятельства, способствующие возникновению преступления. В ряде случаев следствие и суд могут установить, что имелись какие-либо обстоятельства, способствовавшие возникновению данного преступления. Например, по делам о хищениях социалистической собственности и растратах совершению этих преступлений способствуют плохой учет ценностей в данном учреждении, запутанность бухгалтерии, редкие и поверхностные ревизии и т. д., по делам о хулиганстве такими обстоятельствами часто является слабая воспитательная работа общественных организаций в данной местности или в данном учреждении и т. д. Все эти обстоятельства подлежат исследованию и доказыванию, с тем чтобы, помимо разрешения данного конкретного дела, соответствующие органы приняли меры к устранению этих обстоятельств и пресечению возможности повторения подобных преступлений в будущем. Как правило, суд при вынесении приговора в таких случаях выносит частное определение, которым указывает соответствующим органам на имевшие место дефекты их работы, благоприятствовавшие возникновению преступлений.

Таковы основные обстоятельства, подлежащие в уголовном процессе доказыванию и представляющие в своей совокупности предмет доказывания (thema probanda). В этом перечне приведены лишь основные группы подлежащих доказыванию обстоятельств. По конкретным же делам всегда могут возникнуть и иные обстоятельства, здесь не указанные, которые, однако, в силу особенностей дела, подлежат исследованию и доказыванию. Обстоятельство, входящее в состав предмета доказывания, называется относящимся к делу.

§ 8. Бремя доказывания

Бремя доказывания (onus probandi) есть обязанность участника процессуальной деятельности доказать обстоятельства, являющиеся предметом доказывания. В науке уголовного процесса и в практической процессуальной деятельности основное значение имеет вопрос о том, на ком из участников процесса лежит бремя доказывания виновности привлеченного к уголовной ответственности лица. Вопрос этот решается таким образом, что бремя доказывания виновности обвиняемого лежит на обвинителе. Это положение вытекает из состязательного построения советского уголовного процесса, из свойственного ему отделения функции обвинения от функции решения дела. Поскольку на предварительном следствии мы имеем обвинение в материальном смысле (см. стр. 91), бремя доказывания виновности обвиняемого лежит на следователе и наблюдающем за следствием прокуроре вместе с их же обязанностью не только доказывать виновность обвиняемого, но и исследовать все обстоятельства дела, говорящие в пользу обвиняемого, оправдывающие его, опровергающие обвинение. На судебном разбирательстве обвинение выступает как обвинение в формальном смысле, т. е. как обвинение, поддерживаемое государственным обвинителем — прокурором, и имеющее против себя равноправную сторону — защиту; именно на нем лежит бремя доказывания.

Из этого же состязательного построения процесса вытекает, что на обвиняемом не лежит бремени доказывания своей невиновности. Ему предоставляется право на защиту (в материальном и формальном смысле), следовательно он может доказывать те обстоятельства, которые говорят в его пользу, опровергают обвинение, смягчают его ответственность, но обязанности доказывать какие-либо факты он не несет. Именно обвинитель должен положительно доказать виновность обвиняемого, а обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, и непредставление обвиняемым доказательств своей невиновности не служит доказательством его виновности. Что касается суда, которому принадлежит окончательное решение дела, то в силу своего положения в состязательном процессе он, разумеется, не доказывает виновности обвиняемого, т. е. не принимает на себя функции обвинителя, но обеспечивает всестороннее выяснение всех обстоятельств дела и принимает необходимые меры к восполнению тех пробелов и упущений, которые могли быть у обвинения и защиты.

§ 9. Презумпция невиновности

То положение, что бремя доказывания лежит на обвинителе, связано с другим важнейшим положением, называемым в теории уголовного процесса презумпцией невиновности.

Презумпция невиновности заключается в следующем: всякий гражданин считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке. Мы уже знаем, что этот принцип был сформулирован в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., но практически не был и не мог быть осуществлен в буржуазном уголовном процессе.

В советском уголовном процессе презумпция невиновности является одним из руководящих процессуальных принципов. Она означает, что лицо, в отношении которого возбуждено уголовное преследование (обвиняемый), не предполагается виновным, пока оно не изобличено вескими и убедительными доказательствами. При этом виновным признается лишь тот, в отношении кого обвинение признано доказанным судом (по вступлении приговора в законную силу), пока же виновность не доказана, лицо считается невиновным. Таким образом, презумпция невиновности исключает предвзятость в отношении привлекаемых к ответственности лиц, односторонне обвинительный подход к ним. Это положение не означает ни в коей мере ослабления борьбы с преступлениями, не влечет и не может влечь ослабления бдительности и энергии следственных и прокурорских органов в преследовании и изобличении преступников, но оно гарантирует граждан от неосновательного их привлечения и осуждения. Иными словами, практическое значение презумпции невиновности состоит в том, что она допускает признание лиц виновными в совершении преступлений лишь тогда, когда виновность эта доказана, т. е. обоснована вескими и убедительными доказательствами. Хотя принцип презумпции невиновности в нашем процессуальном законодательстве прямо не выражен, он непосредственно вытекает из ст. 111 Конституции СССР и ст. 8 Закона о судоустройстве, согласно которым обвиняемому обеспечивается право на защиту: если обвиняемый имеет право на защиту, очевидно, он еще не признается виновным и для него сохраняется возможность быть оправданным, для чего закон и предоставляет ему всю сумму процессуальных прав и их гарантий. Равным образом презумпция невиновности находит свое обоснование в ст. 111 УПК, согласно которой следователь должен исследовать обстоятельства дела не только уличающие, но и оправдывающие обвиняемого.

Из принципа презумпции невиновности вытекает другой процессуальный принцип: всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого (in dubio pro reo). Это значит, что если доказательства по делу спорны и противоречивы, если у суда не складывается твердого убеждения о доказанности виновности в целом или в отношении каких-либо отдельных обстоятельств, если тот или иной факт допускает различные истолкования, следует принимать то решение, которое благоприятствует обвиняемому, говорит в его пользу. Разумеется, речь идет не о всяких сомнениях, которые могут возникнуть у суда и кото-

рые могут и должны быть преодолены тщательным исследованием всех обстоятельств дела и вдумчивой, критической оценкой всех доказательств, а лишь о тех сомнениях, которые имеют серьезные и веские основания и не могут быть разрешены с бесспорностью теми доказательствами, которые имеет в своем распоряжении суд.

Все изложенные выше положения—бремя доказывания, презумпция невиновности и правило, что всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого,— представляют собой развитие и продолжение в области учения о доказательствах тех основных и руководящих принципов социалистического демократизма, на которых построено социалистическое правосудие и социалистическое уголовно-процессуальное право, — устность, гласность, непосредственность и состязательность.

§ 10. Средства доказывания

Средства доказывания — это те доказательства, при помощи которых могут быть установлены обстоятельства, составляющие предмет доказывания. Закон перечисляет эти средства доказывания в виде перечня доказательств, которыми могут пользоваться следствие и суд. Так, ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса гласит: «Доказательствами являются показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого». В дальнейшем изложении мы подробно будем говорить о каждом из этих видов доказательств и увидим, что для каждого из них процессуальный закон устанавливает определенные процессуальные условия. Какое из доказательств пригодно для установления того или иного обстоятельства дела, зависит от особенностей дела, и этот вопрос решает разбирающий дело суд. Это положение выражено в ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса, согласно которой «суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно».

Однако не каждое доказательство пригодно для того, чтобы установить любое обстоятельство, имеющее значение для дела. Так, прежде всего процессуальный закон некоторые средства (или источники) получения различных сведений вообще устраняет из числа доказательств как непригодные, недопустимые. Статья 57 Уголовно-процессуального кодекса заканчивается положением: «Присяга, как доказательство, не допускается». Статья 22 Уголовно-процессуального кодекса Узбекской ССР указывает, что «агентурные разработки, анонимные заявления, слухи и предположения как доказательства не допускаются».

Далее, Уголовно-процессуальный кодекс (ст. 61) перечисляет лиц, которые не могут быть свидетелями по делу: 1) защитник обвиняемого по данному делу, 2) лица, страдающие физическими и психическими недостатками, в силу которых они неспособны правильно воспринимать имеющие значение по делу явления и давать о них правильные показания (подробнее об этом см. стр. 135, 136).

Наконец, закон может признать, что для установления некоторых обстоятельств необходимы определенные доказательства. Так, примечание 1 к ст. 63 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает, что вызов экспертов обязателен для установления причин смерти и характера телесных повреждений, а также для определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у суда или следователя по этому поводу возникают сомнения.

Процессуальный закон ограничивается только самыми основными указаниями на недопустимость или, наоборот, необходимость тех или иных средств доказывания. Но в практике мы находим и некоторые другие указания этого же рода, которые, конечно, силы закона не имеют, но могут служить образцом ввиду своей правильности по существу. Так, в практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР мы находим ряд существенных указаний такого порядка. Обвинение, связанное с необходимостью установления точных размеров чего-либо (например земельного участка), не может быть основано на предположительных показаниях свидетелей об этом размере, но для этого требуется произвести точное измерение (определение 4 июня 1939 г. по делу Ташматова; речь шла о площади, которую обвиняемый выделил себе под огород из земли совхоза). Обвинение в краже не может быть основано только на отрицательной характеристике обвиняемого со стороны свидетелей, утверждавших, что обвиняемый — нечестный человек, но не давших показаний по существу конкретного обвинения, предъявленного обвиняемому (определение 16 июня 1939 г. по делу Насибова). При отсутствии или порочности других доказательств обвинение в краже не может быть основано только на том, что собака-ищейка привела к дому подсудимого (определение 28 января 1939 г. по делу Шидловских; мы думаем, что поведение собаки-ищейки вообще не является доказательством и может принести пользу лишь для целей розыска, но не для того, чтобы суд на этом основывал свой приговор, хотя бы и при наличии других доказательств).

Мы привели только несколько иллюстраций, в судебной же практике можно найти большое количество указаний, касающихся допустимости тех или иных доказательств. Разумеется, это не имеет ничего общего с теорией формальных доказательств, так как это — не формальные нормы, связывающие судейские убеждения, а лишь некоторые выводы из принципов учения о доказательствах и из опыта судебной работы.

§ 11. Классификация доказательств

В теории уголовного процесса доказательства обычно делятся на: 1) обвинительные и оправдательные; 2) первоначальные и производные; 3) прямые и косвенные.

1. Доказательства делятся на обвинительные и оправдательные в зависимости от того, направлены ли они против обвиняемого, уличают его, отягчают его ответственность или же в пользу обвиняемого, опровергают обвинение, смягчают ответственность. Это деление доказательств носит условный характер, так как четкой грани между этими двумя видами доказательств нет и любое доказательство может включать в себя и обвинительные и оправдательные моменты.

Деление доказательств на обвинительные и оправдательные проводилось очень строго в обвинительном процессе. В нем обвинительными доказательствами являлись те, которые были представлены обвинителем, а оправдательными — те, которые были представлены подсудимым и защитником. Таким образом, в обвинительном процессе деление доказательств на обвинительные и оправдательные было основано не на содержании самих доказательств, а на том, какая сторона доказательство представляла.

В буржуазном процессе, имеющем форму смешанного процесса, делению доказательств на обвинительные и оправдательные не придается существенного значения и обычно оно упоминается лишь вскользь.

В советском уголовном процессе, проникнутом началом материальной истины, деление доказательств на обвинительные и оправдательные не может выразиться в механическом распределении доказательственного материала на две эти группы. Значение доказательства определяется не тем, кто это доказательство представил, а тем, что может установить, удостоверить это доказательство. Однако было бы ошибкой на этом основании отрицать всякое значение деления доказательств на обвинительные и оправдательные. Статья 111 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает правило: «При производстве предварительного следствия, следователь обязан выяснить и исследовать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности». Хотя эта статья помещена в разделе предварительного следствия и, следовательно, формально относится только к последнему, но по существу она устанавливает правило, применяемое и в других стадиях процесса, — требование объективности, всесторонности исследования всех обстоятельств дела. Отсюда — смысл деления доказательств на обвинительные и оправдательные.

Обвинительные доказательства — это доказательства, устанавливающие обстоятельства, уличающие обвиняемого и усиливающие его ответственность; оправдательные доказательства — это

доказательства, устанавливающие обстоятельства, оправдывающие обвиняемого и смягчающие его ответственность. Следствие и суд обязаны собирать те и другие доказательства и делать свои выводы, основываясь на тех и других, не допуская односторонности и предвзятости.

Обвинительные доказательства называются также у л и к а м и, от слова «уличать».

2. Под п е р в о н а ч а л ь н ы м и доказательствами понимаются доказательства, взятые «из первоисточника» (подлинные документы, показания свидетеля-очевидца и т. п.), а под п р о и з в о д н ы м и — доказательства, взятые «из вторых рук» (например копия документа, показания свидетеля относительно того, что он слышал от другого лица). Это деление имеет большое значение. По существу в нем выражено очень важное требование, чтобы следствие и суд, когда это возможно, основывались на доказательствах, получаемых из первоисточника, без посредствующих звеньев, так как доказательства, получаемые из вторых рук, легче поддаются искажению. Насколько это возможно в каждом отдельном деле, решают следствие и суд в зависимости от конкретных обстоятельств дела, но принцип таков: получая тот или иной доказательственный материал, следует искать первоисточник данных сведений.

Так, например, если свидетель показал что-либо со слов другого лица, это последнее должно быть допрошено в качестве свидетеля. Тем самым производное доказательство заменяется первоначальным. Если к делу приобщена копия документа, имеющего доказательственное значение, должен быть истребован и приобщен подлинник. Такое положение опирается прежде всего на один из руководящих принципов уголовного процесса, именно — на принцип непосредственности, согласно которому суд должен воспринимать обстоятельства дела из первоисточника, а не через разные посредствующие звенья. Но это же положение вытекает и из соображений практического порядка: при перепечатке документа в нем всегда может создаться какая-либо неточность, ошибка — свидетель, показывающий то, что самому ему не известно, что он лишь слышал от другого лица, очень часто может неправильно понять и, следовательно, неправильно передать слышанное.

Разумеется, не всегда можно располагать только первоначальными доказательствами; в отдельных случаях первоначальные доказательства могут быть утрачены или по каким-либо другим причинам недоступны для следствия и суда и тогда приходится пользоваться доказательствами производными. Можно привести такой пример из практики. По делу об убийстве, потерпевший, пораженный выстрелом, перед смертью назвал присутствующим лицам имя убийцы. Допросить потерпевшего не удалось ввиду его тяжелого болезненного состояния и вскоре же последовавшей смерти, свидетели же показали, что покойный назвал им убийцу. Несомненно, что показания этих свидетелей являются

производными, однако они очень важны и необходимы ввиду полной невозможности получить первоначальное доказательство.

3. Деление доказательств на прямые и косвенные имеет наибольший интерес и значение. П р я м ы м и доказательствами являются те, которые прямо и непосредственно указывают на виновность обвиняемого в приписываемом ему преступлении (например явка с повинной, сознание обвиняемого, поимка на месте преступления, показания свидетелей-очевидцев). К о с в е н н ы м и доказательствами являются те, которые, не устанавливая непосредственно виновности обвиняемого, устанавливают различные побочные, посредствующие обстоятельства, в совокупности с другими данными дела объективно приводящие к выводу о причастности данного лица к рассматриваемому преступлению (например при обвинении в поджоге — угрозы со стороны обвиняемого потерпевшему незадолго до пожара, наличие между ними враждебных отношений, нахождение обвиняемого около места, где вскоре вспыхнул пожар, и т. д.). По существу косвенные доказательства вовсе не являются худшими, менее доброкачественными, чем прямые—качество доказательства зависит в значительной мере от обстоятельств каждого дела. По ряду дел косвенные доказательства образуют крепко спаянную цепь, в которой одно звено так тесно увязывается с другими, что в результате получается более веский и убедительный доказательственный материал, чем даваемый прямыми, но очень сомнительными доказательствами (например оговор одним обвиняемым другого, показания потерпевшего, находящегося во враждебных отношениях с обвиняемым).

Главная трудность в оперировании косвенными доказательствами заключается в том, чтобы связать в одно целое ряд разрозненных, часто на первый взгляд мелких, но в действительности очень существенных фактов. Здесь есть опасность заменить факты догадками и предположениями и связать между собой то, что в действительности связи не имеет. При пользовании косвенными доказательствами на следствие и суд ложится очень сложная работа — исследовать каждое такое доказательство отдельно, сопоставить его с другими, проверить связь между ними, насколько они согласуются друг с другом или друг другу противоречат, установить, имеется ли между отдельными фактами объективная причинная связь или лишь случайное совпадение, и т. п. Но если эта работа проделана, связь отдельных фактов устанавливается достаточно четко и в результате получается ясная картина преступления, косвенные доказательства являются серьезным материалом в руках суда. Следует иметь в виду, что как раз дела о наиболее опасных преступлениях не всегда содержат в себе прямые доказательства, а наиболее часто — именно косвенные (например убийства, поджоги и т. п.).

Очень существенным моментом при пользовании косвенными доказательствами является различение в каждом отдельном случае о б ъ е к т и в н о й с в я з и обстоятельств дела и с л у ч а й-

ного совпадения этих обстоятельств. Только в том случае, когда из сопоставления и анализа косвенных доказательств вытекает установление объективной связи обстоятельств дела, в своей совокупности приводящих к обоснованному выводу о виновности обвиняемого, можно говорить о наличии действительных косвенных доказательств и на основе их решать дело. В противном же случае, т. е. когда налицо только отдельные, не связанные между собой факты, разрозненные и случайные, как бы ни была внешне убедительна их сумма, здесь имеется лишь случайное совпадение, из которого обоснованного вывода о виновности обвиняемого сделать нельзя.

Таким образом, при косвенных доказательствах в уголовном деле одна изолированная косвенная улика не может рассматриваться как достаточное доказательство, а требуется совокупность таких улик.

Очень интересный образец пользования косвенными уликами представляет дело по обвинению Семенчука и Старцева по ст. 59³ Уголовного кодекса, рассмотренное Верховным судом РСФСР 16—23 мая 1936 г. По этому делу имелись только косвенные улики, и на их основе была восстановлена картина преступления — убийства доктора Вульфсона, совершенного на далеком Севере, на острове Врангеля. Анализируя доказательства, собранные по делу, государственный обвинитель А. Я. Вышинский дал им такую характеристику:

«Наличие в деле лишь косвенных улик создает громадные процессуальные трудности, но они неизбежны, с ними необходимо считаться, их надо уметь преодолеть. Да, в этом деле имеются лишь косвенные улики, отдельные черточки, отдельные замечания, обрывки мыслей или фактов.

Все эти кусочки и обрывки нужно собрать воедино, сопоставить друг с другом и с другими фактами, дать их анализ и синтез, привести в одну систему, в одно гармоническое целое. Будучи гармонически сведены в систему, косвенные улики вырастают в страшную, неотвратимую силу, превращаются в цепь доказательств, окружающих обвиняемого глухой стеной, через которую нельзя прорваться, нельзя никуда уйти. Но для этого улики должны быть сами по себе безупречны и гармоничны, логически между собой связаны, должны быть связаны между собой всеми своими звеньями» [1].

Как было указано выше, доказательства делятся на прямые и косвенные, в зависимости от того, указывают ли они прямо на данное лицо как на совершителя преступления или же устанавливают лишь различные побочные обстоятельства, из которых можно сделать вывод относительно совершения данным лицом преступления. Если обвиняемый признал себя виновным в инкриминируемом преступлении, это — прямое доказательство; если же обвиняемый, отрицая свою виновность, наряду с этим при-

[1] Вышинский, Против семенчуковщины, М., 1936, стр. 60.

знает некоторые обстоятельства, из которых по совокупности с другими доказательствами можно сделать вывод о его виновности (например признает наличие враждебных отношений с потерпевшим и произнесение угроз, но отрицает самый факт убийства), это может быть расценено как косвенное доказательство. Равно показания свидетелей могут быть как прямыми, так и косвенными доказательствами, в зависимости от того, показывают ли свидетели как очевидцы совершенного обвиняемым преступления или же удостоверяют иные, побочные обстоятельства, имеющие значение для установления виновности обвиняемого. Вещественные доказательства, заключение экспертизы и письменные документы, как правило, бывают лишь косвенными доказательствами и могут быть прямыми лишь в редких случаях (например собственноручный дневник обвиняемого, где он излагает, как он совершил преступление).

В процессуальной литературе косвенные доказательства обычно называются уликами. Мы же считаем, что термин «улика» применим и к прямым доказательствам, если они являются уличающими по своему содержанию. Поэтому выше и было сказано, что уликами являются обвинительные доказательства, которые в свою очередь могут быть как прямыми, так и косвенными.

Теория косвенных улик наиболее широко разработана в английской процессуальной литературе, особенно в классическом труде Уильза «Опыт теории косвенных улик» (русский перевод, 1864 г.).

§ 12. Виды доказательств

Доказательствами являются: 1) показания свидетелей; 2) показания обвиняемого; 3) заключения экспертов; 4) протоколы осмотров и иные письменные документы; 5) различные предметы, имеющие значение для дела (вещественные доказательства). Этот перечень устанавливает основные источники (или средства доказывания — см. выше), при помощи которых суд и следствие получают материал, необходимый для разрешения уголовного дела.

Свидетельские показания

Свидетельские показания являются основным доказательственным материалом по подавляющему большинству уголовных дел. Вместе с тем оценка свидетельских показаний представляет наибольшую сложность.

В буржуазной юридической теории долгое время существовало полное доверие к показаниям свидетелей, подкрепленным присягой, «внутреннее убеждение» судей считалось достаточной гарантией от ошибок при оценке этих показаний. Но жизнь в значительной мере разрушила это доверие, и практика достаточно наглядно показала, как часто говорят неправду, а еще чаще ошибаются так называемые «заслуживающие доверие» свидетели. Мы наблюдаем достаточно резкий поворот в буржуазной

теории уголовного процесса и криминалистике, резкое падение доверия к свидетельским показаниям, разочарование в этом виде доказательств.

Отсюда — попытка заменить свидетельские показания другими, более «надежными» доказательствами: вещественными доказательствами, научной экспертизой. Создалась специальная отрасль прикладной психологии — психология свидетельских показаний, которой посвящена богатая литература. Цель и содержание психологии свидетельских показаний — выработка научно проверенных приемов, обеспечивающих суд от ошибок при оценке свидетельских показаний; однако обычный вывод, к которому приходят исследователи, таков, что свидетельские показания — очень ненадежный материал и к ним следует относиться с осторожностью. Этот очень скудный результат исследования, подрывая доверие к свидетельским показаниям, обычно не дает никаких положительных указаний на то, когда же можно верить свидетелям, когда можно основываться на их показаниях.

Так, по утверждению Вильяма Штерна, верное свидетельское показание является только исключением, а ложное — правилом. Широкое распространение получили различные опыты, производимые в специальных лабораториях, при которых высказывания испытуемого о том, что он видел и слышал, подвергались различным исследованиям, констатировались допущенные в высказываниях ошибки и делались попытки установить закономерность этих ошибок. Основным пороком всех этих опытов было то, что испытуемый в лабораторной обстановке в очень малой степени похож на того свидетеля, который воспринял те или иные факты в реальной жизненной обстановке и дает свои показания следователю и суду. К тому же многие опыты этого порядка находились в самой непосредственной связи с псевдонаучными положениями «научной фазы» оценки доказательств, развиваемой Ферри (см. стр. 109), и представляли собой абсолютно ненаучные попытки различными процедурами испытаний выловить скрытые, тайные мысли испытуемого по замедлениям его речи, обмолвкам и т. д. (например так называемый «ассоциативный эксперимент», т. е. попытка узнать тайные мысли допрашиваемого по тем ассоциациям, которые у него возникают и проявляются при ответах на вопросы). Науки здесь, конечно, нет, а есть чисто инквизиционное истязание допрашиваемого.

Это огульно скептическое отношение к свидетельским показаниям, а равно и псевдонаучные методы исследования свидетельских показаний одно время проникли и в советскую криминалистическую литературу. Так, Н. В. Вороновский в «Уголовной технике» (1931 г.) утверждал, что свидетельское показание не является таким прочным фундаментом, на котором можно было бы построить расследование, а вещественное доказательство является лучшим по сравнению со свидительскими показаниями доказательством. Аналогичные положения имеются и в старых работах И. Н. Якимова, который в своей «Криминалистике»

(1929 г.) утверждал, что «свидетельские показания всегда были, есть и будут источником многочисленных судебных ошибок», и осмотру и вещественным доказательствам придавал преимущественное перед свидетельскими показаниями значение. В этом нетрудно обнаружить элементы старой теории формальных доказательств с ее делением доказательств на «лучшие» и «худшие».

Классово-политический смысл этой скептической установки по отношению к свидетельским показаниям в буржуазной теории уголовного процесса (и в криминалистике) следует искать в тех отношениях, которые существуют между буржуазным судом и свидетелями в реальной судебной практике.

Буржуазный суд — орудие классового господства буржуазии, и это делается все более и более очевидным для широких слоев трудящихся, как бы ни маскировал буржуазный суд свою классовую сущность. Свидетели же, фигурирующие перед буржуазным судом, — в большинстве своем представители трудящихся, которые приносят на суд «голос улицы», свое скрытое и подчас открытое недовольство существующим строем, свои оппозиционные или революционные настроения. Создается прямой разрыв между буржуазным судом и свидетелями, являющимися главным источником доказательств в уголовном процессе. Отсюда — желание избавиться от этих «неудобных» доказательств и заменить их другими, более удобными, спокойными и покладистыми, так называемыми «немыми» свидетелями, т. е. вещественными доказательствами. Проводится эта тенденция под соблазнительной формой научных методов оценки доказательств.

В практике буржуазного суда мы видим отбрасывание и этой формы: суд не стесняется в вопросе искусственного подбора свидетелей и прямой фальсификации как свидетельских показаний, так и вещественных доказательств; полицейские агенты, шпионы и провокаторы очень часто являются основными свидетелями обвинения в буржуазных судах наряду с состряпанными и подметными документами. Здесь уже нет речи о недоверии к этим свидетелям, а плодотворная в своей основе, но извращенная в буржуазном процессе линия на применение научных методов проверки доказательств превращается в одно из средств создания гнусных судебных комедий.

В теории советского уголовного процесса подход к свидетельским показаниям должен быть совершенно иной. Ни о какой принципиальной установке на общую дискредитацию свидетельских показаний речи быть не может. Свидетельские показания — основной доказательственный материал, которым оперируют наши суды, и хотя научные методы собирания и проверки доказательств получают все большее и большее применение в судебно-следственной практике, не приходится говорить не только об отказе от свидетельских показаний, но даже о сужении, умалении их роли и значения.

Это и понятно: между судом трудящихся и свидетелями-трудящимися разрыва в подавляющем большинстве случаев нет,

у них—общий язык. Поэтому критическое отношение советского суда к показаниям свидетеля ни в какой мере не ведет к огульному недоверию к свидетельским показаниям как к судебным доказательствам. Но критическое отношение к каждому свидетельскому показанию, бдительность и тщательность проверки, разумеется, необходимы во всех случаях, о чем ниже скажем более подробно.

Ни в коей мере нельзя противополагать свидетельские показания и вещественные доказательства с точки зрения их доказательственной силы. И те и другие имеют свое значение и свое место в системе доказательств. Во всяком случае, наличие в деле вещественных доказательств ни в какой мере не устраняет необходимости свидетельских показаний хотя бы потому, что само вещественное доказательство (след, орудие и т. п.), взятое изолированно, ничего не может доказать, если его не поставить в связь со всеми обстоятельствами дела, не выяснить его происхождения, его значения для дела и т. д. А это можно сделать лишь при помощи показаний живых людей, т. е. в первую очередь свидетельскими показаниями.

Основной вопрос заключается в том, чтобы установить, на основе чего оцениваются свидетельские показания, с каким критерием должен подходить к ним суд. Иногда встречающиеся в судебной практике случаи оценки показания свидетеля по впечатлению, которое свидетель производит на суд, лишены всякого принципиального обоснования. Впечатление — основание достаточно шаткое и обманчивое: добросовестный и правдивый свидетель может путаться и противоречить в своих показаниях, так как смущается и теряется в необычной для него обстановке суда, а лжесвидетель, выучивший свою роль, может давать очень подкупающие по своей категоричности и ясности показания.

При оценке свидетельских показаний различаются два момента: 1) вопрос о правдивости или лживости показаний свидетеля; 2) вопрос об объективной достоверности показаний свидетеля, относительно которого нет данных о том, что свидетель сознательно показывает неправду.

Первый вопрос о том, говорит ли свидетель правду или лжет, разрешается прежде всего в результате сопоставления показаний свидетеля с другими, достаточно точно установленными обстоятельствами дела. Этот прием часто дает хорошие практические результаты, но одного его, разумеется, мало. Характер показаний свидетеля, степень правдивости или лживости показаний определяются в основном тем положением, которое свидетель занимает в сложном переплетении отношений и фактов, составляющем совокупность фактических обстоятельств уголовного дела. Необходимо в каждом случае установить действительное положение свидетеля в цепи обстоятельств дела, его отношение к главным лицам, проходящим по делу, и к самому событию преступления. В зависимости от это-

го, в совокупности со всеми имеющимися доказательствами и можно разрешить вопрос о степени правдивости показаний свидетеля. Иными словами, основными моментами, подлежащими учету при оценке показаний свидетеля, являются его взаимоотношения с обвиняемым и потерпевшим, заинтересованность или незаинтересованность в исходе дела, источники, из которых свидетель получил сведения по делу, мотивы его показаний и т. п.

Особое значение имеет личность свидетеля: показания свидетеля всегда носят на себе печать влияния его классовых симпатий или антипатий, классовой идеологии, навыков той социальной среды, к которой свидетель принадлежит. Свидетель — не абстрактная фигура, а живой человек, принадлежащий к определенному классу, и именно классовая среда формирует его психологию. Эти моменты сказываются по всем уголовным делам, и они должны быть установлены и учтены судом при оценке каждого свидетельского показания. Такой анализ способен в каждом отдельном случае помочь суду и следствию разобраться в очень сложном подчас вопросе о том, говорит ли свидетель правду или лжет. Этот сложный процесс анализа и оценки свидетельских показаний ни в коем случае недопустимо понимать упрощенно в том смысле, что свидетель из классово-враждебных элементов всегда показывает неправду, а свидетель из числа трудящихся, наоборот, всегда показывает правдиво, что свидетель, заинтересованный в деле, всегда лжет и т. д. Такое упрощенчество ни в какой мере не может быть приемлемо. Но необходимость установления всех моментов, относящихся к личности и положению свидетеля (равно как и других лиц, участвующих в деле), для того чтобы правильно оценить существо его показаний, совершенно очевидна.

Второй вопрос — о б ъ е к т и в н о й д о с т о в е р н о с т и п о к а з а н и й свидетеля (если нет оснований полагать, что свидетель показывает неправду). Вполне добросовестный свидетель, искренно желающий показать только правду, может ошибаться, путать события, неправильно воспринимать факты и т. п. Оценка показаний свидетеля должна производиться с учетом всех тех моментов, которые влияют на объективную достоверность показаний свидетеля. К таким моментам относятся: а) время, протекшее с момента события до допроса (чем скорее свидетель допрашивается после события, о котором он должен показать, тем больше оснований полагать, что показания его соответствуют действительности); б) состояние свидетеля в момент восприятия события, о котором он показывает (возбуждение, взволнованность, болезнь и т. п. обычно искажают правильность восприятия); в) условия, при которых свидетель воспринял событие (темнота, дальность расстояния и т. п.); г) личные качества свидетеля (близорукость, глухота, возраст и т. п.). Перечень этот ориентировочный, и практика и наука его все время дополняют.

Для проверки показаний свидетеля с точки зрения возможности ошибки в показаниях очень серьезным и действенным средством является так называемый следственный эксперимент. Следственный эксперимент заключается в воспроизведении на следствии той обстановки, в которой свидетель воспринял факты, освещаемые в показании; при этом следователь может наглядно убедиться, соответствуют ли показания свидетеля действительности. Например, если свидетель показывает, что он видел, как обвиняемый бежал с места преступления (убийства), а это показание представляется сомнительным, спорным, целесообразно на месте происшествия в то же время дня, когда оно совершилось, проверить, мог ли свидетель на данном расстоянии и при данном освещении действительно узнать то лицо, которое бежало с места преступления.

Особо стоит вопрос об оценке показаний малолетних свидетелей, главным образом детей в возрасте 5—10 лет. Показания их по ряду дел могут иметь существенное значение, и наш Уголовно-процессуальный кодекс не указывает предельного возраста, до достижения которого лицо не может допрашиваться в качестве свидетеля. Но в отношении малолетних свидетелей всегда требуется выяснение, не подвергались ли они внушениям и влиянием со стороны окружающих лиц. К детским показаниям требуется сугубо критический подход ввиду крайней восприимчивости и внушаемости детей; допрос их возможен лишь в обстановке, близкой к домашней, и в присутствии педагога или врача-психиатра.

То, что было сказано выше о недопустимости в советском уголовном процессе установки на огульное недоверие к свидетельским показаниям, не только не устраняет необходимости критического отношения следствия и суда к показаниям свидетелей, но, наоборот, требует самой тщательной, осторожной и вдумчивой проверки показаний. Помимо возможности сознательного искажения свидетелем истины (лжесвидетельство), всегда следует иметь в виду возможность непроизвольного и добросовестного заблуждения свидетеля, ошибки его в том или ином факте.

Процесс свидетельствования вовсе не является таким простым, как это может показаться на первый взгляд. Как правило, формирование свидетельского показания проходит следующие стадии.

1. Восприятие свидетелем тех или иных фактов. Свидетель видит или слышит то, о чем он впоследствии будет давать показания, но в момент восприятия этих фактов он в подавляющем большинстве случаев не знает, что о них ему придется давать показания. Поэтому он может не обратить внимания на то или иное обстоятельство, хотя он его и видел и слышал, может что-либо упустить из виду, неполно или даже неправильно воспринять. Все эти недостатки восприятия могут отрицательно отразиться на его показании.

2. Запоминание свидетелем воспринятых фактов. То, что свидетель воспринял, он должен запомнить, сохранить в своей памяти, так как показание он дает через некоторый промежуток времени (иногда достаточно длительный). Поэтому дефекты памяти свидетеля могут отрицательно сказаться при даче им показаний. Помимо этого, в промежутке между восприятием свидетелем определенного факта и дачей им показаний на первоначальное восприятие свидетеля в его памяти обычно наслаиваются различные позднейшие впечатления. В результате этого свидетель, правильно восприняв какое-либо событие, может недостаточно твердо и точно его сохранить в своей памяти.

3. Воспроизведение (репродукция) свидетелем воспринятых им фактов на допросе у следователя и на суде. Для того чтобы дать правильное, отвечающее действительности показание, свидетель должен быть в состоянии правильно и точно воспроизвести на допросе то, что видел, слышал и запомнил. Тот или иной свидетель, правильно восприняв определенный факт и хорошо его запомнив, тем не менее может затрудниться его воспроизвести, т. е. изложить, пересказать. Причины этого могут быть различные: волнение свидетеля в необычной для него обстановке допроса, неумение связно излагать свои мысли и т. д. Это также может отрицательно отразиться на качестве показаний свидетеля.

Все указанные обстоятельства, а также возможность заведомо неправильных, ложных показаний свидетеля, настоятельно требуют того, чтобы следствие и суд при пользовании свидетельскими показаниями подходили к ним критически, сопоставляя показания каждого свидетеля с другими доказательствами, взаимно их проверяя, и в каждом свидетельском показании выясняя все неясности, противоречия, неточности и ошибки. Особо необходимо выяснение в каждом отдельном случае того источника, из которого свидетель получил сообщаемые им сведения. Лишь после такой аналитической проверки каждого свидетельского показания следствие и суд из этого показания и из совокупности всех доказательств смогут сделать правильные, отвечающие действительности выводы.

В практике Верховного суда СССР на вопросы правильной оценки свидетельских показаний обращается большое внимание. Приводим несколько примеров указаний, данных Верховным судом по конкретным делам.

Приговор суда не может быть основан на показаниях свидетеля, приписывающего обвиняемому определенные действия, но не указывающего, где, когда и при каких обстоятельствах обвиняемый эти действия совершил (постановление Пленума 28 декабря 1938 г. по делу Дрейзина).

Приговор не может быть основан на противоречивых показаниях свидетелей, если не выяснены причины этих противоречий

(постановление Пленума 28 апреля 1939 г. по делу Антипова; определение Судебной коллегии по уголовным делам 16 февраля 1939 г. по делу Марусик).

Суд должен критически относиться к показаниям свидетелей и выяснять их взаимоотношения с подсудимым (постановления Пленума 28 апреля 1939 г. по делу Плотникова и 13 июня 1939 г. по делу Жуковина).

Обвинительный приговор не может быть основан только на показаниях свидетелей, заинтересованных в исходе дела (определение Судебной коллегии по уголовным делам 28 июня 1939 г. по делу Аветисяна).

Приговор не может быть основан на показаниях свидетелей, высказывавших свои предположения, но не удостоверявших конкретные факты (определение Судебной коллегии по уголовным делам 28 января 1939 г. по делу Королькова).

Процессуальное положение свидетеля

Основная функция свидетеля заключается в сообщении следствию и суду фактов и сведений, имеющих значение для дела. Вместе с тем свидетель в уголовном деле занимает определенное процессуальное положение. Его обязанности заключаются в явке по вызову к следователю или в суд и в даче правдивых показаний. В случае неявки свидетель подвергается приводу, причем помимо этого он может быть привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 92 Уголовного кодекса РСФСР (и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик). За отказ от дачи показаний свидетель несет уголовную ответственность по той же ч. 1 ст. 92, а за дачу ложных показаний — по ст. 95 Уголовного кодекса.

Основная обязанность свидетеля — рассказать следователю и суду все, что ему известно по делу, причем круг вопросов, подлежащих выяснению показаниями свидетеля, определяется следователем или судом. Нашим Уголовно-процессуальным кодексом установлен принцип, что свидетель может допрашиваться исключительно о фактах, подлежащих установлению в деле, и о характеристике личности обвиняемого (ст. 166 УПК РСФСР). Вместе с тем при допросе свидетеля должно быть устансвлено его отношение к делу и к сторонам (ст. 284 УПК).

Правила допроса свидетеля следователем содержатся в ст.ст. 162—168 Уголовно-процессуального кодекса. Свидетели допрашиваются порознь и в отсутствие других свидетелей. В случае надобности следователь может устроить между свидетелями очную ставку, т. е. допросить их в присутствии друг друга. Допрос начинается предложением свидетелю рассказать все известное ему по тому вопросу, для выяснения которого он вызван. После этого свидетелю задаются следователем вопросы. Таким образом, допрос свидетеля делится на две части: свободное, самостоятельное изложение свидетелем всего, что ему известно

по делу, а затем ответы на задаваемые следователем вопросы. Показания свидетеля записываются в протокол допроса в первом лице (т. е. от лица свидетеля) и по возможности дословно.

По окончании допроса протокол допроса следователем прочитывается свидетелю, причем по желанию свидетеля он может его прочесть сам. В случае просьбы свидетеля ему предоставляется право собственноручно написать свои показания. Протокол допроса подписывается свидетелем и следователем.

О допросе свидетеля на суде в дальнейшем будет сказано особо (стр. 244).

Что касается процессуальных прав свидетеля, то они прежде всего сводятся к защите свидетеля от вынуждения у него показаний путем угроз и насилий, за что производящий расследование несет уголовную ответственность (ч. 2 ст. 115 УК).

Далее, на предварительном следствии свидетель имеет право требовать формулировки записи его показаний в том виде, как он их считает соответствующими сказанному им, и соответственно может требовать внесения в протокол допроса поправок и дополнений, что должно быть исполнено допрашивающим. Свидетель имеет право на возмещение понесенных им расходов по явке на допрос и на вознаграждение за отвлечение его от обычной работы (ст. 65 УПК).

Если свидетель считает, что действиями следователя нарушены его права, он может обжаловать эти действия прокурору (ст. 212 УПК).

Как видно из изложенного выше, в качестве свидетеля может быть допрошено любое лицо, относительно которого имеются сведения, что оно знает что-либо существенное по делу.

Наш уголовно-процессуальный закон не знает института отвода свидетеля по мотивам заинтересованности свидетеля в исходе дела или его особых (родственных и иных) взаимоотношений с обвиняемым, потерпевшим и другими лицами (иначе в гражданском процессе — см. ст. 130 ГПК). Подобные обстоятельства в уголовном процессе должны учитываться следователем и судом при оценке показаний свидетеля, но они не являются основанием для устранения свидетеля от дачи показаний. Это положение вытекает из того, что по уголовным делам следователь и суд должны вскрыть всю совокупность обстоятельств дела, все основные признаки преступления, установить подлинную характеристику причастных к нему лиц, и для достижения этой цели следователь и суд не могут быть ограничены и стеснены в собирании доказательственного материала.

Согласно ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса, в качестве свидетелей не могут быть допрашиваемы: 1) защитник обвиняемого по данному делу; 2) лица, которые в силу своих физических и психических недостатков неспособны правильно воспринимать имеющие значение для дела явления и давать о них правильные показания.

Запрещение допрашивать защитника обвиняемого в качестве

свидетеля имеет следующий смысл. Прежде всего нельзя быть одновременно защитником и свидетелем. Поэтому, если оказывается, что защитник знает что-либо существенное по делу независимо от выполнения им по этому делу функций защитника, он должен быть отведен от защиты и допрошен в качестве свидетеля. Но защитник не может вообще допрашиваться в качестве свидетеля, даже при условии его освобождения от функций защитника по данному делу, по тем обстоятельствам, которые ему стали известны при выполнении им своих функций защитника (например при беседе с обвиняемым). Это положение вытекает из того, что если бы защитник мог быть допрашиваем в качестве свидетеля относительно того, что он узнал от обвиняемого, его родственников и других лиц, обратившихся к нему за юридической помощью как к защитнику, доверие к защитникам было бы сильно подорвано. Сама организация советской защиты была бы дискредитирована в глазах тех, кто в помощи защиты нуждается. Поскольку же функция советской защиты является общественно важной и необходимой для помощи социалистическому правосудию, закон и вводит указанное ограничение круга лиц, допрашиваемых в качестве свидетелей.

В отношении второго ограничения закон не указывает, какие именно физические и психические недостатки служат препятствием к допросу в качестве свидетеля, так как значение того или иного недостатка зависит от характера того явления, которое нужно установить показаниями свидетеля. Например, слепой может быть допрошен в качестве свидетеля о тех обстоятельствах, которые он мог слышать, а глухой — о тех, которые он мог видеть, но не наоборот.

Различные психические заболевания могут проявляться в разных формах и разных степенях. Поэтому и в этом случае вопрос стоит в той плоскости, чтобы установить психическое состояние свидетеля в момент восприятия того или иного явления и в момент его вызова на допрос. Разумеется, показания таких свидетелей нуждаются в особо осторожном и критическом подходе к ним со стороны следствия и суда.

Вопрос о том, насколько тот или иной физический или психический недостаток может препятствовать допросу данного лица в качестве свидетеля, решается в каждом отдельном случае следователем или судом в виде общего правила при помощи эксперта-врача соответствующей специальности.

Показания обвиняемого

При системе формальных доказательств сознание обвиняемого в преступлении считалось «лучшим доказательством в мире», «царицей доказательств». Сейчас вера в абсолютную правильность сознания обвиняемого в значительной мере разрушена: обвиняемый может сознаваться ложно (например, желая выгородить другое лицо или сознаваясь в легком преступлении,

отвести от себя обвинение в тяжком преступлении). Поэтому сознание обвиняемого, как и всякое иное доказательство, подлежит проверке и оценке по всей совокупности обстоятельств дела.

Процессуальное значение показаний обвиняемого заключается прежде всего в том, что они являются о б ъ я с н е н и я м и обвиняемого по поводу фактов и обстоятельств расследуемого и рассматриваемого судом дела, объяснениями, подлежащими проверке и оценке по совокупности всех обстоятельств дела; вместе с тем они являются доказательствами в собственном смысле слова.

Ни в какой мере не соответствует принципам советского уголовного процесса переоценка доказательственного значения показаний обвиняемого, ставка на них как на основное и важнейшее доказательство. Показания обвиняемого, в частности его сознание, как и всякое другое доказательство, подлежат проверке и тщательной оценке в результате сопоставления со всеми другими доказательствами, собранными по делу.

Но если мы и не делаем показания обвиняемого центром всей доказательственной системы, не расцениваем их как «царицу доказательств», то из этого не следует, что показания обвиняемых вообще не являются доказательствами или являются худшим видом доказательств. Роль всякого доказательства зависит прежде всего от конкретной обстановки, от конкретных обстоятельств каждого данного дела, и это относится и к показаниям обвиняемых. Бесспорно то, что показания обвиняемого должны быть тщательно проверены и сопоставлены со всеми обстоятельствами дела и в отношении каждого показания обвиняемого должны быть выяснены мотивы, побуждающие его давать то или иное показание в отношении себя или других обвиняемых.

Так, по делам о государственных преступлениях, о контрреволюционном заговоре конкретные действия участников заговорщической группы, их взаимоотношения, распределение ролей и т. п. могут быть установлены именно показаниями самих обвиняемых; письменных документов и вещественных доказательств по таким делам может и не быть, так как участники заговора, естественно, свои действия в документах не отражают и устраняют всякие вещественные следы своих действий. Именно такой вопрос был поставлен в деле антисоветского троцкистского центра, рассмотренном Военной коллегией Верховного суда СССР 23—30 января 1937 г. Государственный обвинитель А. Я. Вышинский в своей речи подробно разобрал вопрос о силе имеющихся по делу доказательств, указав, что по делу о заговоре нельзя требовать, чтобы в качестве доказательств фигурировали письменная программа заговорщической группы, протоколы ее заседаний, членские билеты и т. д. В данном деле обвиняемые признали себя виновными и дали показания о своих преступлениях. Если отсутствуют мотивы, по которым обвиняемые могли бы дать ложные показания, если их показания проверены и

подтверждаются рядом косвенных улик (по данному делу такие улики и были — документально установленная прошлая деятельность троцкистов, заключение компетентной технической экспертизы и т. д.), то показания обвиняемых, признающих свою вину, могут быть несомненными, бесспорными доказательствами, каковыми они и были по этому делу в действительности[1].

Особый вид показаний обвиняемого составляет так называемый оговор, т. е. показания одного сознавшегося обвиняемого, уличающие другого обвиняемого или посторонних лиц. По существу — это свидетельское показание, так как в этих случаях обвиняемый дает показания не о себе, а о действиях других лиц. При оценке показаний обвиняемого, оговаривающего другое лицо, требуется особая осторожность, особо критический подход, так как обвиняемый в таких случаях действует часто по мотивам личной заинтересованности, желая переложить часть своей вины на другого и тем самым смягчить свою ответственность. Поэтому следствие и суд в каждом отдельном случае должны выяснить, в какой мере обвиняемый путем оговора старается облегчить свою участь и в какой мере его показания действительно соответствуют объективным обстоятельствам дела. Во всяком случае один оговор, ничем по делу не подтвержденный, не является достаточным доказательством, на котором может быть основано обвинение.

Приведем указания по вопросам оговора, сделанные по конкретным делам Верховным судом СССР. Суд должен особо критически относиться к показаниям одного подсудимого в отношении другого, направленным к устранению или смягчению собственной вины (постановления Пленума 26 апреля 1939 г. по делу Караулова и 3 июня 1939 г. по делу Мишина); обвинение в отношении одного подсудимого не может быть основано на голословных и противоречивых показаниях второго подсудимого, заинтересованного в смягчении своей вины (определение Судебной коллегии по уголовным делам 5 апреля 1939 г. по делу Молочко).

Экспертиза

В случаях, когда для разрешения тех или иных вопросов, имеющих значение для дела, требуются специальные знания в науке, искусстве или в ремесле, назначаются эксперты, т. е. сведущие лица, которые исследуют соответствующие обстоятельства дела и дают свое заключение.

В буржуазной литературе относительно юридической природы экспертизы существуют различные, противоречивые мнения. Так, профессор Владимиров приравнивал эксперта к судье, рассматривая эксперта как «научного судью», а заключение экспертизы — как «научный приговор». Разница между судьей и экспертом с

[1] См. «Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра», Юридическое издательство, 1937.

этой точки зрения заключается лишь в том, что суд решает все дело в полном его объеме, а экспертиза—лишь отдельный вопрос, по которому требуются специальные знания; но в пределах своей компетенции эксперт решает этот вопрос окончательно и его заключение обязательно для суда. Эту роль Владимиров отводит эксперту, представляющему определенную отрасль научного знания. Эксперт же, обладающий знаниями лишь в области какого-либо ремесла (например слесарь по вопросу о взломе замка), «научным судьей» не является, и его заключение подлежит свободной оценке суда.

Другая точка зрения, развиваемая английскими процессуалистами (Стифен и др.), приравнивает эксперта к свидетелю: эксперт есть научный свидетель, заключение экспертизы — научное свидетельское показание. Эта точка зрения в своей основе имеет то положение, что английское процессуальное право действительно не устанавливает особого процессуального института экспертизы и трактует ее как свидетельское показание особого рода.

Наконец, третья точка зрения (Спасович) отождествляет экспертизу с судебным осмотром.

Ни одну из этих точек зрения нельзя принять для советского уголовного процесса. Эксперт — не судья, и его заключение — не приговор, так как он не решает дела, а лишь исследует по поручению суда или следователя отдельные данные дела и дает по ним свое заключение на основе своих специальных знаний. Это заключение учитывается и оценивается судом в связи со всей совокупностью обстоятельств дела. Следовательно, эксперт в известном отношении является консультантом суда, которому он помогает разобраться в некоторых вопросах дела.

Но эксперт не может быть приравнен и к свидетелю, так как его положение в процессе кардинально отличается от положения свидетеля. Свидетель получает те сведения, которые он передает суду, вне производства по данному делу, он узнает их независимо от следственного или судебного материала и вызывается для дачи показаний именно потому, что он знает что-либо, имеющее значение для дела. Эксперт же вне производства по делу не имеет никаких сведений об обстоятельствах дела, он знакомится с этими обстоятельствами впервые по следственному и судебному производству, в тех пределах, в каких это необходимо ему для дачи заключения. Если же данное лицо, вызванное в качестве эксперта, что-либо знает по делу вне производства по этому делу (что-либо видело или слышало раньше о тех или иных фактах, которые интересуют следователя или суд), то оно не может фигурировать в деле в качестве эксперта, а может быть допрошено лишь в качестве свидетеля. Поэтому свидетель, как правило, незаменим: от следователя или суда не зависит выбор свидетеля, свидетель — это тот, кто независимо от следователя и суда получил какие-либо сведения по делу; эксперт же, наоборот, всегда заменим: от следователя и суда всегда за-

висит выбрать эксперта по своему усмотрению в зависимости от пригодности того или иного специалиста выполнять функции эксперта; следователь и суд могут заменить одного эксперта другим.

Что касается приравнения экспертизы к судебному осмотру, то эта точка зрения вообще лишена серьезных оснований, так как осмотр и экспертиза — совершенно различные процессуальные акты и их производство подчинено различным процессуальным формам.

Эксперт занимает в процессе самостоятельное процессуальное положение, и его заключение представляет собой самостоятельный вид доказательств. Положение эксперта в процессе характеризуется особыми чертами, резко отличающими эксперта от других участвующих в деле лиц (об этом см. ниже), а его заключение представляет собой самостоятельное доказательство, на котором следствие и суд основывают свои выводы.

В теории гражданского процесса экспертиза иногда рассматривается не как особый вид доказательств, а как способ проверки доказательств [1].

Для уголовного процесса эта точка зрения неприемлема (мы полагаем, что она неправильна и в отношении гражданского процесса). Конечно, объектом экспертизы обычно (хотя и не всегда) бывают другие доказательства (например вещественные доказательства, документы), поэтому самый процесс экспертизы действительно обычно заключается в исследовании, в проверке других доказательств, однако заключение, даваемое экспертом, включается в число доказательств по делу и само проверяется и оценивается следователем и судом, как и всякое иное доказательство, подтверждающее или опровергающее то или иное обстоятельство.

Экспертиза назначается следователем и судом в случае необходимости осветить тот или иной вопрос, для разрешения которого требуются специальные знания. Как правило, назначение экспертизы зависит от следователя и суда, смотря по обстоятельствам дела. Закон устанавливает два случая о б я з а т е л ь н о г о вызова эксперта: 1) для установления причин смерти и характера телесных повреждений; 2) для определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у суда или следователя по этому поводу возникают сомнения (примечание 1 к ст. 63 УПК).

Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР к этим двум случаям добавляет также обязательное назначение экспертизы для установления половой зрелости потерпевшего лица в возрасте от 14 до 16 лет по делам о половом сношении с лицами, не достигшими половой зрелости (ст. 64).

---

[1] См. например, К л е й н м а н, Гражданский процесс, 1936, стр. 34, 35. В последнем издании этого учебника (1940 г.) автор свою точку зрения изменил, хотя и не высказался определенно, является ли экспертиза доказательством (стр. 66—70).

Разумеется, что и в других случаях, помимо указанных, назначение экспертизы по тому или иному делу может быть необходимым, если без экспертизы невозможно правильно и полно исследовать все обстоятельства дела.

Следует также иметь в виду, что назначение экспертизы зависит от характера данного уголовного дела, а не от того, имеет ли данный следователь или данный судья те или иные специальные знания, необходимые для ориентировки в обстоятельствах рассматриваемого дела. Возможно, что в составе суда в качестве народного заседателя участвует врач, — это не устраняет необходимости назначения судебно-медицинской экспертизы по делу об убийстве или причинении увечья; возможно, что ведущий дело о растрате следователь сам раньше занимался бухгалтерией, — это не устраняет необходимости назначения бухгалтерской экспертизы, если сумма растраты и оформление тех или иных расходов, производимых обвиняемым, являются спорными. Это вытекает из того, что экспертиза как доказательство подлежит проверке суда с участием сторон; если бы в указанных выше случаях экспертиза не была назначена по тем соображениям, что следователь и суд сами смогут разобраться в данном специальном вопросе, стороны были бы лишены возможности участвовать в проверке данного обстоятельства.

Наиболее частыми в практике видами экспертизы являются: 1) судебно-медицинская (причины смерти, характер ранений и т. п.); 2) судебно-психиатрическая (психическое состояние обвиняемого или свидетеля); 3) химическая (исследование различных веществ, пятен и т. п.); 4) графическая (исследование почерков); 5) экономическая (различные хозяйственные вопросы); 6) техническая (причины крушений, несчастных случаев, аварий и т. п.); 7) бухгалтерская (анализ баланса, выяснение суммы убытков и т. п.). Однако экспертиза может быть назначена по любому вопросу, где требуются специальные знания.

В основе экспертизы лежит определенная отрасль научного знания, экспертиза представляет собой доказательство, основанное на данных науки. Статья 63 Уголовно-процессуального кодекса указывает, что экспертиза назначается в случаях, когда при расследовании и рассмотрении дела необходимы специальные знания в науке, искусстве или ремесле. Мы, однако, не думаем, что эту статью следует толковать так, что искусство и ремесло противополагаются науке и что экспертиза может быть и не основанной на данных науки. Всевозможные вопросы искусства и ремесла сами могут быть объектом научного исследования и поэтому всякая экспертиза должна быть основана на данных науки, хотя бы она касалась вопросов искусства и ремесла.

В следственной и судебной практике нередко имеют место случаи приглашения в качестве экспертов лиц, не имеющих научных познаний, но имеющих определенные профессиональные навыки. Например, для исследования характера поломки замка

приглашается в качестве эксперта слесарь, для установления давности выстрела из ружья — оружейный мастер, для сличения почерков — преподаватель рисования или чистописания и т. д. Нам кажется, что подобные явления свое объяснение находят лишь в том, что на местах еще не налажена в должной мере организация научной экспертизы, почему в ряде случаев органам следствия и суда приходится прибегать к подобного рода экспертизам, по существу представляющим собой лишь суррогаты подлинно научной экспертизы. Но нормальным это признать нельзя. Это не значит, разумеется, что экспертами могут быть только ученые. Экспертом может быть и практический работник — врач, химик, инженер, бухгалтер и т. д., но при обязательном условии, что это лицо располагает достаточными научными знаниями в своей области.

Являясь научным доказательством (в указанном выше смысле), экспертиза обладает благодаря этому специфическими чертами, отличающими ее от других доказательств. Экспертиза, как и всякое иное доказательство, подлежит свободной оценке судей по их внутреннему убеждению, и поэтому заключение экспертов для суда не является обязательным, суд с ним может не согласиться. Однако именно ввиду особого характера экспертизы как доказательства, основанного на данных науки, закон устанавливает твердое правило, что при несогласии с заключением экспертизы суд обязан свое несогласие мотивировать, т. е. привести в приговоре или определении конкретные основания, по которым он не соглашается с экспертизой (ст. 298 УПК).

Вопрос о том, по каким мотивам суд может не согласиться с заключением экспертов, представляет известную сложность, так как сами судьи обычно не располагают теми специальными научными знаниями, которыми руководствовались эксперты. Но следует иметь в виду, что суд не может слепо следовать за экспертизой, принимать ее на веру, а обязан ее проверить при участии сторон — ознакомиться с письменным заключением экспертов, заслушать их устные объяснения, задать им вопросы, сопоставить заключение экспертизы с другими доказательствами. При таком подходе к заключению экспертов несогласие суда с экспертизой может быть основано на ряде мотивов; приведем основные из них.

1. Неполнота материалов, бывших в распоряжении экспертов. Если суд убедится, что в распоряжении экспертов не было всех материалов, необходимых для дачи заключения, это обстоятельство может быть основанием к несогласию суда с заключением экспертов.

2. Ошибки в заключении экспертов. Суд знакомится не только с окончательным выводом экспертов, сделанным ими в их заключении, но и проверяет самый процесс работы экспертов, ход их мыслей. В результате этого он может вскрыть допущенную экспертами ошибку, необоснованное утверждение, неточность и по этим основаниям не согласиться с ними.

3. Недостаточный уровень развития данной отрасли научного знания. Суд может установить, что данная отрасль научного знания (медицина, психиатрия, химия и т. д.) не выработала еще таких приемов, которые могли бы безошибочно разрешить возникший по рассматриваемому делу вопрос, а потому заключение экспертов в данном случае носит в известной мере предположительный характер, устанавливает лишь вероятность, а не достоверность того или иного обстоятельства и является неубедительным.

4. Недостаточная научная квалификация самих экспертов. Суд может найти, что в данном случае сами эксперты не обладают тем уровнем научных знаний, который необходим для решения поставленных перед ними вопросов, и поэтому их заключение является недостаточно обоснованным.

Это основные мотивы, по которым суд может не согласиться с заключением экспертов; но могут быть и другие, которые в общем виде заранее предусмотреть нельзя. Но во всех случаях, когда суд не соглашается с заключением экспертов, мотивировка судом этого несогласия должна быть точно обоснованной и опираться на тщательную проверку заключения экспертизы по совокупности всех обстоятельств дела, а не на простое недоверие суда к экспертизе, основанное на незнакомстве суда с данной отраслью науки, с возможностями экспертизы и с условиями ее работы.

Статья 298 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает возможность несогласия суда с заключением экспертов. Возникает вопрос, может ли не согласиться с заключением экспертизы следователь, когда экспертиза производится на предварительном следствии? Несомненно, следователь также должен проверить заключение экспертов и может не согласиться с экспертизой по тем же мотивам, что и суд. Но мы полагаем, что в случае несогласия следователя с заключением экспертизы следователь должен назначить новую экспертизу, а не ограничиваться изложением в своем постановлении или обвинительном заключении мотивов своего несогласия.

Решение дела по существу принадлежит суду, который оценивает все доказательства по своему внутреннему судейскому убеждению. Следовательно, если экспертиза его не убеждает по каким-либо веским мотивам, он может решить дело не в соответствии с заключением экспертизы. Следователь же дела не решает, а подготовляет его для суда, представляет суду не свои соображения и мотивы, а собранные и проверенные доказательства. Поэтому статья 174 Уголовно-процессуального кодекса и устанавливает, что в случае признания следователем экспертизы неполной или неясной следователь по своей инициативе или по ходатайству обвиняемого назначает новую экспертизу.

Процессуальное положение экспертов

Обязанность экспертов заключается в даче следователю и суду заключения на основе своих научных знаний по тем вопросам, которые следователь и суд считают имеющими значение для дела и подлежащими разъяснению путем экспертизы. За неявку по вызову следователя или суда, за отказ от экспертизы и за дачу ложного заключения эксперты отвечают в том же порядке, что и свидетели. Для выполнения своих обязанностей эксперты могут знакомиться с соответствующими материалами уголовного дела (ст. 171 УПК). Если представленные экспертам материалы недостаточны для дачи заключения, они составляют акт о невозможности дать заключение и вопрос переносится на разрешение прокурора (примечание к ст. 171 УПК). В случае разногласий между вызванными по одному и тому же делу экспертами каждый из них дает свое заключение отдельно.

Процессуальное положение экспертов характеризуется тем, что каждый эксперт свои полномочия получает от назначившего его следователя, прокурора и суда и за свою процессуальную деятельность несет персональную ответственность. Это значит, что если по делу назначено несколько экспертов, они не образуют какой-либо комиссии и за заключение продолжают нести ответственность каждый за себя. Если они пришли к общему выводу и совместно подписали заключение, это значит, что их общее заключение есть в то же время заключение каждого из них в отдельности; если же к общему выводу они не пришли, каждый из них, как сказано выше, представляет свое заключение отдельно. Это значит, что не может быть коллективных экспертиз, что экспертиза остается индивидуальной, хотя бы в ней участвовало несколько экспертов. Отсюда вытекает, что экспертом может быть только отдельное физическое лицо, но не учреждение, не организация, не юридическое лицо.

Правда, существует много различных учреждений, в которых производятся экспертизы, — психиатрическая, судебно-медицинская, криминалистическая и т. п. Такие учреждения необходимы, потому что производство многих экспертиз требует сложной аппаратуры, сложных процессов работы, что может быть достигнуто лишь в научных учреждениях, располагающих научными кадрами и снабженных материальной и научно-производственной базой. Эти учреждения, институты, лаборатории ведут научно-исследовательскую работу в представляемой ими отрасли научного знания, готовят кадры специалистов и т. д. Но при производстве экспертизы по уголовному делу в качестве эксперта выступает лишь определенное лицо, а не учреждение, роль же учреждения сводится в данном случае к тому, что оно рекомендует следователю или суду пригодное для производства экспертизы лицо и обеспечивает последнему необходимые условия в смысле научной аппаратуры и т. д. Но ответственность за заключение несет сам эксперт персонально и в уголовном процессе как

эксперт он выступает от своего имени, а не от имени учреждения, в котором он состоит на работе.

Процессуальное оформление экспертизы на предварительном следствии происходит в следующем виде. Экспертиза назначается постановлением следователя, устанавливающим объекты экспертизы и состав экспертов. О назначении экспертизы следователь уведомляет обвиняемого и разъясняет ему его право указать эксперта помимо назначенного следователем (ст. 169 УПК) и представить в письменном виде те вопросы, по которым он, обвиняемый, считает необходимым получить заключение эксперта. Следователь формулирует в окончательном виде вопросы, по которым эксперт должен дать заключение, и представляет их эксперту (в письменном виде). После того как эксперт дал свое письменное заключение, следователь может эксперту задавать вопросы.

По окончании экспертизы составляется протокол, в котором отмечается, по чьему постановлению была назначена экспертиза, вопросы, поставленные эксперту, объект экспертизы, состав экспертов, перечень материалов, бывших в распоряжении экспертизы, продолжительность работы экспертов и другие обстоятельства (участие обвиняемого при производстве экспертизы и т. п.).

Письменное заключение экспертов прилагается к протоколу. Протокол прочитывается экспертами и подписывается ими и следователем (ст.ст. 168 и 173 УПК). С заключением экспертизы должен быть ознакомлен обвиняемый, который может просить следователя о назначении повторной экспертизы. После дачи экспертом письменного заключения следователь может допросить эксперта по тем или другим вопросам заключения экспертизы. Допрос эксперта фиксируется в протоколе, подписываемом экспертом и следователем.

Таким образом, на предварительном следствии производство экспертизы облекается в следующие процессуальные акты:

1) постановление следователя о назначении экспертизы;
2) объявление обвиняемому о производстве экспертизы;
3) протокол производства экспертизы и заключение эксперта;
4) протокол допроса эксперта.

Первые три акта обязательны во всех случаях, четвертый же факультативен: следователь допрашивает эксперта после дачи последним заключения, если в том есть надобность (например если заключение неясно, оспаривается обвиняемым и т. п.).

Существенное значение имеет вопрос о правах обвиняемого при производстве экспертизы. Как указано выше, следователь обязан поставить обвиняемого в известность о назначении экспертизы. Свое постановление о назначении экспертизы с указанием лиц, назначенных экспертами, следователь объявляет под расписку обвиняемому и разъясняет ему его права: 1) заявить о включении в состав экспертов дополнительных экспертов по указанию самого обвиняемого и 2) представить в письменном виде те вопросы, по которым обвиняемый считает необходимым

получить заключение экспертов. О выполнении этого акта следователем составляется протокол, в котором отмечаются также заявления, сделанные обвиняемым по этим вопросам, и который подписывается обвиняемым и следователем (форму протокола см. в приказе Прокурора СССР № 90—3 13 мая 1939 г. в № 6 журнала «Социалистическая законность» за 1939 г.). Наконец, обвиняемый имеет право заявить отвод эксперту по основаниям, которые указаны ниже.

Следственная практика широко применяет личное участие обвиняемого при производстве экспертизы — дача обвиняемым личных объяснений экспертам и задавание экспертами вопросов обвиняемому по обстоятельствам, исследуемым экспертами, а также ознакомление обвиняемого с заключением экспертизы и предоставление ему возможности дать свои замечания по этому заключению.

Такой порядок является вполне целесообразным, так как он обеспечивает полноту и правильность экспертизы и гарантирует права обвиняемого на предварительном следствии.

При выборе эксперта следователь учитывает в первую очередь пригодность, достаточную квалификацию и компетентность данного специалиста для разрешения тех вопросов, по которым требуется экспертиза. Но при этом должна быть обеспечена объективность эксперта, его незаинтересованность в данном деле. Поэтому экспертами не могут быть: а) лица, являющиеся стороной или родственником какой-либо из сторон; б) лица, заинтересованные в исходе дела или имеющие родственников, заинтересованных в исходе дела; в) лица, участвовавшие в деле в качестве свидетеля или в качестве производившего расследование, обвинителя, защитника, представителя интересов потерпевшего или гражданского истца по данному делу. Помимо этого экспертом не может быть лицо, в отношении которого имеются какие-либо другие данные, вызывающие сомнения в его беспристрастности (ст.ст. 43, 45, 48 УПК). Но экспертом на суде может быть лицо, которое выполняло функции эксперта на предварительном следствии.

Эти правила относительно требований, которым должен удовлетворять эксперт, являются крайне важными для обеспечения необходимого качества экспертизы. С этой точки зрения является абсолютно недопустимым иногда встречающееся в следственной практике явление — назначение по делам о должностных преступлениях экспертами лиц, производивших в хозяйственной организации ревизию, по выводам которой возбуждено уголовное дело; эти лица (ревизоры) могут фигурировать на следствии и на суде только в качестве свидетелей по фактам, вскрытым ими при производстве ревизии, но ни в коем случае не в качестве экспертов. Экспертами же по этим делам могут быть другие, посторонние данному делу и данной хозяйственной организации лица, которые должны дать свое заключение по вопросу об обоснованности и правильности утверждений акта ревизии. Если же

по делу экспертное заключение дает лицо, которое, по существу, должно было быть допрошено в качестве свидетеля об обстоятельствах, известных ему по делу, — налицо грубейшее нарушение процессуального закона (на это указал Пленум Верховного суда СССР в постановлении 3 мая 1940 г. по делу Сутягина, см. журнал «Советская юстиция» № 13).

Еще более активна роль эксперта на судебном заседании. Хотя и здесь эксперты являются в основном источником доказательств и их заключение используется судом как и всякое иное доказательство (с оговоркой о возможности несогласия с ним лишь по мотивированному определению согласно ст. 298 УПК), но сами эксперты присутствуют на всем протяжении судебного следствия (если только не освобождаются судом от присутствия на той или иной части его) и активно участвуют в нем. В этом отношении процессуальное положение эксперта на суде таково. Эксперт присутствует на суде, участвует в допросе обвиняемых и свидетелей и в исследовании всех доказательств, поскольку это необходимо ему для дачи экспертного заключения. Перед тем как эксперт приступает к даче заключения, суд и стороны ставят ему свои вопросы, на которые эксперт должен дать ответ. Заключение дается экспертом обязательно в письменном виде и излагается им устно на суде (ст. 298 УПК). После же того как эксперт дал заключение, он допрашивается судом и сторонами по поводу данного им заключения. Если эксперт давал заключение на суде, то оно должно быть обязательно изложено в письменном виде, независимо от того, что данным экспертом по этому же делу давалось заключение на предварительном следствии.

Как и свидетель, эксперт имеет право на возмещение понесенных им расходов по явке и на вознаграждение за отвлечение от обычной работы; кроме того, эксперт имеет право и на вознаграждение за выполнение им своих обязанностей (ст. 54 УПК).

Вещественные доказательства

Вещественными доказательствами называются все те предметы, которые, как и всякие другие доказательства, могут установить существенные обстоятельства дела. К вещественным доказательствам относятся те предметы, которые: 1) служили орудиями совершения преступления, или 2) сохранили на себе следы преступления, или 3) были объектами преступных действий, или 4) каким-либо иным способом могут быть средством обнаружения преступления и причастных к нему лиц (ст. 66 УПК).

Предмет, относящийся к одной из перечисленных групп, для того чтобы быть использованным как вещественное доказательство, должен получить надлежащее, установленное законом процессуальное оформление. Для этого на предварительном следствии должны быть составлены следующие процессуальные акты.

1. Протокол обнаружения предмета, могущего быть вещественным доказательством. В этом протоколе должны быть зафиксированы обстоятельства получения этого предмета следователем. Например, если предмет обнаружен при обыске, этот предмет отмечается в протоколе обыска; если он представлен следователю свидетелем, это фиксируется в протоколе представления предмета свидетелем следователю, причем оба они и подписывают протокол. Это правило очень важно потому, что сам по себе предмет не может иметь доказательственной силы, если не установлено, где он находился, каким образом и при каких обстоятельствах был обнаружен и т. д.

2. Постановление следователя о приобщении данного предмета к делу в качестве вещественного доказательства. Именно это постановление делает данный предмет вещественным доказательством, так как приобщению к делу подлежат не все обнаруженные предметы, а лишь те, которые имеют доказательственную силу по обстоятельствам дела, т. е. относятся к одной из указанных выше четырех групп.

В этом постановлении следователь поясняет, почему данный предмет важен для дела.

Если же предмет не может служить по делу вещественным доказательством, он не приобщается к делу, а передается по принадлежности.

3. Протокол осмотра вещественного доказательства. Каждое вещественное доказательство должно быть осмотрено следователем, и в процессе осмотра оно должно быть подробно описано с указанием всех его отличительных признаков. Это важно для того, чтобы в любой момент процесса можно было удостовериться, что имеющееся налицо вещественное доказательство есть тот самый предмет, который был обнаружен и приобщен к делу. Этот протокол необходим также на случай возможности утраты вещественного доказательства, порчи его и т. д. Осмотр производится следователем в присутствии понятых, которые вместе со следователем и подписывают протокол осмотра (ст.ст. 67, 189, 192, 194 УПК).

Вещественные доказательства хранятся у следователя или в суде, в котором находится дело. При передаче дела из одного следственного органа в другой, из следственного органа в суд или из одного суда в другой вещественные доказательства передаются вместе с делом (ст. 68 УПК).

В отдельных случаях вещественное доказательство может быть возвращено его владельцу, если это возможно без ущерба для правильного расследования и разрешения дела (ст. 67 УПК).

Все вопросы, связанные с техникой пользования вещественными доказательствами и исследования их, относятся к криминалистике.

О вещественных доказательствах см. ст.ст. 66—71, 175—188, 223 и п. 7 ст. 320 Уголовно-процессуального кодекса.

Письменные документы

К письменным документам в качестве доказательств относятся протоколы осмотров, произведенных в порядке ст.ст. 189 и 194 Уголовно-процессуального кодекса и иные документы, устанавливающие обстоятельства, имеющие значение для дела. К таким документам относятся различные справки, удостоверения различных организаций, расписки, ведомости, отчеты (по делам о должностных и хозяйственных преступлениях) и т. д.

Надлежит иметь в виду разницу между документом как самостоятельным доказательством и документом как вещественным доказательством. Вещественным доказательством документ является в тех случаях, когда он имеет доказательственное значение как вещь, как предмет и потому является для данного дела незаменимым (например подложная расписка, собственноручно написанное обвиняемым письмо потерпевшему по вопросу, относящемуся к их взаимоотношениям, и т. д.). В этих случаях документ должен быть описан, подвергнут осмотру, приобщен к делу постановлением следователя и должен храниться при деле в особых условиях, обеспечивающих его сохранность. Если же документ является лишь удостоверением того или иного факта, исходящим от какого-либо учреждения или лица (например акт ревизии, заключительный баланс и т. д.), и поэтому может быть заменен другим, аналогичным документом или его копией, то он рассматривается как самостоятельный вид доказательств и включается в материалы дела вместе с протоколами допросов и другими следственными актами.

ГЛАВА VI

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

§ 1. Возбуждение уголовного дела как начальная стадия процесса. § 2. Поводы и основания к возбуждению уголовного дела. § 3. Процессуальное оформление возбуждения дела.

§ 1. Возбуждение уголовного дела как начальная стадия процесса

Возбуждение уголовного дела составляет начальный момент уголовного процесса. Существо этого процессуального момента заключается в решении суда, прокуратуры или органа расследования о необходимости реагировать на тот или иной факт как на преступление путем применения всех тех мер, которые устанавливает Уголовно-процессуальный кодекс. Таким образом, при возбуждении уголовного дела еще не имеют места те или иные следственные действия (собирание и проверка доказательств), так как эти действия могут производиться лишь после возбуждения уголовного дела, т. е. после того, как суд, прокурор или орган расследования ответил в положительном смысле на вопрос о наличии состава преступления в ставшем ему известном факте или событии. В случаях отрицательного ответа на этот вопрос, т. е. в случаях, когда указанные органы в том или ином факте или событии не усматривают состава преступления, уголовное дело не возбуждается и никакого дальнейшего производства в уголовном порядке по делу не производится.

Практическое значение возбуждения уголовного дела очень велико. Правильное решение вопроса об основаниях к возбуждению уголовного дела обеспечивает такой порядок, при котором судебно-следственные органы реагируют только на преступления. Этим устраняются неосновательные возбуждения уголовных дел и связанные с ними стеснения для граждан, напрасная трата сил и средств судебно-следственного аппарата на расследование и разбор действий, лишенных общественно-опасного содержания, а потому и не требующих вмешательства тех органов, основной задачей которых является борьба с преступностью.

Процессуально-правовое значение возбуждения уголовного дела заключается в том, что оно служит правовым основанием для производства всех дальнейших судебно-след-

ственных действий по расследованию и разрешению уголовного дела. Судебно-следственные органы могут производить предусмотренные законом процессуальные действия (допрос, избрание мер пресечения, предание суду и т. п.) только в связи с конкретным уголовным делом. Поэтому лишь возбуждение уголовного дела, произведенное управомоченным на это органом с соблюдением установленных законом условий, дает этому органу право на производство всех необходимых действий по расследованию и разрешению дела.

Ведение расследования по уголовному делу всегда связано с применением различных принудительных мер к гражданам (вызовы на допрос, привлечение к уголовной ответственности и т. д.), всегда является достаточно ощутительным вторжением органов следствия в быт и деятельность граждан, в различных формах привлекаемых к участию в деле. Не только привлечение к уголовной ответственности обвиняемого, но и самое начало расследования и все действия следственного органа, направленные к выяснению обстоятельств дела, представляют систему мер принудительного порядка, затрагивающих интересы отдельных лиц и организаций. Поэтому начальный акт уголовного процесса, каковым является возбуждение уголовного дела, должен быть обставлен определенными процессуальными условиями, должен проводиться в определенных процессуальных формах, гарантирующих основательность возбуждения уголовного дела. В этом — основное значение возбуждения уголовного дела как первой, начальной стадии процесса. Требование обоснованности возбуждения уголовного дела в то же время связано с требованием решительности, неуклонности и быстроты реагирования органов следствия, прокуратуры и суда на все факты преступлений, так как это есть необходимое условие успешности борьбы с преступлениями, бдительности и активности органов юстиции в борьбе с врагами народа и дезорганизаторами социалистического правопорядка. Сосредоточивая все свои усилия на борьбе с действительными преступлениями, органы следствия, прокуратуры и суда должны обеспечить меткость применения уголовной репрессии, а для этого требуется четкое определение в каждом отдельном случае точки приложения этих усилий, сосредоточение сил и внимания на действительных фактах преступлений с устранением всего того, что не требует применения уголовных наказаний и к чему неприменим порядок уголовного расследования.

Таким образом, значение возбуждения уголовного дела как стадии уголовного процесса заключается: а) в обеспечении успешности и решительности борьбы с преступлениями; б) в гарантировании граждан от неосновательного стеснения их прав и интересов в связи с ведением расследования по уголовному делу.

Возбуждение уголовного дела является самостоятельной стадией уголовного процесса. Практически она часто сливается с начальным моментом предварительного расследования, если возбуждает дело и ведет по не-

му расследование один и тот же орган, но по существу это отдельная процессуальная стадия. Возбуждать дело может и не тот орган, который будет вести расследование; например, возбудить уголовное дело могут суд и прокурор, а расследование будет вести следователь. Так что и с этой точки зрения возбуждение уголовного дела и начало расследования не совпадают. Но главное и основное — это указанное выше обстоятельство: возбуждение уголовного дела является правовым основанием для производства органами следствия и суда в каждом отдельном случае всех тех действий, которые изложены в Уголовно-процессуальном кодексе, без чего ни следователь, ни прокурор, ни суд не могут этих действий производить.

В следственной практике иногда вместо термина «возбуждение уголовного дела» применяется иной термин — «возбуждение уголовного преследования». Отождествлять эти понятия нельзя. Уголовное преследование может иметь место только в отношении какого-либо определенного лица. При возбуждении же уголовного дела виновник преступления бывает неизвестен, а если даже и есть указания на определенное лицо как на виновника преступления, то эти указания всегда нуждаются в проверке, в расследовании, в подкреплении доказательствами, что может быть произведено лишь на дальнейшей стадии предварительного расследования, а не при самом возбуждении дела. Поэтому возбуждение уголовного преследования следует относить не к моменту возбуждения уголовного дела, а к специальному процессуальному моменту на предварительном следствии — привлечению данного лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. Иными словами, возбуждение уголовного преследования и есть привлечение к уголовной ответственности в порядке ст. 128 Уголовно-процессуального кодекса (см. стр. 177), возбуждение же уголовного дела связано не с привлечением конкретного лица к уголовной ответственности, а с реагированием судебно-следственного органа на те факты и события, относительно которых есть данные полагать, что они составляют преступление. Данные о факте совершенного или подготовляемого преступления и служат основанием для возбуждения уголовного дела, установление же фактических обстоятельств этого преступления и лиц, это преступление совершивших, является предметом дальнейшей процессуальной стадии — предварительного расследования. Об уголовном преследовании было сказано выше (стр. 86 и след.).

Правом возбуждать уголовные дела пользуются прокуратура, органы предварительного расследования и суд. Только эти органы имеют право решать вопрос о необходимости возбуждения уголовного дела. Все иные органы и лица лишь доводят до сведения указанных выше органов о совершенных или подготовляемых преступлениях, лишь сообщают им материал, на основе которого прокуратура, органы расследования и суд решают вопрос о наличии или отсутствии оснований к возбуждению уголовного дела.

§ 2. Поводы и основания к возбуждению уголовного дела

Поводами к возбуждению уголовного дела являются те установленные законом условия, при которых соответствующие органы имеют право возбуждать уголовное дело и наличие которых обязывает эти органы решать вопрос о том, есть или нет в каждом конкретном случае основания реагировать на данный факт как на преступление и приступить к производству предусмотренных Уголовно-процессуальным законом действий. Такими поводами к возбуждению уголовного дела являются: 1) заявления граждан и различных объединений и организаций; 2) сообщения правительственных учреждений и должностных лиц; 3) явка с повинной (т. е. заявление самого лица, совершившего преступление); 4) предложение прокурора; 5) непосредственное усмотрение органов расследования и суда (ст. 91 УПК).

Повод является формальным условием для возбуждения уголовного дела, но для того чтобы возбудить конкретное дело, в каждом отдельном случае требуется, чтобы налицо было также основание к возбуждению дела, представляющее собой фактический момент, необходимый в этой стадии процесса. Основанием к возбуждению уголовного дела является наличие определенных фактических данных, устанавливающих с известной степенью вероятности факт преступления, на которое органы прокуратуры, следствия и суда должны реагировать путем предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом действий. Иными словами, для возбуждения уголовного дела требуется в каждом отдельном случае наличие повода, т. е. заявления, сообщения и т. д., и основания, т. е. конкретных данных о факте совершенного или готовящегося преступления.

В момент возбуждения дела те данные, которыми располагают органы следствия, прокуратура и суд, обычно не могут быть исчерпывающе полными, точными и проверенными, так как такая проверка является предметом следующей за возбуждением дела стадии процесса (предварительного расследования). Поэтому в момент возбуждения дела несомненности, полной уверенности в наличии факта преступления может и не быть. Например, обнаружение трупа со следами насильственной смерти, несомненно, является основанием к возбуждению уголовного дела, но дальнейшим расследованием может не подтвердиться факт убийства, а может быть установлено самоубийство или смерть в результате несчастного случая и т. д. Но во всяком случае те материалы, по которым решается вопрос о возбуждении уголовного дела, должны давать серьезные основания для предположения, что преступление имело место.

В практике органов прокуратуры и следствия решение вопроса об основаниях возбуждения уголовного дела представляет нередко существенные трудности. Трудности вытекают из того, что заявления граждан, советских учреждений и организаций о возбуждении уголовного дела часто не содержат в себе всех не-

обходимых данных, на основании которых можно было бы решить вопрос о том, следует ли в данном случае возбуждать уголовное дело. Следственные и прокурорские органы иногда находили выход из этих трудностей в том, что производили различные следственные действия до возбуждения уголовного дела, т. е. производили допросы, назначали экспертизы и т. д., не возбуждая еще уголовного дела, а затем на основании этих следственных материалов решали вопрос о возбуждении уголовного дела. Такая практика носила название «доследственной проверки» и иногда приводила к тому, что под видом такой «доследственной проверки» производилось самое обычное предварительное следствие, но так как дело формально не возбуждалось, следствие именовалось проверкой, а уголовное дело — перепиской. Такая практика являлась незаконной, так как, согласно Уголовно-процессуальному кодексу, производство следственных действий возможно лишь после того, как компетентный орган (следственный орган, прокурор или суд) уже решил в установленном законом порядке вопрос о возбуждении уголовного дела в положительном смысле. Приказами Прокурора СССР ведение таких «доследственных проверок» было категорически запрещено. Однако случаи такой практики продолжали иметь место. Так, они были обнаружены в конце 1939 г. при проверке работы по следствию прокуратуры Киргизской ССР и отмечены в приказе Прокурора СССР 27 января 1940 г. № 15/3. Приказ отмечает случаи, когда предварительное следствие велось без возбуждения уголовного дела под видом доследственной проверки, а срок предварительного следствия, установленный законом, исчислялся не с момента начала расследования, а значительно позднее, чем обходились нормы Уголовно-процессуального кодекса о сроках следствия. Приказом подтверждена недопустимость производства следственных действий до возбуждения уголовного дела.

Если прокурор, получив заявление или сообщение о преступлении, находит его неясным, неполным, не дающим возможности решить вопрос о возбуждении уголовного дела, он может произвести различные действия проверочного порядка. Однако эти проверочные действия не есть процессуальные действия, они не могут выражаться в предусмотренных УПК следственных действиях, а ведутся в порядке обычной работы прокурора по общему надзору, например путем истребования различных документов, получения дополнительных сведений из тех или иных учреждений и т. д. В ряде приказов Прокурора СССР указывается, что подобных проверок не может производить следователь, действия которого проводятся только в формах, установленных Уголовно-процессуальным кодексом. Проверки в таких случаях производятся прокурором, который передает дело следователю лишь после того, как им положительно решен вопрос о возбуждении уголовного дела (приказы Прокурора СССР 20 апреля 1935 г. № 15/4, 25 сентября 1936 г. № 58/6).

Неясность вопроса о наличии или отсутствии оснований к возбуждению уголовного дела на практике наиболее часто возникает в случаях сообщений хозяйственных организаций об обнаруженных недостачах ценностей. Эти сообщения (особенно торгующих организаций) часто не обосновываются и не подтверждаются необходимыми материалами, так что по ним нельзя составить представления, имеются ли налицо признаки уголовно-наказуемого деяния. Во избежание таких явлений Прокурором СССР и Наркомвнуторгом СССР 3 декабря 1936 г. был издан циркуляр № 73/15134, которым было установлено, какие именно материалы торгующие организации должны приобщать к своим заявлениям в органы расследования о возбуждении уголовных дел в связи с недостачей материальных ценностей (полный и конкретный акт ревизии, объяснения лица, отвечающего за материальные ценности, заключение бухгалтера, оправдательные документы, не принятые бухгалтерией).

Лица и учреждения, сообщившие прокурору, суду и органу предварительного расследования данные о преступлении, тем самым вступают в определенные отношения, имеющие правовой характер, с органом, которому они это сообщение сделали, и их функции вовсе не сводятся лишь к технической даче информации о преступных действиях.

Прокуратура, органы предварительного расследования и суд обязаны принимать все заявления по поводу совершенных или готовящихся преступлений и не могут отказывать в их приеме и рассмотрении по мотивам их неосновательности, неподведомственности и т. п.

По всякому заявлению о преступлении органы прокуратуры, следствия и суд обязаны вынести свое решение (постановление) о возбуждении уголовного дела или об отказе в нем и сообщить об этом заявителю. Заявитель же, заинтересованный в возбуждении уголовного дела по мотивам личного или общественного порядка, имеет право обжаловать постановление об отказе в возбуждении дела. По действующему Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР (ст. 95) постановление об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано в суд в семидневный срок. Установившейся практикой этот порядок изменен в том смысле, что жалоба на отказ в возбуждении дела органом дознания и следователем разрешается прокурором. Такой именно порядок обжалования установлен Уголовно-процессуальными кодексами Украинской и Грузинской ССР.

Основанием к возбуждению уголовного дела является наличие данных о совершенном или подготовляемом преступлении. Если в тех материалах, которыми располагают судебные, следственные и прокурорские органы, такие данные имеются, дело подлежит возбуждению; если же этих данных нет, дело не возбуждается. Разумеется, в ходе дальнейшего следствия может выявиться необоснованность, неверность тех данных, на основании которых дело было возбуждено. В этом случае дело будет прекращено в

стадии следствия. Следовательно, основное и решающее обстоятельство, устраняющее возможность возбуждения уголовного дела, есть отсутствие в том факте или действии, о котором сообщено органам прокуратуры, следствия или суду, состава преступления согласно Уголовному кодексу.

Устраняют возбуждение уголовного дела те же обстоятельства, которые устраняют и возможность уголовного преследования, т. е. обстоятельства, указанные в ст.ст. 3 и 4 Уголовно-процессуального кодекса, если какое-либо из них известно уже в момент возбуждения уголовного дела (см. стр. 89).

§ 3. Процессуальное оформление возбуждения дела

Если возбуждение дела производится органом расследования или прокурором, они выносят мотивированное постановление, в котором должны иметься следующие данные: 1) место и время вынесения постановления, название органа, возбуждающего уголовное дело; 2) повод к возбуждению дела, т. е. указание на те данные, по которым производится возбуждение дела (заявление граждан, сообщение учреждений, акт ревизии и т. д.); 3) основания к возбуждению дела, т. е. указания на конкретные факты преступлений, о которых орган, возбуждающий дело, получил сведения; 4) юридические признаки данного состава преступления, т. е. соответствующая статья Уголовного кодекса.

Таким образом, возбуждение уголовного дела должно быть обоснованным фактически и юридически, т. е. должно опираться на определенные фактические данные, имеющиеся в распоряжении возбуждающего дело органа, и устанавливать юридические признаки того или иного преступления (согласно Уголовному кодексу). Эти моменты должны быть отражены в постановлении о возбуждении дела, которое, следовательно, должно быть мотивированным.

Выше указывалось, что при возбуждении уголовного дела в распоряжении возбуждающего дело органа, как правило, не бывает исчерпывающих данных о совершении преступления и о лицах, участвовавших в совершении преступления, так как такие данные могут быть получены лишь в процессе последующего предварительного расследования. Соответственно этому при возбуждении уголовного дела не могут быть с точностью определены юридические признаки данного преступления, о котором возбуждается уголовное дело.

В приведенном выше примере (обнаружение трупа со следами насильственной смерти) имеются данные к возбуждению уголовного дела, так как есть основания предполагать, что в данном случае имело место убийство. Но какое это убийство, по признакам какой статьи Уголовного кодекса оно должно быть квалифицировано, в момент возбуждения дела точно сказать

нельзя, пока не установлено лицо, совершившее преступление, пока не установлены мотивы убийства и другие обстоятельства его совершения; это может оказаться террористическим актом (ст. 58[8] УК), или общеуголовным убийством из мести (ст. 136 УК), или убийством без отягчающих признаков (ст. 137 УК) и т. д. Поэтому в постановлении о возбуждении дела статья Уголовного кодекса может быть указана лишь условно, так как в ходе дальнейшего расследования она всегда может быть изменена. Указывать надлежит ту статью Уголовного кодекса, применение которой представляется наиболее вероятным по материалам, имеющимся в момент возбуждения дела.

Если возбуждение уголовного дела производится органом расследования, его постановление должно быть утверждено прокурором. Этот порядок в соответствии с решением I Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников (апрель 1934 г.) установлен директивным письмом Прокурора СССР 13 августа 1934 г. «О качестве расследования».

В уголовно-процессуальные кодексы РСФСР и Украинской ССР такое правило не включено. Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР устанавливает требование о том, что возбуждение уголовного дела может иметь место по мотивированному постановлению органа, возбуждающего дело (ст. 16), Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР содержит оба требования — и вынесение мотивированного постановления, и утверждение его прокурором (ст. 96) и, следовательно, наиболее точно регламентирует этот вопрос.

Совершенно очевидно, что при возбуждении уголовного дела судом его определение ничьей санкции не требует.

Таким образом, процессуальный порядок возбуждения уголовных дел может выражаться в нескольких формах.

1. Если дело возбуждается следственным органом, он выносит мотивированное постановление, утверждаемое прокурором, после чего приступает к расследованию.

2. Если дело возбуждается непосредственно прокурором, он выносит мотивированное постановление и передает следственному органу, который принимает дело к своему производству и приступает к расследованию. Прокурор может предложить следственному органу возбудить дело также своим письменным распоряжением [1].

3. Если дело возбуждается судом, он выносит определение и направляет дело для расследования. В этом случае орган расследования постановления о возбуждении дела не выносит, а приступает к расследованию. По делам, не требующим расследования, суд, возбуждая дело, назначает его к рассмотрению в судебном заседании.

---

[1] Циркуляр Прокурора СССР 25 сентября 1936 г. № 58/6.

ГЛАВА VII

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

§ 1. Общие понятия. § 2. Предварительное расследование в буржуазном процессе. § 3. Дознание и предварительное следствие. § 4. Принципы предварительного расследования. § 5. Объем предварительного расследования и его сроки. § 6. Органы предварительного расследования

§ 1. Общие понятия

Предварительное расследование является стадией процесса, в которой специальные органы расследования собирают и проверяют доказательственный материал, исследуют обстоятельства самого события преступления и выявляют причастных к нему лиц. Предварительный характер этой стадии процесса заключается в том, что органы расследования проводят свою работу д о с у д а и д л я с у д а в целях представления суду дела в достаточно исследованном виде, чтобы суд имел возможность рассмотреть и оценить всю совокупность обстоятельств дела и вынести правильный по существу приговор.

Для обеспечения представления суду достаточно полного и доброкачественного материала правильная постановка предварительного расследования имеет громадное значение. От качества работы органов предварительного расследования в значительной мере зависит и качество работы суда, так как успешно и четко проведенное предварительное расследование обеспечивает суду возможность в полной мере разобраться в существе дела и дать правильное решение вопроса о виновности и ответственности преданных суду лиц. Наоборот, допущенные в стадии предварительного расследования недочеты, ошибки и пробелы нередко не могут быть исправлены судом в процессе судебного следствия, а представление в суд нерасследованных, неполных и недоброкачественных материалов обычно влечет за собой либо отложение дела слушанием и направление его к доследованию, либо же вынесение приговора, не обоснованного фактами и неправильного по существу.

Таким образом, в основном предварительное расследование имеет подсобный субсидиарный характер. Но в некотором отно-

шении оно имеет и иное значение. Деятельность органов предварительного расследования, раскрытие ими преступлений, выявление, а в случае надобности и изоляция в порядке предварительного заключения лиц, в отношении которых имеются веские данные о совершении ими преступления, принятие ряда профилактических мер для пресечения развития того или иного вида преступлений представляют и осуществление непосредственной борьбы с преступностью.

В этом проявляется теснейшая связь органов предварительного расследования с судом. Предварительное расследование, затягивающее движение уголовного дела и чрезмерно отдаляющее вынесение судебного приговора от момента совершения преступления, в значительной мере понижает репрессивное и воспитательное значение приговора вследствие потери уголовным делом значительной доли его общественного значения. Отсюда — необходимость быстрой, четкой и гибкой работы органов предварительного расследования, их немедленного и решительного реагирования на факты преступлений и в то же время высокого качества их работы.

Эффективность расследования, быстрое и решительное изобличение совершивших преступление лиц — необходимое условие предварительного расследования.

§ 2. Предварительное расследование в буржуазном процессе

В буржуазном уголовно-процессуальном законодательстве предварительное расследование носит обычно название «предварительного производства» в отличие от «окончательного» или «главного» производства (т. е. судебного рассмотрения, судебного разбирательства дела по существу).

Могут быть отмечены два основных типа построения предварительного расследования — английский и французский.

Английское предварительное расследование, соответственно общему состязательному строю английского уголовного процесса, является состязательным. Специального органа предварительного расследования — следователя — в английском процессе нет. Дело возбуждается обвинителем, в качестве которого может выступать любой гражданин, в первую очередь потерпевший и его адвокат. Их деятельность поддерживается полицией, которая в ряде случаев даже заменяет собою обвинителя. Обвинитель и полиция производят первоначальные розыскные действия, но во всех случаях, когда надо закрепить те или иные доказательства для суда или произвести какое-либо следственное действие, они должны обращаться к мировому или полицейскому судье, которому они представляют эти доказательства и который допрашивает свидетеля, выносит постановление об аресте и т. д., причем при производстве судьей этих действий может участвовать обвиняемый и его защитник.

При производстве предварительного расследования обвиняемый не допрашивается. Судья объявляет ему только, что он может дать объяснения по поводу представленных против него доказательств, предупреждая, что если он такие объяснения даст, они будут запротоколированы и смогут быть обращены против него на суде. Обвиняемый может представить судье в защиту свои доказательства, которые проверяются и фиксируются судьей. На основе этих данных судья выносит определение о предании обвиняемого суду присяжных или об освобождении обвиняемого от обвинения, а если данное дело подсудно мировому суду, тут же выносит приговор.

По делам особой важности в качестве обвинителя выступает специальный орган, приближающийся к типу прокуратуры континентальных стран, — генерал-атторней и действующий под его руководством директор публичных преследований.

По делам о так называемых «загадочных смертях» предварительное расследование производится «коронером», напоминающим следователя (или следственного судью), который в большинстве случаев расследует дело при участии присяжных заседателей (см. также стр. 48).

Иной вид имеет французское предварительное расследование. Расследование производится «судебной полицией», которая включает наряду с полицейскими комиссарами и мэрами следственных судей (следователей) и возглавляется прокурором. Прокурор руководит деятельностью низших чинов полиции; под его надзором действует также следственный судья, производящий следствие по предложению прокуратуры. Основная характерная черта предварительного расследования во французском уголовном процессе — это наличие централизованного аппарата предварительного расследования и руководящая роль в этом расследовании прокурора. До 1897 г. предварительное расследование во Франции носило законченный розыскной характер; законом 8 декабря 1897 г. в него были введены элементы состязательности в виде допущения защитника обвиняемого при производстве следствия (см. также стр. 45).

Следователь в буржуазном уголовном процессе трактуется как «следственный судья», т. е. он является судьей, входит в состав суда (во Франции — juge d'instruction, в Германии — Untersuchungsrichter). Возбуждающий уголовное дело прокурор обращается к следственному судье со своим требованием о возбуждении уголовного преследования, и следственный судья проводит следствие в пределах тех фактов, которые указаны в требовании прокурора. Во французском уголовном процессе следственный судья не может вести следствие в отношении тех фактов, которые не указаны в обращенном к нему требовании прокурора о возбуждении уголовного преследования (это требование называется réquisitoire). В действительности влияние прокурора на следственного судью значительно больше, чем это прямо указано в законе. Так, в Германии еще много лет тому назад

указывалось, что следственные судьи фактически превращаются в агентов прокуратуры; на это, например, обращал внимание автор проекта германского Уголовно-процессуального кодекса 1920 г. профессор Гольдшмидт (см. стр. 52).

§ 3. Дознание и предварительное следствие

В буржуазном уголовном процессе предварительное расследование преступлений обычно распадается на две стадии или два вида: дознание и предварительное следствие.

Дознанием называется первоначальная стадия предварительного расследования, предшествующая предварительному следствию и имеющая целью зафиксировать следы преступления, собрать самые первые улики по горячим следам и принять неотложные меры для выяснения преступления и преступника. После этого общее и детальное расследование дела переходит в стадию предварительного следствия. Предварительное следствие — это второй этап расследования, на котором происходит собирание и проверка доказательств в том виде и в тех формах, в каких они позднее будут нужны суду при разрешении дела по существу. Таким образом, дознание является подготовительной стадией для предварительного следствия, а предварительное следствие — подготовительной стадией для судебного разбирательства.

Буржуазное законодательство и теория рассматривают дознание и предварительное следствие как качественно различные стадии. Дознание рассматривается как акт, не имеющий судебного значения. Вследствие этого, с одной стороны, органы дознания (общая полиция) не имеют права производить формальные следственные действия (допросы свидетелей, предъявление обвинения и т. д.), а с другой — акты дознания не имеют силы судебных доказательств и суд не может основывать на них свой приговор. Наоборот, предварительное следствие, производимое судебным следователем, иначе называемым следственным судьей (Германия, Франция), рассматривается как акт судебного значения, как стадия судебного производства, и на основе данных предварительного следствия происходит предание суду и самое судебное разбирательство. В силу этого предварительное следствие производится в специальных детализированных процессуальных формах, от которых освобождено дознание.

Наиболее полно такое разграничение дознания и предварительного следствия проводится в германском Уголовно-процессуальном кодексе 1877 г.

Дознание представляет собою так называемое «подготовительное производство», или «подготовку публичного обвинения». Германский процессуалист Цу-Дона в своем «Курсе уголовного процесса» (1929 г.) писал: «Обвинение может быть направлено против определенного лица по поводу определенных уголовно-

наказуемых действий»[1]. Дознание и существует для того, чтобы подготовить материал, необходимый для возбуждения прокурором уголовного обвинения перед следственным судьей. Таким образом, предварительное следствие в германском процессе может начинаться только в отношении определенного лица, обвиняемого в определенных преступлениях. Иными словами, предварительное следствие начинается с предъявления обвинения, до этого же момента ведется дознание, проводящееся прокурором и полицией.

В ряде капиталистических стран сейчас наблюдается тенденция к сокращению применения предварительного следствия и, соответственно, расширению применения дознания, не связанного теми процессуальными формами, которые являются обязательными для предварительного следствия, проводимого следственным судьей. В некоторых государствах предварительное следствие фактически вытеснено дознанием, которое может действовать более быстро и произвольно, чем предварительное следствие. Так, применение предварительного следствия сужено до крайних пределов в итальянском уголовно-процессуальном кодексе 1931 г. В Германии предварительное следствие не существует по делам, подсудным «народному суду» и исключительным судам, а в остальных случаях его производство зависит от усмотрения прокурора.

Совершенно на иной точке зрения стоит советское уголовно-процессуальное право. Принципиальной разницы между дознанием и предварительным следствием в советском уголовном процессе не существует, хотя сами понятия в действующем Уголовно-процессуальном кодексе и сохранены. Дознание и предварительное следствие в равной мере имеют судебное значение: материалы дознания, как и материалы следствия, имеют доказательственное значение и могут быть использованы судом в качестве доказательств при вынесении приговора. Разница между дознанием и следствием сводится к разнице в компетенции органов, производящих расследование, вследствие чего более сложные и имеющие особо важное значение дела относятся к ведению органов предварительного следствия (следователей), а остальные дела — к ведению органов дознания.

Предварительное следствие, т. е. расследование, производимое следователем, обязательно по специально указанным в законе категориям уголовных дел (ст. 108 УПК РСФСР, ст. 106 УПК УССР, ст. 108 УПК БССР). По делам, отнесенным по Положению о НКВД к компетенции Управления государственной безопасности НКВД, последнее является органом предварительного следствия. Расследование всех остальных дел (в органах милиции) по действующему процессуальному закону носит название дознания, но, как было указано выше, оно имеет такое же судебно-доказательственное значение, как и предварительное след-

---

[1] Graf zu Dohna, Das Strafprozessrecht, 1929, стр. 144, 145.

ствие. От прокурора зависит поручить следователю производство предварительного следствия по любому делу, по которому предварительное следствие необязательно.

Процессуальный порядок ведения расследования органами предварительного следствия и органами дознания и объем их процессуальных полномочий определяются следующими положениями.

1. По делам, по которым обязательно предварительное следствие (т. е. отнесенным к подследственности следователю), дознание может производиться в качестве первичной стадии расследования, на которой органы дознания, уведомив о начале расследования следователя, производят неотложные следственные действия, необходимые для обеспечения дальнейшего расследования, закрепляют следы преступления, производят розыск преступника, после чего передают дело следователю по подследственности (ст. 99 УПК РСФСР, ст. 97 УПК УССР, ст. 99 УПК БССР).

2. Предварительное следствие может производиться следователем как с самого момента возбуждения дела (если дело возбуждено самим следователем или возбуждено прокурором и передано следователю для производства расследования), так и после того, как по делу было произведено дознание, материалы которого переданы следователю по подследственности органом дознания. В обоих случаях предварительное следствие проводится в тех процессуальных формах, которые установлены для него Уголовно-процессуальным кодексом (ст.ст. 108—208 УПК РСФСР, ст.ст. 106—204 УПК УССР, ст.ст. 108—211 УПК БССР). Но если дело поступило к следователю после производства по нему дознания, он не обязан повторять всех тех действий, которые уже были произведены на дознании, если не считает этого необходимым по обстоятельствам данного конкретного дела. В этом случае объем следственных действий определяется следователем (под контролем прокурора), исходя из особенностей данного дела и качества проведенного дознания: может быть произведено предварительное следствие в полном объеме, могут быть проведены лишь отдельные следственные действия, дополняющие произведенное дознание. Но во всех случаях, когда материалы дознания поступают к следователю по подследственному ему делу, следователь обязан произвести следующие следственные действия: 1) предъявление обвинения обвиняемому; 2) допрос обвиняемого; 3) предъявление обвиняемому следственного производства; 4) составление обвинительного заключения. Вместе с тем следователь должен решить вопрос о мере пресечения, а если она уже была избрана на дознании — подтвердить ее своим постановлением или же отменить или изменить ее (ст.ст. 109 и 206 УПК РСФСР, ст. 107 УПК УССР, ст.ст. 109 и 207 УПК БССР).

3. По делам, по которым предварительное следствие необязательно, дознание заменяет предварительное следствие. Спорным

представляется вопрос о том, в каких процессуальных формах производится дознание по этим делам: проводится ли оно в тех же процессуальных формах, подчиняется ли тем же процессуальным правилам, которые установлены для предварительного следствия. Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик решают этот вопрос по-разному.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР устанавливает, что в этих случаях органы дознания могут производить лишь допрос свидетелей и экспертов, обыски и выемки и при производстве этих действий руководствуются теми же процессуальными нормами, что и органы предварительного следствия. В деятельности органов дознания подлежат применению установленные для предварительного следствия требования объективности расследования (см. ниже), правила о порядке рассмотрения ходатайств и о недопустимости разглашения материалов расследования без разрешения производящего расследование (ст. 101). Производства органами дознания остальных процессуальных действий (привлечение в качестве обвиняемого и т. д.). Уголовно-процессуальный кодекс не предусматривает.

По Уголовно-процессуальному кодексу УССР, дознание проводится в тех же формах, что и предварительное следствие, однако отдельные действия — отстранение обвиняемого от должности, назначение экспертизы — ставятся в зависимость от разрешения следователя, а в отношении обеспечения гражданского иска и привлечения к уголовной ответственности требуется извещение следователя органом дознания о каждом случае производства этих актов (ст. 95).

Уголовно-процессуальный кодекс БССР решает данный вопрос так же, как и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР.

Уголовно-процессуальные кодексы Таджикской ССР и Узбекской ССР не делают никакой разницы между органами дознания и предварительного следствия. Оба эти кодекса вообще устраняют самые термины — дознание и предварительное следствие, заменяя их общим — предварительное расследование.

Таким образом, в вопросе о дознании в УПК союзных республик нет полного единообразия.

Тем не менее при подобных различиях в трактовке вопроса о дознании и предварительном следствии в кодексах союзных республик для всех кодексов общим является основное принципиальное положение: дознание является процессуально-правовой деятельностью, проводится в определенных процессуальных формах и имеет судебное значение. Таким образом, в советском уголовном процессе дознание не вытесняет предварительное следствие, что характерно для буржуазного процесса, а наоборот, само облекается в процессуальные формы, обставляется рядом процессуальных условий, которые установлены для предварительного следствия. Следовательно, процессуальные гарантии имеют силу не только на предварительном следствии, но и на дознании.

Проблема дознания и предварительного следствия в советском уголовном процессе должна быть окончательно разрешена в новом Уголовно-процессуальном кодексе СССР, который должен установить единый для всего СССР порядок расследования и разрешения уголовных дел. В связи с этим приведем некоторые соображения по этому вопросу.

Мы не можем и не должны отводить дознанию роль какой-то низшей формы предварительного расследования, рассматривать его как расследование «второго сорта» и лишать его акты судебно-доказательственной силы, как это делает классическое буржуазное процессуальное законодательство и что вовсе не осуществляется в действующем процессуальном законодательстве и следственной практике современных буржуазных государств. Несомненно, что в советском уголовном процессе дознание и предварительное следствие являются различными формами процессуальной деятельности и в установленных для них процессуальных рамках выполняют общую задачу расследования преступлений. Из этого не следует, по нашему мнению, что вообще нужно уничтожить всякое различие, всякую грань между дознанием и предварительным следствием.

Необходимо иметь в виду, что некоторые условия, в которых протекает работа органов дознания и предварительного следствия, неодинаковы и отличаются специфическими чертами. Собирание первичных материалов по делу, непосредственный активный розыск преступника, его обнаружение, раскрытие самого преступления является основной задачей органов дознания. Все это не вполне совпадает и не в полной мере может быть отождествлено с всесторонним исследованием вопроса о виновности обвиняемого, с собиранием и взвешиванием доказательств как уличающего, так и оправдывающего порядка, с предоставлением обвиняемому необходимых процессуальных средств защищаться от предъявленного обвинения, что является существенными чертами предварительного следствия. Разумеется, резкой грани между дознанием и предварительным следствием нельзя провести и при такой постановке вопроса: дознание во всяком случае не должно быть односторонним и предвзятым, а предварительное следствие всегда носит в известной мере оперативный характер и связано с производством розыскных действий, с изобличением преступника.

Однако соотношение всех этих элементов различно на дознании и на предварительном следствии, и полностью слить их означало бы, с одной стороны, осложнить и сделать менее оперативной деятельность органов дознания, являющихся в первую очередь розыскными органами, а с другой — привело бы к чрезмерному упрощению предварительного следствия, обязанного в первую очередь обеспечить представление суду доброкачественного расследованного доказательственного материала.

По этим соображениям наиболее целесообразным представляется такое решение поставленного вопроса.

1. Должен быть значительно расширен круг уголовных дел, по которым обязательно предварительное следствие, проводимое следователем. К этим делам должны быть отнесены все дела, представляющие сложность и имеющие серьезное значение. Следовательно, рамки ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (и соответствующих статей УПК других союзных республик) должны быть значительно расширены.

2. По делам, по которым обязательно ведется предварительное следствие (т. е. подследственным следователю), дознание является первичной розыскной стадией, направленной на раскрытие преступления, на собирание и закрепление улик по горячим следам, после чего производство по делу переходит в стадию развернутого предварительного следствия, проводящегося в детализированных процессуальных формах и направленного на всестороннее исследование всех обстоятельств дела.

3. По всем прочим уголовным делам, не требующим предварительного следствия, дознание заменяет предварительное следствие и, следовательно, проводится в тех же процессуальных формах, которые установлены для предварительного следствия. Для этой категории уголовных дел действительно нет разницы между дознанием и предварительным следствием, так как несложность фактического состава преступления дает возможность полностью слить в одних руках, в единый процесс и раскрытие преступления и выяснение всех обстоятельств дела (на практике такой порядок фактически осуществляется).

Именно такое решение вопроса представляется нам наиболее целесообразным, соответствующим духу Сталинской Конституции и обеспечивающим в одно и то же время быстроту и решительность борьбы с преступлениями и осторожное и вдумчивое отношение к привлечению к уголовной ответственности граждан, тщательное исследование всех обстоятельств уголовных дел.

Так разграничиваемые дознание и предварительное следствие являются формами предварительного расследования, т. е. стадии уголовного процесса, предшествующей стадии судебного разбирательства и подготовляющей для него необходимые данные, на основе которых может быть построено судебное следствие. Понятие «предварительное расследование» определяет стадию процесса, обнимающую дознание и предварительное следствие, но не исключающую их различий. В этом смысле мы говорили раньше и будем говорить в дальнейшем о предварительном расследовании.

По делам, по которым предварительное следствие необязательно, в случае полной ясности факта преступления и очевидности лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, предварительное расследование может вообще не производиться (ни в форме предварительного следствия, ни в форме дознания) и материалы о преступлении могут непосредственно передаваться в суд. Так, непосредственно директором предприятия или начальником учреждения направляются в суд дела о

прогулах без уважительных причин и самовольном уходе с работы (пост. СНК СССР 21 августа 1940 г. № 1502). По делам о мелких кражах на предприятиях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР 10 августа 1940 г., и делам о хулиганстве, если преступник задержан на месте преступления, предварительное расследование не производится, и соответствующие протокол или сведения о преступлении направляются непосредственно в суд (см. пост. СНК СССР 13 сентября 1940 г. № 1679 и приказ НКЮ, НКВД и Прокурора СССР 6 сентября 1940 г. № 111—786—2001).

§ 4. Принципы предварительного расследования

В стадии предварительного расследования в советском уголовном процессе не существует сторон в собственном (процессуальном) значении этого понятия. Все направление и содержание предварительного расследования определяется непосредственно самим органом расследования, который должен стремиться к наиболее полному охвату и выяснению всех его обстоятельств, быстрому и решительному выявлению и изобличению совершивших преступление лиц. Как будет видно из дальнейшего, обвиняемый на предварительном расследовании не является стороной, хотя ряд процессуальных прав ему предоставлен. Отсюда — особенное значение такого процессуального требования, предъявляемого к предварительному расследованию, как всесторонность и объективность расследования. Это означает, что предварительное расследование должно сосредоточить в себе одновременно функции и обвинения и защиты и исследовать обстоятельства как уличающие обвиняемого, так и оправдывающие его, как отягчающие, так и смягчающие степень его ответственности (ст. 111 УПК).

Объективность расследования, объективный подход к расследуемому делу, отсутствие предвзятости составляют основной принцип советского предварительного расследования. Грубейшим нарушением этого принципа является иногда встречающийся в следственной практике так называемый обвинительный уклон, т. е. односторонний подход следственного органа к делу: подбор доказательств, только подтверждающих обвинение, и игнорирование, отбрасывание всего того, что говорит в пользу обвиняемого, смягчает его ответственность, опровергает обвинение.

В советском уголовном процессе требование объективности расследования в равной мере предъявляется как к прокурору, так и к следователю и ко всем другим органам расследования. В советском процессе это требование вполне реально, так как вытекает из задач наших органов расследования, которые заинтересованы в установлении лишь действительных преступлений, действительных их совершителей. Обвинительная установка, обвинительный уклон принципиально чужды советскому уголовно-

му процессу, принципиально неприемлемы для него раньше всего с точки зрения задач социалистического правосудия. Случаи проявления обвинительного уклона, встречающиеся в следственной практике, расцениваются как существенные нарушения закона и с ними ведется решительная борьба со стороны руководящих органов юстиции.

Требование объективности расследования и недопустимости обвинительного уклона не следует понимать как требование какой-то абстрактной беспристрастности. Недопустимость односторонности, предвзятости в расследовании не имеет ничего общего с такой постановкой вопроса. Советские органы расследования— это органы государства диктатуры рабочего класса, и в качестве таковых они призваны проводить решительную борьбу с классовым врагом и его агентурой, с дезорганизаторами социалистического строительства. Требование объективности расследования означает недопустимость предвзятости в расследовании, недопустимость односторонности собирания доказательств только против обвиняемого и игнорирования всего того, что говорит в его пользу. Подобный подход может влечь за собою лишь искажение перспективы дела, неправильное, несоответствующее действительности установление обстоятельств дела, неверные выводы из следствия, вынесение неправильных приговоров, т. е. в конечном итоге не усиление борьбы с подлинными врагами Советского государства и социалистического строительства, а ослабление этой борьбы.

Советский следователь должен сочетать в своей работе следующие условия: 1) максимальную классовую бдительность и настойчивость в преследовании и изобличении совершивших преступления лиц; 2) максимальную объективность в расследовании, отсутствие предвзятости и вдумчивое, чуткое отношение к привлекаемым к делу лицам; 3) высокое качество работы, опирающейся на полное овладение техникой своего дела. Эти условия необходимы для правильной постановки предварительного расследования.

Другим принципом предварительного расследования, теснейшим образом связанным с первым, является полнота расследования. Дело должно быть расследовано так, чтобы были достаточно полно исследованы все существенные обстоятельства дела — обстановка преступления и его характерные черты, личность обвиняемого, мотивы его действий и т. д. С этим связано требование плановости расследования, его систематичности.

Третьим принципом предварительного расследования являются активность и быстрота расследования. Лишь при условии быстрого реагирования органов расследования на преступления и максимального приближения момента суда и применения наказания к моменту совершения преступления может быть обеспечена успешность борьбы с преступностью.

§ 5. Объем предварительного расследования и его сроки

Объем предварительного расследования в основном определяется характером каждого конкретного дела, но общее положение должно быть таково: предварительное расследование должно охватить все существенные обстоятельства дела, выяснить все обстоятельства, которые могут иметь значение для суда при проведении судебного следствия и вынесении приговора. К ним относятся все обстоятельства, которые устанавливают: 1) самый состав преступления; 2) мотивы преступления; 3) последствия преступления; 4) личность обвиняемого (см. выше о предмете доказывания стр. 116).

Хотя суд не связан материалами предварительного расследования и всегда может истребовать и присоединить к делу новые доказательства, но основная установка предварительного расследования заключается в том, чтобы основные моменты дела и основной доказательственный материал были проверены на предварительном расследовании.

В западноевропейском уголовно-процессуальном законодательстве вопрос об объеме предварительного расследования разрешается следующим образом. Германский уголовный процесс (по кодексу 1877 г.) возлагает на предварительное расследование обязанность собрать лишь тот необходимый минимум доказательств, на основе которого можно решить вопрос о том, следует ли или не следует передавать дело в суд. Французский же уголовный процесс, наоборот, требует от предварительного расследования полноты исследования всех обстоятельств дела.

В советском уголовном процессе предварительное расследование строится таким образом, что признается обязательным выяснение всех тех обстоятельств, которые имеют существенное значение для дела, в смысле установления всех признаков расследуемого преступного деяния и степени виновности совершившего преступление лица. Неполнота расследования, т. е. невыяснение тех обстоятельств, выяснение которых может иметь значение при разрешении судом дела, является кассационным поводом, т. е. поводом к отмене приговора, вынесенного судом по недостаточно расследованному делу (ст. 414 УПК).

В следственное производство включаются материалы, относящиеся только к расследуемому преступлению. В одно следственное производство могут соединяться лишь обвинения нескольких лиц в соучастии в одном или нескольких преступлениях или обвинения одного лица в совершении одного или нескольких преступлений однородных или связанных между собой единством намерения (ст. 117 УПК). Именно по одному из указанных выше двух признаков определяется круг фактов и лиц, в отношении которых следственные материалы объединяются в одном производстве (деле). Этим обеспечивается определенность содержания каждого расследуемого дела и устраняется возможность объе-

динения в одном деле разнородных, не связанных между собой фактов и лиц.

Предварительное расследование связано жесткими сроками, установление которых имеет целью в максимальной степени ускорить расследование и приблизить вынесение приговора к моменту совершения преступления. Производство расследования органами дознания не может превышать одного месяца, а следователем — двух месяцев. Продление этих сроков по отдельным делам допускается еще на один месяц с разрешения краевого (областного) прокурора по его мотивированному постановлению. Дальнейшее продление может иметь место не иначе, как по разрешению прокурора Республики (ст.ст. 105 и 116 УПК). Порядок продления сроков расследования определен в приказе Прокурора СССР 2 апреля 1937 г. № 18/26.

Специальными указаниями закона сроки расследования для отдельных категорий дел могут быть сокращены. Так, постановлением ЦИК СССР 1 декабря 1934 г. для дел о террористических организациях и террористических актах, рассматриваемых в порядке этого закона, срок следствия сокращен до десяти дней.

§ 6. Органы предварительного расследования

Органами предварительного расследования являются: 1) прокурор; 2) следователь; 3) органы НКВД по Управлению государственной безопасности; 4) органы милиции; 5) органы ведомственных инспекций; 6) правительственные учреждения и должностные лица в отношении подчиненных им должностных лиц.

Необходимо определить права и функции каждого из этих органов.

1. Прокурор является лицом, осуществляющим возбуждение уголовных дел и надзор за их расследованием. Функции прокурора в области предварительного расследования не носят только характера наблюдения и контроля; прокурор осуществляет также руководство расследованием конкретных дел, и даваемые им указания обязательны для производящих расследование лиц. Вместе с тем прокурор может принять на себя непосредственное расследование отдельных дел, лично производить все следственные действия. Жалобы на действия органов следствия и дознания рассматриваются и разрешаются прокурором.

2. Следователь является органом предварительного следствия и расследует дела, отнесенные к его компетенции, именно дела о наиболее серьезных и сложных преступлениях — контрреволюционных преступлениях (кроме отнесенных к ведению органов УГБ НКВД), особо опасных преступлениях против порядка управления, должностных и хозяйственных, некоторых преступлениях против личности (убийство, половые преступления) и имущественных (ст. 108 УПК). Предварительное следствие проводится следователем под наблюдением и руководством проку-

рора. Указания, даваемые прокурором следователю по конкретному расследуемому делу, для следователя обязательны. Вместе с тем в области ведения предварительного следствия следователь занимает самостоятельное положение и лично несет ответственность за правильность расследования дела. Эта процессуальная самостоятельность следователя обеспечивается следующими правилами: 1) все указания по расследуемому следователем делу даются прокурором обязательно в письменном виде и только в этом случае они обязательны для следователя; 2) при несогласии прокурора с тем или иным действием или постановлением следователя прокурор должен отменить его своим формальным мотивированным постановлением (а не настаивать, чтобы следователь сделал то, с чем он, следователь, несогласен); 3) следователь вправе обжаловать любое неправильное, по его мнению, распоряжение прокурора вышестоящему прокурору (циркуляр Прокуратуры СССР 25 сентября 1936 г. № 58).

Следователь подлежит отводу по тем же основаниям, что и судья (ст.ст. 43 и 45 УПК).

Следователь представляет самостоятельную фигуру в системе органов, содействующих суду в осуществлении правосудия. В известной мере он выполняет судебные функции, а потому, расследуя дела, привлекая к уголовной ответственности, делая выводы из проведенного расследования, он действует по своему убеждению и в соответствии с законом. Следователь у нас не является простым «агентом прокуратуры», механически действующим по указке прокурора, и нахождение института следователей в системе прокуратуры не создает такого положения следователя. Следователь является важнейшим звеном в системе органов расследования, неразрывно связанным с судом, для которого он расследует дела, и с прокуратурой, под надзором которой он проводит расследование.

3. Органы НКВД по Управлению государственной безопасности расследуют дела политического характера, отнесенные к их ведению постановлением ЦИК СССР 10 июля 1934 г. об организации НКВД СССР. По этим делам они являются органами предварительного следствия.

4. Органы милиции являются органами дознания. К их функциям относится производство самых первоначальных неотложных розыскных действий по делам, подведомственным следователю, а по всем прочим делам — производство расследования в полном объеме. Однако формальное возбуждение дела и производство формального расследования может и не устранять одновременно и параллельного производства розыскных действий в направлении собирания дополнительного материала для предварительного расследования.

Надзор за органами дознания осуществляется прокурором. До 1933 г. этот надзор осуществлялся следователями, а с этого времени следователи были освобождены от этой функции. Следует признать, что именно такое решение вопроса является пра-

вильным. Возложение на следователей осуществления надзора за дознанием по существу превращало следователя в помощника прокурора по надзору за дознанием, отвлекая его от выполнения своей непосредственной и прямой задачи — производства предварительного следствия. Но за следователем в полной мере сохраняется право давать органам дознания поручения о производстве розыскных действий, если необходимость их возникает у следователя при производстве им предварительного следствия по делу.

5. Органы ведомственных инспекций (финансовой санитарной, технической и инспекции труда) являются органами дознания по делам их ведения. Права применения принудительных мер к гражданам (приводы, допросы граждан, избрание мер пресечения и т. д.) эти инспекции не имеют, и их деятельность ограничивается собиранием материалов, производством обследований и составлением протоколов относительно обнаруженных нарушений, после чего собранные материалы передаются по подследственности.

6. Правительственные учреждения и должностные лица производят дознания о действиях подчиненных им лиц, причем срок этих расследований не может превышать трех суток, после чего дело должно быть передано соответствующим судебно-следственным органам, если оно не получило разрешения в административном (дисциплинарном) порядке.

ГЛАВА VIII

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

§ 1. Начало предварительного следствия и его система. § 2. Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и предъявление обвинения. § 3. Обвиняемый и его права на предварительном следствии. § 4. Обвиняемый и подозреваемый. § 5. Допрос обвиняемого. § 6. Меры пресечения и иные принудительные меры на предварительном следствии. § 7. Потерпевший. § 8. Окончание предварительного следствия. § 9. Обвинительное заключение. § 10. Об участии защитника на предварительном следствии. § 11. Прекращение дела. § 12. Приостановление следствия.

§ 1. Начало предварительного следствия и его система

Стадия предварительного следствия состоит из сложной системы процессуальных актов и распадается на ряд этапов, определяющих порядок и направление расследования дела в соответствии с изложенными в предыдущей главе общими положениями.

Следственные акты, из которых складывается предварительное следствие, бывают двух видов: а) протоколы; б) постановления. Протоколами называются следственные акты, в которых следователь фиксирует, закрепляет, отображает различные обстоятельства (например протокол допроса, протокол осмотра). Постановлениями называются те следственные акты, в которых следователь формулирует свое решение по различным, возникающим на следствии вопросам (например постановление о привлечении к уголовной ответственности, постановление об избрании меры пресечения и т. д.).

Начальным моментом предварительного следствия является постановление следователя о принятии дела к своему производству и приступе к производству предварительного следствия (ст. 110 УПК РСФСР, ст. 108 УПК УССР). С этого момента следователь и начинает производить расследование. Если дело возбуждено самим следователем (или иным органом расследования), особого постановления о приступе к производству следствия не выносится и это постановление включается в постановление о возбуждении уголовного дела. Если же уголовное дело возбуждено прокурором или судом и

передано для расследования следователю, то последний, принимая дело к своему производству, выносит особое постановление о приступе к производству следствия помимо уже состоявшегося постановления о возбуждении уголовного дела.

Такое же постановление следователь выносит при поступлении к нему дела от органов дознания по подследственности, а также в случае передачи ему следственного дела от другого следователя.

Процессуальное значение постановления о принятии дела к производству и приступе к производству следствия заключается в следующем. Процессуальные действия по делу имеет право производить лишь тот следователь, в производстве которого находится дело (другие органы — лишь по его поручению). Он же полностью несет ответственность за расследование. Следовательно, момент принятия дела к производству данным следователем обязательно должен быть процессуально оформлен и закреплен, чтобы по делу было точно зафиксировано, какой следственный орган ведет следствие, отвечает за него и имеет право производить в отношении граждан те действия и принимать в отношении их те меры принудительного порядка, которые установлены Уголовно-процессуальным кодексом. Это и достигается указанным постановлением. Закон говорит о том, что следователь выносит постановление о приступе к производству следствия (ст. 110 УПК РСФСР, ст. 108 УПК УССР). Точнее было бы говорить о принятии дела к производству и приступе к предварительному следствию, так как, прежде чем приступить к расследованию, надо дело принять к производству.

После вынесения указанного постановления следователь производит те следственные действия, которые необходимы для установления обстоятельств дела. В основном эти действия заключаются в собирании, закреплении и проверке доказательств (допросы, экспертиза, производство обысков и выемок и т. д.). Система, последовательность и содержание всех этих действий определяются особенностями каждого отдельного дела, а вопрос о планировании расследования, о технике производства отдельных следственных действий и о методике расследования отдельных категорий уголовных дел относится к предмету криминалистики.

С уголовно-процессуальной точки зрения вопрос о системе предварительного следствия может стоять в такой плоскости. Приступая к производству следствия, следователь, как правило, имеет перед собой определенные данные, свидетельствующие о наличии факта преступления; лицо же, которое это преступление совершило, следователю обычно в этот момент либо совсем неизвестно, либо на него хотя и имеются указания, но они требуют расследования, проверки. Лицо, которое должно быть привлечено к уголовной ответственности, бывает известно в первый же момент приступа к следствию только по отдельным делам (например при явке с повинной, поимке на месте преступления).

Как правило же, следователь приступает к производству следствия, не имея перед собой определенного обвиняемого, и должен установить его в процессе дальнейшего расследования.

Соответственно этому весь процесс предварительного следствия распадается на две части: до привлечения к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и после такого привлечения. На первой части предварительного следствия расследование ведется по поводу определенного факта, события преступления. Исследуются обстоятельства, обстановка этого преступления, но конкретный виновник либо еще неизвестен вовсе, либо в отношении его еще не собрано достаточных доказательств для привлечения в качестве обвиняемого. Когда же следователь получает определенные доказательства, указывающие на совершение преступления данным лицом, оно привлекается к делу в качестве обвиняемого. С этого момента следствие продолжается главным образом в направлении проверки доказательств, относящихся к установлению виновности или невиновности обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении, степени его участия в преступлении и ответственности за него, личности самого обвиняемого и мотивов совершения преступления.

Таким образом, различие между указанными двумя частями предварительного следствия заключается в том, что в первой части нет обвиняемого, следователь ведет следствие без обвиняемого, во второй же части фигурирует обвиняемый, в отношении которого следователь производит следственные действия и который, со своей стороны, располагает определенными процессуальными правами, используя которые, он может защищаться от предъявленного ему обвинения.

Как видим, процессуальные отношения в первой и во второй частях предварительного следствия существенно отличаются.

Границей между первой и второй частями предварительного следствия служит акт привлечения к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, что, как мы уже знаем, является вместе с тем возбуждением уголовного преследования (стр. 86). Поэтому существенным процессуальным вопросом предварительного следствия является определение момента, когда это привлечение должно состояться. Некоторые буржуазные уголовно-процессуальные законодательства, разграничивая дознание и предварительное следствие, устанавливают, что предварительное следствие может вестись только в отношении определенного обвиняемого, и поэтому привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого приурочивают к самому первому моменту предварительного следствия, которое с этого и начинается. Такую точку зрения проводил германский уголовно-процессуальный кодекс 1877 г., отчасти также дореволюционный русский Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Установление обвиняемого эти законодательства относят к сфере дознания; после же того как дознание собрало определенные уличающие данные в отноше-

или подозреваемого лица, дело переходит в стадию предварительного следствия, которое начинается с предъявления обвинения и ведется от начала до конца в отношении конкретного обвиняемого.

Такое построение предварительного следствия для советского уголовного процесса неприемлемо в соответствии с иной трактовкой в нашем процессе роли и взаимоотношения дознания и предварительного следствия (см. стр. 161). В нашем процессе часто приходится начинать следствие и вести некоторую его часть до привлечения в качестве обвиняемого определенного лица. Отсюда и возникает вопрос о том, к какому моменту предварительного следствия должно быть отнесено привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. В общем виде этот вопрос не может быть решен, так как определение этого момента зависит главным образом от конкретных обстоятельств каждого данного дела. По одному делу лицо, которому должно быть предъявлено обвинение, выясняется в самом же начале следствия, после производства первых же следственных действий, и поэтому привлечение придвигается к началу предварительного следствия; по другому же делу, наоборот, лицо, которое должно быть привлечено в качестве обвиняемого, может быть выяснено лишь после тщательного, подчас длительного расследования.

Однако общий принцип может быть сформулирован так:

1) привлечению к уголовной ответственности должен предшествовать определенный отрезок предварительного следствия с тем, чтобы привлечение основывалось на определенном проверенном доказательственном материале;

2) за привлечением к уголовной ответственности должен следовать определенный отрезок предварительного следствия, на котором были бы проверены объяснения обвиняемого, данные им по предъявленному ему обвинению, выяснены и исследованы обстоятельства, касающиеся личности обвиняемого и степени его ответственности, с тем чтобы обвиняемый на этой части предварительного следствия мог использовать предоставленные ему законом процессуальные права.

С этой точки зрения абсолютно недопустимы как скороспелое, преждевременное, так и запоздалое привлечение к уголовной ответственности. При преждевременном привлечении к уголовной ответственности в качестве обвиняемого этот акт не имеет своего основания в достаточно проверенном доказательственном материале, а поэтому на дальнейшем расследовании следователю часто приходится изменять обвинение или совсем от него отказываться, привлекать других лиц вместо ранее привлеченных и т. д. При запоздалом же привлечении, которое иногда на практике производится в самом конце следствия, когда все дело фактически уже расследовано, следователь ведет следствие без обвиняемого и тем самым лишает то лицо, которое подлежит привлечению в качестве обвиняемого, его процессуальных прав.

В этом случае налицо несомненно имеется фактический обвиняемый, в отношении которого ведется следствие, но так как формально он не привлечен, обвинение ему не предъявлено, и он не знает конкретно, в чем обвиняется, он лишен всех тех процессуальных прав на защиту, которые закон предоставляет обвиняемому, что является недопустимым.

§ 2. Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и предъявление обвинения

Актом привлечения определенного лица к уголовной ответственности это лицо ставится на предварительном следствии в положение обвиняемого, т. е. лица, которое обвиняется в совершении конкретного преступления и в отношении которого следователь применяет различные принудительные меры, ограничивающие его свободу, но которое наряду с этим приобретает определенные процессуальные права для защиты против предъявленного ему обвинения.

Этот процессуальный акт складывается из двух процессуальных действий.

1. Вынесение следователем постановления о привлечении данного лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. В этом постановлении следователь излагает конкретные преступные действия, в совершении которых обвиняется данное лицо, с указанием их содержания, времени, места и мотивов совершения, поскольку эти обстоятельства установлены предварительным следствием. Далее, он обосновывает привлечение наличием признаков уголовного закона, предусматривающего данные действия в качестве преступления, дает этим действиям юридическую квалификацию, т. е. указывает соответствующую статью Особенной части Уголовного кодекса. В заключение следователь формулирует свое решение привлечь данное лицо к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. Таким образом, основными элементами постановления о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности являются: а) изложение фактической стороны обвинения; б) юридическая квалификация; в) вывод из обоих предыдущих элементов — решение о привлечении в качестве обвиняемого. С момента вынесения следователем этого постановления данное лицо становится обвиняемым.

2. Предъявление обвинения обвиняемому. Предъявление обвинения заключается в том, что следователь предъявляет обвиняемому свое постановление о привлечении его к уголовной ответственности, знакомит его с этим постановлением, предоставляя ему возможность прочесть это постановление, в чем обвиняемый расписывается на постановлении. Обвинение должно быть предъявлено не позднее 48 часов после вынесения следователем постановления о привлечении к уголовной ответственности (ст.ст. 128 и 129 УПК).

По действующему Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР предъявлять обвинение могут только органы следствия. Органы дознания формально этого права лишены, но так как они также расследуют преступления, избирают меры пресечения и направляют дела на предание суду, то те лица, в отношении которых они совершают эти действия, условно именуются подозреваемыми. В соответствии с изложенным выше взаимоотношением дознания и предварительного следствия следует признать, что по делам, по которым дознание заменяет предварительное следствие и следовательно проводится в тех же процессуальных формах, что и предварительное следствие, предъявление обвинения производится и на дознании (о подозреваемом см. ниже).

Такой порядок установлен в Уголовно-процессуальном кодексе ряда союзных республик (Украинская ССР, Грузинская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР), фактически он применяется и в РСФСР.

Привлечение в качестве обвиняемого является моментом правового характера и имеет троякое значение. Во-первых, им определяется круг лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование и которые могут быть преданы суду, во-вторых, привлечение лица в качестве обвиняемого дает следователю право применения в отношении этого лица ряда мер принудительного порядка (об этом см. ниже); в-третьих, предъявлением обвинения обвиняемый ставится в известность о том, в чем именно, в каком конкретном преступлении он обвиняется, и в связи с этим он приобретает ряд прав как обвиняемый и реальную возможность защищаться против этого обвинения.

Как было указано (стр. 86), привлечение к уголовной ответственности и есть возбуждение уголовного преследования. В отношении ряда лиц существует специальный порядок возбуждения уголовного преследования (т. е. привлечение к уголовной ответственности) в смысле предварительного разрешения вышестоящих органов прокуратуры или согласования с соответствующими хозяйственными организациями (приказы Прокурора СССР 1 июня 1934 г. № 9/271, 2 июня 1938 г. № 10/67, 23 августа 1934 г. № 1/а, 27 октября 1934 г. № 27/а, 25 мая 1937 г. № 35/1, 26 июля 1936 г. № 43/9).

§ 3. Обвиняемый и его права на предварительном следствии

Общее определение понятия обвиняемого в советском уголовном процессе может быть дано в таком виде: обвиняемый в уголовном процессе есть то лицо, в отношении которого следствием собраны достаточные доказательства, дающие основание предполагать его виновность в совершении конкретного преступления, и которое на основании этих доказательств в установленном законом порядке привлечено к уголовной ответственности по

обвинению в совершении данного преступления (см. стр. 93).

В этом определении содержатся два момента: 1) фактическая обоснованность обвинения; 2) его процессуально-правовое оформление. Оба они имеют здесь существенное значение, так как только при наличии обоих этих моментов можно говорить, что данное лицо действительно является обвиняемым и привлечение в качестве такового произведено правильно. Хотя всякое процессуальное определение в известной мере носит условный характер, но нам представляется необходимым установить указанные выше признаки, которые находят свое обоснование и в действующем уголовно-процессуальном законе (ст. 128 УПК РСФСР). Такая ориентировка помогает на практике четко определить круг обвиняемых по уголовным делам, что является серьезным требованием, предъявляемым к нашим органам расследования.

По германским процессуальным законам обвиняемым признается лицо, в отношении которого ведется предварительное следствие следственным судьей, в отличие от подозреваемого, в отношении которого ведется дознание.

Иначе этот вопрос разрешает итальянский уголовно-процессуальный кодекс 1931 г. Он вообще отбрасывает все признаки для определения понятия «обвиняемый» — и фактическую обоснованность обвинения и его процессуальное оформление — и тем самым лишает понятие «обвиняемый» всякой определенности, предоставляя органам полиции и юстиции рассматривать как обвиняемого кого угодно и по каким угодно основаниям (см. выше стр. 55).

На предварительном следствии обвиняемый — не сторона, так как предварительное следствие не является состязательным, хотя элементы состязательности в нем несомненно имеются. Функции обвинения и защиты в значительной мере объединены в руках следственного органа, который по своей инициативе возбуждает дело, собирает доказательства, определяет объем и направление расследования. Вместе с тем обвиняемый на предварительном следствии пользуется рядом процессуальных прав, которые дают ему возможность защищаться против предъявленного обвинения, в известной мере участвовать в расследовании и влиять на него.

1. Существенным правом обвиняемого на предварительном следствии является право знать, в чем конкретно он обвиняется. Поэтому в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должны быть изложены конкретные фактические обстоятельства преступления, в котором данное лицо обвиняется. Доказательств же, на которых основано обвинение, обвиняемый еще не имеет права знать; это право он получает позднее, при окончании предварительного следствия (хотя следователь может сообщить эти доказательства обвиняемому в любой момент следствия).

2. Обвиняемый имеет право давать объяснения по существу предъявленного ему обвинения. Это право обвиняемый осуще-

ствляет при его допросе следователем, давая объяснения по всем тем обстоятельствам, которые составляют содержание обвинения. Кроме того, обвиняемый имеет право по своей инициативе просить следователя о дополнительном вызове на допрос и подавать следователю заявления с объяснениями по существу дела.

3. Обвиняемый имеет право возбуждать перед следователем ходатайства о допросе свидетелей, назначении экспертизы и приобщении к делу иных доказательств. Эти ходатайства разрешаются следователем. В случае если обстоятельства, об установлении и разъяснении которых ходатайствует обвиняемый, имеют значение для дела следователь обязан удовлетворить ходатайство обвиняемого. Вопрос о том, имеют ли эти обстоятельства значение, зависит от обстоятельств каждого конкретного дела. Однако в общем виде (ориентировочно) существенные обстоятельства можно определить как такие, которые могут изменить существо обвинения и степень ответственности обвиняемого либо вовсе опровергнуть обвинение. В случаях отказа обвиняемому в его ходатайстве, следователь составляет мотивированное постановление с указанием оснований отказа (ст.ст. 112—114 УК).

4. Обвиняемый может обжаловать прокурору любое действие следователя и иных органов расследования, в том числе и постановление об отказе ему в ходатайстве. Срок обжалования — семь дней с момента, когда обвиняемому стало известно обжалуемое действие следователя (ст.ст. 212—215 УПК).

5. При назначении следователем экспертизы обвиняемый имеет право указать следователю эксперта, которого он желает вызвать, помимо экспертов, назначенных следователем. Во всех случаях назначения экспертизы обвиняемый имеет право в письменном виде представить вопросы, по которым он желает получить заключение экспертов. Вместе с тем обвиняемый имеет право ходатайствовать о назначении новой экспертизы по мотивам неясности или неполноты произведенной экспертизы (ст.ст. 169, 171, 174 УПК). С разрешения следователя обвиняемый может присутствовать при производстве самой экспертизы и давать экспертам личные объяснения (об этом см. выше стр. 145).

6. Обвиняемый может заявить отвод следователю по общим основаниям об отводах; заявление об отводе следователя разрешается прокурором (ст. 122 УПК).

7. По окончании предварительного следствия обвиняемый имеет право знакомиться со всеми материалами расследования и ходатайствовать о производстве дополнительных следственных действий (ст. 206 УПК).

§ 4. Обвиняемый и подозреваемый

Уголовный процесс наряду с обвиняемым знает и другую «смежную» процессуальную фигуру — подозреваемого. Понятие «подозреваемый» лишено той определенности, оформленности, которой характеризуется понятие «обвиняемый». Подозре-

ваемый—это лицо, в отношении которого имеются известные уличающие данные, которые, однако, недостаточны для того, чтобы это лицо можно было обвинить в конкретном преступлении, недостаточны для того, чтобы формально предъявить этому лицу обвинение. Таким образом, подозреваемый является как бы «кандидатом в обвиняемые», но процессуальное положение его довольно существенно отличается от положения обвиняемого.

Привлечение того или иного лица в качестве обвиняемого дает следственному органу в отношении этого лица ряд полномочий, направленных к его изобличению, к установлению его виновности. В то же время и сам обвиняемый получает ряд процессуальных прав для защиты против предъявленного обвинения (право знать, в чем он обвиняется, право представлять доказательства в свою пользу, давать объяснения по существу обвинения и т. д.). Этих прав подозреваемый, как правило, лишен, так как поскольку формальное обвинение ему не предъявлено, он не может против него и защищаться, хотя органы следствия в отношении его располагают рядом полномочий и предпринимают ряд действий, направленных к его изобличению. На практике это иногда и бывает в тех случаях, когда следствие ведется в отношении определенных лиц без предъявления им обвинения. Такое следствие «без обвиняемых» является существенным нарушением основ процесса, так как фактический, но не оформленный обвиняемый, каковым является подозреваемый, лишается тех процессуальных прав на свою защиту, которые законом предоставлены всякому обвиняемому.

С точки зрения основных положений Сталинской Конституции, гарантирующей гражданам СССР защиту их свободы и достоинства, совершенно недопустимо ставить гражданина в положение подозреваемого только на том основании, что в отношении его почему-либо возникло подозрение, тем более, что, как было указано выше, подозреваемому не объявляется оснований подозрения, и он не имеет никаких процессуальных прав, используя которые он мог бы это подозрение опровергать. Поэтому следует признать совершенно неприемлемой иногда имеющую место практику вызова и допроса органами расследования граждан в качестве подозреваемых только на том основании, что в материале, поступившем в орган расследования, данное лицо подозревается в том или ином преступлении. Следует отметить, что такой порядок и с практической стороны не имеет смысла: если гражданина допрашивают в качестве подозреваемого, очевидно, допрашивающий говорит ему о том, что он допрашивается как подозреваемый, а если так, очевидно, допрашивающий также должен сказать этому подозреваемому, в чем именно, в совершении какого преступления он подозревается. По существу это не что иное, как предъявление обвинения, только не оформленное, не обставленное теми процессуальными условиями, которые установлены для предъявления обвинения. Иными словами, подозреваемый превращается в какой-то суррогат обвиняемого, в обви-

няемого «второго сорта», что не имеет никаких оснований с точки зрения процессуальной теории и практики.

В буржуазном уголовно-процессуальном законодательстве понятия «подозреваемый» и «обвиняемый» разграничиваются в зависимости от того, ведется ли в отношении данного лица дознание или предварительное следствие. Лицо, против которого ведется дознание, называется подозреваемым. В связи с тем, что в советском уголовном процессе взаимоотношения дознания и предварительного следствия строятся иначе, чем в буржуазном процессе, такое разграничение подозреваемого и обвиняемого является неприемлемым — обвиняемый может фигурировать и на дознании.

Как решается вопрос о подозреваемом в советском уголовном процессе? Этот термин встречается в некоторых статьях Уголовно-процессуального кодекса: ст. 100 говорит о задержании лица, «подозреваемого в совершении преступления»; ст. 102 указывает, что после допроса лица, «подозреваемого в преступлении», органы дознания могут избрать в отношении его меру пресечения; ст. 145 допускает применение в исключительных случаях меры пресечения в отношении «подозреваемых лиц» до предъявления им обвинения. Однако следует признать, что все указанные выше выражения не дают никаких оснований утверждать, что в советском уголовном процессе имеется особый процессуальный субъект, особая процессуальная фигура — подозреваемый.

Упоминание о подозреваемых в приведенных выше статьях имеет лишь тот смысл, что в отношении этих лиц приняты те или иные принудительные меры до предъявления им обвинения. По существу же это те же обвиняемые, тем более, что, как было указано выше, обвиняемый может быть не только на предварительном следствии, но и на дознании. Если к данному лицу применяется арест, который может иметь место только с санкции прокурора, это лицо несомненно является обвиняемым в каком-либо преступлении, так как без достаточных данных о совершении лицом преступления это лицо не может быть подвергнуто аресту. То, что Уголовно-процессуальный кодекс иногда (крайне редко, мельком) упоминает о подозреваемом в преступлении лице и не говорит в этих случаях прямо об обвиняемом, находит объяснение лишь в том, что формально Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР не предоставляет органам дознания полномочия предъявлять обвинение, хотя практически этот порядок установлен, а в Уголовно-процессуальном кодексе других союзных республик и закреплен формально.

В приказе Прокурора СССР 2 июня 1937 г. № 41/26 сказано: «При допросе граждан, подозреваемых в совершении преступления, не допускать наименования их «подозреваемыми» и вообще устранить из следственной практики фигурирование на следствии того или иного лица в положении «подозреваемого». Если в отношении того или иного лица имеются данные, указывающие на совершенное им преступление, привлекать это лицо к

уголовной ответственности и допрашивать в качестве обвиняемого».

Следовательно, если нет достаточных данных обвиняемого, его лица к уголовной ответственности в качестве для привлечения допрос возможен лишь в качестве свидетеля. Разумеется, данное лицо допрашивается как свидетель не только по форме, но и по существу, и, следовательно, задаваемые ему вопросы не могут быть такими, которые допустимы в отношении привлеченного к уголовной ответственности лица. Если же имеются данные, уличающие то или иное лицо в преступлении, оно привлекается к уголовной ответственности и допрашивается в качестве обвиняемого. Поэтому в случаях, указанных в ст.ст. 100, 102 и 145 Уголовно-процессуального кодекса, фигурирует обвиняемый, в отношении которого возбуждено уголовное преследование, но которому, в изъятие из общего правила, еще не предъявлено обвинение.

§ 5. Допрос обвиняемого

Допрос обвиняемого — следующий за предъявлением обвинения следственный акт. Допрос должен быть произведен не позже 24 часов по явке или приводе обвиняемого. Значение допроса двоякое. Во-первых, путем допроса обвиняемого следователь выясняет имеющие значение обстоятельства дела, разъясняет различные, возникающие в процессе следствия вопросы; с этой точки зрения допрос обвиняемого представляет собой существенное средство, при помощи которого следователь собирает и проверяет доказательства. Во-вторых, допрос обвиняемого является средством его защиты: обвиняемый на допросе дает объяснения по поводу предъявленного ему обвинения, приводит доказательства в свое оправдание.

В связи с этим определяются и содержание и методы допроса обвиняемого. Как было указано выше (стр. 137), показания обвиняемого не являются основным и центральным доказательством по делу, и общее направление следствия должно итти по линии собирания объективных доказательств, вовсе не ориентируясь только на показания обвиняемого и не концентрируясь вокруг них. Обвиняемый имеет право давать показания, но не обязан это делать; за отказ от дачи показаний, равно как и за дачу ложных показаний, в отличие от свидетеля, он не несет уголовной ответственности. Принуждение обвиняемого к даче показаний запрещается, а в случаях применения при допросе незаконных мер для принуждения обвиняемого к даче показаний (насилие, угрозы, запугивание, обман и т. п.) производящий расследование подлежит привлечению к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 115 Уголовного кодекса РСФСР.

Основное значение допроса обвиняемого заключается в объяснениях обвиняемого по поводу предъявленного ему обвинения; поэтому основным процессуальным условием правильного

допроса является такое его проведение, при котором обвиняемый был бы допрошен по поводу всех моментов, всех фактов и обстоятельств предъявленного ему обвинения.

Процессуальный порядок допроса обвиняемого установлен в ст.ст. 135—140 Уголовно-процессуального кодекса.

Здесь прежде всего должно быть отмечено требование закона, чтобы следователь перед допросом разъяснил обвиняемому сущность предъявленного ему обвинения. Если допрос следует непосредственно за предъявлением обвинения, это разъяснение фактически совпадает с предъявлением обвинения; если же оба эти процессуальные акта разделены по времени, то следователь обязан перед допросом разъяснить обвиняемому сущность обвинения, хотя бы фактически такое разъяснение было сделано раньше, при предъявлении обвинения. Это необходимо для того, чтобы очертить обвиняемому круг тех обстоятельств, которые образуют состав инкриминируемого ему преступления и по которым он дает свои показания.

Допрос начинается со свободного, самостоятельного рассказа обвиняемого по существу предъявленного ему обвинения, после чего следователь задает обвиняемому вопросы (ст. 138 УПК). Такой порядок прежде всего является методически целесообразным, так как обеспечивает полноту изложения обвиняемым своих показаний, а затем он соответствует указанному выше значению допроса, гарантируя обвиняемому возможность дать свои объяснения по существу обвинения, оспаривать это обвинение. Последующие же вопросы, задаваемые следователем обвиняемому, дают возможность получить у обвиняемого сведения по всем интересующим следователя вопросам, уточнить и дополнить обстоятельства, недостаточно освещенные в самостоятельном изложении обвиняемым его показаний.

Показания обвиняемого заносятся в протокол допроса. Запись показаний обвиняемого производится следователем, причем показания в протоколе излагаются от лица обвиняемого (в первом лице) и, как сказано в ст. 138 Уголовно-процессуального кодекса, «по возможности дословно».

Это значит, что следователь записывает в протокол показания именно в том виде, в каком они фактически даны обвиняемым, не допуская никаких своих формулировок, которые соответствовали бы не тому, что в действительности показал обвиняемый, а тому, что вкладывает в них сам допрашивающий. Вместе с тем обвиняемому принадлежит право собственноручно написать свои показания. Уголовно-процессуальный кодекс требует далее, чтобы в протоколе допроса отмечались «по возможности, заданные обвиняемому вопросы и данные им на них ответы» (ст. 138 УПК). Это требование относится, разумеется, не ко всем вопросам, которые следователь задает допрашиваемому обвиняемому, и мы думаем, что совершенно неправильно было бы превращать протокол допроса в сплошной перечень вопросов, задаваемых обвиняемому, и его ответов на каждый вопрос. Такое изложение

протокола допроса, иногда в следственной практике встречающееся, лишает изложение показаний обвиняемого цельности, связности. Поэтому, как правило, ответы обвиняемого на вопросы в протоколе допроса должны включаться в общее последовательное изложение показаний обвиняемого, а вопросы и ответы записываться отдельно лишь тогда, когда при допросе возникает необходимость по наиболее существенным моментам зафиксировать формулировку как самого вопроса, так и ответа на него.

Протокол допроса прочитывается обвиняемому, а при его желании может быть прочтен им самим. Обвиняемому принадлежит право дополнить запись его показаний, внести в них поправки и изменения, каковые обязательно заносятся в протокол допроса. Протокол допроса подписывается обвиняемым и следователем.

Обвиняемый допрашивается следователем отдельно, в отсутствие других лиц. После такого допроса обвиняемого следователь по своей инициативе или по ходатайству обвиняемого может устроить очную ставку между обвиняемыми или между обвиняемым и свидетелем. Очная ставка устраивается в тех случаях, когда по существенным вопросам дела между показаниями обвиняемых или обвиняемого и свидетеля имеются противоречия. Очная ставка заключается в том, что допрос двух обвиняемых или обвиняемого и свидетеля производится в присутствии их обоих, и по каждому вопросу показания дает сперва один допрашиваемый, затем другой. При этом каждый из них может давать свои объяснения и делать возражения на то, что показывает другой, и задавать вопросы другому. Протокол очной ставки подписывается обоими допрашиваемыми и следователем.

§ 6. Меры пресечения и иные принудительные меры на предварительном следствии

Мерами пресечения называются те принудительные меры, которые следователь применяет к обвиняемому для предупреждения уклонения его от явки к следствию и суду.

Термин «мера пресечения» представляет собой сокращение полного названия «мера пресечения (т. е. предотвращения) обвиняемому возможности уклонения от следствия и суда».

При применении меры пресечения следователь избирает ту меру, которая по обстоятельствам каждого конкретного случая является действительно необходимой.

Значение меры пресечения не может быть сведено только к средству обеспечить явку обвиняемого к следствию и суду. Мера пресечения безусловно имеет некоторые общие элементы с мерой наказания. Это достаточно ясно из того устанавливаемого в законе принципа, что при избрании меры пресечения следователь обязан ориентироваться на ту меру наказания, которая может быть применена к обвиняемому по судебному приговору. Этим принципом, в особенности при избрании в качестве меры

пресечения содержания под стражей, допускаемого только по тем преступлениям, за которые по Уголовному кодексу предусматривается наказание в виде лишения свободы, преследуется не только цель обеспечения явки обвиняемого на суд, но и изъятие (временно) из общества лиц, относительно которых имеются достаточно веские данные об их общественной опасности, когда их пребывание на свободе может представлять угрозу для общества.

Основным критерием при избрании меры пресечения служит оценка общественной опасности личности обвиняемого и того преступления, в котором он обвиняется. Хотя эта оценка носит предварительный характер, так как она может в корне измениться в ходе дальнейшего расследования и судебного разбирательства дела, но принцип остается тот же: следователь обязан правильно оценить значение расследуемого им дела и степень опасности личности обвиняемого и его действий, учесть всю совокупность обстоятельств дела. Поэтому его подход при избрании меры пресечения будет совершенно различным в отношении классового врага, или рецидивиста, или же трудящегося, при обвинении в контрреволюционном или бытовом преступлении, при наличии или отсутствии корыстных мотивов и т. д.

Мера пресечения применяется только к обвиняемым, т. е. к лицам, в отношении которых состоялось постановление об их привлечении в качестве обвиняемых. До предъявления обвиняемому обвинения мера пресечения в отношении его может быть применена лишь в исключительных случаях, на срок не более 14 суток. К исключительным случаям относятся такие, когда следствием еще не собран материал, на основе которого можно было бы предъявить обвинение, но уже имеются данные, хотя бы недостаточно проверенные, которые требуют обеспечения, в случае надобности, явки данного лица к следователю, либо же когда имеется материал, сигнализирующий такую общественную опасность лица, что оставление его на свободе представляет серьезную угрозу для общественной безопасности. Четырнадцать суток — это тот срок, в который следователь обязан произвести необходимую работу по собиранию доказательств и либо предъявить формальное обвинение, после чего мера пресечения сохраняется на общих основаниях, либо эту меру пресечения отменить (ст. 145 УПК РСФСР). Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР этот срок устанавливает в 10 суток (ст. 143).

Срок действия меры пресечения зависит от того, сохраняют ли на всем протяжении следствия свою силу те мотивы, которые обусловили ее избрание. Если по ходу следствия отпадает надобность в дальнейшем сохранении меры пресечения, следственный орган отменяет ее своим постановлением. В зависимости от хода следствия следственный орган может изменить избранную меру пресечения.

Прокурору принадлежит право давать предписание производящему расследование об избрании, отмене или изменении меры

пресечения; эти предписания прокурора являются обязательными.

Мера пресечения применяется лишь в тех случаях, когда по обстоятельствам дела это является необходимым в соответствии с изложенными выше принципами. Во всех же остальных случаях следственный орган ограничивается отобранием от обвиняемого подписки о явке к следствию и суду и обязательства сообщать о перемене своего местожительства. В отличие от мер пресечения, в том числе и от подписки о невыезде, подписка о явке к следствию и суду не стесняет и не ограничивает свободу обвиняемого: он может свободно располагать собой и его обязанность сводится лишь к тому, что в случае назначения ему следователем срока явки он обязан явиться к назначенному сроку и в назначенное место, а в случае отъезда из места своего жительства он должен сообщить об этом следственному органу (не испрашивая его разрешения).

Виды мер пресечения следующие: 1) подписка о невыезде; 2) поручительство личное и имущественное; 3) залог; 4) заключение под стражу; 5) домашний арест.

О принятии всякой меры пресечения следователь составляет мотивированное постановление. В постановлении следователь указывает преступление, в котором обвиняется обвиняемый, и основания, по которым избирается данная мера пресечения. Об избрании меры пресечения сообщается обвиняемому (ст. 146). Требование вынесения мотивированного постановления относится к избранию любой меры пресечения, в том числе и подписки о невыезде. На практике еще иногда сохраняется порядок, установленный НКЮ РСФСР в 1929 г., согласно которому мотивированное постановление выносится следователем лишь при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Этот порядок должен быть признан неприемлемым и недопустимым пережитком того процессуального упрощенчества, которое культивировалось одно время среди некоторых групп работников юстиции.

Всякая мера пресечения существенно ограничивает свободу гражданина, почему применение ее должно быть обставлено процессуальными условиями. Этому и служит требование вынесения мотивированного постановления об избрании меры пресечения с указанием оснований применения данной меры.

Подписка о невыезде. Подписка о невыезде — наиболее широко применяемая и распространенная мера пресечения. Суть ее заключается в принятии обвиняемым обязательства не отлучаться из избранного им самим или следователем места жительства без разрешения следователя или суда.

Нарушение обвиняемым подписки о невыезде влечет за собой замену ее более строгой мерой пресечения, а также может в некоторых случаях иметь и более серьезные для обвиняемого последствия, в виде заочного рассмотрения дела судом (см. стр. 237).

Поручительство и залог. Поручительство делится на личное и имущественное. Личное поручительство заключается в принятии лицом, не привлеченным к делу, обязательства под свою ответственность обеспечить явку обвиняемого к следствию и суду. При уклонении обвиняемого от следствия и суда личные поручители могут привлекаться к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 92 Уголовного кодекса РСФСР.

Имущественное поручительство заключается в принятии на себя каким-либо лицом обязанности уплатить обусловленную сумму или передать определенное имущество в доход государства в случае неявки обвиняемого к следствию или суду.

Залог заключается во внесении обвиняемым или другим лицом определенной денежной суммы или иного имущества суду или органам расследования в обеспечение явки обвиняемого к следствию или суду. По своему существу залог близок к имущественному поручительству, отличаясь от него лишь тем, что при залоге деньги или имущество передаются в распоряжение органов следствия и суда, а при имущественном поручительстве поручитель лишь принимает на себя обязательство заплатить определенную сумму или передать определенное имущество в случае уклонения обвиняемого от явки к следствию или суду. В случае уклонения обвиняемого от следствия или суда залог обращается в доход государства.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР не содержит указаний на процессуальный порядок, в котором происходит обращение в доход государства залога или имущества, указанного в поручительстве. Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР этот порядок регламентирует следующим образом: «Обращение в доход государства залога или взыскание суммы денег или имущества, в которых было дано поручительство, производится по постановлению прокурора или суда, в зависимости от того, в какой стадии процесса имело место уклонение или побег обвиняемого» (ст. 154).

Наряду с личным и имущественным поручительством ст. 10 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», а также Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР (ст. 150) устанавливают еще так называемое «коллективное поручительство», т. е. поручительство профессиональных и иных общественных организаций, которые могут представить судебно-следственному органу свое постановление о взятии на поруки обвиняемого, являющегося обычно членом данной организации. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР такой формы поручительства не устанавливает.

Мы считаем эту форму поручительства нецелесообразной, так как при ней поручители фактически не несут никакой ответственности в случае побега или уклонения обвиняемого: уголовную ответственность могут нести не юридические лица, а физические лица, отдельные граждане, а при коллективном поручитель-

стве ответственность распыляется между всеми членами коллектива или соответствующего его органа, вследствие чего фактически никакой ответственности не создается.

Заключение под стражу. Заключение под стражу в качестве меры пресечения может применяться лишь по делам о преступлениях, за которые, согласно Уголовному кодексу, в качестве меры наказания может быть назначено лишение свободы (ст. 10 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик).

Основная цель заключения под стражу — предотвратить возможность того, что обвиняемый скроется от следствия и суда. Но наряду с этой целью существуют и другие, которые в зависимости от характера преступления и личности преступника в ряде случаев могут иметь существенное значение. Так, в качестве оснований для применения заключения под стражу указываются: возможность препятствования обвиняемым раскрытию истины, связь обвиняемого с преступной средой данной местности, неимение постоянного местожительства и занятий либо повышенная общественная опасность самого преступления (ст. 158 УПК).

По делам о преступлениях контрреволюционных, особо опасных против порядка управления и наиболее опасных должностных, хозяйственных, против личности, имущественных и воинских, применение заключения под стражу допускается по мотивам одной лишь общественной опасности данного преступления, хотя бы другие вышеупомянутые основания отсутствовали.

Заключение под стражу должно быть оформлено особым постановлением следственного органа, в котором излагается конкретное обвинение, предъявленное обвиняемому (т. е. те преступные действия, в которых он обвиняется), и мотивы избрания этой меры пресечения.

Статья 127 Конституции СССР устанавливает, что никто не может быть лишен свободы иначе, как с санкции прокурора или по постановлению суда. Соответственно этому заключение под стражу в качестве меры пресечения на предварительном следствии может быть применено лишь при условии, что постановление следственного органа об избрании этой меры санкционировано прокурором. Иначе оно не имеет силы и не приводится в исполнение.

Согласно ст. 10 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», заключение под стражу в качестве меры пресечения не может продолжаться долее двух месяцев. В случаях же, когда ввиду сложности дела или других обстоятельств предварительное расследование не могло быть окончено к моменту истечения этого срока, он может быть продлен по распоряжению краевой (областной) прокуратуры на один месяц.

При избрании мерой пресечения заключения под стражу от органов расследования требуется в максимальной степени умение учесть все особенности данного дела и прежде всего — лич-

ность обвиняемого, мотивы преступления и т. д. Исходя из этого, применение заключения под стражу в качестве меры пресечения может иметь место в случае действительной к тому необходимости по обстоятельствам каждого конкретного дела.

Имевшие место тенденции некоторых следственных органов слишком широко применять заключение под стражу получили осуждение еще в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР 26 марта 1928 г. о карательной политике, предложившем применять эту меру лишь в отношении особо общественно опасных преступников.

Наряду с заключением под стражу действующий Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает задержание лица, подозреваемого в совершении преступления. Эта мера отличается от заключения под стражу тем, что применяется обычно до предъявления обвинения или же, в особых случаях, когда для заключения под стражу нет указанных в законе формальных условий, но немедленное задержание диктуется обстановкой преступления или личностью преступника. Уголовно-процессуальный кодекс говорит о задержании лишь применительно к дознанию, предоставляя органам дознания в указанных выше особых случаях применять задержание по делам, по которым обязательно предварительное следствие (ст. 100 УПК), или по делам, по которым лишение свободы в качестве меры наказания не применяется, и, следовательно, заключение под стражу в качестве меры пресечения не допускается (ст.ст. 103 и 158 УПК).

В соответствии со ст. 127 Конституции СССР установленный ст. 12 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», ст. 104 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса Украинской ССР, ст.ст. 104 и 104-1 Уголовно-процессуального кодекса Белорусской ССР порядок применения задержания, при котором задержанный в течение 72 часов может находиться под стражей без санкции прокурора, следует признать утратившим силу. Произведший задержание орган дознания должен немедленно сообщить об этом прокурору, а последний должен немедленно же либо санкционировать задержание, либо отменить его.

Домашний арест. Домашний арест, т. е. изоляция обвиняемого на дому с назначением стражи или без этого (ст. 157 УПК), в нашей следственной практике до сих пор почти не находил применения. Однако по некоторым делам, по которым нет опасения, что обвиняемый скроется, но необходимо его все же изолировать, чтобы он не помешал ходу следствия, эта мера может в отдельных случаях оказаться целесообразной.

Иные принудительные меры. Помимо мер пресечения следователь располагает еще рядом мер принудительного порядка, которые он применяет в целях обеспечения успешности расследования и устранения последствий преступления. К таким мерам относятся: 1) привод, т. е. принудительное доставление обвиняемого или свидетеля к месту допроса (если обвиняемый или

свидетель по вызову не явился); 2) обыск и выемка, т. е. принудительное изъятие предметов, имеющих значение для дела; 3) освидетельствование; 4) наложение ареста на имущество обвиняемого в обеспечение гражданского иска или возможной по приговору суда конфискации имущества; 5) отстранение обвиняемого от занимаемой им должности на все время предварительного следствия или на часть этого времени. Особенностью мер, указанных в п.п. 1 и 2, является то, что они могут применяться не только к обвиняемому, но и к другим лицам (ст.ст. 62, 131, 175—188, 189—195, 121, 121-а, 142 УПК). Относительно меры, указанной в п. 3 (освидетельствование), следует отметить, что освидетельствование, как правило, с участием экспертов может применяться в отношении как обвиняемых, так и свидетелей и потерпевших (примечание к ст. 61 и ст. 193 УПК), но в отношении свидетелей и потерпевших — лишь при их согласии.

Признав необходимым произвести какое-либо из указанных выше действий, следователь составляет п о с т а н о в л е н и е — о приводе, о производстве обыска и т. д. Произведя же самое это действие, следователь составляет п р о т о к о л, в котором фиксируется все, что имело место при производстве этого действия (обыска, освидетельствования) и который подписывается следователем и участвующими при производстве этого действия лицами. При применении мер, указанных в п.п. 1 и 5, составляется только постановление без протокола.

§ 7. Потерпевший

В стадии предварительного следствия потерпевший занимает определенное место в системе уголовно-процессуальных отношений. Потерпевший на предварительном следствии выступает как свидетель (см. главу о доказательствах) и пользуется теми же правами и несет те же обязанности, что и свидетель. Но в отличие от свидетеля потерпевший имеет и некоторые особые права, определяющие его более активное участие в деле, а именно: 1) право возбуждать перед следователем ходатайства об истребовании различных доказательств (ст. 112 УПК); 2) право предъявлять гражданский иск и требовать признания его (потерпевшего) гражданским истцом и принятия следователем мер обеспечения иска, хотя эти меры следователь может принять и независимо от ходатайства потерпевшего, по собственной инициативе (ст.ст. 119—121 УПК); 3) право заявления отвода следователю (ст. 122 УПК).

§ 8. Окончание предварительного следствия

По выполнении следователем всех необходимых следственных действий для выяснения всех существенных обстоятельств дела и изыскания и проверки доказательств следствие заканчивается.

Окончание следствия возможно в трех направлениях: 1) предание суду; 2) прекращение дела; 3) приостановление следствия.

В тех случаях, когда следствием добыты достаточные данные для предания обвиняемого суду, следователь объявляет обвиняемому о том, что следствие по делу закончено и дело подлежит направлению в суд для разрешения по существу.

При этом следователь разъясняет обвиняемому окончательную формулировку обвинения, по которому он подлежит преданию суду, и его право на ознакомление со всеми материалами дела, предоставляет ему возможность ознакомиться с делом и возбудить ходатайства о дополнительных следственных действиях. Обвиняемый может ходатайствовать о дополнении следствия, о производстве новых следственных действий. Если указанные им обстоятельства имеют значение для дела, следователь обязан дополнить следствие, в противном же случае он отказывает в ходатайстве постановлением с надлежащей мотивировкой (ст. 206 УПК). Этот момент в процессуальном отношении является очень существенным: именно здесь обвиняемый получает впервые возможность ознакомления со всем собранным по делу доказательственным материалом.

Выполнение требований ст. 206 Уголовно-процессуального кодекса о предоставлении обвиняемому возможности при окончании следствия знакомиться со всеми следственными материалами и возбуждать ходатайства в пополнении следствия имеет громадное значение для устранения необоснованных преданий суду и для обеспечения полноты предстоящего судебного следствия и правильности судебного приговора. Если обвиняемый ознакомился с материалами следствия и представил следователю свои соображения и возражения против предъявленного ему обвинения. следователь имеет возможность все это проверить и в зависимости от этой проверки определить дальнейшее направление дела.

Окончание следствия и предъявление обвиняемому следственного производства складывается из ряда процессуальных моментов.

1. Следователь объявляет обвиняемому, что следствие по его делу закончено и что он, обвиняемый, подлежит преданию суду, которому и будет направлено дело (через прокурора).

2. После этого следователь разъясняет обвиняемому, что он может знакомиться со всеми материалами следствия и ходатайствовать перед следователем о дополнительном расследовании, истребовании новых доказательств, производстве новых следственных действий (допросов свидетелей и т. д.).

3. Следователь предоставляет материалы следствия обвиняемому для ознакомления и дает ему возможность с этими материалами ознакомиться.

4. По ознакомлении обвиняемого с делом следователь заслушивает и заносит в протокол все ходатайства о дополнении следствия, если таковые обвиняемым заявлены.

5. По всем ходатайствам обвиняемого следователь выносит постановление — об удовлетворении ходатайства или о его отклонении. Отклонение ходатайства обвиняемого может иметь место обязательно с указанием мотивов, по которым следователь признает ходатайство не заслуживающим удовлетворения.

6. Если следователь произвел по ходатайству обвиняемого дополнительные следственные действия, то хотя бы, по мнению следователя, полученные новые данные и не меняли вывода о предании обвиняемого суду, материалы дополнительного следствия должны быть предъявлены для ознакомления обвиняемому, который вновь может заявить свои ходатайства.

При выполнении этого процессуального порядка надлежит иметь в виду, что в случаях, когда по делу привлечено несколько обвиняемых, каждому из них предоставляются для ознакомления все материалы следствия, а не только те, которые непосредственно касаются данного обвиняемого. Это требование вытекает из установленного ст. 117 Уголовно-процессуального кодекса положения, что в одном следственном производстве могут быть соединены лишь дела по обвинению нескольких лиц в соучастии в совершении одного или нескольких преступлений или в случае совершения одним лицом нескольких преступлений, однородных или связанных между собой единством намерения. Следовательно, в деле могут быть объединены лишь обвинения, по существу связанные друг с другом. Поэтому каждый обвиняемый имеет право знакомиться со всеми материалами следствия, относящимися как непосредственно к нему, так и к другим обвиняемым.

Далее, если обвиняемый фактически не может самостоятельно знакомиться с делом в силу своей неграмотности или каких-либо других причин, сам следователь должен ознакомить его с делом, зачитав или изложив содержание собранных по делу доказательств, что и заносится в протокол.

Указанные выше действия следователь заканчивает составлением протокола окончания следствия, в котором отмечает выполнение всех шести процессуальных моментов и особо отмечая, знакомился ли обвиняемый и сколько времени с материалами следствия (дата начала и конца ознакомления). Протокол подписывается обвиняемым и следователем.

На необходимость твердого и неуклонного соблюдения ст. 206 Уголовно-процессуального кодекса указывают резолюция I Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников и циркуляр Прокуратуры СССР о качестве расследования (1934 г.).

§ 9. Обвинительное заключение

По выполнении указанных выше действий следователь составляет обвинительное заключение, в котором излагаются основные данные дела, установленные следствием и обосновывающие пре-

дание обвиняемого суду (ст. 207 УПК). Обвинительное заключение имеет двоякое значение: техническое и процессуально-правовое.

Техническое значение обвинительного заключения состоит в том, что оно является сводкой, систематизацией всего следственного материала и тем самым облегчает суду и сторонам ориентировку во всех обстоятельствах дела. Процессуальное значение обвинительного заключения состоит в том, что оно определяет рамки и пределы предстоящего судебного разбирательства и круг вопросов, подлежащих разрешению в приговоре суда. Хотя суд имеет право при вынесении приговора изменить формулировку предъявленного обвинения, но это право связано определенными пределами, и, во всяком случае, основная линия и перспектива судебного следствия исходят из пределов, очерченных обвинительным заключением.

Вместе с тем обвинительное заключение является и условием защиты для обвиняемого: в нем излагается та версия обвинения, к которой пришел следователь в результате всего расследования дела; утвержденное прокурором и судом, оно определяет основания и обстоятельства, по которым обвиняемый предается суду. Поэтому на основании ознакомления с обвинительным заключением обвиняемый имеет возможность продумать и организовать свою защиту на суде, выставить доказательства и соображения в свою пользу против обвинения, по которому он предан суду.

В силу этого двоякого значения обвинительное заключение должно удовлетворять ряду требований. Оно должно отличаться, во-первых, ясностью, стройностью и полнотой изложения, во-вторых, объективностью изложения как обвинительных, так и оправдательных моментов дела, доказательств против обвиняемого и в его пользу и, в-третьих, четкостью и определенностью окончательной формулировки обвинения, по которому обвиняемый предается суду.

После составления обвинительного заключения следователь дает делу следующее направление: если обвиняемому предъявлено обвинение по статье Уголовного кодекса, не предусматривающей применения лишения свободы, дело направляется непосредственно в суд, которому оно подсудно; если статья Уголовного кодекса, по которой квалифицировано приписываемое обвиняемому преступление, допускает применение лишения свободы, дело направляется прокурору.

Прокурор, получив дело с обвинительным заключением, рассматривает дело, проверяет правильность произведенного расследования и соответствие обвинительного заключения установленным следствием обстоятельствам дела. При согласии с обвинительным заключением прокурор утверждает его своим постановлением и направляет дело в суд. Если прокурор находит, что оснований для предания обвиняемого суду нет, он своим постановлением прекращает дело. В случае неполноты расследования прокурор возвращает дело для дополнительного расследования с

указанием недостатков следствия и тех обстоятельств, которые должны быть расследованы. Признав же дело расследованным правильно, но усмотрев, что неправильным является само обвинительное заключение (неправильность квалификации преступления, неправильность формулировки обвинения, несоответствие материалам дела и т. д.), прокурор изымает из дела обвинительное заключение следователя и составляет новое за своей подписью, которое и направляет с делом в суд по подсудности дела, а прежнее обвинительное заключение возвращает следователю со своими указаниями на неправильности. Пересоставление прокурором обвинительного заключения может производиться только в пределах того обвинения, которое было предъявлено обвиняемому в порядке ст. 128 Уголовно-процессуального кодекса. Следовательно, новое обвинительное заключение не может содержать указаний на новые преступления, обвинение в которых не было предъявлено обвиняемому, равно не может квалифицировать приписываемое обвиняемому преступление по статье Уголовного кодекса, предусматривающей применение более тяжкого наказания, чем то, которое могло быть применено по статье Уголовного кодекса, примененной по первоначально предъявленному обвинению. Если прокурор находит необходимым предъявить новое обвинение или переквалифицировать предъявленное по статье, предусматривающей более тяжкое наказание, он должен вернуть дело на доследование.

После того как обвинительное заключение будет утверждено судом (см. главу «Предание суду»), копия его должна быть вручена обвиняемому (подсудимому) не позднее трех суток до судебного рассмотрения дела (ст. 235 УПК). Постановлением ЦИК СССР 1 декабря 1934 г. для дел о террористических актах срок вручения обвиняемому обвинительного заключения сокращен до одних суток. Такой же порядок вручения обвиняемому копии обвинительного заключения установлен и постановлением ЦИК СССР 14 сентября 1937 г. для дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях (ст.ст. 467 и 471 УПК).

В отношении обвинительного заключения возникает ряд вопросов, которые надлежит рассмотреть особо ввиду большой важности этого акта, с одной стороны, подводящего итог проведенному предварительному следствию, а с другой — представляющего основу предания суду и определяющего рамки предстоящего судебного рассмотрения дела.

1. В уголовно-процессуальных кодексах союзных республик рассматриваемый нами акт носит название обвинительного заключения. В уголовно-процессуальных кодексах западноевропейских государств говорится не об обвинительном заключении, а об обвинительном акте. Из советских кодексов только Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР применяет термин «обвинительный акт»: согласно его ст. 202, следователь, закончив следствие, составляет обвинительное заключение, прокурор же,

утвердив обвинительное заключение, придает ему силу обвинительного акта (п. 3 ст. 223). Таким образом, по Уголовно-процессуальному кодексу Украинской ССР обвинительное заключение следователя с утверждением его прокурором становится обвинительным актом.

Мы думаем, что по существу вопроса следует, как это и делает Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР, говорить об обвинительном акте, а не об обвинительном заключении. Рассматриваемый процессуальный акт по своему существу вовсе не является каким-либо заключением — это именно акт, решение обвинительной власти, т. е. органа государственного обвинения о том, чтобы настаивать перед судом на обвинении привлеченных к уголовной ответственности лиц. Поэтому мы считаем, что термин «обвинительное заключение» в нашем процессуальном праве должен быть заменен вполне ясным и точным термином «обвинительный акт».

2. Относительно конструкции обвинительного заключения (по существующей терминологии) ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса указывает, какие данные должны содержаться в обвинительном заключении, но не указывает самого построения, формы обвинительного заключения. Статья 203 Уголовно-процессуального кодекса Украины и ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса Белорусской ССР устанавливают деление обвинительного заключения на две части — описательную и резолютивную. Следует признать, что деление обвинительного заключения на эти две части является совершенно необходимым и обязательным.

В описательной части излагаются обстоятельства дела в том виде, как они установлены следствием. В этой части излагаются конкретные действия и факты, которые вменяются в вину обвиняемому, обстановка и мотивы совершения преступления, данные о личности обвиняемого, т. е. описывается конкретная фабула дела. Каждый излагаемый в описательной части отдельный факт сейчас же по его изложении подкрепляется ссылкой на доказательства, на основании которых он считается установленным (указывается показание соответствующего свидетеля, вещественное доказательство, документ и т. д. со ссылкой на листы дела, на которых это доказательство закреплено).

Если по делу имеются данные оправдывающего порядка, если имеются доказательства, опровергающие обвинение, они также должны быть изложены в описательной части и подвергнуты анализу, из которого было бы видно, почему следователь (и прокурор) считают эти данные неспособными опровергнуть обвинение.

В конце описательной части обвинительного заключения должны быть приведены объяснения обвиняемого по поводу предъявленных ему обвинений: признает ли он их полностью или в части, какие доводы он приводит в свою защиту. После объяснений обвиняемого следователь должен привести фактические

данные, которые подтверждают или опровергают объяснения обвиняемого.

Таким образом, описательная часть обвинительного заключения представляет изложение и анализ фактических обстоятельств дела и собранных по делу доказательств.

Вторая часть обвинительного заключения — р е з о л ю т и в н а я ч а с т ь — представляет собой юридические выводы из фактических обстоятельств, изложенных в описательной части. В ней дается юридическая формулировка обвинения, по которой обвиняемый подлежит преданию суду, устанавливаются признаки, определяющие состав преступления, и дается юридическая квалификация действий обвиняемого по соответствующей статье Уголовного кодекса. Резолютивная часть обвинительного заключения должна вытекать из его описательной части и не может выходить за пределы обвинения, ранее предъявленного обвиняемому в порядке ст. 128 Уголовно-процессуального кодекса.

В некоторых обвинительных заключениях Прокурора СССР по делам, рассмотренным Верховным судом СССР (дело троцкистско-зиновьевского террористического центра, дело троцкистского антисоветского центра, дело антисоветского «право-троцкистского блока»), резолютивная часть обвинительного заключения включает в себя «ф о р м у л у о б в и н е н и я». Это новшество в конструкции обвинительного заключения, хотя бы по наиболее сложным и крупным делам, является несомненно вполне целесообразным. В «формуле обвинения» в сжатом виде сводятся воедино все те фактические обстоятельства, которые изложены в описательной части, определяются признаки преступления, определяется юридическая квалификация преступления. Иными словами, в формуле обвинения формулируются фактические и юридические признаки обвинения, по которому обвиняемый подлежит преданию суду, а это обеспечивает четкость и ясность обвинения и определенность рамок и перспективы судебного разбирательства дела.

К обвинительному заключению прилагаются справки следователя о мере пресечения, избранной в отношении обвиняемого, о времени содержания обвиняемого под стражей (с какого по какое время), об имеющихся по делу вещественных доказательствах, о гражданском иске и принятых мерах обеспечения иска или возможной по приговору конфискации. К обвинительному заключению прилагается также список обвиняемых и лиц, которые, по мнению следователя, должны быть вызваны в суд (свидетелей, экспертов) с указанием их адресов, а в отношении обвиняемых, содержащихся под стражей, — места лишения свободы.

3. По общему правилу, установленному уголовно-процессуальными кодексами союзных республик, обвинительное заключение в копии вручается судом каждому обвиняемому после того, как состоялось предание суду, т. е. после утверждения обви-

нительного заключения распорядительным заседанием суда (см. главу «Предание суду»).

Украинский Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает иной порядок: копия обвинительного заключения (акта) вручается обвиняемому прокуратурой не позднее 5 дней с момента утверждения его прокурором или с момента составления обвинительного заключения, если дело направляется в суд непосредственно следственным органом, причем обвиняемому разъясняется его право просить суд о допущении или назначении защитника и о дополнении списка подлежащих вызову на суд свидетелей и экспертов (ст. 225).

4. Утверждение прокурором обвинительного заключения следователя должно производиться в форме особого постановления прокурора. Следует отказаться от иногда встречающейся практики наложения прокурором своей визы на первом листе обвинительного заключения.

§ 10. Об участии защитника на предварительном следствии

Действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик, равно как и «Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», не предусматривают участия защиты на предварительном следствии; защитник обвиняемого допускается лишь после того, как дело принято к производству судом и утверждено обвинительное заключение.

Буржуазное уголовно-процессуальное право знает допущение защитника в определенных пределах и на предварительное следствие. Так, французский уголовно-процессуальный кодекс (закон 1897 г.) допускает участие защитника с первого же допроса обвиняемого следственным судьей, но фактически все участие защитника на предварительном следствии ограничивается его правом присутствовать при допросах обвиняемого. Трактуется это присутствие как гарантия для обвиняемого от незаконных действий следователя в отношении обвиняемого, но защитнику ни в какой мере не обеспечивается возможность участвовать в производстве следственных действий по существу, влиять на ход следствия.

Германский уголовно-процессуальный кодекс 1877 г., наоборот, не допускает присутствия защитника при допросе обвиняемого и предусматривает присутствие защитника лишь при производстве осмотров и при допросе экспертов, если на предварительном следствии выясняется невозможность вызова этих экспертов на судебное заседание при рассмотрении дела по существу.

Итальянский уголовно-процессуальный кодекс 1931 г. лишает защитника права знакомиться с актами предварительного следствия и лишает всякого юридического значения те ходатайства, которые защитник подает следственному судье; последний не

обязан эти ходатайства рассматривать и может их просто приобщить к делу.

Вопрос о допущении защитника к участию на предварительном следствии ставится сейчас в советском уголовном процессе в плане его реформы. Необходимость положительного разрешения этого вопроса, по нашему мнению, вытекает из ст. 111 Конституции СССР и ст. 8 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, обеспечивающих обвиняемому на суде право на защиту. Хотя эти статьи прямо говорят о защите на суде, но это положение нельзя понимать узко ограничительно: имеется в виду не суд в собственном смысле, т. е. судебное разбирательство, а суд как судебная деятельность, как отправление правосудия. Поэтому положение ст. 111 Конституции должно распространяться на все стадии процесса, а не только на стадию судебного разбирательства. Мы ни в какой мере не можем ставить и решать вопрос о защите на предварительном следствии так, как это делают буржуазные уголовно-процессуальные кодексы, в которых право обвиняемого на защиту на предварительном следствии в достаточной мере иллюзорно и не связано с обеспечением обвиняемому возможности оспаривать обвинение, с ограждением его от неосновательных обвинений. С этой точки зрения существующий в советском процессе порядок, при котором защитник на предварительном следствии вовсе не участвует, реально гарантирует права обвиняемого на предварительном следствии не в меньшей степени, чем в буржуазных уголовно-процессуальных кодексах, где защитник хотя участвует в следствии, но фактически является ширмой для обвинения: он кое-где присутствует, но помощи обвиняемому оказать не может.

Вопрос об участии защитника на предварительном следствии в советском уголовном процессе может разрешаться лишь в плоскости усиления гарантий для обвиняемого, предоставления обвиняемому более широких возможностей защищаться против предъявленного ему обвинения, оспаривать, опровергать его. А это связано с общей линией на демократизацию нашего процесса (см. стр. 67 и след). В принципе вопрос о допущении защитника к участию на предварительном следствии с нашей точки зрения представляется подлежащим разрешению в положительном смысле. Это может содействовать и усилению процессуальных гарантий для обвиняемого и улучшению качества следствия. Спорными являются лишь те пределы и формы, в которых защитник должен осуществлять свое участие на предварительном следствии.

Все эти вопросы должны быть разрешены новым Уголовно-процессуальным кодексом СССР. Со своей стороны мы полагаем, что допущение защитника должно производиться с момента привлечения данного лица в качестве обвиняемого (ст. 128 УПК). Допущенному защитнику должно быть предоставлено право присутствовать при производстве следственных действий, знакомить-

ся с актами следствия, возбуждать перед следователем ходатайства о проверке тех или иных обстоятельств и приобщении доказательств, обжаловать действия следователя, а при окончании следствия (ст. 206 УПК) знакомиться со всеми материалами следствия в полном их объеме и требовать их дополнения. Вместе с тем в законе должны быть оговорены условия, при которых участие защитника на предварительном следствии может быть устранено, исходя из особого характера расследуемого дела (контрреволюционные и некоторые другие преступления). Возможно, однако, иное решение вопроса о допущении защитника к участию на предварительном следствии: защитник допускается лишь к моменту выполнения ст. 206 Уголовно-процессуального кодекса, т. е. ему дается возможность при окончании следствия знакомиться с материалами следствия и заявлять ходатайства о дополнении следствия.

Мы высказываемся за первое решение вопроса, с тем чтобы защитник допускался к участию на предварительном следствии с момента предъявления обвинения по определенным категориям уголовных дел о должностных, хозяйственных и других общеуголовных преступлениях, а также по делам, по которым привлечены несовершеннолетние.

§ 11. Прекращение дела

В случаях, когда следствием не добыты данные, необходимые для предания суду, дело производством прекращается. Основанием для прекращения дела являются: 1) наличие какого-либо из обстоятельств, устраняющих уголовное преследование (ст.ст. 3 и 4 УПК); 2) недостаточность улик для предания обвиняемого суду.

Об обстоятельствах, при наличии которых уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению в любой стадии процесса, мы уже говорили (стр. 89). Недостаточность улик для предания обвиняемого суду означает, что следствие не могло собрать в отношении обвиняемого таких доказательств, которые подтвердили бы его виновность, вследствие чего предание суду и вынесение обвинительного приговора было бы явно необоснованным.

Необходимо указать, что по какому бы основанию ни прекращалось дело, для лица, в отношении которого было возбуждено уголовное преследование, прекращение дела имеет те же юридические последствия, что и оправдательный приговор, т. е. обвинение с него снимается, оно считается невиновным. Поэтому в постановлении о прекращении дела не могут быть указаны какие-либо обстоятельства порочащего характера в отношении ранее привлеченных лиц (приказ Прокурора СССР 2 июня 1937 г. № 41/26). В частности, если основанием прекращения дела явилась малозначительность тех или иных фактов, составлявших

предмет расследуемого дела (примечание к ст. 6 УК РСФСР), в постановлении о прекращении дела не может содержаться указаний на доказанность этих фактов, не может предрешаться, что эти факты имели место в действительности и относящиеся к ним действия были совершены данным лицом. В этих случаях должно лишь быть указано, что самые факты, по поводу которых ведется следствие, в силу своей малозначительности не могут рассматриваться как преступление, т. е. не содержат в себе состава преступления. Процессуальным основанием прекращения дела в этих случаях является п. 5 ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса, т. е. дело прекращается за отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления.

В следственной практике может возникнуть такой вопрос. Пункт «б» ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса говорит о прекращении дела «при недостаточности улик для предания обвиняемого суду», т. е. относится к тем случаям, когда какое-либо лицо уже было привлечено к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, но дальнейшее следствие не собрало достаточных улик для предания обвиняемого суду. Как же следует поступать в тех случаях, когда никто привлечен не был, т. е. по делу не было улик, необходимых не только для предания суду уже привлеченного обвиняемого, но и для самого привлечения лица в качестве обвиняемого? Статья 204 действующей редакции таких случаев не предусматривает, в прежней же своей редакции (до 10 июня 1933 г.) в качестве основания для прекращения дела она устанавливала необнаружение виновного, т. е. предусматривала как раз данный случай. Уголовно-процессуальные кодексы других союзных республик содержат это основание для прекращения дела. Следует признать, что если по делу не добыто доказательств не только для предания суду, но и для привлечения к уголовной ответственности, прекращение дела возможно в порядке той же ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса, так как ст. 205 говорит о возобновлении дела, «прекращенного за нерозыском совершившего преступление лица», т. е. за необнаружением виновного.

Дело подлежит также прекращению, если привлеченное или подлежащее привлечению лицо совершило преступление в состоянии невменяемости или позднее впало в состояние такой душевной болезни, которая исключает возможность предания суду и применения наказания (ст. 11 УК РСФСР).

Оформление прекращения дела производится в виде особого постановления, в котором излагаются основные обстоятельства дела в том виде, как они установлены расследованием, и обосновывается вывод об отсутствии данных для предания суду.

Прекращение дела производится тем же органом, который производил расследование (следователь, милиция), и под контролем органа, осуществляющего наблюдение за расследованием, т. е. прокурора. Постановление о прекращении дела может быть об-

жаловано потерпевшим и иными заинтересованными лицами и организациями в пятидневный срок прокурору.

Отмена прекращения дела в силу обнаружения новых данных может быть произведена только постановлением прокурора, а не самим органом расследования, прекратившим дело. Постановление о прекращении дела для обвиняемого означает реабилитацию, приближаясь тем самым по своему значению к оправдательному приговору, а потому и нуждается в устойчивости. Исключением могут быть лишь случаи, когда дело было прекращено за необнаружением совершившего преступление, а потом (после прекращения) преступник был обнаружен. В этих случаях возобновление прекращенного дела производится мотивированным постановлением самого же следственного органа, прекратившего дело (ст. 205 УПК).

§ 12. Приостановление следствия

Приостановление следствия имеет место в случаях, когда расследование добыло данные для предъявления обвинения, следователь вынес постановление о привлечении к уголовной ответственности, но предъявление обвинения или предание суду является невозможным по одной из следующих причин: 1) неизвестности места нахождения обвиняемого; 2) психического расстройства или иного тяжелого болезненного состояния обвиняемого.

Следует признать, что этот перечень оснований к приостановлению следствия является исчерпывающим: приостановление следствия может иметь место только по одному из указанных двух оснований и не может допускаться по каким-либо иным основаниям. Поэтому должны быть признаны противоречащими закону иногда встречающиеся в следственной практике случаи приостановления следствия в виду выбытия важного свидетеля, в виду незаконченности ведомственного обследования учреждения, в котором совершено преступление, и т. д.

По основаниям неизвестности места нахождения обвиняемого следствие может быть приостановлено лишь по истечении установленного срока для ведения следствия (один месяц для органов дознания и два месяца для следователя), в течение которого должны быть приняты необходимые меры для розыска обвиняемого. Приостановление следствия по болезни обвиняемого производится до его выздоровления, причем следователь вправе поместить обвиняемого в соответствующее лечебное заведение для установления его болезни. В случае признания обвинямого психически больным или неизлечимым дело либо прекращается, либо направляется в суд для применения меры медицинского характера (ст. 203 УПК).

Приостановление следствия продолжается в течение сроков давности, установленных ст. 14 Уголовного кодекса РСФСР. По истечении этих сроков дело прекращается в порядке п. 4 ст. 4

Уголовно-процессуального кодекса, если в течение срока давности не было перерыва.

Оформление приостановления следствия производится в виде постановления, в котором излагаются существо дела и основания его приостановления.

При отпадении обстоятельств, повлекших за собой приостановление следствия (обнаружение или выздоровление обвиняемого), следствие возобновляется постановлением следственного органа, приостановившего следствие (ст. 205 УПК).

ГЛАВА IX

ПРЕДАНИЕ СУДУ

§ 1. Сущность и процессуальное значение предания суду. § 2. Предание суду в буржуазном уголовном процессе. § 3. История института предания суду в советском уголовном процессе. § 4. Действующий порядок предания суду.

§ 1. Сущность и процессуальное значение предания суду

По окончании предварительного следствия дело переходит в стадию предания суду. Сущность этой процессуальной стадии заключается в том, что суд решает вопрос о достаточности представленных ему данных для разрешения на судебном разбирательстве вопроса о виновности привлеченных лиц. Итог предварительного следствия, выводы органа обвинения (обвинительный акт, обвинительное заключение) подвергаются судом оценке с точки зрения обоснованности предъявленных обвинений в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы на судебном разбирательстве суд мог разрешить по существу вопрос о виновности обвиняемого (подсудимого).

Таким образом, в стадии предания суду суд не решает вопросов о доказанности или недоказанности обвинения, о виновности или невиновности обвиняемого: это относится к компетенции суда в следующей стадии процесса — на судебном разбирательстве, когда все эти вопросы будут разрешены в условиях гласного, состязательного процесса, с участием сторон. В стадии же предания суду решается более узкий, предварительный вопрос — достаточно ли данных для того, чтобы поставить дело на судебное разбирательство по существу, чтобы предать суду привлеченных в качестве обвиняемых лиц.

В германском уголовном процессе и процессуальной литературе стадия предания суду носит название «промежуточного производства» (Zwischenverfahren), т. е. производства, находящегося между «предварительным производством» (предварительным следствием) и «главным производством» (Hauptverhandlung), т. е. судебным рассмотрением дела по существу, судебным разбирательством. В процессуальном смысле стадия предания суду действительно является «промежуточным производством», что ни в коей мере не лишает эту процессуальную стадию ее важности,

значения. Но она является промежуточной в том смысле, что на ней обсуждаются, с одной стороны, итоги, выводы уже проведенного предварительного следствия, и с другой стороны — предпосылки, условия предстоящего судебного разбирательства дела.

Процессуальное значение стадии предания суду заключается:

1) в обеспечении такого положения, чтобы на судебное разбирательство ставились лишь достаточно расследованные дела, по которым имеются достаточные доказательства и по которым соблюдены все требования закона;

2) в гарантиях для привлеченных в качестве обвиняемых лиц в том, что без достаточных доказательств, подтверждающих их обвинение, они не будут поставлены в положение подсудимых, не будут преданы суду.

Судебная инстанция, разрешающая вопросы предания суду обвиняемых, носит название к а м е р ы п р е д а н и я с у д у. С момента постановления этой камеры о предании обвиняемого суду обвиняемый именуется п о д с у д и м ы м.

§ 2. Предание суду в буржуазном уголовном процессе

Старейшая форма предания суду осуществлялась в А н г л и и в течение ряда столетий в виде так называемого «большого жюри».

По делам, подсудным суду с участием присяжных заседателей, предание суду осуществляла особая камера—«большое жюри», представлявшая коллегию присяжных заседателей в составе от 12 до 23 членов. Эта камера разрешала вопрос о предании суду без участия постоянных (коронных) судей и без адвокатов. Большое жюри выслушивало обвинителя и свидетелей обвинения, но не могло выслушивать ни обвиняемого, ни свидетелей со стороны защиты, и в закрытом судебном заседании либо утверждало обвинительный акт, тем самым предавая обвиняемого суду «малого жюри» (т. е. суду присяжных, в числе двенадцати, рассматривающему дело по существу), либо, признав обвинение необоснованным, освобождало обвиняемого от суда (т. е. прекращало дело). Такое одностороннее рассмотрение дела в большом жюри, только в пределах обвинительных доказательств, аргументировалось тем, что задача большого жюри заключается лишь в проверке того, располагает ли обвинитель достаточными данными для обвинения. В английском уголовном процессе такое построение предания суду рассматривалось как гарантия для обвиняемых в том, что они не будут преданы суду, если за их предание суду не выскажутся присяжные заседатели.

Во время первой империалистической войны (в 1917 г.) большое жюри в Англии было ликвидировано, затем восстановлено с тем ограничением, что его рассмотрению не подлежали дела, по которым обвиняемые признали себя виновными (эти дела непосред-

ственно ставились на рассмотрение малого жюри). В 1933 г. большое жюри как форма предания суду было окончательно ликвидировано повсеместно, кроме Лондона и Миддельсекса (пригорода Лондона). С ликвидацией большого жюри как органа предания суду, предание суду малого жюри осуществляется мировым судьей, проводящим предварительное следствие, и представляет собой заключительный акт этого предварительного следствия, потеряв тем самым характер самостоятельной процессуальной стадии.

Ликвидация большого жюри, в течение столетий официально считавшегося в английском праве оплотом свободы граждан, гарантией их от неосновательного предания суду, есть проявление той линии на ограничение буржуазно-демократических свобод и их гарантий, которое характерно для эпохи империализма.

Во Франции создание особого органа — камеры предания суду — относится ко времени буржуазной революции 1789 г. Законом 16—29 сентября 1791 г. в качестве камеры предания суду было организовано обвинительное жюри в составе восьми присяжных заседателей. Под явным влиянием английского образца было установлено, что это обвинительное жюри выслушивает объяснения обвинителя и показания свидетелей обвинения, не имея права выслушивать ни обвиняемого, ни свидетелей с его стороны. При обсуждении организации предания суду в Учредительном собрании основной задачей обвинительного жюри выдвигалось гарантирование граждан от необоснованного предания их суду, в духе принципов «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г.

Эта форма предания суду во время Французской революции действовала в отношении общих судов; для революционных трибуналов порядок предания суду был иной. Декретом Конвента 10 марта 1793 г. устанавливалось, что предание суду революционного трибунала могло производиться лишь самим Конвентом, образующим для этой цели особую комиссию из шести членов Конвента. Но вскоре же затем в целях упрощения и ускорения деятельности революционного трибунала декрет Конвента 5 апреля 1793 г. отменил порядок предания суду революционного трибунала по обвинительному декрету Конвента и предоставил полномочия по преданию суду публичному обвинителю при трибунале.

При Наполеоне I была сильно урезана форма предания суду по делам, подсудным общим судам. Наполеон устранил допущение обвинителя и свидетелей на заседание обвинительного жюри, предоставив последнему решать вопрос о предании суду только на основе письменных материалов предварительного следствия. С изданием уголовно-процессуального кодекса 1808 г. обвинительное жюри было полностью упразднено и вместо него была создана при суде второй инстанции обвинительная камера в составе пяти постоянных судей без участия присяжных заседателей. Законом 5 августа 1844 г. обвинительная камера была реор-

ганизована: она перестала быть постоянно действующим органом и превратилась в коллегию членов апелляционного суда, периодически созываемую для рассмотрения в порядке предания суду дел, поступающих от прокуратуры. Этот порядок во Франции действует и сейчас. Таким образом, во французском уголовном процессе предание суду присяжных осуществляет особая камера апелляционного суда. По менее серьезным делам возможно непосредственное рассмотрение дела на суде без прохождения дела через камеру предания суду (так называемый прямой вызов обвиняемого в суд — citation directe).

В Германии по уголовно-процессуальному кодексу 1877 г. общей формой предания суду является рассмотрение дела распорядительным закрытым, без участия обвиняемого и защитника, заседанием того же суда, которому подсудно дело. По малозначительным преступлениям дело может быть рассмотрено в судебном заседании без предварительного его прохождения через стадию предания суду. Сейчас стадия предания суду как самостоятельная процессуальная стадия отменена для всех исключительных судов, в которых рассматриваются дела о политических преступлениях (законы 18 марта и 21 марта 1933 г.). Для общих уголовных судов сохранен прежний порядок предания суду через распорядительное заседание, но законом 28 июня 1935 г. распорядительное заседание лишено права направлять дело к доследованию и, если оно не усматривает оснований к прекращению дела, обязано предать суду обвиняемых, хотя бы дело не было достаточно расследовано.

В Италии вообще отсутствует какая-либо специальная процедура предания суду (ст. 374 уголовно-процессуального кодекса 1931 г.).

§ 3. История института предания суду в советском уголовном процессе

В советском процессуальном праве, в первоначальных законодательных актах о суде, предание суду осуществлялось следственными комиссиями (уездными и городскими), избираемыми советами и исполнительными комитетами в составе трех лиц (председателя и двух членов). Постановление следственной комиссии и являлось актом предания суду. В заседании следственной комиссии допускался защитник (Положение о народном суде РСФСР 30 ноября 1918 г., ст.ст. 35 и 36). Позднее, с ликвидацией следственных комиссий, предание суду осуществлялось самим народным судом (Положение о народном суде 21 октября 1920 г., ст. 37).

В производстве революционных трибуналов предание суду также первоначально осуществлялось следственными комиссиями при революционных трибуналах (декрет 4 мая 1918 г.), позднее — распорядительными заседаниями революционных трибуна-

лов в составе трех членов трибунала (Положение о революционных трибуналах 18 марта 1920 г., ст. 13). С введением Уголовно-процессуального кодекса (1922 г.) общей формой предания суду стало распорядительное заседание того суда, которому подсудно дело, в составе народного судьи и двух народных заседателей (в народном суде) или постоянных трех членов суда (в революционных трибуналах, позднее в губернских, краевых и областных судах).

Эта общая форма предания суду существовала до октября 1929 г. В первое время рассмотрению дел в порядке предания суду в распорядительных заседаниях самим процессуальным законом придавался формальный характер. Примечание к ст. 236 первоначальной редакции УПК РСФСР 1923 г. запрещало составу распорядительного заседания при разрешении вопросов о предании суду знакомиться с материалами дела, т. е. с представленными следственными актами, на основе которых было составлено обвинительное заключение. Разрешая вопрос о предании суду, распорядительное заседание должно было исходить только из самого обвинительного заключения.

Вопрос об основательности обвинения разрешался распорядительным заседанием на основе только тех данных, которые были приведены в описательной части обвинительного заключения, и проверки, вытекает ли резолютивная часть обвинительного заключения из его описательной части. Иными словами, распорядительное заседание могло заниматься лишь проверкой логической согласованности отдельных частей и утверждений обвинительного заключения, но не могло проверять обоснованность обвинительного заключения по существу, его соответствие фактическим обстоятельствам дела. Такое построение рассмотрения дела в распорядительном заседании исходило из той мысли, что рассмотрение дела в распорядительном заседании не должно создавать у судей предвзятого мнения о виновности обвиняемого, когда они будут рассматривать дело по существу в судебном заседании. Предполагалось, что если при разрешении вопроса о предании суду судьи будут читать материалы дела, у них создастся определенная точка зрения по вопросу о доказанности обвинения и виновности обвиняемого, что скажется на судебном разбирательстве, повлияет на приговор.

Такая постановка вопроса являлась, несомненно, ошибочной, так как устраняла из стадии предания суду самый существенный ее элемент — проверку фактической обоснованности обвинения и полноты расследования дела. Что же касается возможного влияния обсуждения дела в распорядительном заседании на убеждение судей при окончательном разбирательстве в судебном заседании, то устранение этого достигается полнотой судебного следствия, проведением судебного разбирательства на началах устности, непосредственности и состязательности, а не маловыполнимым требованием, обращенным к членам распорядительного заседания, не читать находящееся у них же под руками дело.

Это ограничение распорядительного заседания было отменено постановлением ВЦИК 16 октября 1924 г. (СУ 1924 г. № 78, ст. 784), но его последствия продолжали сказываться и позднее, накладывая известный отпечаток формализма на рассмотрение дел в распорядительных заседаниях в порядке предания суду.

В 1928—1929 гг. в связи с обсуждением реформы Уголовно-процессуального кодекса был поставлен вопрос о ликвидации распорядительных заседаний, с тем чтобы функция предания суду была передана прокуратуре. Выработанный в то время проект Уголовно-процессуального кодекса в целом не был утвержден в законодательном порядке, но те его положения, которые касались предания суду, получили утверждение и были включены в состав действующего Уголовно-процессуального кодекса.

Постановлением ВЦИК 20 октября 1929 г. распорядительные заседания в народных судах были упразднены, и акту утверждения обвинительного заключения прокурором или следователем (в отношении дознания) было придано значение акта предания суду. Тем самым предание суду было лишено значения самостоятельной стадии уголовного процесса и слито с окончанием предварительного расследования.

Вместе с тем был введен институт подготовительных заседаний (ст.ст. 235—238 УПК), которые отличались от распорядительных заседаний тем, что предметом их рассмотрения являлись не все дела, а лишь те, по которым народный судья не согласен с обвинительным заключением или усматривает в деле существенные нарушения. Таким образом, в подготовительные заседания дела вносятся лишь в случае разногласия между судьей и прокурором по вопросу о предании суду.

Такой порядок можно характеризовать как лишение акта предания суду самостоятельного процессуального значения: предание суду теряет значение стадии процесса и сводится к проверке материалов следствия прокурором, под надзором которого это же следствие проводилось. Лишь в случаях постановки дела на подготовительное заседание этот факультативный порядок предания суду приобретает процессуальное значение — здесь как бы ведется спор между прокурором и судьей.

Ликвидация распорядительных заседаний и установление изложенного упрощенного порядка предания суду мотивировалось соображениями ускорения процесса.

Рассматривая эту реформу предания суду, фактически аннулировавшую предание суду как стадию процесса, нельзя расценивать ее иначе как проявление того процессуального упрощенчества, которое в течение некоторого времени находило сочувственный отклик и теоретическое обоснование среди ряда практических и теоретических работников в области права.

На деле получилось крайнее ослабление контроля за преданием суду и как следствие — нередкие случаи постановки на суд дел без достаточных оснований, неполно расследованных, с неправильной уголовно-правовой квалификацией и т. д. Задача

улучшения качества судебной работы требовала усиления внимания к стадии предания суду, часто явно недооцениваемой. Требованием применения организованной репрессии, направляемой метко и безошибочно, не распыляемой, был поставлен вопрос о правильной и целесообразной организации предания суду. Исходя из этого, I Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников (апрель 1934 г.) приняло тезис о восстановлении распорядительных заседаний.

Восстановление распорядительных заседаний является крайне целесообразным мероприятием, при условии если их работа организована как реальный контроль, реальная проверка судом обоснованности привлечения к уголовной ответственности и предания суду.

Необходимо отметить, что правильно организованная стадия предания суду является существенной гарантией для обвиняемого, устраняя возможность суда над ним без достаточно веских данных о его виновности. Сама процедура суда независимо от исхода дела, для обвиняемого достаточно тяжела, и гражданин должен ей подвергаться лишь при действительной к тому необходимости.

Следовательно, установление четких и действенных форм контроля за делами, направляемыми на предание суду, есть гарантия для граждан от неправильного и необоснованного предания суду и является требованием, вытекающим из принципов советского социалистического демократизма. Вопрос о распорядительных заседаниях не может рассматриваться как вопрос технического порядка — это вопрос процессуальный, правовой, связанный со всей системой процессуальных отношений и особо актуальный сейчас, при действии Сталинской Конституции.

На основе указанного выше решения I Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников 47 Пленум Верховного суда СССР разъяснением 7 июня 1934 г. установил обязательность прохождения всех дел, направляемых на предание суду, через распорядительные заседания. Тем самым был восстановлен упраздненный в 1929 г. институт распорядительных заседаний как постоянных органов предания суду, а само предание суду вновь получило значение особой самостоятельной стадии уголовного процесса.

Таким образом, хотя реорганизация предания суду в РСФСР еще не оформлена в законодательном порядке, эта стадия процесса на основе указанного выше постановления Верховного суда СССР получила достаточно ясное процессуальное очертание.

§ 4. Действующий порядок предания суду

Согласно ст. 27 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик народный суд в порядке предания суду рассматривает (в распорядительном или подготовительном засе-

дании) дела, по которым имеются обвинительные заключения, утвержденные прокурором. Следовательно, дела, по которым производилось предварительное расследование, подлежат обязательному рассмотрению в распорядительном (подготовительном) заседании суда.

К этим делам относятся все дела, по которым обязательно предварительное следствие (ст. 108 УПК РСФСР), а из других дел — те, по которым производилось предварительное расследование (в форме как предварительного следствия, так и дознания).

Дела же, по которым предварительное расследование не производилось (о мелких кражах на предприятиях и хулиганстве при задержании преступника на месте преступления, о прогулах и самовольном оставлении работы), на распорядительном заседании не рассматриваются и единолично судьей назначаются к слушанию. Эти дела ставятся на распорядительное заседание лишь в тех случаях, когда суд считает дело подлежащим прекращению или направлению на предварительное расследование (см. пост. СНК СССР 13 сентября 1940 г. № 1679, приказ НКЮ, НКВД и Прокурора СССР 6 сентября 1940 г. № 111—786—2 001 и пост. Пленума Верховного суда СССР 15 июля 1940 г.).

Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР устанавливает обязательность рассмотрения в распорядительном заседании всех дел, по которым обязательно предварительное следствие, и еще о некоторых преступлениях, перечисленных в законе (ст. 236).

Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР устанавливает обязательность рассмотрения в распорядительном заседании всех дел, по которым, согласно Уголовному кодексу, может быть применено лишение свободы (ст. 66).

Необходимо отметить терминологическую неясность в вопросе наименования камеры предания суду в советском уголовном процессе. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в вопросе предания суду, после отмены распорядительных заседаний, как сказано выше, предусматривает подготовительные заседания как факультативную (по усмотрению судьи), а не обязательную форму предания суду. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР говорит о распорядительных заседаниях, Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР — о подготовительных заседаниях. Очевидно, необходимо установить единую терминологию.

Распорядительное заседание есть обязательная форма предания суду, через которую проходят все дела, по которым производится расследование. Подготовительное заседание есть факультативная форма предания суду, так как на подготовительные заседания вносятся дела лишь по усмотрению судьи, если он не согласится с обвинительным заключением. Поскольку сейчас установлена обязательная, а не факультативная форма предания суду в виде рассмотрения дела в особом заседании суда, это последнее является именно распорядительным заседанием, а не подготовительным, тем более, что функции этого заседания вов-

се не сводятся к подготовке дела к слушанию. Поэтому в предыдущем и дальнейшем изложении мы именуем камеру предания суду в советском уголовном процессе распорядительным заседанием.

В настоящий момент действует следующий порядок предания суду в соответствии с постановлением 54 Пленума Верховного суда СССР 1936 г.

Все уголовные дела, поступающие в суд для слушания в судебном заседании, предварительно рассматриваются в распорядительном (подготовительном) заседании, разрешающем вопрос о предании суду.

Распорядительное (подготовительное) заседание рассматривает и разрешает по делу следующие вопросы:

1) имеется ли в действиях, инкриминируемых обвиняемому, состав преступления;

2) достаточно ли полно проведено предварительное следствие;

3) обосновано ли предъявленное обвинение материалами дела;

4) правильно ли квалифицировано преступление, инкриминируемое обвиняемому;

5) соблюдены ли на предварительном следствии все процессуальные нормы;

6) правильно ли составлено само обвинительное заключение.

Это — основные вопросы, подлежащие разрешению в распорядительном заседании. Но если в результате их рассмотрения распорядительное заседание приходит к выводу о том, что обвиняемый подлежит преданию суду, оно должно рассмотреть еще ряд вопросов, связанных с организацией предстоящего судебного разбирательства, а именно:

1) об удовлетворении или отказе в ходатайствах сторон, в том числе и обвиняемого, о вызове дополнительных свидетелей, экспертов, об истребовании и приобщении к делу новых доказательств и т. д.;

2) об участии в судебном разбирательстве сторон (обвинитель и защитник);

3) об определении списка лиц (свидетелей, экспертов), подлежащих вызову на судебное разбирательство;

4) о мере пресечения для обвиняемого на время до разрешения дела (подтверждение, изменение или отмена меры пресечения, избранной на предварительном следствии);

5) о языке, на котором будет вестись судебное разбирательство;

6) о времени и месте судебного разбирательства (в камере суда или с выездом суда в другое место и т. д.).

Если помимо этих вопросов по обстоятельствам дела возникают и другие, они также подлежат разрешению распорядительного заседания.

Функции народного суда, действующего в порядке предания суду, определены в ст. 27 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик. Согласно этому закону, народ-

ный суд до рассмотрения дела в судебном заседании производит следующие действия: а) утверждает обвинительное заключение, представленное прокурором, а при несогласии с обвинительным заключением — возвращает дело для доследования либо прекращает его при наличии к тому достаточных оснований; б) разрешает вопрос о заключении обвиняемого под стражу либо об освобождении его из-под стражи; в) выносит решение об обязательном участии при рассмотрении дела защитника и прокурора. Этими правилами Закон о судоустройстве определяет основные полномочия народного суда, действующего до судебного рассмотрения дела. Эти полномочия осуществляются в распорядительном заседании.

Определение распорядительного заседания может быть вынесено в нескольких видах.

1. О предании суду. В этом случае обвиняемый становится подсудимым; ему вручается копия обвинительного заключения и определения распорядительного заседания о предании его суду (не позднее 3 суток до слушания дела в судебном заседании), и дело назначается к слушанию.

Если при этом распорядительное заседание признает необходимым изменить обвинительное заключение, оно поручает это одному из своих членов. Изменение обвинительного заключения распорядительным заседанием может производиться только в пределах предъявленного обвиняемому обвинения. Оно не может влечь за собой ни изменения квалификации преступления по статье Уголовного кодекса, определяющей более тяжелое наказание, чем та статья, по которой было предъявлено обвинение в порядке ст. 128 Уголовно-процессуального кодекса, ни предъявления новых обвинений, не предъявленных на предварительном следствии. При признании судом необходимости таких изменений дело должно быть направлено на доследование.

2. О прекращении дела при наличии обстоятельств, влекущих обязательное прекращение дела, или при недостаточности собранных по делу доказательств для предания обвиняемого суду (ст. ст. 4 и 204 УПК).

3. О возвращении дела на дополнительное расследование в случаях, когда предварительное следствие проведено неполно, не выяснены существенные обстоятельства дела или когда на предварительном следствии были допущены нарушения процессуальных норм, требующие устранения.

Выше указано, что копия обвинительного заключения вручается обвиняемому после того, как распорядительное заседание решило в положительном смысле вопрос о предании суду, т. е. постановило предать обвиняемого суду. Именно такое положение вытекает из ст. 235 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и постановления 54 Пленума Верховного суда СССР 29 марта 1936 г. Иной порядок установлен Уголовно-процессуальным кодексом Украинской ССР. Статья 225 Уголовно-процессуального кодекса возлагает обязанность вручения обвиняемому копии об-

винительного заключения не на суд (как в РСФСР), а на прокурора, с тем чтобы копия обвинительного заключения вручалась обвиняемому не позднее пяти дней с момента его составления или с момента его утверждения прокурором, если дело направляется в суд через прокурора.

Состав распорядительного (подготовительного) заседания в народном суде — народный судья и два народных заседателя, в других судах — председатель или член суда и два народных заседателя. В военных трибуналах, до избрания народных заседателей, вместо них в заседании участвуют временные члены военного трибунала. В военных трибуналах, в военной, железнодорожной и водно-транспортной коллегиях Верховного суда СССР распорядительное (подготовительное) заседание может состоять из трех постоянных членов суда в тех случаях, когда по закону дело подлежит рассмотрению в составе трех членов суда без участия народных заседателей (приказ НКЮ СССР 19 июня 1939 г. № 46).

Рассмотрение дела в распорядительном заседании начинается докладом прокурора, утвердившего обвинительное заключение. Вопрос о том, кто должен докладывать дело в распорядительном заседании — прокурор или член суда, в 1934 и 1935 гг. вызывал споры. Президиум Верховного суда РСФСР своим постановлением 14—16 января 1935 г. обязанность доклада возложил на члена суда, тогда как резолюция I Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников и директивное письмо Верховного суда СССР 17 августа 1935 г. эту обязанность возлагали на прокурора. 16 ноября 1935 г. Президиум Верховного суда РСФСР изменил указанное свое постановление, приняв порядок, установленный Верховным судом СССР.

С процессуальной точки зрения несомненно правильным является такое построение работы распорядительного заседания, при котором д о к л а д ы в а е т д е л о п р о к у р о р. Прокурор утверждает обвинительное заключение и решает вопрос о направлении дела в суд. Следовательно, ему должно быть предоставлено право и возможность обосновать свои выводы, и именно он обязан привести суду все доводы и данные, которые на основе материалов следствия обосновывают необходимость предания обвиняемого суду. На распорядительном заседании прокурор должен изложить суду существо дела, охарактеризовать итоги следствия по делу и привести те доказательства, на которых основано обвинение каждого обвиняемого. После этого судья делает сообщение, в котором указывает на правильность или неправильность выводов прокурора, на свое согласие или несогласие с обвинительным заключением, на обоснованность или необоснованность предания обвиняемого суду. После обсуждения состав распорядительного заседания выносит свое определение, о котором сказано выше. В случае если распорядительное заседание не согласилось с обвинительным заключением, прокурору принадлежит право протеста на определение распорядительного

заседания в порядке ст. ст. 349, 405 и 431—433 Уголовно-процессуального кодекса (ст. 237 УПК).

Народный судья или член краевого (областного) суда, председательствующий по делу, могут вызвать на распорядительное заседание обвиняемого, если это необходимо в интересах обеспечения более правильного разрешения возбужденных обвиняемым ходатайств о дополнении следствия, истребовании новых доказательств и т. п.

Директивное письмо Верховного суда СССР 17 августа 1935 г. устанавливает, что вызов обвиняемых в распорядительное заседание допускается в исключительных случаях, когда по обстоятельствам дела этот вызов обусловливается необходимостью ознакомления с личностью обвиняемого или выяснения каких-либо конкретных вопросов, связанных с разрешением возбужденных обвиняемым ходатайств.

Несомненно, участие обвиняемого в распорядительном заседании является крайне важным, так как оно обеспечивает всестороннее обсуждение вопроса об основаниях предания суду и подготовку предстоящего судебного рассмотрения дела и вместе с тем устанавливает для обвиняемого серьезную процессуальную гарантию его прав. Практика допущения обвиняемого к участию в распорядительном заседании должна применяться по возможности шире, и нет оснований ее ограничивать лишь исключительными случаями, как это делает приведенное выше директивное письмо Верховного суда СССР.

Процессуальный порядок участия обвиняемого на распорядительном заседании нигде не определен. Мы думаем, что он должен быть установлен в следующем виде: обвиняемый излагает суду свои ходатайства, указывает на недостатки предварительного следствия и т. д., после чего прокурор тут же, в присутствии обвиняемого, дает свое заключение; после заключения прокурора обвиняемому может быть предоставлена возможность возразить прокурору; решение же (определение) выносится судом по всем вопросам, обсуждавшимся на распорядительном заседании, связанном с подготовкой дела к слушанию на судебном заседании (о списке лиц, вызываемых на суд, и т. д.), причем по всем этим вопросам должно быть заслушано заключение прокурора.

Вместе с тем следует сразу же оговорить, что участие обвиняемого в распорядительном заседании не должно повести к превращению распорядительного заседания в суррогат предстоящего судебного заседания, и распорядительное заседание не должно заниматься решением вопроса о виновности или невиновности обвиняемого по существу. Такое предвосхищение судебного заседания повлекло бы за собой тот нежелательный результат, что при судебном разбирательстве дела и вынесении приговора суд был бы связан уже состоявшимся постановлением о предании суду. Поэтому допрос обвиняемого на распорядительном заседании недопустим.

Вызов экспертов и свидетелей на распорядительное заседание не допускается.

В настоящий момент возникает вопрос о целесообразности допущения защиты на распорядительное заседание в случаях, когда при предании суду обвиняемым возбуждены те или иные ходатайства, от разрешения которых зависит направление дела, перспектива предстоящего судебного процесса и т. д. Мы считаем, что целесообразность факультативного (по усмотрению суда) допущения защитника на распорядительное заседание является несомненной. Речь может итти даже о том, чтобы в известных случаях (например, когда участие защитника на суде обязательно, когда на предварительном следствии ходатайства обвиняемого, касающиеся существенных вопросов, были отклонены и т. п.) допущение защитника было обязательным. Разумеется, этот вопрос может быть разрешен только в законодательном порядке.

Директивное письмо Верховного суда СССР 17 августа 1935 г. устанавливает, что в случае признания необходимости явки обвиняемого в распорядительное заседание, по делам несовершеннолетних, а также глухих, немых и вообще лиц, лишенных в силу физических недостатков способности правильно воспринимать те или другие явления, суд обязан допустить к участию в распорядительном заседании представителя обвиняемого, под каковым, очевидно, следует понимать как законного представителя (п. 7 ст. 23 УПК), так и защитника. Нет никаких оснований возражать против допущения защитника в распорядительное заседание и по другим делам, а также в случаях, когда сам обвиняемый в распорядительном заседании не участвует.

При рассмотрении дела в распорядительном заседании ведется протокол, в котором отмечаются как обсуждавшиеся вопросы, так и принятые решения. Предложения прокурора, а равно заявления обвиняемого обязательно должны быть занесены в протокол распорядительного заседания. Протокол распорядительного заседания подписывается председательствующим и секретарем.

Решение распорядительного заседания формулируется в судебном определении, которое подписывается всем составом судей, участвовавших в распорядительном заседании.

ГЛАВА X

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

§ 1. Общие понятия. § 2. Конструкция судебного разбирательства в буржуазном уголовном процессе. § 3. Принципы судебного разбирательства в советском уголовном процессе. § 4. Суд. § 5. Обвинитель. § 6. Подсудимый. § 7. Защитник. § 8. Потерпевший. § 9. Объем судебного разбирательства. § 10. Построение судебного разбирательства.

§ 1. Общие понятия

Судебное разбирательство является основной и важнейшей стадией уголовного процесса. В этой стадии суд рассматривает и разрешает дело по существу, т. е. окончательно исследует все существенные обстоятельства дела, проверяет доказательства и выносит приговор в отношении преданных суду лиц. Все предшествующие стадии прохождения уголовного дела имеют лишь предварительный и вспомогательный характер — на них дело исследуется до суда и для суда; в этой же стадии процесса суд окончательно решает дело. Поэтому стадия судебного разбирательства иногда называется «окончательным производством» в отличие от «предварительного производства» (т. е. предварительного следствия), или «главным производством».

Термин «окончательное производство» следует понимать условно: по вынесении приговора дело может быть пересмотрено в кассационном порядке или в порядке надзора; тем не менее и кассация и надзор сводятся к проверке уже вынесенного приговора, так что основное исследование дела по существу и основная работа по разрешению важнейших вопросов уголовного дела происходят именно в стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции.

§ 2. Конструкция судебного разбирательства в буржуазном уголовном процессе

Судебное разбирательство в английском уголовном процессе, как и весь процесс в целом, построено на принципе состязательности, проведенном наиболее последовательно. До

начала судебного заседания в суде присяжных обвиняемый опрашивается председателем суда, признает ли он себя виновным. Если обвиняемый признает себя виновным, судебное следствие не производится, присяжные заседатели устраняются, и судья тут же выносит приговор. Это положение исходит из предпосылки, что судебное разбирательство есть решение спора между сторонами; если же обвиняемый признает свою виновность, — нет спора, следовательно, нет и оснований для судебного разбирательства дела. Если же обвиняемый себя виновным не признает, судебное разбирательство происходит следующим порядком. Обвинитель устно излагает существо и основания обвинения, после чего допрашиваются свидетели со стороны обвинения и рассматриваются представленные им другие доказательства; затем свои возражения представляет защитник, допрашиваются свидетели защиты и рассматриваются представленные ею доказательства.

По окончании исследования дела судья-председатель произносит свое «напутствие» присяжным, в котором дает указания им относительно правил оценки доказательств. После этого присяжные удаляются в совещательную комнату и выносят свое решение (вердикт). Английский процесс не знает обязательного порядка допроса обвиняемого — обвиняемый не допрашивается (исходя из принципа, что «никто не может быть принуждаем к самообвинению»), а если он захочет дать показания суду, то по своему желанию допрашивается в качестве свидетеля под присягой, как и все свидетели. Прений сторон, как отдельной части судебного разбора, в Англии нет — они сливаются с судебным следствием. В ходе судебного разбора активная роль принадлежит сторонам, судья же обычно не вмешивается в судебное следствие, ограничиваясь лишь регулированием состязания сторон (см. также стр. 48).

Судебное разбирательство во французском уголовном процессе характеризуется тем, что хотя оно и построено по состязательному типу (участие сторон), но руководящая роль принадлежит председателю суда, который направляет судебное следствие по существу и своей дискреционной (решающей) властью определяет объем и порядок исследования дела. В отличие от английского процесса громадное место в судебном рассмотрении во французском уголовном процессе занимает допрос подсудимых председателем суда, представляющий в известном смысле центральное место судебного следствия. Прения сторон (речи обвинителя и защитника) в отличие от английского процесса отграничены от судебного следствия (проводятся после него). После прений сторон присяжным ставятся вопросы, и они выносят вердикт (об этом см. стр. 45).

В основном по французскому образцу построен порядок судебного разбирательства в других капиталистических странах континентальной Европы.

§ 3. Принципы судебного разбирательства в советском уголовном процессе

После того как состоялось предание обвиняемых суду, данное дело становится предметом судебного разбирательства. Судебному заседанию предшествуют некоторые единоличные действия судьи, направленные на подготовку судебного заседания. Так, народный судья или председательствующий в остальных судах назначают дело к слушанию и делают распоряжения о вызове в суд обвиняемых, свидетелей и экспертов (ст. ст. 28, 37, 44, 52, 62 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик).

Процессуальные принципы судебного разбирательства характеризуются тем, что на судебном разбирательстве находят наиболее полное осуществление следующие принципы уголовного процесса: 1) гласность; 2) устность и непосредственность; 3) состязательность, отдельные элементы которых в неразвернутом виде имеются и в стадии предварительного расследования.

Судебное заседание, в котором происходит судебное разбирательство, по каждому делу должно происходить непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение других дел в перерыве, ранее окончания слушания начатого дела, не допускается.

Об этих принципах как о принципах, характеризующих всю систему советского уголовного процесса, было сказано выше (стр. 76).

На судебном разбирательстве дела основными участниками являются: а) состав суда; б) обвинитель; в) подсудимый; г) защитник; д) гражданский истец-потерпевший.

Рассмотрим процессуальное положение, права и функции каждого из этих участников процесса (см. также стр. 83 и след.).

§ 4. Суд

В процессе судебного разбирательства суд является вершителем дела. Стороной суд не является. Суд не только решает дело, но и направляет его рассмотрение, устанавливает рамки его исследования и по собственной инициативе независимо от ходатайств сторон может в пределах закона принять любую меру и совершить любое действие, обеспечивающее полноту и правильность разрешения дела. Стороны — обвинение и защита — могут принимать в рассмотрении дела самое активное участие, но все их действия протекают в рамках, установленных судом, и по каждому вопросу, возникающему в процессе рассмотрения дела, они высказывают лишь мнения и заключения, решает же все вопросы суд. Таким образом, суд является «хозяином процесса» (dominus litis).

Характерной особенностью положения суда в процессе судебного разбирательства является то, что суд не связан мнением

сторон: противоречащим самым основам советского уголовного процесса было бы оставление судом без исследования того или иного обстоятельства дела только на том основании, что стороны об этом не просили; если это обстоятельство является существенным для дела, суд его обязан исследовать по собственной инициативе; если же оно несущественно, суд может оставить его без исследования, хотя бы стороны и просили суд об его исследовании.

Далее, особенностью положения суда в стадии судебного рассмотрения является его объективность не в смысле лицемерной «беспристрастности» буржуазного суда с его «повязкой Фемиды» на глазах, а в том смысле, что на судебном разбирательстве суд обязан исследовать обстоятельства, говорящие как против подсудимого, так и в его пользу, и обеспечить подсудимому реальную возможность использовать его процессуальные права. Эта обязанность лежит на суде как в случаях, когда на судебном разбирательстве участвуют обвинитель и защитник, помогающие суду выяснить и осветить все обстоятельства дела и с точки зрения обвинения и с точки зрения защиты, так и в случаях, когда дело рассматривается без участия обвинителя и защитника.

Если стороны на судебном разбирательстве в силу своего процессуального положения (обвинение и защита) исходят из определенных позиций, поддерживают свои требования, защищают свою точку зрения и т. д., то суд всегда сохраняет свою объективность, беспристрастность, непредвзятость, выслушивает соображения сторон, проверяет все данные дела, с тем чтобы свое слово сказать лишь в приговоре, который суд выносит на основании своего свободного, сложившегося в результате рассмотрения всех обстоятельств дела, внутреннего убеждения.

Как было указано выше, все вопросы, возникающие в процессе судебного разбирательства дела, решает суд, т. е. судебная коллегия, состоящая из трех лиц. Исключение Указом Президиума Верховного Совета СССР 10 августа 1940 г. установлено только для дел о прогулах без уважительных причин и о самовольном уходе с предприятий и из учреждений (Указ Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1940 г.), которые рассматриваются единолично народным судьей.

Судебное заседание ведет председатель суда, которому принадлежит руководящая роль и на которого закон возлагает обязанность управлять ходом судебного заседания, устранять из судебного следствия все, не имеющее отношения к делу, и направлять судебное следствие в сторону, наиболее способствующую правильному разрешению дела (ст. 257 УПК). Но все действия на судебном заседании председатель суда производит от лица суда в целом, и все возникающие на суде процессуальные вопросы (о порядке и объеме исследования дела, вызове свидетелей, разрешении ходатайств сторон и т. д.) разрешает суд в целом.

Управление председателем ходом судебного заседания не означает, что председатель самолично производит все допросы и исследования доказательств. Как будет видно из дальнейшего, это лежит не на председателе суда, а на прокуроре — государственном обвинителе. Председатель руководит ходом судебного заседания, т. е. дает соответствующие распоряжения и в соответствии с законом и установленным судом порядком предоставляет сторонам совершать все те процессуальные действия, из которых складывается судебное рассмотрение дела (допросы, возбуждение ходатайств и т. д.).

§ 5. Обвинитель

В качестве обвинителя на суде выступает прокурор, а также представители общественных организаций и ведомственных инспекций по делам их ведения; иные лица могут допускаться в качестве обвинителей по специальному определению суда; потерпевший может выступать в качестве обвинителя по делам частного обвинения (ст. 50 УПК).

Все эти лица могут быть разбиты на три группы:

1) государственные обвинители (прокурор);
2) общественные обвинители;
3) частные обвинители (потерпевший).

Так как процессуальное положение общественного обвинителя в основном совпадает с положением государственного обвинителя, а о потерпевшем будет сказано в дальнейшем особо, здесь мы установим права и функции государственного обвинителя, так как именно его положение на судебном рассмотрении и отношение к обвиняемому является характерным для состязательной стадии процесса — судебного разбирательства.

Поддержание на суде обвинения является важнейшей функцией прокуратуры и находится в теснейшей связи с другими отраслями прокурорской работы. Осуществление надзора за соблюдением революционной социалистической законности, составляющее основную задачу прокуратуры, связано с борьбой с нарушителями советских законов, с уголовным преследованием их и изобличением перед судом в тех случаях, когда нарушение закона составляет уголовное преступление. Отсюда — полномочия прокурора по возбуждению уголовных дел, по надзору за расследованием преступлений и по поддержанию на суде государственного обвинения. Именно в этой последней форме — в форме поддержания на суде государственного обвинения — достигает своей высшей точки конкретная деятельность прокурора в области борьбы за социалистическую законность. После того как возбуждено уголовное дело и тщательно проведенное под контролем прокурора расследование подтвердило основательность обвинения, прокурор с публичной трибуны государственного обвинителя в обстановке гласного судебного процесса

перед широкой судебной аудиторией поддерживает обвинение на суде, разоблачает перед судом и общественностью преступника, врага народа или дезорганизатора социалистического общежития. Прокурор является государственным обвинителем, поддерживающим государственное обвинение; это значит, что прокуратура есть государственный орган, что свою обвинительную деятельность она осуществляет от лица государства.

Положение государственного обвинителя—прокурора—на суде отличается от его положения до суда. До суда прокурор является единоличным распорядителем предварительного расследования. В стадии же судебного разбирательства он — сторона в процессе и находится в подчинении и под контролем суда.

Основная функция государственного обвинителя — поддержание перед судом обвинения. Под поддержанием обвинения подразумевается доказывание суду обоснованности обвинения подсудимого, участие на судебном следствии в проверке всех проходящих перед судом доказательств, анализ всех данных и требование применения меры наказания в обвинительной речи во время прений сторон. Функция государственного обвинителя — обвинительная, и иной она быть не может, так как если бы государственный обвинитель не считал обвинение правильным и обоснованным, он не передал бы дела в суд. Иными словами, обвинитель приходит в суд для того, чтобы обвинять, и всякие попытки представить государственного обвинителя как некоего объективного исследователя, с равным усердием приводящего суду доводы как против подсудимого, так и в его защиту, находятся в резком противоречии с действительными функциями прокурора на суде. Прокуратура в первую очередь заинтересована в охране советского правопорядка и в обезвреживании действительных преступников; все обстоятельства как против обвиняемого, так и в его пользу прокуратурой исследованы (через следователя) на предварительном расследовании, так что прокурор передает дело в суд и выступает на суде лишь тогда, когда разбор всех обстоятельств дела привел его к выводу о достаточной обоснованности обвинения. В этом смысле приходится говорить о прокуроре как об обвинителе.

Но обвинительная деятельность советского прокурора — поддержание им обвинения на суде — не есть какая-то изолированная функция прокуратуры, осуществляемая в отрыве от других ее функций. Наоборот, все функции прокуратуры находятся в неразрывной, органической связи. Поддержание прокурором обвинения на суде есть одна из форм деятельности прокурора по охране социалистической законности, и эта функция прокуратуры не может быть отделена от общих задач прокуратуры как органа охраны социалистической законности.

Эта органическая, неразрывная связь всех функций, всех отраслей деятельности, всех методов работы является характерной чертой советского прокурора и придает ему облик деятельного и стойкого борца за социалистическую законность, располагаю-

щего широкими полномочиями в области осуществления своих задач и несущего высокую ответственность за всю свою деятельность. Это же придает определенный характер и выступлению прокурора на суде в качестве государственного обвинителя.

Исходя из этого и определяются роль и содержание обвинительной деятельности советской прокуратуры, которая никогда не строится в односторонием обвинительном разрезе, характерном для прокуратур буржуазных стран.

Обвинительной деятельности советской прокуратуры органически чужды те ультраобвинительные установки, которые характерны для французской прокуратуры, послужившей образцом при организации прокуратур других буржуазных стран. А. И. Герцен дал поистине классическое изображение обвинительной деятельности французского прокурора, сохраняющее свое значение и поныне. Герцен писал: «Неумеренная любовь раскрывать истину, добираться до подробностей в делах уголовных, преследовать с ожесточением виноватых, сбивать их, — все это *чисто-французские* недостатки; судопроизводство для них — кровожадная игра, вроде травли для испанцев. Прокурор, как ловкий торреадор, унижен, ежели травимый зверь уцелеет» [1].

Конечно, советский прокурор на суде — обвинитель и именно обвинитель, обязанный проявлять максимальную бдительность во всей своей работе, максимальную настойчивость в изобличении и обвинении врагов народа и дезорганизаторов социалистического строительства. Советский прокурор — орган борьбы со всякими посягательствами на мощь и крепость диктатуры пролетариата, социалистического государства рабочих и крестьян. Советская прокуратура — острое и действенное орудие пролетарской диктатуры и иной она быть не может. Но советский прокурор — прежде всего блюститель социалистической законности, и это определяет направление и содержание всех областей его деятельности.

Отсюда вытекают следующие принципы, характеризующие выступление на суде советского прокурора в качестве государственного обвинителя. Поддерживая на суде государственное обвинение в отношении преданных суду лиц, прокурор настаивает на осуждении и наказании тех лиц, виновность которых доказана с несомненностью, все свои действия направляет к тому, чтобы помочь суду вынести правильный, справедливый приговор.

Ни в какой мере не соответствует роли и задачам советского прокурора применение таких приемов, как искусственный подбор доказательств, одностороннее их освещение и т. п. Такая линия противоречит роли прокурора в стадии судебного разбирательства как помощника суда и вообще функциям советской прокуратуры, которая заинтересована в пресечении действительно преступных действий и в применении репрессивных мер к действи-

---

[1] Герцен, Былое и думы, ч. II, 1932, стр. 119.

тельным преступникам. А это определяет и положение прокурора на суде: поддерживая перед судом обвинение, изыскивая данные обвинительного порядка и участвуя в проверке всех доказательств на судебном следствии под углом зрения обвинения, прокурор представляет суду всю фактическую сторону дела в ее действительном содержании и вскрывает перед судом и следящими за процессом гражданами все действительное общественное значение рассматриваемого дела, не извращая фактов, не подбирая данных дела односторонне и предвзято. В силу этого в случаях, когда материалы судебного следствия опровергают обвинение, прокурор не может спорить против очевидности и должен отказаться от обвинения. Равно не может прокурор настаивать на формулировке обвинительного заключения, если данные судебного следствия ее в какой-либо мере изменили.

Один из культурнейших дореволюционных русских юристов, А. Ф. Кони, определял прокурора, поддерживающего на суде обвинение, как «говорящего публичного судью»[1]. Кони говорил, что прокурор «не должен ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значение доказательств и улик или важности преступления». Кони должен был с грустью констатировать, что в действительности крайне редко встречались прокуроры, соответствовавшие этому типу «говорящего публично судьи». Иначе и быть не могло в царском суде, но сама мысль Кони была верна и ценна. Несомненно прокурор (советский прокурор), будучи государственным обвинителем, является активным участником правосудия, в правильном осуществлении которого он заинтересован не менее, чем суд. В этом отношении у него общие с судом задачи.

В сопоставлении с этими широкими и культурными задачами советского обвинения особо интересны положения итальянского фашистского уголовно-процессуального кодекса 1931 г., который, конструируя прокуратуру в уголовном процессе только как сторону обвинения, возлагает на нее заботу только об обвинении и запрещает ей предпринимать какие бы то ни было шаги в направлении защиты интересов обвиняемого. Так, кодекс лишает прокурора права требовать освобождения обвиняемого из-под стражи, хотя бы содержание под стражей являлось незаконным и необоснованным. Автор кодекса, бывший министр юстиции А. Рокко, в объяснительной записке к проекту кодекса писал: «Право требовать предоставления предварительной свободы (т. е. освобождения обвиняемого из-под стражи до суда.— *М. С*) не принадлежит более прокурору, за отсутствием у него для этого надлежащего интереса».

Выступая на суде, обвинитель принимает участие в разборе

---

[1] А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. I, стр. 103—104. Статья «Приемы и задачи обвинения».

дела во всех его этапах — в подготовительной стадии, на судебном следствии и в прениях сторон.

В подготовительной стадии (при рассмотрении ходатайств сторон, разрешении вопроса о возможности слушания дела при наличных явившихся в суд обвиняемых и свидетелях и т. д.) роль обвинителя сводится главным образом к тому, чтобы обеспечить полноту предстоящего судебного следствия, давая заключения по всем возникающим вопросам и возбуждая ходатайства о приобщении и истребовании новых доказательств, вызове новых свидетелей и т. д.

Здесь особенно должно быть подчеркнуто требование, чтобы прокурор в своих заключениях и выступлениях строго соблюдал процессуальные законы, не допуская от них отступления. Важнейшие вопросы судебного разбирательства — о составе суда, об отводах, о возможности заочного рассмотрения дел (в отсутствие обвиняемого), о своевременности вручения обвиняемому обвинительного заключения и т. д. — регламентированы Уголовно-процессуальным кодексом, и прокурор обязан обеспечивать соблюдение требований закона, в соответствии с которым он и должен давать свои заключения.

В судебной практике отмечается, что иногда прокурор неодобрительно относится к ходатайствам обвиняемых и защитников о вызове новых свидетелей, истребовании новых доказательств, усматривая в этом как бы упрек, недоверие по адресу предварительного расследования, проведенного под надзором и руководством прокурора. Разумеется, огульно-отрицательное отношение прокурора к ходатайствам противной стороны недопустимо. Решительно пресекая все попытки искусственно осложнить, затянуть разбор дела, свести его с правильного пути (что тоже иногда имеет место), прокурор в то же время должен очень серьезно и вдумчиво подходить к разрешению всех вопросов, касающихся процессуальной стороны разбора дела. За так называемое процессуальное упрощенчество (нарушение процессуальных норм, неправильное сужение рамок судебного следствия и т. д.) ответственность несет не только председатель суда, но не в меньшей мере и выступающий на суде прокурор, если эти нарушения происходят с его согласия или хотя бы при отсутствии возражений с его стороны.

Судебное следствие — это основная стадия, на которой должны быть сосредоточены максимальное внимание, максимальные усилия прокурора по поддержанию обвинения. Детальное, тщательное исследование каждого доказательства, выяснение всех существенных обстоятельств дела, разоблачение преступника, выявление личности подсудимого и мотивов его действий и т. д., — все это лежит на судебном следствии, в основном на прокуроре.

Иногда встречается глубоко ошибочное представление, что главная роль прокурора в прениях сторон, в обвинительной речи, ведение же судебного следствия — дело председателя суда.

Разумеется, руководство судебным следствием, как и всем ходом процесса на суде, лежит на председателе суда (ст. 257 УПК), но правильная конструкция судебного следствия будет достигнута тогда, когда именно прокурор будет анализировать и демонстрировать перед судом собранный по делу обвинительный материал. Иначе может получиться неправильное взаимоотношение председателя суда и прокурора. Если председатель будет принимать на себя лично допрос всех обвиняемых и свидетелей, то для него есть опасность занять на судебном следствии обвинительную позицию, как бы поставить себя на место прокурора. Далее, ошибочно думать, что только в обвинительной речи может быть освещено общественное значение дела. В действительности именно судебное следствие в процессе исследования всех доказательств шаг за шагом вскрывает все существо, все значение дела, выявляет роль отдельных лиц, создает яркую и выразительную картину всего дела. Обвинительная речь прокурора имеет громадное значение, но она целиком предопределена итогами судебного следствия. Поэтому самая блестящая речь прокурора будет лишена всякого значения, всякого эффекта, если ей предшествовало бледное, поверхностное, бессодержательное судебное следствие.

Совершенно ясно, что все требования, которые Ленин предъявлял к прокурору (см. стр. 74), в полной мере относятся к позиции и поведению прокурора на судебном следствии. Поэтому на судебном следствии от прокурора требуется бдительность, решительность, активность и настойчивость, но опять-таки обязательно — умеренность, культурность. Совершенно недопустимым для советского прокурора является сбивание обвиняемых и свидетелей, дергание и «подлавливание» их на слове, неумеренные пререкания с защитой и т. д. Кроме отрицательного результата как для существа дела, так и в отношении общественного эффекта разбора дела, от таких приемов ничего получиться не может.

И наконец, последний этап участия прокурора на судебном разбирательстве—прения сторон, т. е. о б в и н и т е л ь н а я р е ч ь прокурора. Задачи и содержание речи прокурора на суде в основном заключаются в следующих моментах: 1) анализ фактических данных дела, как они установлены судебным следствием, разбор проверенных на судебном следствии доказательств и выводы из них в смысле установления тех или иных обстоятельств, относящихся к событию и обстановке преступления и виновности подсудимого; 2) общественно-политическая характеристика дела, оценка социальной опасности преступления и характеристика личности подсудимого; 3) уголовно-правовые выводы из установленных фактических обстоятельств дела, т. е. квалификация преступления и указание подлежащей применению меры уголовного наказания.

Подобное определение последовательности рассматриваемых в обвинительной речи моментов носит, конечно, в значительной мере условный, ориентировочный характер. В одних случаях

общественно-политической характеристикой дела речь обвинителя может начинаться, в других случаях ею заканчиваться, а чаще эти моменты переплетаются на всем протяжении обвинительной речи. Определенной схемы здесь дать нельзя; в основном здесь решающую роль играют особенности каждого дела, личные навыки каждого обвинителя и т. д. Но обязательным является то положение, чтобы все три момента речи обвинителя находились в неразрывной, органической связи, друг друга подкрепляли и друг из друга вытекали. Поэтому самым решительным образом должны быть признаны недопустимыми иногда встречающиеся на практике явления разрыва «политической» и «фактической» частей речи обвинителя, когда в речи подробно даются общие политические соображения и утверждения, вообще может быть и верные, но которые никак не увязываются с конкретными фактическими обстоятельствами данного дела, не вытекают из них, не подкрепляются ими.

Задача обвинения на суде — осветить обстоятельства дела не только суду, но и общественности, следящей за ходом процесса. Поэтому речь обвинителя на суде является крайне существенной частью судебного выступления прокурора. Она имеет громадное мобилизующее значение, сосредоточивая внимание и активность широких трудящихся масс на борьбе с преступлениями, на устранении условий, способствующих возникновению этих преступлений. В этом главным образом и состоит общественно-политическое значение речи прокурора на суде. Но для этого она всегда должна быть обоснованной фактическими обстоятельствами рассматриваемого судом дела и не переходить в общие, не вытекающие из дела разглагольствования.

Что касается юридических выводов, которые прокурор делает в своей речи, то здесь должна быть указана и обоснована точная квалификация преступления (статья Уголовного кодекса) и указана мера наказания, подлежащая, по мнению прокурора, применению к обвиняемому, на признании виновности которого он настаивает. В общем должно быть признано нежелательным определение прокурором точных сроков отдельных мер наказания (лишения свободы, исправительно-трудовых работ). Правильным с нашей точки зрения является указание прокурором лишь вида меры наказания и степени ее тяжести или высшего или низшего ее предела, с тем чтобы точный размер наказания определял сам суд. Иначе прокурор как бы диктует суду приговор, а отступление суда от указанных прокурором твердых сроков, хотя бы и несущественное, часто воспринимается следящими за ходом процесса гражданами как разногласие суда и прокурора даже там, где этого разногласия по существу нет.

Таковы задачи и функции советского обвинителя на суде, как мы видели, очень сложные и ответственные, требующие от обвинителя высокой политической и юридической квалификации, большого умения и знания своего дела, большого такта и высо-

кой культурности. Лишь при наличии этих условий обвинитель сможет выполнить свою задачу — помочь суду правильно разрешить дело и обеспечить ему соответствующий общественный эффект. Наша судебная практика наряду с различными примерами неправильных, ошибочных действий обвинителей дает и образцы высокого качества постановки обвинения на суде, которые должны стать прочным достоянием, постоянным примером для всех наших кадров обвинителей.

В качестве наиболее ярких образцов можно привести постановку обвинения по таким делам, как дело о вредительстве на электрических станциях в СССР, рассмотренное специальным присутствием Верховного суда СССР в апреле 1933 г., дело троцкистско-зиновьевского террористического центра, дело троцкистского антисоветского центра, дело антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренные Военной коллегией Верховного суда Союза ССР.

§ 6. Подсудимый

Подсудимым называется обвиняемый с того момента, когда состоялось предание его суду. На судебном разбирательстве подсудимый является центральной фигурой, вокруг которой концентрируются внимание и усилия суда и сторон.

Положение обвиняемого на суде существенно отличается от его положения на предварительном следствии. На суде обвиняемый является стороной и в качестве таковой он принимает участие во всем ходе судебного следствия, в исследовании и проверке каждого доказательства. На предварительном следствии обвиняемый участвует в проверке доказательств только частично — в той мере, в какой это признает целесообразным следователь, и лишь при заключении следствия обвиняемый получает право знакомиться с собранным по делу доказательственным материалом. На судебном же разбирательстве каждое доказательство рассматривается и проверяется в присутствии обвиняемого и при его участии. Обвиняемый (подсудимый) может задавать вопросы как всем проходящим перед судом свидетелям и экспертам, так и другим подсудимым, участвовать в осмотре вещественных доказательств и давать суду объяснения по поводу показаний свидетелей, экспертов и других подсудимых в любой момент их допроса. Это делает подсудимого на суде активным участником рассмотрения дела, и в обязанность суда входит разъяснение подсудимому его процессуальных прав и обеспечение возможности их использования.

То, что выше было изложено относительно значения процессуальных прав обвиняемого (см. стр. 16 и след.), относится ко всем стадиям процесса, причем именно в стадии судебного разбирательства находит наиболее полное осуществление. Рамки судебного следствия и его план, объем подлежащего исследованию

на судебном следствии доказательственного материала определяются судом в зависимости от обстоятельств каждого конкретного дела, но установление этих рамок должно производиться с обязательным учетом возможности для подсудимого принять участие в исследовании всех обстоятельств дела и дать по ним объяснения.

Процессуальное упрощенчество, еще встречающееся в судебной практике, заключается в этой стадии процесса в том, что ходатайства подсудимого о вызове в суд свидетелей и об истребовании дополнительных документов иногда неосновательно отклоняются, рамки судебного следствия чрезмерно сужаются, свидетели, показания которых имеют значение для дела, на суде не допрашиваются, объяснения подсудимого заслушиваются бегло и суммарно и т. д. Как вытекает из всего вышеизложенного, подобные еще неизжитые случаи процессуального упрощенчества должны быть расцениваемы как нарушения социалистической законности и самым решительным образом устранены из нашей судебной практики.

Но этим не исчерпывается роль подсудимого на судебном разбирательстве. Положение подсудимого на суде значительно сложнее. Совокупность процессуальных прав подсудимого составляет лишь одну сторону вопроса. На суде подсудимый — сторона, но он же и лицо, о действиях которого ведется разбор дела, вопрос о виновности которого разрешается. Подсудимый — лицо, которое «судят».

Поэтому существенное место на судебном следствии занимает в нашем процессе д о п р о с п о д с у д и м о г о как средство выяснения существенных обстоятельств дела. Советский Уголовно-процессуальный кодекс не обязывает подсудимого на суде (равно как и обвиняемого на предварительном следствии) давать показания и не устанавливает для него ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу ложных показаний. Однако отказ подсудимого от дачи показаний почти не встречается в нашей судебной практике. Не только подсудимые трудящиеся, но и подсудимые классовые враги обычно дают суду показания достаточно полно и свободно.

В буржуазных уголовно-процессуальных системах допрос подсудимого также занимает существенное место, но там резкое противоречие между буржуазным классовым судом и подсудимым (в большинстве случаев из трудящихся, революционных деятелей и т. п.) часто приводит к резким формам своеобразного «единоборства» подсудимого с судом, к многочисленным эксцессам состязательной борьбы сторон.

Подчеркивая в нашем судебном процессе сложность положения подсудимого на суде, следует не менее определенно установить, что из этого вытекают требования, предъявляемые к суду, — обеспечивая детальное и тщательное исследование всех действий подсудимого всеми находящимися в распоряжении суда процессуальными средствами (в том числе и допросом подсу-

димого), в то же время дать подсудимому, как стороне в процессе, реальную возможность использовать предоставленные ему процессуальные средства защиты.

В качестве стороны в процессе подсудимый имеет следующие права: 1) возбуждать перед судом ходатайства о вызове свидетелей и экспертов и истребовании новых доказательств (ст. 272 УПК); этим правом обвиняемый пользуется и на предварительном следствии; 2) давать суду объяснения по каждому обстоятельству дела в течение всего судебного следствия (ст. 277 УПК); аналогичным правом обвиняемый пользуется и на предварительном следствии, но в стадии судебного разбирательства это право значительно шире и существеннее, так как подсудимый здесь уже знает все материалы дела, и все доказательства по делу (свидетели, эксперты и пр.) проходят перед ним так же, как и перед судом и обвинителем; 3) участвовать в допросе свидетелей, экспертов и других подсудимых и вообще в проверке всех доказательств, собранных по делу (ст. 277 УПК); 4) участвовать в прениях сторон (если в процессе не выступает защитник и подсудимый защищает себя сам); 5) пользоваться последним словом перед совещанием суда о приговоре.

§ 7. Защитник

Особое положение на судебном разбирательстве занимает защитник подсудимого. На предварительном следствии защитник по действующему закону не допускается, и обвиняемый выступает перед следователем без всяких посредствующих звеньев. На судебном же разбирательстве допускается специальное лицо, защищающее подсудимого. Право обвиняемого иметь защитника является гарантией, установленной для обвиняемого ст. 111 Конституции СССР и ст. 8 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик.

Защитник участвует на суде либо по приглашению обвиняемого (подсудимого), либо по назначению его судом по просьбе обвиняемого. Закон устанавливает два случая о б я з а т е л ь н о г о у ч а с т и я з а щ и т н и к а: 1) по делам, в которых участвует обвинитель, и 2) по делам, где подсудимыми являются глухие, немые и вообще лица в силу различных физических недостатков лишенные способности правильно воспринимать те или иные явления (ст. 55 УПК). В этих случаях участие защитника на судебном разбирательстве обязательно, и обязанность обеспечить подсудимому защитника лежит на самом суде. Однако, если в деле и участвует обвинитель (государственный или общественный), но подсудимый отказывается от защитника, то это не влечет за собой устранение обвинителя от участия в деле.

Необходимо иметь в виду категорический и безусловный характер этих требований об обязательности участия защитника в указанных двух случаях. Рассмотрение судом дела в отсутствие

защитника в этих случаях влечет за собой обязательную отмену приговора в кассационном порядке п. 4 ст. 415 УПК, см. также стр. 284). Далее закон (ст. 251 УПК) устанавливает, что для двух или более подсудимых по одному и тому же делу может быть назначен один защитник лишь в том случае, когда защита одного не противоречит защите другого. В противном случае для каждого подсудимого должен быть назначен особый защитник. Следовательно, не может быть назначен один общий защитник для двух и более подсудимых, если один подсудимый дает уличающие показания в отношении другого, отрицающего эти показания, или если признание одного подсудимого невиновным может повлечь усиление ответственности другого и т. д. Назначение в этих случаях общего защитника двум и более подсудимым означало бы, что один из подсудимых фактически остался бы без защитника.

В остальных случаях участие защитника необязательно, но в случаях ходатайства подсудимого суд должен допустить избранного им защитника или назначить защитника через коллегию адвокатов, если подсудимый сам защитника не избрал. Согласно постановлению ЦИК СССР 1 декабря 1934 г., дела о террористических организациях и террористических актах слушаются без участия обвинителя и защитника.

Относительно прав и функций защитника на суде надлежит установить следующие положения. Основная функция защитника в советском уголовном процессе заключается в содействии суду в исследовании обстоятельств дела под углом зрения защиты прав и интересов подсудимого. Защитник — помощник суда в собирании и проверке доказательств в пользу подсудимого, для обеспечения всесторонности и правильности разрешения дела по существу. Таковы отношения защитника и суда. Взаимоотношения же защитника и подсудимого заключаются прежде всего в том, что защитник является в известном смысле консультантом, «советчиком» подсудимого, помогающим ему наиболее полно использовать его процессуальные права. По существу функции защитника по отношению к подсудимому состоят в оказании подсудимому юридической помощи на суде.

Таким образом, функции защитника можно определить как помощь суду в наиболее правильном и всестороннем разборе дела и как юридическую помощь подсудимому при использовании им предоставленных ему законом процессуальных прав. Вместе с тем защитник является представителем подсудимого на суде. Эта роль защитника должна сочетаться с указанными выше его функциями. Несомненно, защитник является представителем подсудимого в том смысле, что он выступает перед судом по полномочию подсудимого, защищает его интересы и совершает ряд действий от имени подсудимого. Но это далеко не исчерпывает всего содержания функций защитника на суде.

Функция защиты — публичная, общественная; независимо от

того, выступает ли защитник по назначению суда или по выбору самого подсудимого, права и обязанности защитника по отношению как к суду, так и к подсудимому, остаются одинаковыми. Защищая подсудимого, защитник тем самым оказывает помощь суду в том, чтобы избежать возможных ошибок при производстве дела,—такова роль и обязанность советского защитника. Поэтому защитник в отношении своих действий на суде не связан целиком волей своего подзащитного и определяет свою линию защиты так, как это считает соответствующим задачам советской защиты.

Может ли защитник говорить суду неправду, утверждать то, чего заведомо нет в действительности, и отрицать то, что в действительности имеет место? Ответ на этот вопрос совершенно ясен и определенен: нет, не может, «право на ложь» защиты в советском уголовном процессе категорически исключается. Такая самостоятельность защитника в отношении подсудимого не должна быть понимаема так, что защитнику вообще безразлична позиция его подзащитного. Коллизия позиций защитника и его подзащитного может привести фактически к тому, что подсудимый на суде останется без защитника, а это во всяком случае недопустимо. Поэтому самостоятельность и ответственность защитника на суде должны содействовать правильности построения защиты по данному делу, но не могут и не должны означать прямого или косвенного, открытого или замаскированного отказа защитника от защиты.

Отсюда вытекает второй вопрос: может ли защитник отказаться от защиты, как обвинитель от обвинения? На этот вопрос следует ответить также отрицательно. Защитник не может отказаться от выступления на суде по тем мотивам, что «в деле нет материалов для защиты». Он не может отказаться и от защитительной речи в прениях по тем мотивам, что обвинение доказано, а смягчающих обстоятельств нет. Такая «перебежка» защитника на сторону обвинения суду помощи оказать не может, а только дискредитирует советскую защиту и дает крайне отрицательный эффект. Для добросовестного защитника дело не в том, чтобы отказаться от защиты, а в том, чтобы найти верную линию защиты и обеспечить, чтобы ни одно обстоятельство дела, говорящее в пользу подсудимого, не осталось невыясненным для суда. Примеры выступлений защиты по роду серьезнейших процессов показывают, что добросовестный защитник всегда найдет материал для защиты, не искажая обстоятельств дела и действительно помогая суду.

Поэтому никак нельзя признать правильным положение Уголовно-процессуального кодекса Узбекской ССР 1929 г. о том, что если защитник на основании судебного следствия придет к выводу об отсутствии данных для защиты, он должен отказаться от защиты (ст. 126). Никакой аналогии с обязанностью обвинителя отказаться от обвинения, если он придет к выводу о необоснованности этого обвинения, здесь нет.

Несомненно удачным представляется утверждение по этому вопросу германского процессуалиста Цу-Дона: «Защита виновного остается достойной задачей; преследование невинного, наоборот, было бы преступлением» [1].

Процессуальные права защитника во многом совпадают с правами самого подсудимого: ознакомление с материалами дела, возбуждение ходатайства, участие в допросах и проверке всех доказательств. Однако подсудимый не лишается возможности использования этих прав самостоятельно и независимо от защитника.

Некоторые же права подсудимого могут использоваться исключительно им самим, не переходя к защитнику: право давать объяснения суду, право последнего слова. Участие в прениях сторон осуществляется подсудимым, если по делу нет защитника и подсудимый защищает себя сам; при наличии же защитника в прениях участвует только защитник. Роль защиты в советском процессе, как видно из изложенного, очень существенна и имеет громадное значение.

В советском процессе защита выполняет почетную роль, выполняет ответственную общественную обязанность государственного значения.

Сталинская Конституция установила право обвиняемого на защиту как конституционный принцип (ст. 111 Конституции), в соответствии с чем Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, право обвиняемого на защиту устанавливает как руководящий принцип осуществления социалистического правосудия. Соответственно этому, роль защиты в советском уголовном процессе усиливается и возрастает.

В буржуазном уголовном процессе в ряде государств определенно проявляется линия на сужение роли защиты в уголовном процессе; например, в Италии по уголовно-процессуальному кодексу 1931 г. защита устранена из предварительного следствия и сужено ее участие в суде.

В Германии указом о мерах в области судоустройства и судопроизводства 1 сентября 1939 г. участие защиты признается обязательным при рассмотрении уголовных дел в некоторых высших судах и в случаях, когда обвиняемому угрожает применение мер безопасности, помещение в лечебное или работное учреждение или кастрация, а также если обвиняемый глух или нем. В остальных случаях защита допускается, если это необходимо ввиду тяжести деяния или сложности дела, т. е. по усмотрению суда.

§ 8. Потерпевший

Участие на судебном разбирательстве потерпевшего может происходить в трех формах: 1) в качестве обвинителя по делам частного обвинения; 2) в качестве гражданского истца, если пре-

---

[1] Graf zu Dohna, Das Strafprozessrecht, 1929, стр. 68.

ступными действиями подсудимого ему причинен материальный ущерб; 3) в качестве свидетеля во всех остальных случаях.

В качестве обвинителя по делам частного обвинения и гражданского истца потерпевший пользуется всеми правами стороны, т. е. участвует в проведении судебного следствия, допросах подсудимых и свидетелей, прениях сторон.

Об участии гражданского истца в уголовном процессе было подробно сказано в гл. IV (стр. 94 и след.).

Если на суде в качестве гражданского истца или обвинителя по делу частного обвинения выступает сам потерпевший лично, он наряду с использованием им всех прав стороны (присутствие на всем протяжении судебного разбирательства, задавание вопросов подсудимым и свидетелям, участие в прениях сторон и т. д.) в то же время допрашивается на судебном следствии в качестве свидетеля (примечание к ст. 284 УПК). Если же на суде потерпевший — гражданский истец или обвинитель по делу частного обвинения — выступает через своего представителя, непосредственное его участие в судебном разбирательстве выражается в даче им показания в качестве свидетеля. Потерпевший — обвинитель по делу частного обвинения на судебном разбирательстве поддерживает обвинение всеми теми процессуальными средствами, которые Уголовно-процессуальный кодекс представляет обвинителю. Потерпевший же гражданский истец, выступающий на суде лично или через своего представителя, участвует в исследовании тех обстоятельств, которые связаны с обоснованием гражданского иска, и, следовательно, как на судебном следствии, так и в прениях сторон не может выходить за рамки гражданского иска, не может брать на себя функцию обвинителя (например не может требовать применения к подсудимому меры наказания).

Во всех остальных случаях потерпевший является только свидетелем и его положение в процессе ничем ни по существу, ни формально не отличается от функций свидетеля.

§ 9. Объем судебного разбирательства

Построение судебного разбирательства на принципе состязательности не устраняет планового начала в построении этой стадии процесса.

Применительно к данной стадии это плановое начало выражается в необходимости четкого определения круга вопросов, подлежащих рассмотрению, и материала, подлежащего исследованию на судебном следствии. О самом построении судебного разбирательства будет сказано ниже, сейчас же укажем лишь на объем этой стадии процесса.

Прежде всего следует определить в общем виде соотношение объемов судебного разбирательства и предшествующей стадии предварительного следствия.

В уголовном процессе судебное разбирательство по объему обычно бывает более узким, сжатым, чем предварительное следствие. Предварительное следствие собирает все материалы, исследует все доказательства, относительно которых есть какие-либо указания на то, что они могут иметь существенное значение для дела. Далее, предварительное следствие проверяет по делу все возможные версии и в результате отбрасывает одни как неподтвердившиеся и останавливается на других, подкрепленных всеми обстоятельствами дела. Иными словами, предварительное следствие почти всегда заключается не только в собирании доказательств, но и в их отсеивании, с тем чтобы в конце концов остановиться на определенном круге проверенного доказательственного материала.

Судебное разбирательство не должно повторять всей этой черновой работы предварительного следствия; его задача заключается в судебном исследовании лишь тех обстоятельств дела, которые в результате предварительного следствия оказались существенными для правильного разрешения основного вопроса всякого уголовного дела — о преступности действий и виновности обвиняемого, о его ответственности.

Лишь те материалы предварительного следствия, которые относятся к этому вопросу, подлежат исследованию на судебном разбирательстве. Весь же остальной материал, собранный предварительным следствием в порядке отыскивания нитей преступления и выяснения правильных путей для разрешения дела (в смысле ориентировки следователя в обстоятельствах расследуемого дела), может быть исключен из сферы рассмотрения в стадии судебного разбирательства. Механическое повторение на судебном разбирательстве всех следственных действий предварительного следствия означало бы загромождение судебного разбирательства излишним балластом, которое не только не содействует правильности разрешения дела по существу, но создает лишь волокиту и затяжку судебного разбирательства.

Но этот вопрос имеет и обратную сторону. Судебное разбирательство вовсе не является придатком к предварительному следствию. Это — важнейшая стадия уголовного процесса, так что она должна быть построена таким образом, чтобы перед судом была воспроизведена вся картина преступления и чтобы у суда создалось ясное и целостное впечатление от всей совокупности обстоятельств дела. Следовательно, недопустимо сужение судебного разбирательства путем перенесения центра тяжести на предварительное следствие.

В соответствии с принципами устности и непосредственности процесса суд основывает свой приговор только на тех данных дела, которые были рассмотрены на судебном следствии (ст. 319 УПК РСФСР). Поэтому судебное следствие должно быть полным и всесторонним, и все те доказательства, которые могут быть положены в основу приговора, должны быть проверены на суде с участием сторон.

Поэтому только действительно не относящиеся к делу факты и обстоятельства могут быть устранены из сферы судебного разбирательства, все же данные, которые в какой-либо мере могут быть использованы в целях обвинения или защиты, обязательно должны фигурировать на судебном разбирательстве дела.

Фактически вопрос об объеме судебного разбирательства находится в прямой связи с вопросом определения круга свидетелей и экспертов, подлежащих вызову в суд. В значительной мере этот вопрос разрешается в зависимости от конкретных обстоятельств каждого отдельного дела. Общий же принцип может быть сформулирован так: на судебное заседание должны быть вызваны те лица — свидетели и эксперты, чьи показания и заключения освещают существенные обстоятельства дела и способствуют всестороннему и полному рассмотрению дела в суде. В частности это значит: 1) что на судебное заседание должны быть вызваны как свидетели, дающие показания, уличающие подсудимого или отягчающие его обвинение, так и свидетели, оправдывающие подсудимого, говорящие в его пользу; 2) что на судебное заседание должны быть вызваны свидетели, показания которых противоречат друг другу или показаниям подсудимого; 3) что на судебное заседание должны быть вызваны свидетели, на показаниях которых основано предъявленное подсудимому обвинение.

§ 10. Построение судебного разбирательства

Стадия судебного разбирательства делится на следующие части: 1) подготовительная часть судебного заседания; 2) судебное следствие; 3) прения сторон; 4) последнее слово подсудимого; 5) вынесение приговора.

Подготовительная часть

Эта часть судебного разбирательства заключается в выполнении судом и сторонами определенных действий, имеющих целью обеспечить полное и правильное проведение судебного следствия.

Эти действия производятся в определенном процессуальном порядке, располагаются в определенной системе и связаны с рассмотрением и разрешением ряда процессуальных вопросов, представляющих процессуальные предпосылки для следующей части судебного разбирательства — судебного следствия, т. е. рассмотрения судом всех собранных по делу доказательств.

Рассмотрим в отдельности все составляющие подготовительную часть судебного заседания процессуальные формы в их последовательности.

1. Объявление председателем суда судебного заседания открытым. При этом председатель объявляет, какое дело слушается, т. е. по обвинению каких именно лиц и в каких преступлениях (ст. 262 УПК).

2. Установление наличия сторон и их представителей. Председатель суда удостоверяется, явились ли подсудимый, его защитник, обвинитель, гражданский истец.

Неявка подсудимого на судебное рассмотрение влечет за собой отложение дела слушанием, причем от суда зависит сделать распоряжение о приводе подсудимого (т. е. о его принудительном доставлении в суд), а также вынести определение об усилении меры пресечения или о назначении таковой, если она ранее не была принята. По делам о преступлениях, за которые грозит наказание в виде лишения свободы, суд может рассмотреть дело заочно, т. е. в отсутствии подсудимого, только при наличии одного из следующих двух условий: а) при прямо выраженном согласии подсудимого; б) если доказано, что подсудимый уклонился от вручения ему повестки о вызове в суд или скрывается от суда (ст. 265 УПК).

Согласие подсудимого на заочное рассмотрение его дела должно быть добровольным и выраженным в форме, не вызывающей сомнения в достоверности этого согласия (личное заявление подсудимого судье, заносимое в протокол, подписываемый подсудимым и судьею, письменное заявление с заверенною подписью подсудимого и т. д.). Уклонение подсудимого от суда также должно быть доказано и удостоверено (например официальное сообщение администрации места лишения свободы о побеге подсудимого). В ряде случаев доказательством того, что подсудимый скрывается от суда, является нарушение подписки о невыезде, когда подсудимый без разрешения следователя или суда выехал из того места, о невыезде из которого он дал подписку (в качестве меры пресечения). Однако не всякое нарушение подсудимым подписки о невыезде является достаточным для того, чтобы признать его скрывшимся от суда и слушать в отношении его дело заочно. Если подсудимый, нарушив подписку о невыезде, выехал из места своего жительства в другое по личным или служебным обстоятельствам, и это место известно, то хотя он и нарушил принятые на себя обязательства, выехав без разрешения следователя или суда, это нарушение является основанием лишь для того, чтобы подписку о невыезде заменить другой, более строгой мерой пресечения (ст. 149 УПК), но не для заочного рассмотрения дела.

Нарушение подписки о невыезде является основанием для заочного рассмотрения дела в тех случаях, когда само это нарушение произведено подсудимым в таких условиях, которые с несомненностью устанавливают намерение подсудимого уклониться от суда (например, если подсудимый выехал, скрыв место своего нового пребывания).

Уклонение подсудимого от суда может повлечь за собой

заочное рассмотрение о нем дела, если он скрылся после окончания предварительного следствия (т. е. по выполнении ст. 206 УПК). Если же обвиняемый скрылся во время предварительного следствия, следствие приостанавливается до его розыска (ст. 202 УПК).

Следует иметь в виду, что заочное рассмотрение дела в отношении подсудимого, даже при наличии указанных выше законных условий, может иметь место только в исключительных случаях. Отсутствие на суде того лица, действия которого подвергаются рассмотрению, обычно влечет за собой неполноту судебного следствия и невозможность для суда составить себе точное представление о личности подсудимого.

Поэтому, в случае уклонения подсудимого от суда, как правило, должен применяться привод и усиление меры пресечения, а не заочное рассмотрение дела.

Согласно тексту ст. 265 Уголовно-процессуального кодекса, по делам, по которым не может быть применено лишение свободы, явка подсудимого необязательна и неявка его при условии своевременного извещения о судебном заседании является основанием для заочного рассмотрения дела.

Это положение было связано с существовавшим в первоначальной редакции Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и ныне отмененным порядком особого производства о заочных приговорах (ст. ст. 351—359).

Статьи 351—359 Уголовно-процессуального кодекса первоначальной редакции предусматривали такой порядок. Если по делу, по которому лишение свободы, согласно Уголовному кодексу, не может быть применено, подсудимый на суд не явился, суд рассматривает дело заочно и о вынесении заочного приговора сообщает подсудимому. Последний же может представить суду свои объяснения о причинах неявки; если суд признает эти причины уважительными, он заново рассматривает дело в судебном заседании с участием подсудимого, а первоначальный приговор (заочный) теряет свою силу. Поскольку этот порядок сейчас не действует, так как ст. ст. 351—359 Уголовно-процессуального кодекса отменены и обжалование заочного приговора может иметь место лишь в кассационном порядке, следует признать, что в отношении условий заочного рассмотрения дел не должно быть никакой разницы между делами о преступлениях, за которые может быть применено лишение свободы, и делами о преступлениях, за которые лишение свободы применяться не может. Мы считаем, что по всем делам, независимо от тяжести грозящего подсудимому наказания, судебное разбирательство должно происходить в присутствии подсудимого, а в отсутствии подсудимого может допускаться, как указано выше, лишь при наличии одного из следующих условий: а) прямо выраженного согласия подсудимого на заочное рассмотрение дела;

б) уклонения подсудимого от вручения повестки или от суда.

Именно так, и совершенно правильно, решает вопрос Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР 1935 г. (ст. 85).

При неявке защитника он может быть заменен другим защитником при согласии подсудимого; если такая замена невозможна, дело откладывается слушанием. Откладывается дело слушанием и при неявке обвинителя. При неявке гражданского истца или его представителя гражданский иск устраняется от рассмотрения, а за потерпевшим сохраняется право заявить свой иск в порядке гражданского судопроизводства. При неявке потерпевшего по делам частного обвинения, по которым потерпевший является обвинителем (см. стр. 92), дело прекращается, но подсудимый вправе просить о рассмотрении дела по существу. В этом случае разбирательство дела является для суда обязательным (ст. ст. 268—270 УПК).

3. Проверка председателем личности подсудимых и своевременности получения ими копии обвинительного заключения. Председатель опрашивает каждого подсудимого и выясняет его фамилию, имя, отчество, возраст, занятие, прежнюю судимость и другие сведения, сверяя их с имеющимися в деле анкетными данными подсудимого (по обвинительному заключению или протоколу допроса на предварительном следствии), удостоверяясь тем самым, что явившееся или доставленное на суд лицо — тот самый подсудимый, который по настоящему делу предан суду. О своевременности вручения подсудимому копии обвинительного заключения председатель также удостоверяется путем опроса подсудимого, устанавливая точно время вручения (число, час) и сверяя ответ подсудимого с имеющимися в деле сведениями о вручении (расписка подсудимого). Ответ подсудимого о том, вручена ли ему копия обвинительного заключения и когда именно, обязательно заносится в протокол судебного заседания. Если копия обвинительного заключения подсудимому не вручена вовсе или вручена несвоевременно (менее чем за трое суток до суда), дело обязательно откладывается слушанием на соответствующий срок.

Правило Уголовно-процессуального кодекса о вручении подсудимому копии обвинительного заключения не менее чем за трое суток до суда носит категорический характер; при невручении или несвоевременном вручении копии обвинительного заключения дело должно быть отложено слушанием, если даже подсудимый не возражает против слушания дела. В практике иногда встречаются случаи, когда при невручении или несвоевременном вручении подсудимому копии обвинительного заключения, председатель судебного заседания спрашивает подсудимого, настаивает ли он на отложении дела, и если подсудимый соглашается на слушание дела без вручения или при несвоевременном вручении ему обвинительного заключения, дело продол-

жается слушанием. Такую практику по принципиальным основаниям следует признать абсолютно неправильной. Невручение или несвоевременное вручение подсудимому копии обвинительного заключения есть существенное нарушение закона (ст. 235 УПК РСФСР) и между судом и подсудимым не может быть никаких соглашений на тему о том, чтобы это нарушение не считать нарушением. По этим основаниям никак нельзя считать правильным порядок, устанавливаемый ст. 245 Уголовно-процессуального кодекса Украинской ССР и ст. 264 Уголовно-процессуального кодекса Белорусской ССР, согласно которым несвоевременность вручения подсудимому копии обвинительного заключения не служит препятствием к слушанию дела при согласии на то подсудимого.

4. Проверка председателем суда наличия вызванных свидетелей и экспертов и разрешение судом вопроса о возможности слушания дела при отсутствии тех или иных вызванных свидетелей и экспертов. Если некоторые из вызванных свидетелей и экспертов на суд не явились, председатель выясняет причины неявки (вручены ли им повестки о вызове в суд, есть ли сообщение неявившихся свидетелей и экспертов о невозможности для них явиться в суд и т. д.).

После этого председатель спрашивает стороны (обвинителя, гражданского истца, подсудимого, защитника), считают ли они возможным слушать дело в отсутствие неявившихся свидетелей и экспертов или настаивают на отложении дела. Выслушав мнение сторон, суд решает вопрос о возможности слушания дела. Решение этого вопроса зависит от важности и существенности для дела показаний неявившихся свидетелей и заключения неявившихся экспертов и от возможности (или невозможности) осветить показаниями явившихся свидетелей и экспертов те обстоятельства, для уяснения которых вызывались неявившиеся свидетели и эксперты. Следует иметь в виду, что разбирательство дела в отсутствие существенных свидетелей или тех экспертов, заключение которых касается существенных обстоятельств дела, как правило, влечет неполноту судебного следствия и может отрицательно отразиться на правильности приговора суда.

Решение суда о возможности (или невозможности) слушать дело выносится в виде мотивированного определения, которое заносится в протокол судебного заседания или же формулируется и подписывается всем составом суда как отдельный документ, прилагаемый к протоколу судебного заседания.

5. Председатель разъясняет свидетелям их обязанность показывать все известное им по делу, предупреждает их об ответственности за ложные показания, в чем отбирает у них подписку, и дает распоряжение об удалении свидетелей из зала судебного заседания в особое

помещение (ст. 274 УПК). Недопущение присутствия свидетелей в зале судебного заседания преследует цель устранения влияния на показания свидетелей всего того, что происходит на судебном следствии, с тем чтобы свидетель показывал лишь известное ему по делу.

6. Председатель спрашивает стороны, имеют ли они ходатайства о вызове новых свидетелей и экспертов, об истребовании и о приобщении к делу новых доказательств. Сторона, возбуждающая ходатайство, должна указать, в разъяснение каких обстоятельств она просит вызвать нового свидетеля или эксперта. По поводу каждого ходатайства стороны суд заслушивает заключение противной стороны и выносит свое определение. Определение суда об отклонении ходатайства должно быть мотивированным, т. е. содержать мотивы, по которым суд считает ходатайство не заслуживающим удовлетворения (ст. 272 УПК).

Ходатайства сторон разрешаются судом в зависимости от их существенности и основательности. Характерной чертой советского уголовного процесса является то, что удовлетворение или отклонение ходатайства стороны не ставится в зависимость от каких-либо формальных сроков (как это имеет место в буржуазном уголовном процессе): ходатайства могут заявляться не только в подготовительной части судебного заседания, но и на всем протяжении судебного следствия, а в исключительных случаях — и позднее, до удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора.

Если суд отклонил ходатайство стороны, это не лишает ее права вновь заявлять то или другое ходатайство на всем протяжении судебного следствия, в зависимости от хода его (ст. 272 УПК).

7. Разъяснение потерпевшему его права предъявить гражданский иск. Если гражданский иск ранее не был заявлен потерпевшим, председатель разъясняет ему его право на это. Если потерпевший заявляет иск к подсудимому, это заявление заносится в протокол судебного заседания, и суд решает вопрос о признании потерпевшего гражданским истцом и о его допущении к участию в деле в качестве стороны в процессе.

8. Разъяснение подсудимому его процессуальных прав. Процессуальные права подсудимого, являющегося стороной в процессе, перечислены выше (стр. 230). Председатель суда обязан разъяснить подсудимому его права.

Это очень существенный момент подготовительной части судебного разбирательства. Разъяснение подсудимому его прав должно иметь значение действительного обеспечения подсудимому возможности использовать эти права. Поэтому разъяснение должно быть не просто выполнением формальности, а действительно понятным для подсудимого с учетом его культурного уровня, объяснением ему того, что он может делать на судебном следствии и какими способами он может защищаться.

9. Объявление состава суда и рассмотрение заявлений об отводе. Председатель объявляет состав суда и сторон, разъясняет право отвода и опрашивает стороны, заявляют ли они такой отвод.

Основаниями для отвода судьи являются всякие данные, ставящие под сомнение беспристрастность судьи, — личная заинтересованность судьи в исходе дел или его родственные связи с какой-либо из сторон, а также участие в этом же деле в качестве свидетеля, эксперта, лица, производившего предварительное расследование, или стороны (ст. 43 УПК). Судья, участвовавший в рассмотрении дела, не может участвовать в его новом рассмотрении после отмены приговора в кассационном порядке или в порядке судебного надзора. Это требование вытекает из того, что судья, участвовавший в рассмотрении дела и вынесении приговора, уже составил себе убеждение по данному делу, почему его точка зрения при повторном рассмотрении дела неизбежно будет предвзятой.

Стороны могут заявить отвод также секретарю судебного заседания и поддерживающему обвинение прокурору. Основания к отводу этих лиц — те же, что и для судей, но для отвода прокурора не является основанием его предыдущее участие в том же деле в качестве прокурора (на предварительном следствии или на судебном рассмотрении).

Таков порядок проведения подготовительной части судебного разбирательства. Следует отметить, что четкое и точное выполнение всех изложенных процессуальных требований имеет громадное значение для полноты предстоящего судебного следствия, для правильности организации всего судебного процесса. По выполнении всех указанных требований председатель объявляет, что суд переходит к судебному следствию.

Судебное следствие

Следующая часть судебного разбирательства — судебное следствие — заключается в исследовании судом и сторонами дела по существу, т. е. в допросах подсудимых, свидетелей и экспертов, в проверке вещественных доказательств и документов.

Начальными моментами судебного следствия являются: а) оглашение обвинительного заключения; б) опрос подсудимого о признании себя виновным; в) установление порядка судебного следствия.

Оглашение обвинительного заключения имеет то значение, что таким путем суд публично объявляет и удостоверяет те обвинения, по которым обвиняемый предан суду и по поводу которых будет проводиться судебное следствие. Этим путем судебная аудитория, следящие за процессом граждане вводятся в курс обстоятельств рассматриваемого дела, узнают существо обвинения и его основания и получают возможность следить за судебным следствием.

Оглашение обвинительного заключения является необходимым условием обеспечения гласности процесса (см. стр. 76). Поэтому следует решительно возражать против всяких попыток в целях упрощения процесса устранить оглашение обвинительного заключения (что допускает УПК Узбекской ССР, ст. ст. 113, 114) или ограничиться оглашением только резолютивной части его. Закон не указывает, кто именно оглашает обвинительное заключение; очевидно, эта обязанность лежит на секретаре судебного заседания, но его может оглашать и председательствующий в заседании. Если по делу не производилось предварительного следствия или дознания и, следовательно, нет обвинительного заключения, председатель оглашает жалобу потерпевшего (по делам частного обвинения) или излагает сущность предъявленного подсудимому обвинения (ст. 279 УПК).

После оглашения обвинительного заключения председатель разъясняет подсудимому в понятных для него выражениях сущность предъявленного обвинения и спрашивает подсудимого, признает ли он это обвинение правильным (ст. 280 УПК).

В этот процессуальный момент подсудимый не дает еще своих объяснений по существу дела; он только заявляет, признает ли он себя виновным полностью или в части предъявленного обвинения или не признает себя виновным вовсе. Установление отношения подсудимого к предъявленному ему обвинению имеет значение в том смысле, что оно должно быть учтено судом при определении порядка судебного следствия.

После того как подсудимый ответил на вопрос о том, признает ли он правильным предъявленное ему обвинение, суд заслушивает мнение сторон по поводу порядка судебного следствия, т. е. последовательности, в какой будут исследоваться отдельные обстоятельства дела и допрашиваться подсудимые, свидетели и эксперты. Установление того или иного порядка судебного следствия производится судом в зависимости от обстоятельств каждого отдельного дела; от суда зависит начать следствие с дачи подсудимым объяснений по всем обстоятельствам дела или лишь по отдельным пунктам обвинения или же начать с допроса свидетелей и потерпевших и т. п.

Общей схемы, определяющей порядок (план) судебного следствия, установить нельзя,—все зависит от особенностей каждого конкретного дела. Если подсудимый признал себя виновным, судебное следствие, как правило, начинается с дачи подсудимым показаний и его допроса судом и сторонами, после чего допрашиваются свидетели и эксперты. Если же подсудимый свою виновность отрицает, целесообразно начать судебное следствие с допроса тех свидетелей, на показаниях которых основано обвинение, а после этого перейти к допросу подсудимого. Целесообразность такого порядка судебного следствия вытекает из того, что допрос подсудимого, отрицающего свою виновность, до того, как на суде будут рассмотрены доказательства, на которых основано обвинение, обычно почти ничего не дает.

Если предметом дела является не одно, а несколько обвинений, если фактическая обстановка дела складывается из нескольких эпизодов (например, кража и убийство или растрата, халатность и получение взятки или несколько краж), судебное следствие, как правило, проводится по эпизодам: допрашиваются подсудимые и свидетели по одному эпизоду, а после того как доказательства, относящиеся к одному эпизоду, исчерпаны, суд переходит к рассмотрению следующего эпизода и т. д.

После определения порядка судебного следствия суд переходит к судебному следствию в узком смысле этого понятия, т. е. к проверке и исследованию доказательств.

Основное содержание судебного следствия составляют допросы подсудимых, свидетелей и экспертов, производимые судом и сторонами.

Согласно ст. 280 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и ст. 280 Уголовно-процессуального кодекса Белорусской ССР, если подсудимый признал обвинение правильным, ему предоставляется дать объяснение по существу предъявленного обвинения, а затем следует его допрос судом и сторонами. Уголовно-процессуальные кодексы других союзных республик (ст. 260 УПК Украинской ССР, ст. 280 Грузинской ССР) этого правила не содержат, и следовательно, момент дачи подсудимым своих объяснений зависит от установленного судом порядка судебного следствия. Следует установить, что какой бы порядок судебного следствия ни применялся, начинается ли судебное следствие с объяснений подсудимого или с допроса свидетелей и исследования иных доказательств, за подсудимым сохраняется право давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия (ст. 277 УПК).

Допрос подсудимого на судебном следствии по Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР производится председателем и остальными судьями, а затем обвинителем, гражданским истцом, защитником и другими подсудимыми по тому же делу (ст. 283). Иной порядок устанавливает Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР: подсудимого допрашивают сперва обвинитель, затем гражданский истец, защитник, другие подсудимые, а после них всех председатель и члены суда (ст. 269).

Допрос свидетеля производится следующим образом. Сначала ему предоставляется рассказать все лично известное по делу, избегая изложения сведений, источник которых им не может быть назван, после чего ему задаются вопросы. Вопросы предлагаются сначала той стороной, по указанию которой свидетель был вызван, а затем остальными сторонами. Смысл этого правила заключается в том, что, поскольку свидетель вызван по инициативе данной стороны в подтверждение тех или иных выдвинутых ею положений, она и должна иметь возможность в первую очередь произвести допрос свидетеля. Это правило — одна из про-

цессуальных гарантий прав сторон в процессе. Кроме того, каждая сторона вправе предлагать свидетелю дополнительные вопросы в разъяснение или в дополнение ответов, данных на вопросы другой стороны (ст. ст. 285—289 УПК РСФСР, ст. ст. 264—268 УПК УССР).

Относительно участия суда в допросе свидетелей уголовно-процессуальные кодексы РСФСР и Украинской ССР устанавливают различные правила. По Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР председатель и члены суда могут задавать вопросы свидетелю как во время допроса свидетеля сторонами, так и по окончании сторонами допроса (ст. 289). По Уголовно-процессуальному кодексу Украинской ССР председатель и члены суда могут задавать свидетелю вопросы только после окончания допроса свидетеля каждой стороной и после окончания допроса свидетеля всеми сторонами (ст. 269).

Таким образом, в действующем законодательстве РСФСР и УССР есть некоторая разница в порядке допроса подсудимых и свидетелей на судебном следствии. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в большей степени выдвигает на передний план участие председателя суда в допросах, чем Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР, согласно которому право допрашивать первым принадлежит прокурору (кроме свидетелей, вызванных по указанию защиты). Разумеется и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР не устраняет возможности такого проведения судебного следствия, при котором ведение судебного следствия осуществлялось бы прокурором, но Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР разрешение этого вопроса предоставляет на усмотрение председателя суда, тогда как Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР прямо устанавливает, что первым задает вопросы подсудимым и свидетелям прокурор, и следовательно, закрепляет в законе ведение судебного следствия за прокурором.

В соответствии с изложенными выше соображениями относительно распределения ролей суда и сторон на судебном следствии следует признать, что более целесообразным является порядок, установленный Уголовно-процессуальным кодексом Украинской ССР: с одной стороны, им предоставляются все возможности прокурору продемонстрировать перед судом все представленные доказательства, на которых основано обвинение, а с другой стороны, для председателя суда устанавливается такое процессуальное положение, при котором он, сохраняя свою руководящую в процессе роль, не становится на позиции стороны обвинения и остается объективным и беспристрастным судьей. За защитой же и при этом порядке сохраняется право первоочередного допроса вызванных по ее указанию свидетелей и право перекрестного допроса всех свидетелей, дающих показания на судебном следствии.

Важнейшим процессуальным средством на судебном следствии является п е р е к р е с т н ы й д о п р о с.

Перекрестным допросом называется допрос обеими сторонами (т. е. обвинением и защитой) одного и того же лица (подсудимого, свидетеля, эксперта) по поводу одних и тех же обстоятельств — на одном и том же лице и обстоятельстве перекрещиваются вопросы, идущие с противоположных сторон.

Такой допрос обеспечивает тщательное и всестороннее — под углом зрения и обвинения и защиты — исследование каждого доказательства и, следовательно, является эффективным средством для выяснения истины и обеспечения прав сторон. Разумеется, это средство может дать хорошие результаты при непременном условии, что допросы производятся серьезно, обстоятельно, в спокойной и корректной форме. Иначе перекрестный допрос может сбить и дезориентировать допрашиваемых лиц и исказить их показания.

Эксперты, как правило, присутствуют на всем протяжении судебного следствия, могут задавать вопросы подсудимому и свидетелям в целях уяснения тех обстоятельств, которые им нужны для дачи своего заключения. Освобождение эксперта от присутствия на той или иной части судебного заседания может производиться лишь судом по заслушании мнений сторон. В определенный момент судебного следствия, устанавливаемый судом, эксперту предлагается дать свое заключение. Для этого стороны представляют в письменном виде вопросы, на которые они считают необходимым получить ответы от экспертов. Представленные сторонами вопросы рассматриваются судом, который имеет право внести дополнительные вопросы, а также исключить те или иные вопросы как не относящиеся к делу или не входящие в компетенцию экспертов. После этого экспертам предоставляется возможность обсуждения поставленных перед ними вопросов и составления ответов на них.

Заключение дается экспертами в письменном виде; оно должно содержать ответы на те вопросы, которые поставлены перед экспертами сторонами и судом.

Письменное заключение эксперты оглашают публично на суде, после чего представляют его суду, который дает возможность ознакомиться с ним сторонам. После этого стороны и суд могут задавать экспертам вопросы, направленные на уяснение или уточнение тех ответов, которые эксперты дали на поставленные перед ними вопросы. Если возникает необходимость постановки перед экспертами новых вопросов, стороны могут это сделать с разрешения суда.

Имеющиеся при деле вещественные доказательства должны быть подвергнуты на суде осмотру и проверке. Для этого суд предъявляет вещественные доказательства сторонам, которые обращают внимание суда на те или иные обстоятельства, связанные с этими вещественными доказательствами. Заявления сторон по поводу вещественных доказательств, как и все прочие действия на суде, заносятся в протокол судебного

заседания. Подсудимый имеет право дать по поводу каждого вещественного доказательства свои объяснения.

Имеющиеся в деле документы подлежат оглашению на суде, если они представляют значение для разрешения дела. Надлежит иметь в виду, что по делам, рассматриваемым в народном суде, стороны в прениях и суд в своем приговоре могут ссылаться и основываться только на тех доказательствах, которые были проверены на судебном следствии. Поэтому, если в деле имеется какой-либо документ, представляющий значение для дела, он должен быть оглашен. Иначе ни суд, ни стороны не могут основывать на нем своих выводов.

Оглашение документов может быть произведено судом как по своей инициативе, так и по ходатайству сторон. Момент, когда оглашается тот или иной документ, зависит от хода судебного следствия: это может быть сделано как во время допроса подсудимого или свидетелей для проверки их показаний, так и в конце судебного следствия, по окончании всех допросов.

Существенное процессуальное значение на судебном следствии имеет еще следующие три момента: 1) сокращение объема судебного следствия; 2) изменение на судебном следствии обвинения, по которому подсудимый предан суду; 3) привлечение к уголовной ответственности новых лиц.

Сокращение судебного следствия

При рассмотрении дела на суде могут возникнуть в некоторых случаях вопросы относительно сокращения судебного следствия. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР устанавливает следующее правило. Если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти прямо к прениям сторон (ст. 282). Такое же правило содержится в уголовно-процессуальных кодексах Украинской ССР (ст. 262) и Белорусской ССР (ст. 282). Аналогичное правило устанавливает и Уголовно-процессуальный кодекс Узбекской ССР, с той лишь разницей, что суд по заслушании показаний подсудимого переходит не к прениям сторон, а сразу к последнему слову подсудимого, устраняя тем самым прения сторон (ст. 113). Наоборот, Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР такого порядка сокращения судебного следствия не предусматривает.

Как мы видели из данного выше анализа показаний обвиняемого в качестве судебного доказательства (стр. 136), показание обвиняемого является существенным доказательством, но оно не является доказательством формальным или превалирующим над всеми другими доказательствами. Поэтому приведенным выше статьям Уголовно-процессуального кодекса вовсе не следует придавать тот смысл, что они рассматривают признание обвиняемого как лучшее доказательство, устраняющее надобность в заслушании показаний свидетелей и исследовании других дока-

зательств. Эти статьи, по нашему мнению, скорее следует понимать в смысле вывода из состязательного построения процесса: если подсудимый на суде признал обвинение и исчерпывающе осветил все обстоятельства дела, устраняется необходимость судебного состязания при исследовании прочих доказательств. Но именно это дает основание утверждать, что ст. 282 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и соответствующие ей статьи уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик не могут получить широкого применения на практике. Основное— установление в результате судебного разбирательства материальной истины, а с этой точки зрения одни показания подсудимого не являются достаточным средством. На практике ст. 282 Уголовно-процессуального кодекса не применяется, и мы полагаем, что в будущий общесоюзный Уголовно-процессуальный кодекс ее включать не следует.

Далее, по ходу судебного следствия, в зависимости от рассмотрения доказательств, может отпасть необходимость допроса некоторых вызванных на суд свидетелей, если показаниями уже допрошенных свидетелей обстоятельства дела в достаточной мере будут разъяснены.

По действующему Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР народный суд не может отказаться от допроса на судебном следствии вызванных свидетелей; краевому (областному) же суду предоставлено право прекратить допрос допрашиваемого свидетеля или отказаться от допроса вызванных и еще не допрошенных свидетелей, если показаниями допрошенных свидетелей установлены те обстоятельства, для установления которых были вызваны не допрошенные еще свидетели (ст. 394).

Иначе решает этот вопрос Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР, ст. 91 которого предоставляет суду право отказываться от допроса вызванных свидетелей, если на это дают согласие стороны.

Нам кажется, что этот вопрос целесообразно разрешить именно в том направлении, что суд может прекратить допрос вызванных свидетелей при одновременном наличии двух условий: а) если по ходу судебного следствия отпала надобность в допросе кого-либо из вызванных свидетелей и б) если стороны согласны отказаться от допроса этих свидетелей. При ином решении этого вопроса прекращение допроса вызванных свидетелей может повлечь неполноту судебного следствия и неосновательное стеснение прав сторон.

Изменение на судебном следствии обвинения

Изменение на судебном следствии обвинения имеет место в двух формах.

1. Обнаружение на суде совершения подсудимым иного преступления, кроме того, за которое он был предан суду.

Если это новое преступление не влечет за собой отягчения меры наказания по сравнению с той, которая могла быть назначена по основному, первоначальному обвинению, и обвинение в этом преступлении исчерпывающе исследовано на судебном следствии, суд может рассмотреть эти новые, обнаруженные на судебном следствии факты и разрешить о них вопрос в своем приговоре в этом же судебном заседании. Подобное присоединение на суде нового обвинения может иметь место лишь в том случае, если новое обвинение представляется менее значительным по сравнению с ранее предъявленным, т. е. если оно последним поглощается и не влечет отягчения наказания в случае признания подсудимого виновным. Если же обнаруженное на судебном следствии преступление влечет за собой более тяжелое наказание, чем по первоначальному обвинению, суд выделяет дело в части обнаруженного преступления и направляет его на расследование в общем порядке, а в части первоначального обвинения продолжает слушать дело. Если же обнаруженное на судебном следствии преступление связано с первоначальным, по обвинению в котором обвиняемый был предан суду, и раздельное рассмотрение их невозможно, дело откладывается слушанием и направляется на расследование в полном объеме (ст. 312 УПК РСФСР).

Практически бывает очень трудно, а подчас и невозможно заранее установить, может ли новое обвинение, возникающее на судебном следствии, повлечь повышение наказания подсудимому, признанному виновным. Поэтому нам представляется более правильным и последовательным по этому вопросу правило ст. 290 Уголовно-процессуального кодекса Украинской ССР, согласно которому новое обвинение всегда должно быть выделено и направлено для расследования в общем порядке, а если новое обвинение тесно связано с первоначальным обвинением, по которому обвиняемый был предан суду, направлению для дополнительного расследования подлежит все дело в полном его объеме.

2. Обнаружение на судебном следствии новых обстоятельств, относящихся к тому же преступлению, за которое обвиняемый был предан суду, но влекущих изменение первоначальной формулировки обвинения, данной в обвинительном заключении.

Здесь имеется в виду такое положение, при котором те факты, которые инкриминировались обвиняемому по обвинительному заключению, подтвердились и на судебном следствии, но судебное следствие изменило их характер, их юридическую квалификацию. Например, по обвинительному заключению обвиняемому инкриминировалось присвоение определенной суммы денег, на суде же факт исчезновения указанной суммы подтвердился, но выяснилось, что это исчезновение явилось результатом не присвоения (т. е. обращения обвиняемым денег в свою пользу), а халатного отношения обвиняемого к своим обязанностям, вследствие чего квалификация преступления меняется (вместо ч. 1 ст. 116 на

ст. 111 УК РСФСР). Суд может изменить формулировку обвинения, не откладывая дела слушанием, если новая формулировка не является более тяжелой, чем первоначальная, например при переходе от обвинения в умышленном убийстве на обвинение в неосторожном убийстве, от обвинения в растрате на обвинение в халатности и т. д. Если же формулировка обвинения меняется в сторону отягчения — вместо убийства на бандитское нападение, вместо халатности на злоупотребление властью и т. д., суд должен отложить дело слушанием и направить его на расследование для предъявления обвиняемому нового обвинения и производства всех дальнейших связанных с этим действий.

Статья 313 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и ст. 291 Уголовно-процессуального кодекса Украинской ССР это отложение дела ставят в зависимость от ходатайства какой-либо из сторон. Если же стороны не возражают против слушания дела по новой, более тяжелой формулировке обвинения, суд может продолжать слушание дела. Практически изменение формулировки обвинения в сторону отягчения всегда влечет отложение дела слушанием и направление его на доследование, что должно быть признано совершенно правильным, так как испрашивание согласия подсудимого на более тяжелое его обвинение вряд ли может быть признано допустимым процессуальным средством.

Привлечение к ответственности новых лиц

Привлечение на суде к уголовной ответственности новых лиц, помимо тех, которые были преданы суду, может иметь место в двух случаях: а) обнаружения на суде лжесвидетельства со стороны свидетеля; б) обнаружения совершения преступлений кем-либо из лиц, не преданных суду.

Если на судебном следствии суд усмотрит в показаниях свидетеля наличие лжесвидетельства, он заносит в протокол судебного заседания, по возможности дословно, показания этого свидетеля и, заслушав заключение прокурора (если он участвует на судебном разбирательстве), выносит мотивированное определение о привлечении свидетеля к уголовной ответственности по ст. 95 Уголовного кодекса. Относящиеся к этому обстоятельству материалы направляются для расследования и судебного разбирательства в общем порядке отдельно от данного дела; при этом суд может в отношении привлеченного за лжесвидетельство свидетеля избрать меру пресечения по общим правилам о мерах пресечения (стр. 185 и след.).

При этом необходимо иметь в виду следующее. Свидетель может быть привлечен к уголовной ответственности не за неправильное, ошибочное или неточное показание, а только за заведомо ложное показание, т. е. за умышленную ложь суду. Поэтому привлечение свидетеля возможно не просто на том основании, что он неправильно осветил те или иные факты или изменил ранее данные показания, а лишь тогда, когда на суде уста-

новлены данные о том, что свидетель сознательно показывает неправду, умышленно стремится ввести суд в заблуждение. Далее, привлечение свидетеля к уголовной ответственности за лжесвидетельство имеет очень серьезные процессуальные последствия для того основного дела, в связи с которым свидетель привлечен: привлечение свидетеля к уголовной ответственности за лжесвидетельство влечет исключение показаний данного свидетеля из числа доказательств по этому делу. Поэтому определение о привлечении свидетеля за лжесвидетельство, как правило, должно выноситься не на самом судебном следствии, а по окончании его, одновременно с вынесением приговора, когда суд сможет оценить показания этого свидетеля не изолированно, а в совокупности со всеми другими доказательствами. Лишь в отдельных случаях, именно в случаях я в н о г о, очевидного лжесвидетельства, не вызывающего никаких сомнений, привлечение может иметь место и на судебном следствии в момент допроса свидетеля. При этом также следует учитывать, что привлечение свидетеля к уголовной ответственности в момент его допроса может оказать нежелательное воздействие на еще не допрошенных свидетелей.

При рассмотрении на суде обвинения преданных суду лиц может обнаружиться, что в преступлении принимало участие какое-либо лицо, которое на предварительном следствии привлечено не было и не было предано суду. В этом случае суд заслушивает заключение прокурора (если он участвует на суде) и выносит мотивированное определение о привлечении данного лица к уголовной ответственности, выделяет материалы дела, относящиеся к этому новому лицу, и направляет их на расследование в общем порядке. Если же обвинение вновь привлеченного лица тесно связано с обвинением преданных суду подсудимых и раздельное их рассмотрение невозможно, все дело в полном объеме как в отношении преданных суду лиц, так и в отношении вновь привлеченных откладывается слушанием и направляется на дополнительное расследование. Так, если, например, на суде обнаружилось, что какое-либо непривлеченное лицо укрывало следы рассматриваемого преступления или оказало совершившему преступление лицу пособничество, нет оснований откладывать все дело и направлять его к доследованию; на расследование может быть направлено только выделенное дело в отношении пособника или укрывателя. Если же суд привлекает к уголовной ответственности новое лицо по обвинению в том, что оно было организатором преступления или принимало участие в его непосредственном совершении, естественно, что должно быть доследовано все дело, так как привлечение нового лица в этом случае меняет самую картину преступления, меняет роль и степень ответственности каждого участника преступления.

В отношении вновь привлеченных лиц суд вправе избрать меру пресечения по общим правилам об избрании меры пресечения (ст. ст. 315 и 316 УПК).

Окончание судебного следствия

По окончании допроса всех вызванных на судебное заседание лиц (подсудимые, свидетели, эксперты) и проверки всех иных доказательств (документы, вещественные доказательства) председатель суда спрашивает стороны, чем они могут дополнить судебное следствие, и предоставляет им возможность такого дополнения (дополнительные объяснения, дополнительные вопросы подсудимым, свидетелям и экспертам, оглашение материалов дела, приобщение документов и т. д.).

После совершения этих процессуальных действий председатель объявляет судебное следствие законченным, и суд переходит к заслушанию прений сторон.

Прения сторон

В прениях сторон обвинитель и защитник подытоживают данные судебного следствия и излагают суду свои соображения относительно доказанности или недоказанности обвинения, степени ответственности подсудимого и делают свои предложения относительно меры наказания. Основное в содержании прений сторон — это анализ собранного по делу фактического материала под углом зрения обвинения и защиты, затем освещение общественного значения рассматриваемого судом дел и, наконец, правовые, юридические выводы сторон из данных судебного следствия. Сочетание этих трех моментов и составляет содержание прений сторон, которые должны быть политически заостренными и в то же время конкретными и деловыми (об этом см. выше).

Речи сторон произносятся в такой последовательности: обвинитель, гражданский истец, защитник или сам подсудимый (если нет защитника). По окончании прений стороны могут обменяться репликами (т. е. взять слово повторно), причем право последней речи всегда принадлежит защитнику или подсудимому, если защитника нет.

Если по делу участвует защитник, в прениях сторон выступает он, а не подсудимый. Если же защитника нет, право защитительной речи принадлежит самому подсудимому независимо от того, участвует ли в процессе обвинитель или нет. В обоих случаях подсудимому принадлежит после прений сторон право последнего слова (см. ниже).

Действующее процессуальное законодательство устанавливает правило, которое на практике почти не применяется: стороны имеют право по окончании прений, но до удаления суда в совещательную комнату, представить суду в письменном виде формулировку обвинения, которую они считают вытекающей из судебного следствия и которую, по их мнению, суд должен принять в своем приговоре; формулировка эта для суда необязательна (ст. 310 УПК РСФСР, ст. 288 УПК УССР, ст. 310 УПК БССР).

Несомненно, это правило является очень целесообразным и полезным и в судебной практике должно получить применение. Представление суду письменных формулировок, фиксирующих точку зрения каждой стороны по данному делу и устанавливающих те вопросы, по которым сторона ожидает решения суда, с одной стороны, должно оказать суду существенную помощь при вынесении приговора, а с другой — повышает чувство ответственности представителей сторон (обвинителя и защитника) за их утверждения, которые они делают в прениях.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР предоставляет суду право по делам, рассматриваемым в краевых (областных) судах, устранять прения сторон, если суд признает дело достаточно выясненным судебным следствием (ст. 397). Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР предоставляет это право всем судам, т. е. и народным. Кроме того, Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР предоставляет суду право устанавливать регламент для прений сторон, т. е. устанавливать время для речи каждой стороны (ст. 282), тогда как Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР прямо запрещает суду ограничивать продолжительность речей сторон определенным временем (ст. 308).

Следует признать, что возможность устранения судом прений сторон, равно как и установление регламента для прений, представляет собой такое ограничение процессуальных прав сторон, которое сохранено быть не может. Если представители сторон участвовали в судебном разбирательстве, нет никакого основания лишать их возможности изложить суду свои выводы из данных судебного следствия, обосновать свою точку зрения, поставить перед судом те или иные вытекающие из судебного следствия вопросы.

Что касается допускаемого Уголовно-процессуальным кодексом УССР установления судом регламента для прений сторон, то это правило было включено в кодекс в 1929 г. и представляет собой отражение того процессуального упрощенчества, которое мы уже отмечали не раз.

В связи с тем, что ст. 111 Конституции СССР и ст. 8 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик обеспечивают обвиняемому право на защиту, указанные выше ограничения должны считаться утратившими силу.

Последнее слово подсудимого и вынесение приговора

Подсудимому предоставлено право последнего слова, т. е. дачи суду объяснений после всех участвующих в деле лиц, непосредственно перед удалением суда в совещательную комнату для вынесения приговора.

Это положение о праве подсудимого говорить перед судом последним имеет серьезное значение. После всей процедуры судебного следствия и прений сторон, после анализа и разбора

подчас сложных и разнородных обстоятельств дела суд получает возможность непосредственно перед вынесением приговора выяснить, как реагирует подсудимый на итоги судебного следствия, как он оценивает всю совокупность обстоятельств дела и всех доказательств, прошедших перед судом.

Право последнего слова является очень важной процессуальной гарантией для подсудимого. Поскольку приговор суда должен решить судьбу подсудимого, именно подсудимый имеет право говорить после всех, непосредственно перед тем, как суд будет выносить приговор.

Содержание последнего слова подсудимого не регламентировано законом, не может его регламентировать и суд. Подсудимый в последнем слове может совершенно свободно говорить все, что считает нужным сообщить составу суда в свою защиту. Председатель может остановить подсудимого лишь в случаях, когда он применяет недопустимые выражения, оскорбительные для суда и сторон, или пытается использовать свое право последнего слова в целях, противоречащих правосудию (в целях антисоветской агитации и т. п.).

После заслушания последнего слова подсудимого суд удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора.

По вынесении приговора председатель суда оглашает его публично. Приговор выслушивается всеми присутствующими стоя.

Протокол судебного заседания

С момента открытия судебного заседания и до оглашения приговора включительно секретарем суда ведется протокол судебного заседания. В этом протоколе отмечаются все действия суда и сторон, отображается весь ход судебного разбирательства, все заявления и ходатайства сторон, все определения суда, все обстоятельства, о занесении в протокол которых ходатайствуют стороны, и излагается содержание показаний подсудимых, свидетелей и экспертов, отмечаются прения сторон и последнее слово подсудимого. Выносимые судом определения формулируются в протоколе в тех случаях, когда определение выносится судом тут же, на судебном заседании, без удаления суда для совещания; если же суд выносит специальное письменное определение в виде особого акта, его формулировка в протокол не заносится, а лишь делается указание о вынесенном определении.

Протокол подписывается председателем и секретарем (ст. 80 УПК). В течение трех суток после изготовления и подписания протокола стороны могут знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать свои замечания на протокол с указанием на его неправильность и неполноту. Эти замечания рассматриваются председателем судебного заседания по данному делу, который в случае согласия с замечаниями удостоверяет их правильность. Если же председатель не согласен с замечаниями, он вно-

сит их на рассмотрение всего состава суда, в котором обязательно участвует он сам и по возможности хотя бы один из участвовавших в рассмотрении дела народных заседателей. Замечания сторон и определение суда по ним приобщаются к делу (ст. 81 УПК).

Значение протокола судебного заседания состоит в том, что он фиксирует весь ход судебного разбирательства. Протокол судебного заседания отображает, во-первых, все процессуальные действия суда и сторон и, во-вторых, содержание всех показаний, которые на суде дают подсудимый и свидетели. Именно по протоколу судебного заседания кассационная инстанция проверяет выполнение судом первой инстанции всех требований закона и соответствие приговора тем доказательствам, которые были проверены на судебном следствии.

Протокол судебного заседания оформляется после вынесения приговора, и суд первой инстанции, постановляя приговор, основывает этот приговор не на записях протокола судебного заседания (в этом случае процесс перестал бы быть непосредственным), а на своем непосредственном, живом восприятии всех доказательств на судебном следствии. Поэтому протокол судебного заседания имеет значение не столько для суда первой инстанции, разбирающего дело, сколько для кассационной инстанции или для инстанции, проверяющей дело в порядке судебного надзора.

Протокол судебного заседания должен быть обстоятелен и подробен. Особое внимание при его составлении должно быть обращено на точное изложение содержания показаний подсудимых и свидетелей и всех процессуальных действий, которые в процессе судебного разбирательства совершают суд и стороны.

В части прений сторон в протоколе судебного заседания отмечается, кто выступал в прениях, в какой последовательности и что именно предлагали суду обвинитель, гражданский истец, защитник, подсудимый, т. е. о чем они просили суд, как квалифицировали действия подсудимого, на каком решении настаивали.

ГЛАВА XI

СУДЕБНЫЙ ПРИГОВОР

§ 1. Значение приговора. § 2. Тайна совещательной комнаты. § 3. Судебный приговор в буржуазном уголовном процессе. § 4. Приговор в советском уголовном процессе.

§ 1. Значение приговора

Приговором называется решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности подсудимого и о применении наказания в случае признания судом виновности доказанной.

В системе судебно-следственных актов приговор занимает особое по важности место: им решается по существу уголовное дело и дается категорический ответ на вопрос о виновности подсудимого в том преступлении, за которое он предан суду, и о степени его ответственности. Соответственно этому вынесение приговора обставляется рядом процессуальных условий, не устанавливаемых (или устанавливаемых в меньшей степени) для других судебно-следственных актов.

Судебный приговор — это важнейший судебный акт. Приговор суда есть акт правосудия, он разрешает уголовное дело и тем самым определяет судьбу преданных суду лиц.

Пленум Верховного суда СССР указал, что «приговор суда должен быть возможно краток и ясен, с сохранением необходимой полноты и доказательности». В приговоре не должно быть всякого рода отвлеченных и пространных рассуждений на общеполитические темы, так как политическое значение приговора состоит в правильном разрешении дела на основе установленных судебным следствием обстоятельств. В приговоре должны быть обеспечены конкретность и обоснованность выводов, к которым приходит суд по существу дела в целом и в отношении каждого лица, признанного судом виновным. И наконец, в приговоре должны быть даны ясные и точные ответы на все те вопросы, которые суд ставит на свое разрешение в результате рассмотрения всех обстоятельств дела (постановление 47 Пленума Верховного суда СССР 1934 г.).

Приговор выносится от имени государства: союзной республики, если дело рассматривал суд, входящий в судебную систему союзной республики, и СССР, если дело рассматривал Верховный суд СССР или специальный суд.

§ 2. Тайна совещательной комнаты

Одним из особых процессуальных условий, которыми обставлено вынесение приговора, является требование о том, чтобы суд выносил приговор в особой, изолированной комнате, куда закрыт доступ посторонним лицам и в которой присутствует лишь состав суда, рассматривающий дело.

Это ограждение суда от посторонних влияний при вынесении приговора выражается в особом процессуальном институте, называемом «тайной совещательной комнаты».

Буржуазное уголовно-процессуальное право связывает это положение с принципами «беспристрастности» и «независимости» суда, используя его как одно из средств маскировки классовой роли буржуазного суда.

О «независимости» и «беспристрастности» буржуазного суда мы говорили выше (стр. 6), и, разумеется, никакое забронирование совещательной комнаты, никакие внешние преграды для посторонних у дверей этой комнаты не могут разорвать непосредственной классово-политической зависимости суда от буржуазной диктатуры, орудием которой буржуазный суд является и политику которой он проводит. Тайна совещательной комнаты в буржуазном уголовном процессе является одной из существенных черт того лицемерия, которое характеризует буржуазный суд и о котором говорил Энгельс применительно к английскому суду (см. стр. 50).

В советском уголовном процессе тайна совещательной комнаты имеет громадное значение и должна быть расценена как очень важный процессуальный институт, значение которого связано с принципом независимости судей и их подчинением только закону (ст. 112 Конституции СССР). Только контрреволюционные троцкисты, клеветавшие на советский суд и пытавшиеся подорвать его авторитет в глазах трудящихся, могли утверждать (а они именно это и утверждали), что тайна совещательной комнаты как буржуазный процессуальный институт должна быть выброшена из советского уголовного процесса.

Но в советском уголовном процессе институт тайны совещательной комнаты не имеет того лживого, лицемерного характера, который ему присущ в буржуазном уголовном процессе, так как советский суд действительно независим и беспристрастен, а потому тайна совещательной комнаты является средством (не единственным, но существенным) обеспечить эту независимость и беспристрастие по каждому рассматриваемому судебному делу.

Тайна совещательной комнаты в советском уголовном процессе имеет следующее значение:

1) приговор, являющийся, как уже указывалось выше, важнейшим судебным актом, выносится судьями по их совести, по их свободному внутреннему убеждению; поэтому вынесение приговора должно быть ограждено от вмешательства и влияния со стороны кого бы то ни было: отдельных лиц, органов власти, общественных организаций и т. д.;

2) уверенность населения, трудящихся, что приговор выносится судом без постороннего влияния, только самим судом и в соответствующей обстановке, укрепляет авторитет суда и его приговоров;

3) вынесение приговора обычно является очень сложным делом и требует тщательного обсуждения всех обстоятельств дела, всех данных судебного следствия; поэтому суду должна быть обеспечена возможность при вынесении приговора беспрепятственно и без помехи, спокойно и углубленно рассмотреть и обдумать все данные судебного следствия и разрешить все вытекающие из него вопросы.

При обсуждении приговора суд должен разрешить все основные вопросы, связанные с установлением преступления и виновности подсудимого, применением меры наказания и вытекающими из приговора последствиями в отношении гражданского иска, вещественных доказательств и судебных издержек (ст. 320 УПК).

§ 3. Судебный приговор в буржуазном уголовном процессе

Буржуазное уголовно-процессуальное право устанавливает очень сложную процедуру вынесения приговора, и именно по делам, рассматриваемым судом присяжных. Общий порядок вынесения приговора таков. После прений сторон и последнего слова подсудимого суд с участием сторон формулирует вопросы, вытекающие из судебного следствия и прений сторон и подлежащие разрешению присяжных. Вопросы формулируются таким образом, чтобы положительные или отрицательные ответы на них присяжных устанавливали виновность или невиновность подсудимого, в случае установления виновности — степень ее, смягчающие или отягчающие обстоятельства. Эти вопросы заносятся на особый лист, который вручается присяжным. После этого председатель произносит так называемое резюме, в котором обобщает данные судебного следствия, разъясняет присяжным все связанные с разрешением дела юридические вопросы, обращает их внимание на отдельные моменты, на которых они должны сосредоточить свое внимание. После этого присяжные удаляются в совещательную комнату, где и решают вопрос о виновности подсудимого, давая ответы на поставленные им вопросы. Решение присяжных по вопросу о виновности или невиновности подсудимого носит название в е р д и к т а (от латинского выражения

vere dicere — изрекать истину). Вердикт присяжных оглашается публично, после чего стороны высказывают суду свои соображения относительно уголовного закона, подлежащего применению к установленным присяжными фактам, и о мере наказания (при вынесении обвинительного вердикта). Заслушав соображения сторон, суд (постоянные судьи) выносит приговор, в котором, исходя из обвинительного вердикта присяжных, применяет соответствующий уголовный закон и определяет меру наказания или же, при оправдательном вердикте присяжных, объявляет подсудимого по суду оправданным.

Приговор выносится в том же судебном заседании в форме краткой резолюции, содержащей только указание примененного уголовного закона и определенной судом меры наказания. Через установленный судом срок (несколько дней) суд выносит приговор в окончательной форме, в котором дается подробная мотивировка тех выводов суда, которые им были даны ранее в форме краткой резолюции.

В процессуальных законодательствах отдельных буржуазных государств устанавливаются различные варианты этой общей схемы. Так, во Франции в 1881 г. было отменено резюме председателя и вместо него установлено объяснение председателя присяжным их прав и обязанностей при вынесении вердикта, причем в этом объяснении (в отличие от резюме) председатель не может касаться существа, фактических обстоятельств рассматриваемого дела.

В Англии резюме председателя содержит главным образом изложение правил, которым присяжные должны следовать при оценке доказательств.

Резюме председателя (существовавшее и в дореволюционном русском Уставе уголовного судопроизводства) представляет собой особую форму воздействия коронного суда (т. е. постоянных судей) на присяжных, решающих вопрос о виновности или невиновности подсудимого.

Буржуазное процессуальное законодательство обычно устанавливает требование, чтобы председатель в своем резюме был строго объективен, не высказывал своей точки зрения, не оказывал давления на присяжных, а лишь разъяснял им те вопросы, которые они должны решить. Разумеется, это в жизни неосуществимо, это — чистейшая фикция: председатель суда, произнося перед уходом присяжных в совещательную комнату свое резюме, обязательно представит в нем дело под определенным углом зрения, будет побуждать (хотя бы и в завуалированной форме) присяжных к вынесению определенного вердикта, соответственно тому, к какому выводу пришли коронные (постоянные) судьи.

Рассматривая английский суд присяжных, Энгельс писал: «Начинают с фикции «беспристрастных присяжных»; присяжным внушают забыть все, что они слышали до следствия относительно данного случая, судить только на основании сделанных

здесь на суде свидетельских показаний, — как будто бы что-нибудь подобное было возможно. Создают вторую фикцию «беспристрастного судьи», который должен развернуть закон и беспристрастно, совершенно «объективно», сопоставить представленные обеими сторонами доводы, как будто бы это было возможно. Требуют даже от судьи, чтобы он каким-то особым образом, несмотря на все это, не оказывал влияния на суждение присяжных, не подсовывал им вердикты, т. е. он должен ставить посылки так, как их следует поставить, чтобы вывести заключение; но сам он не должен вывести заключения, даже для себя он не должен его вывести, ибо ведь это повлияло бы на его изложение посылок; всех этих и сотен других невозможностей, бесчеловечностей и глупостей требуют лишь бы прилично прикрыть основную глупость и бесчеловечность. Но практика не дает себя обмануть, на практике очень мало заботятся обо всей этой чепухе, и судья довольно ясно дает понять присяжным, какой вердикт им следует вынести, и послушные присяжные правильно выносят вердикт» [1].

Как известно, в буржуазном уголовном процессе присяжные заседатели именуются судьями факта, так как они решают своим вердиктом фактическую сторону рассматриваемого дела, а коронные (постоянные) судьи — судьями права, так как они решают правовые вопросы, делают юридические выводы из установленных присяжными фактов. Особенно резкое разграничение в решении уголовного дела между вопросами факта и права пыталось провести французское уголовно-процессуальное право. Однако в действительности эти вопросы разорвать нельзя, так как вопрос о виновности, решаемый присяжными, включает в себя не только фактические, но и юридические, правовые моменты (об ответственности за преступление, о вменении в вину подсудимому совершенных им действий). Поэтому при решении дела обычно разграничивают не вопросы факта и права, а вопросы о виновности, решаемые присяжными, и вопросы о наказании, решаемые коронными (постоянными) судьями. Первоначально присяжные даже не должны были знать, какое наказание будет применено к подсудимому в случае, если присяжные признают его виновным. Это положение было в последние годы изменено, и законом 1932 г. во Франции было установлено, что после того, как присяжные вынесут свой вердикт, они же принимают участие в разрешении вопросов о применении наказания, решая эти вопросы совместно с коронными судьями по большинству голосов.

При рассмотрении дела в других судах — в коронных судах или в судах шеффенов, в которых коронные судьи и присяжные заседатели составляют одну коллегию и совместно решают вопросы о виновности и наказании, — процедура вынесения приговора проще, чем в судах присяжных: выпадает вынесение вердикта, но постановка вопросов, подлежащих решению, остается.

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 383—384.

§ 4. Приговор в советском уголовном процессе

Порядок вынесения приговора и вопросы, подлежащие разрешению в нем

Советское уголовно-процессуальное право не знает особой процедуры постановки суду вопросов, подлежащих разрешению, и в руках одного судебного состава, в едином судебном акте — приговоре — суд сосредоточивает решение всех вопросов дела, относящихся как к фактической, так и к юридической его стороне. Единый состав суда, в котором народные заседатели являются полноправными членами суда, решает все вопросы, вытекающие из рассматриваемого дела, на основании всех данных судебного следствия. Круг вопросов, подлежащих решению суда, определяется обвинительным заключением (актом) и судебным определением о предании суду, причем суд может вносить в данную обвинительным заключением формулировку обвинения изменения в установленных законом пределах. (Об отношении приговора к сформулированному в обвинительном заключении обвинению см. стр. 248).

Приговор выносится судом на основании всех данных судебного следствия, по всем тем фактам, которые изложены в обвинительном заключении и которые суд либо устанавливает, либо отвергает, либо вносит в них те или другие изменения.

Все вопросы, связанные с вынесением приговора, суд решает по большинству голосов.

Хотя в советском процессе, как сказано выше, нет особой процедуры формулирования вопросов, подлежащих решению суда, тем не менее по каждому делу суд должен решать определенный круг вопросов, указанных в законе. Ответы на эти вопросы должны быть даны в самом тексте приговора, в изложении в приговоре тех обстоятельств, которые суд признал установленными.

Вопросы эти следующие (ст. 320 УПК):

1) имело ли место деяние, приписываемое подсудимому по обвинительному заключению;

2) содержит ли это деяние состав преступления;

3) совершил ли это деяние подсудимый;

4) подлежит ли применению к подсудимому мера наказания;

5) какая именно мера наказания должна быть назначена подсудимому и подлежит ли она отбытию подсудимым;

6) подлежит ли удовлетворению заявленный гражданский иск, а если иск заявлен не был, то надлежит ли принять меры обеспечения могущего быть заявленным гражданского иска;

7) как поступить с вещественными доказательствами;

8) на кого должны быть возложены судебные издержки.

Этот перечень охватывает все вопросы, которые суд перед собою должен поставить и на которые он должен дать ответы в приговоре. В приговоре суд не дает отдельных ответов на каж-

дый поставленный вопрос, но, излагая приговор в его описательной и резолютивной частях (см. стр. 265), это изложение строит таким образом, чтобы в нем содержались ответы на все вопросы, чтобы все они получили разрешение в приговоре.

Перечисленные восемь вопросов могут быть разбиты на три группы. Первая группа охватывает первые три вопроса и связана с разрешением фактической стороны дела: суд должен решить вопрос о том, имело ли место преступление и доказано ли, что его совершил именно подсудимый. Совершенно ясно, что фактические моменты дела нельзя оторвать от юридических и в этой, по преимуществу фактической части, так как вопрос о том, являются ли данные действия преступлением, связан с уголовно-правовой оценкой судом данного факта, т. е. является вопросом не только фактическим, но и юридическим.

Вторая группа вопросов вытекает из первой и объединяет вопросы по преимуществу правовые, юридические. Сюда относятся вопросы 4 и 5. Если установлено, что расцениваемые Уголовным кодексом как преступление действия совершены и совершил их именно подсудимый, то суд должен решить вопрос, может ли подсудимый быть признан виновным, несет ли он уголовную ответственность за эти действия (есть ли налицо умысел или неосторожность и т. д.).

Решив этот вопрос в положительной форме, суд решает вопрос о применении соответствующей меры наказания.

Третья группа вопросов (6, 7, 8) охватывает вопросы производные, побочные, которые решаются после того, как основные вопросы о виновности подсудимого и наказуемости его действий судом решены.

Разрешение в приговоре всех перечисленных выше вопросов и составляет все необходимые элементы приговора.

Обоснование приговора

Согласно ст. 23 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», приговор суда должен быть основан исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании (также ст. 319 УПК РСФСР). Это означает, что в основу приговора кладутся те доказательства, собранные к делу, которые на судебном следствии были проверены судом с участием сторон. Это правило неразрывно связано с принципами устности и непосредственности процесса, которые нами уже были рассмотрены (стр. 77). Это значит практически, что суд не может основывать свой приговор на тех данных, которые хотя в деле и имеются (в материалах предварительного следствия), но на судебном разбирательстве не были подвергнуты исследованию и обсуждению.

От этого общего правила процессуальное законодательство отдельных союзных республик делает некоторые отступления. Так, ст. 396 Уголсвно-процессуального кодекса РСФСР предостав-

ляет областному и краевому суду при вынесении приговора принимать в соображение имеющиеся в деле документы и показания независимо от того, оглашались ли они на судебном заседании, т. е. были ли предметом рассмотрения на судебном следствии. Народный же суд, согласно ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса, может основывать свой приговор только на тех данных, которые рассматривались на судебном следствии. Статья 296 Уголовно-процессуального кодекса Украинской ССР это право, предоставленное в РСФСР областному и краевому суду, распространяет на все суды; согласно ст. 296, суд (всякий) основывает приговор на данных судебного следствия и «принимает в соображение» имеющиеся в деле документы, как оглашенные, так и не оглашенные на судебном следствии.

Уголовно-процессуальный кодекс Узбекской ССР (ст. 128) и Уголовно-процессуальный кодекс Туркменской ССР (ст. 139) ограничиваются указанием, что суд основывает свой приговор на имеющихся в деле материалах, не ставя вообще условия их оглашения и обсуждения на судебном следствии. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР (ст. 396) решает данный вопрос так же, как и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР.

Единство в данном вопросе (как и в ряде других) будет достигнуто полностью тогда, когда будет принят единый общесоюзный Уголовно-процессуальный кодекс. Поскольку же нормы некоторых УПК союзных республик находятся в противоречии с общесоюзным законом — ст. 23 «Основ уголовного судопроизводства», применению подлежит именно последняя. Это и правильно по существу, так как ст. 23 «Основ уголовного судопроизводства» наиболее полно осуществляет принципы устности и непосредственности уголовного процесса, являющиеся важнейшими руководящими процессуальными принципами. Следовательно, приговор суда основывается только на тех данных дела, которые были рассмотрены и обсуждены судом и сторонами на судебном разбирательстве.

Виды приговоров

Приговоры могут быть двух видов — обвинительные и оправдательные.

Обвинительный приговор выносится тогда, когда суд придет к убеждению о виновности подсудимого в инкриминируемых ему преступлениях, когда суд ответит утвердительно на первые четыре вопроса из приведенного выше перечня.

Оправдательный приговор может быть вынесен по следующим основаниям: а) неустановление судом самого события преступления; б) отсутствие в действиях подсудимого состава преступления; в) недостаточность улик для обвинения подсудимого.

В первом случае суд считает, что само событие преступления,

составляющее предмет рассматриваемого дела, не установлено, не имело места. Во втором случае суд признает, что те действия, в совершении которых подсудимый обвиняется, им действительно совершены, но по обстоятельствам данного дела они не могут рассматриваться как преступные, не являются общественно-опасными. В третьем случае суд признает, что преступление имело место, было совершено, но не доказано, что его совершил именно подсудимый. Во всех этих случаях суд выносит оправдательный приговор, и его юридическая сила, юридическое значение для подсудимого одинаковы, независимо от оснований оправдания. Разница в основаниях оправдания имеет значение лишь в отношении разрешения гражданского иска (см. стр. 267).

Кроме обвинительного либо оправдательного какой-либо третьей формы приговора быть не может. Как было изложено выше (см. стр. 37), средневековый инквизиционный процесс знал третий вид приговора, так называемое оставление в подозрении, когда вопрос о виновности не решался судом и оставался открытым. Эту форму приговора начинают применять сейчас некоторые буржуазные законодательства. Так, итальянский уголовно-процессуальный кодекс 1931 г. рассматривает приговор, оправдывающий подсудимого за недостаточностью собранных против него улик, как особый вид приговора, и связывает с ним возможность ограничения прав оправданного по этому основанию, конфискации изъятых у него вещей и т. д. Тем самым вводится в замаскированном виде самое настоящее оставление в подозрении (сходный порядок, только в значительно смягченном виде, содержался и в старом итальянском уголовно-процессуальном кодексе 1913 г.).

Оправдательный приговор в советском уголовном процессе означает, что суд отверг обвинение, следовательно подсудимый признается невиновным. Это положение сохраняет свою силу независимо от мотивов оправдания: неустановление виновности подсудимого есть тем самым установление его невиновности, т. е. его реабилитация.

Суд, рассматривая дело на судебном разбирательстве, заканчивает его вынесением обвинительного или оправдательного приговора и лишь в отдельных случаях может направить дело к доследованию, если усмотрит такую неполноту предварительного следствия, которая не может быть восполнена на судебном следствии. Если же окажется, что в действиях подсудимого нет состава преступления, суд не прекращает дела, а выносит оправдательный приговор. Прекращение дела на судебном разбирательстве (т. е. без вынесения приговора) возможно лишь в случаях:

1) смерти подсудимого (п. 1 ст. 4 УПК);

2) установления, что по данному обвинению в отношении данного подсудимого уже имеется вступивший в законную силу приговор (ст. 3 УПК);

3) примирения сторон по делу частного обвинения (ст. 10 УПК).

Качество приговора

Основное качество приговора — его определенность и категоричность, и этим он отличается от других судебно-следственных актов, которые могут устанавливать лишь вероятность того или иного факта, но не утверждать его категорически (например постановление о привлечении к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, обвинительное заключение). Это означает, что по вопросам обвинения приговор должен дать категорический ответ, установить или отвергнуть те или иные факты, признать обвинение доказанным или недоказанным. Как уже указывалось выше, суд не вполне связан формулировкой обвинения, по которому обвиняемый предан суду, и может ее изменять в зависимости от данных судебного следствия (в установленных ст. ст. 312 и 313 УПК пределах); это означает, что суд может отвергнуть одни факты, признать другие или дать тем или иным фактам иную оценку, чем та, которая дана в обвинительном заключении. Но по поводу каждого факта в отдельности или по поводу всей совокупности фактов, по которым предъявлено обвинение, в приговоре должен быть дан категорический положительный или отрицательный ответ.

Формулировка приговора

Приговор состоит из двух частей — описательной и резолютивной.

Описательная часть приговора содержит изложение тех обстоятельств дела, которые установлены судом. При обвинительном приговоре в описательной части излагаются конкретные факты преступления, совершенного подсудимым, указываются обстановка совершения этого преступления, его мотивы и все отличительные признаки преступления: место, время, способ его совершения.

В резолютивной части обвинительного приговора указывается на признание обвинения доказанным, дается юридическая квалификация преступления (статья Уголовного кодекса) и определяется мера наказания.

При оправдательном приговоре в описательной части излагаются обстоятельства дел, приведшие суд к выводу о необоснованности обвинения, а в резолютивной делается указание на то, что подсудимый признается по суду оправданным (ст.ст. 334 и 335 УПК).

Особое значение имеет вопрос о мотивировке приговора, т. е. об обязанности суда указывать в приговоре те данные, которые положены судом в основу приговора. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (ст. 334) такой мотивировки приговора не требует и ограничивается требованием изложения в приговоре фактов, признанных судом установленными, без приведения тех доказательств, из которых суд исходил.

Необходимо признать, что мотивировка приговора является условием, гарантирующим обоснованность судебного приговора, повышающим его убедительность и облегчающим его проверку в кассационном порядке или в порядке судебного надзора. На это обратил внимание 47 Пленум Верховного суда СССР (1934 г.), указавший в качестве частого дефекта судебных приговоров то обстоятельство, что в приговорах суды часто не указывают доказательств, на основании которых преступление подсудимого признано установленным. Следовательно, приговор должен быть мотивированным.

В приговоре должны быть указаны порядок и срок его обжалования (ст. 336 УПК).

При изложении в приговоре отдельных его элементов (так называемая формулировка приговора) требуются ясность, понятность и конкретность приговора. Особо принципиальное значение имеет установленное практикой требование, чтобы приговор приводил в ясность все обстоятельства дела и разрешал все сомнения и противоречия, которые имеются в материалах дела, т. е. был логичным, обоснованным и убедительным.

Приговор должен дать категорические и ясные ответы на вопросы, которые суд ставит на обсуждение в совещательной комнате (ст. 320 УПК). При наличии по делу нескольких подсудимых приговор должен давать четкую и конкретную формулировку обвинения в отношении каждого подсудимого в отдельности, устанавливая его персональную ответственность.

Далее, приговор как важнейший судебный акт должен осветить общественное значение рассматриваемого дела. Но формулировки приговора, дающие характеристику общественного значения рассматриваемого дела, должны быть сочетаемы с конкретным фактическим материалом данного дела и не должны превращаться в отвлеченные рассуждения на общеполитические темы (см. резолюцию I Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников 1934 г. по докладу тов. Вышинского).

Разре́шение гражданского иска

При вынесении обвинительного приговора суд удовлетворяет заявленный гражданский иск, если установлено, что преступными действиями подсудимого потерпевшему причинен материальный ущерб; если этого не установлено, суд в иске отказывает. Таким образом, при вынесении обвинительного приговора, если гражданский иск был заявлен и гражданский истец или его представитель поддерживал этот иск на судебном разбирательстве уголовного дела, суд либо удовлетворяет иск, либо отказывает в нем, но не может устранить иск от рассмотрения (кроме случая, когда гражданский истец или его представитель на суд не явился).

Только в случаях, когда суд при рассмотрении уголовного дела не имеет возможности произвести подробный расчет по

гражданскому иску без отложения разбора уголовного дела или без получения дополнительного материала, суд может признать за потерпевшим — гражданским истцом — право на удовлетворение гражданского иска и передать его в соответствующий суд для определения в порядке гражданского судопроизводства размеров его удовлетворения (ст. 329 УПК). В этом случае суд признает иск доказанным в его основании, но не разрешает вопроса о его размере; передача иска в этом случае производится самим судом, и потерпевший при рассмотрении иска в порядке гражданского судопроизводства освобождается от внесения пошлины.

При вынесении оправдательного приговора суд отказывает в иске, если подсудимый оправдан за неустановлением события преступления или за недостаточностью улик для его обвинения (так как в этих случаях отпадает само основание иска—причинение преступными действиями подсудимого материального ущерба потерпевшему). Если же подсудимый оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления, иск оставляется без рассмотрения и потерпевшему предоставляется право вновь предъявить свой иск в порядке гражданского судопроизводства. В этом случае суд не признал действия подсудимого преступными, но сами действия им были совершены и ими мог быть причинен материальный ущерб потерпевшему. Поэтому право на иск за потерпевшим сохраняется, но, предъявляя иск в порядке гражданского судопроизводства, он в данном случае должен будет платить соответствующую пошлину.

Если гражданский иск не был предъявлен, но при вынесении приговора суд усмотрит, что потерпевшему причинены вред и убытки, суд вправе при вынесении обвинительного приговора постановить о принятии мер обеспечения будущего гражданского иска (ст. 330 УПК).

Разрешение судом гражданского иска по существу может иметь место лишь тогда, когда иск был заявлен и истец или его представитель участвовали в судебном следствии. Это — общее правило, проводящееся в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик. Исключение составляет Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР, ст. 305 которого устанавливает, что при вынесении приговора суд может взыскать с подсудимого соответствующую сумму в пользу потерпевшего даже если последний не заявил гражданского иска. Такое правило кажется нам недостаточно обоснованным: если иск не был заявлен, потерпевший его на суде не поддерживал, суд и стороны на судебном следствии его не рассматривали, подсудимый объяснений по нему не давал, нет возможности в приговоре по уголовному делу решать вопрос о взыскании убытков с подсудимого в пользу потерпевшего. За потерпевшим сохраняется право заявить свой иск в общем порядке, т. е. в порядке гражданского судопроизводства.

(О решении суда в части вещественных доказательств см. ст. 69 УПК).

(О решении суда в части судебных издержек см. ст. ст. 88—90а, 332, 459—461 УПК).

Законная сила приговора

Вынесенный судом приговор по истечении срока на обжалование (при неподаче кассационной жалобы или протеста) или при оставлении его в силе кассационной инстанцией вступает в силу. В Законе о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик (ст. 16) и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (ст. 342) содержится термин «приговор, вступивший в законную силу». Приговор вступил в законную силу — это значит, что приговор получил силу закона, имеет для данного дела такое же значение и обязательность, как и закон.

Приговор суда по истечении срока на обжалование или по утверждении кассационной инстанцией подлежит приведению в исполнение, и ни частные лица, ни другие органы власти не могут не подчиниться ему, поскольку он их касается.

Положение о законной силе судебного приговора находит себе применение, в частности, в содержащемся в действующем Уголовно-процессуальном кодексе правиле о взаимной связанности уголовного и гражданского суда вынесенными ими по поводу одного и того же события (но с разных точек зрения) приговорами и решениями (ст. ст. 12 и 13 УПК).

ГЛАВА XII

КАССАЦИОННОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ

§ 1. Общие понятия. § 2. Формы обжалования в буржуазном уголовном процессе. § 3. Формы обжалования в советском уголовном процессе. § 4. Развитие формы советской кассации. § 5. Основные черты советской кассации. § 6. Ревизионный порядок. § 7. Кассационная жалоба. § 8. Кассационные поводы. § 9. Кассационное определение. § 10. Отмена приговора. § 11. Вопрос о reformatio in pejus. § 12. Изменение приговора. § 13. Порядок кассационного рассмотрения. § 14. Частные жалобы и протесты.

§ 1. Общие понятия

Выносимые судами первой инстанции приговоры могут быть обжалованы сторонами в вышестоящую судебную инстанцию [1]. В случаях принесения жалобы на приговор дело переходит в суд второй инстанции, который рассматривает дело и проверяет правильность приговора. Порядок такого пересмотра по жалобам сторон дел, решенных судами первой инстанции, называется кассационным производством, а жалобы сторон — кассационными жалобами. Жалоба государственного обвинителя — прокурора — называется кассационным протестом.

Подача кассационной жалобы в установленный законом срок приостанавливает приведение приговора в исполнение.

Институт кассации является существенной составной частью всей системы уголовного процесса. Исходя из особого значения судебного приговора, решающего вопрос о виновности преданных суду лиц, устанавливается форма контроля за судебным приговором, осуществляемая по инициативе сторон. Подача кассационной жалобы с соблюдением установленных процессуальным законом условий (подача в срок, управомоченным на это лицом) влечет за собой обязательный перенос дела во вторую, кассационную инстанцию и обязательное вынесение кассационной инстанцией своего решения (определения) по этой жалобе.

---

[1] Исключение — законы 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г. (см. стр. 67).

Значение института кассационного обжалования заключается:

1) в гарантии прав и законных интересов сторон, которым предоставляется возможность обжаловать судебный приговор и перенести дело для проверки в кассационную инстанцию, до решения которой обжалованный приговор не вступает в законную силу и не приводится в исполнение;

2) в систематическом контроле со стороны вышестоящего суда за законностью и обоснованностью судебных приговоров, выносимых судами первой инстанции, в устранении и исправлении допущенных последними ошибок и нарушений.

Для прокуратуры кассация является средством путем принесения кассационного протеста своевременно реагировать на возможные ошибки судов, на нарушения судами закона, на неправильное по существу решение дела.

§ 2. Формы обжалования в буржуазном уголовном процессе

Буржуазное уголовно-процессуальное право знает две формы, два вида обжалования — апелляцию и кассацию.

При апелляционном обжаловании жалоба приносится стороной на неправильность решения дела по существу, и апелляционный суд по этой жалобе обязан пересмотреть дело по существу, повторив ту же судебную процедуру, какую уже проделал по этому же делу суд первой инстанции (т. е. произвести снова допрос подсудимых и свидетелей, проверку доказательств и т. п.). Таким образом, при системе апелляционного обжалования от стороны (главным образом подсудимого) зависит производство повторного судебного рассмотрения в суде второй инстанции, если результат первого рассмотрения почему-либо не удовлетворил ее.

При кассационном обжаловании положение иное: приговор первой инстанции по существу является окончательным, и обжалование возможно лишь по поводу допущенных при производстве по делу формальных нарушений закона (уголовно-процессуального и уголовно-материального). Таким образом, при кассационном обжаловании существо дела, его фактическая сторона, весь собранный по делу доказательственный материал кассационным судом не подвергается проверке, и кассационный суд проверяет лишь формальные моменты: правильно ли суд первой инстанции применил закон и не нарушил ли он тех или иных его требований.

В буржуазных уголовно-процессуальных системах в кассационном порядке обжалуются приговоры, выносимые с участием присяжных заседателей. Приговоры (вердикты) присяжных выносятся ими «по внутренним велениям их совести», по их «внутреннему убеждению» (см. главу о доказательствах), и эта совесть и внутреннее убеждение объявляются окончательными и не подлежат никакому контролю и проверке. Поэтому приговоры, выносимые

судом с участием присяжных, могут быть обжалованы и пересмотрены не по существу, а лишь по поводу различных нарушений установленных законом форм. Наоборот, приговоры, выносимые судом без участия присяжных, так называемым «коронным судом», обжалуются в апелляционном порядке. Решение апелляционного суда в свою очередь может быть обжаловано в кассационном порядке. Исключением из этого положения является порядок обжалования, существующий в Англии, где приговоры судов присяжных также могут быть обжалованы в апелляционном порядке (правда, в ограниченном объеме).

Сами термины «апелляция» и «кассация» выражают различие этих форм обжалования. «Апелляция» происходит от латинского слова appellare — вызывать (в суд), обращаться (к высшему суду), а «кассация» — от французского слова casser — ломать, т. е. аннулировать, отменять приговор суда.

Исторически институт кассационного обжалования возник во французском праве в форме так называемой «чистой кассации», т. е. обжалования приговора исключительно по формальным основаниям, по поводу только нарушения закона, с устранением из сферы кассационного рассмотрения всего того, что относится к существу уголовного дела, к его фактическим обстоятельствам, к собранным по делу доказательствам. «Чистая кассация»—это кассация, «очищенная» от существа дела, включающая в себя лишь рассмотрение вопросов формального соблюдения требований закона судом первой инстанции, безотносительно к существу данного конкретного дела. А отсюда другой признак «чистой кассации» — лишение кассационного суда права вносить какие-либо изменения в приговор: кассационный суд может только отменить, «сломать» (casser) приговор, но не изменять его.

В таком виде институт кассации был установлен законодательством Французской буржуазной революции, именно законом 27 ноября — 1 декабря 1790 г., и в основном именно в таком виде он вошел в действующий поныне во Франции уголовно-процессуальный кодекс 1808 г. Так, ст. 208 французского уголовно-процессуального кодекса устанавливает, что приговор суда подлежит отмене, аннулированию, если при производстве по делу было допущено такое нарушение закона, которое уголовно-процессуальный кодекс предусматривает как обязательно влекущее недействительность всех связанных с ним процессуальных актов. Особенность французского уголовного процесса в рассматриваемом нами вопросе заключается в том, что уголовно-процессуальный кодекс, последовательно излагая процессуальные нормы, к ряду из них делает оговорку: «под страхом недействительности» (sous peine de nullité), т. е. если эта норма будет нарушена, приговор подлежит отмене независимо от того, имело ли это нарушение какое-либо влияние на правильность разрешения дела по существу.

Таким образом, основными признаками «чистой кассации» являются: 1) устранение существа дела из сферы кассационного рассмотрения; 2) право кассационной инстанции только отменить приговор или оставить его в силе, но не вносить в него какие-либо изменения; 3) точный, указанный в законе перечень нарушений, которые влекут отмену приговора независимо от их влияния на существо дела.

Установленный французским законодательством классический тип кассации был заимствован законодательствами других капиталистических государств, однако с некоторыми изменениями и отступлениями от принципов «чистой кассации». Так, он был воспринят германским уголовно-процессуальным кодексом 1877 г., который, однако, не воспринял самого наименования «кассация», заменив его другим термином — «ревизия». Германская ревизия — это то же, что и французская кассация, от которой она отличается следующими особенностями: ревизионная инстанция может, не отменяя приговора и не обращая дела к новому рассмотрению в суд первой инстанции, сама решить дело оправданием подсудимого, прекращением дела или применением иной статьи уголовного кодекса, имеющей абсолютно определенную санкцию (т. е. твердо установленный размер наказания, а не его высший и низший пределы), или определением по новой применяемой статье низшего размера наказания (ст. 354 германского уголовно-процессуального кодекса редакции 1924 г.). Далее, германский уголовно-процессуальный кодекс не устанавливает, как французский, точного перечня статей, нарушение которых влечет за собой отмену приговора, а определяет лишь общие категории нарушений, так называемые кассационные поводы. Эти поводы в каждом отдельном случае должен установить сам ревизионный (кассационный) суд. Они, как это свойственно буржуазной кассации, также имеют формальный характер (ст. 338).

В дореволюционном русском уголовном процессе институт кассации был установлен судебными уставами 1864 г. (Устав уголовного судопроизводства, ст. ст. 905—933).

Большое своеобразие представляет порядок обжалования в английском уголовном процессе. Английский уголовный процесс вообще не упоминает о кассации и содержит указание лишь на апелляционный порядок. Однако английский закон об уголовной апелляции 1907 г. установил два вида апелляции: 1) апелляция по вопросам факта (т. е. апелляция в собственном значении слова); 2) апелляция по вопросам права (что соответствует кассации в континентальных законодательствах). От сторон зависит подать жалобу по вопросу факта, т. е. на неправильность решения дела по существу, или по вопросу права, т. е. на нарушение закона, причем, как уже сказано выше, апелляция по вопросам факта в отличие от континентальных законодательств допускается и на приговоры суда ассизов (присяжных); но в этом случае требуется, чтобы подающая жалобу сторона получила разреше-

ние на подачу жалобы либо от самого суда ассизов, либо от апелляционного суда.

Необходимо отметить еще одно характерное положение буржуазной кассации. Предметом обжалования может быть как вердикт присяжных, так и приговор суда (см. стр. 258). Если кассируется вердикт присяжных, теряет силу и основанный на нем приговор, и дело обращается на новое рассмотрение по существу с самого начала. Если же кассируется приговор суда (по вопросу неправильного применения материального уголовного закона, наказания и т. д.), дело возвращается на новое рассмотрение лишь для нового постановления приговора на основе уже ранее вынесенного и не отмененного вердикта присяжных.

Рассматривая институт буржуазной кассации в целом, следует констатировать, что ему присущи все черты буржуазного права. Это институт классовый, обеспечивающий классовые интересы буржуазии. Прежде всего самый чисто формальный характер буржуазной кассации неразрывно связан с формальной буржуазной законностью и по сути дела является одним из ее элементов. Установление проверки приговоров только по формальным основаниям, устранение из сферы кассационного рассмотрения всего конкретного существа данного уголовного дела придают кассационному рассмотрению видимость полнейшей беспристрастности и отвлеченности: кассационных судей якобы не интересует существо дела, судьба обвиняемого и потерпевшего, обоснованность или необоснованность обвинения и т. д., они только следят за соблюдением абстрактных велений закона. Здесь несомненна прямая связь с принципами буржуазной формальной законности, с ее фетишизацией закона, с ее формальным равенством всех перед законом, прикрывающим фактическое неравенство.

Как и всей буржуазной законности и буржуазному праву, буржуазной кассации присуще крайнее лицемерие: фактически ни один кассационный суд не рассматривает дело только по формальным основаниям и никогда не отвлекается от существа дела. Такой принцип чисто формального рассмотрения в действительности неосуществим, — это должны были признать и многие буржуазные юристы. Но самый принцип чисто формального рассмотрения — только с точки зрения соблюдения формальных велений закона — дает возможность буржуазному кассационному суду, корректируя нарушающие буржуазную законность отдельные приговоры судов первой инстанции, закрывать глаза на вопиющую несправедливость судебных приговоров, на классовую пристрастность решения уголовных дел.

Превосходная иллюстрация действительной роли и характера буржуазной кассации дана Л. Н. Толстым в «Воскресении» в отношении дореволюционного сената, его уголовно-кассационного департамента.

§ 3. Формы обжалования в советском уголовном процессе

В советском уголовном процессе еще до введения Уголовно-процессуального кодекса, с самых первых декретов советской власти о суде, апелляционный порядок обжалования был отменен и установлена кассационная форма (см. декрет о суде № 2).

Отмена апелляции, ее неприемлемость для советского уголовного процесса обусловливалась тем, что в советском судоустройстве основным звеном судебной системы является народный суд, наиболее близкий к населению и рассматривающий основную массу судебных дел. Установление над ним апелляционной инстанции, повторяющей всю процедуру судебного рассмотрения и выносящей новый приговор, неизбежно перенесло бы центр тяжести судебной деятельности с суда первой инстанции на апелляционный суд. К тому же апелляционный порядок, дублирующий во второй инстанции уже проведенное в первой инстанции рассмотрение дела, неизбежно связан со значительным замедлением, затяжкой разрешения судебного дела без гарантий того, что апелляционный суд правильнее решит дело, чем суд первой инстанции.

Но для советского уголовного процесса неприемлемой является и «чистая кассация».

Статья 349 действующего Уголовно-процессуального кодекса РСФСР содержит следующее положение: «Жалобы на приговоры народного суда могут быть принесены каждой из заинтересованных сторон исключительно лишь по поводу формального нарушения прав и интересов данной стороны при производстве по делу или рассмотрении дела в суде и именуются кассационными жалобами и не могут касаться существа приговора». Таким образом, действующий закон как бы объявляет так называемую «чистую кассацию» без права вхождения кассационной инстанции в существо дела. Тем не менее этот принцип не был проведен в самом же законе: установление таких поводов к отмене приговора, как недоследованность дела и несправедливость приговора (ст. 413 УПК), неизбежно вводило в поле зрения кассационной инстанции моменты существа дела (см. об этом ниже).

§ 4. Развитие формы советской кассации

Порядок кассационного обжалования в советском уголовном процессе не получил сразу законченной формы—он непрерывно развивался и приобретал новые черты. Это развитие характеризуется известным проникновением в сферу кассационного рассмотрения элементов существа дела (т. е. апелляционных элементов).

Выше указаны основания, по которым апелляционный порядок неприменим в советском уголовном процессе.

Но если в советском уголовном процессе неприменим апел-

ляционный порядок, то и чисто кассационный порядок вызывает серьезнейшие возражения. Введение «чистой кассации», отрывающей форму от существа и посвященной целиком проверке формальных моментов, а не существа дела, находилось бы в резком противоречии с самим строем советского уголовного процесса.

Если рассматривать советскую кассацию не как застывший институт, а в ее движении, развитии, мы получаем следующую картину.

Принципы советской кассации были впервые установлены декретом о суде № 2 22 февраля 1918 г. Этим декретом было установлено, что основанием к отмене приговора являются не только формальные нарушения закона, но и несправедливость приговора. Тем самым существо дела с самого же начала развития советского процессуального законодательства было введено в поле зрения кассационной инстанции.

В первые годы Великой Октябрьской социалистической революции процесс в революционных трибуналах в области пересмотра приговоров характеризовался значительным ограничением поводов для обжалования. Нарушение форм судопроизводства и несоразмерность репрессии являлись основными поводами кассации; подавляющее же большинство вопросов существа дела (главным образом оценка доказательств) целиком относилось к компетенции самого трибунала (первой инстанции), и кассационная инстанция их не пересматривала. Этот порядок преследовал цели максимальной эффективности судебной репрессии в исключительных судах для борьбы с наиболее опасными преступлениями: в кассационном порядке брались под контроль лишь основные нарушения закона, столь существенные, что они обесценивали приговор в целом, вся же область оперирования фактическим материалом уголовных дел относилась к исключительному ведению судов первой инстанции (в военных трибуналах вообще не было кассации).

После судебной реформы 1922 г. и принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР первоначально упор брался на преобладание формальных моментов. Однако Уголовно-процессуальный кодекс редакции 1922 г. в качестве повода для кассации установил «голословность» приговора, т. е. его противоречие фактическим обстоятельствам дела (момент явно апелляционный).

Уголовно-процессуальный кодекс редакции 1923 г. этот повод исключил, повернув тем самым кассацию в сторону формальных моментов при рассмотрении дела. Однако кассационная практика постепенно усваивала проверку соответствия приговора материалам дела, несколько искусственно рассматривая необоснованность приговора материалами дела как формальное нарушение ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса («суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании»).

Все же долгое время имела распространение точка зрения, что кассационная инстанция не может входить в обсуждение вопроса

о качестве собранных по делу доказательств и их достаточности для вынесения приговора. Вместе с тем признавалось, что кассационная инстанция не может принимать к своему рассмотрению материалов (документов и пр.), не бывших в поле зрения суда первой инстанции.

Практические потребности улучшения качества судебной работы все более и более расширяли область существа дела, доступную кассационной проверке. Поэтому на кассационную инстанцию фактически легла обязанность проверки правильности решения дела по существу, и, следовательно, ей присвоено право проверки и оценки всех фактических обстоятельств дела и всех собранных по делу доказательств. Это, однако, не означало введения апелляционного порядка, т. е. повторения в суде второй инстанции всей процедуры судебного рассмотрения в первой инстанции: кассационный суд изучает и проверяет все материалы дела, но нового судебного следствия он не производит.

Вместе с тем одно время создалось явление, обратное тому, которое имелось в первое время по введении Уголовно-процессуального кодекса, именно — чрезмерный уклон в сторону исследования в кассационной инстанции существа дела, с уделением относительно малого внимания вопросам процессуального и материального права. Эта тенденция также должна быть признана неприемлемой и подлежащей устранению.

Кассационные инстанции должны самое серьезное внимание уделять контролю за соблюдением судами первой инстанции процессуальных и материальных законов, в то же время ни в какой мере не ослабляя внимания к существу дела и к вопросам доказанности обвинения и правильности и полноты исследования дела на предварительном следствии и на суде.

С другой стороны, встречающиеся в практике случаи, когда кассационная инстанция подменяет собой суд первой инстанции, перерешает дело по существу, должны быть расценены как установление апелляции в ее худшем виде, а потому также должны быть устранены из нашей практики (см. об этом ниже).

§ 5. Основные черты советской кассации

Из изложенного выше видно, что советская кассация включает в себя элементы апелляции, но ни в какой мере не следует делать вывода, что советское кассационное производство механически соединяет в себе кассацию и апелляцию. Советское уголовно-процессуальное право устанавливает своеобразную, новую форму кассации, принципиально отличную как от чистой кассации, так и от апелляции. Основные характерные черты советской кассации заключаются в том, что в ней форма не отрывается от существа дела и кассационное рассмотрение дела охватывает проверку как соблюдения следствием и судом требований закона, так и правильности решения дела по существу, обо-

снованности судебного приговора. Уклон в сторону чисто формального рассмотрения, равно как и обратный уклон—в сторону только существа дела и переоценки доказательств, с устранением или ограничением рассмотрения вопросов соблюдения закона, несомненно, являлся бы искажением принципов советской кассации.

Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик устанавливает следующие принципы кассационного обжалования, общие для уголовного и гражданского процессов (не применяя, однако, терминов «кассация», «кассационный»):

«Приговоры, решения и определения всех судов, кроме Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик, могут быть в установленном законом порядке обжалованы осужденными, их защитниками, истцами, ответчиками и представителями их интересов или опротестованы прокурором в вышестоящий суд.

При рассмотрении жалоб и протестов вышестоящий суд по имеющимся в деле и представленным сторонами материалам проверяет законность и обоснованность вынесенного нижестоящим судом приговора или решения» (ст. 15).

Здесь существенными являются следующие положения:

а) установление для сторон свободы обжалования — обжалованию не подлежат лишь приговоры, решения и определения Верховного суда СССР и верховных судов союзных республик, приговоры же, решения и определения всех других судов по любому делу могут быть обжалованы сторонами;

б) кассационная инстанция проверяет дело, поступившее по жалобе или протесту, с точки зрения о б о с н о в а н н о с т и и з а к о н н о с т и приговора или решения, следовательно при кассационном рассмотрении дела во главу угла ставятся вопросы о том, соответствует ли приговор фактическим обстоятельствам дела и соблюдены ли при разрешении дела все требования закона;

в) при кассационном рассмотрении дела кассационная инстанция разрешает указанные выше вопросы на основании тех материалов, которые имеются в самом судебном деле, а также и тех материалов, которые стороны представили в кассационную инстанцию.

Эти правила, установленные Законом о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, очень ярко и выразительно характеризуют советскую кассацию и ее специфические черты: в области кассационного производства органически соединены вопросы проверки как существа дела, так и законности его разрешения; соблюдение закона и правильность решения по существу неразрывно связаны друг с другом и отделены быть не могут. Вместе с тем сторонам предоставляются широкие возможности оспаривать приговор или решение, включая представление в кассационную инстанцию новых материалов, не бывших в поле зрения суда первой инстанции.

Как видно из всего изложенного выше, кассационное производство в известной мере охватывает существо дела, поскольку проверяется правильность по существу приговора суда первой инстанции. Предметом кассационного производства, помимо вопросов процессуального и материального права, является все существо рассматриваемого дела, все его фактические обстоятельства и весь собранный по делу доказательственный материал. Но это не значит, что кассационная инстанция подменяет собой суд первой инстанции и заново решает дело (что характерно для апелляции).

Кассационная инстанция обыкновенно не видит живых людей, не ведет судебного следствия и, следовательно, лишена возможности так проверить все доказательства, как это может сделать суд первой инстанции, проводящий процесс устно и непосредственно; это положение и определяет пределы кассационного рассмотрения. Анализ материалов дела и выводы из него кассационная инстанция производит постольку, поскольку это возможно сделать на основе собранных по делу материалов (и материалов, представленных сторонами) без их специальной проверки судебным следствием. В силу этого кассационная инстанция не может допускать произвольных кромсаний, перекраиваний приговора лишь на том основании, что то или иное свидетельское показание она, не видя и не выслушав свидетеля, оценивает иначе, чем это сделал суд первой инстанции, лично допрашивавший свидетелей при участии сторон. Кассационная инстанция не решает дела по существу, не производит новой оценки доказательств, но она обязана рассмотреть вопрос о том, были ли в распоряжении суда первой инстанции достаточные данные для вынесения приговора, проверены ли судом первой инстанции эти данные и соответствует ли приговор имеющимся в деле доказательствам.

И вместе с тем должно быть установлено, что важнейшим моментом кассационного рассмотрения является проверка з а к о н н о с т и приговора. Исходной точкой для кассационного рассмотрения является проверка того, насколько предварительное следствие и судебное рассмотрение дела проведены на основе точного соблюдения процессуальных и материальных законов, насколько сам судебный приговор как важнейший судебный акт, который должен получить для данного дела силу закона, вынесен с соблюдением всех требований закона. Это положение имеет особое значение сейчас, в силу установленного Сталинской Конституцией принципа—судьи независимы и подчиняются только закону (ст. 112 Конституции СССР, также ст. 6 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик).

Но при кассационном рассмотрении проверяется не только формальное соблюдение закона, но и законность самого приговора. его соответствие смыслу, содержанию закона, а это обязательно вводит кассационную инстанцию в рассмотрение существа дела, так как с точки зрения нашего понимания законно-

сти — социалистической законности — приговор, неправильный по существу, является тем самым и незаконным (вспомним замечательное выражение В. И. Ленина: «формально правильно, а по существу издевательство»).

§ 6. Ревизионный порядок

В советском уголовном процессе кассационное рассмотрение дела включает в себя так называемый ревизионный порядок (ст. 412 УПК).

Под ревизионным порядком разумеется рассмотрение кассационной инстанцией решенного судом первой инстанции дела вне пределов кассационной жалобы. При ревизионном рассмотрении кассационный суд проверяет дело независимо от тех доводов, которые указаны в кассационной жалобе, и при обнаружении в деле нарушений, хотя бы и не указанных в жалобе, обязан сделать соответствующие выводы (отмена или изменение приговора). Ревизионный порядок все время прочно сопутствовал советскому кассационному производству во всех стадиях его развития. Однако существенные изменения отмечаются и здесь: первоначально в ревизионном порядке, так же как и в кассационном, преобладали элементы формального характера (что и отражено в ст. 412 УПК редакции 1923 г.); теперь же ревизионный порядок означает проверку всего дела как с фактической стороны, так и со стороны соблюдения всех требований закона (материального и процессуального).

Процессуальное значение ревизионного рассмотрения двоякое: 1) наиболее полное осуществление контроля за деятельностью судов первой инстанции, что было бы трудно осуществить, если бы пределы кассационного рассмотрения ограничивались доводами кассационных жалоб; 2) действительное, реальное (а не только формальное) обеспечение сторон от могущих иметь место неправильностей и нарушений их прав в судах первой инстанции. В условиях еще недостаточной правовой грамотности населения и недостаточной юридической помощи ограничение кассационного рассмотрения доводами кассационных жалоб означало бы, что в неблагоприятном положении оказались бы граждане, не умеющие надлежаще составить и обосновать кассационную жалобу.

Буржуазный уголовный процесс не знает ревизионного порядка в указанном выше смысле, и, как правило, кассационная инстанция рассматривает дело только в пределах доводов кассационной жалобы или протеста (так называемый «деволютивный эффект» кассационной жалобы, т. е. ограничение сферы рассмотрения дела в суде второй инстанции только теми обстоятельствами и вопросами, которые указаны в кассационной жалобе). Отступления от этого правила допускаются только в отношении

особо существенных нарушений. В советском же уголовном процессе ревизионное рассмотрение является неотъемлемой частью кассационного производства, представляя как бы продолжение рассмотрения дела кассационной инстанцией по жалобам сторон.

Надлежит иметь в виду, что в истории процесса и в современном буржуазном процессуальном законодательстве термин «ревизия» встречается, но в совершенно ином значении, чем в советском уголовном процессе. Так, в средневековом инквизиционном процессе ревизия означала такой порядок, при котором приговор суда первой инстанции не являлся окончательным и вступал в силу лишь после того, как дело в силу требования закона, независимо от жалоб сторон, поступало на проверку в высшую (ревизионную) инстанцию и последняя утверждала приговор.

Во французском уголовном процессе ревизия означает возобновление дела по вновь открывавшимся обстоятельствам см. стр. 303).

В германском уголовном процессе ревизия — то же, что и кассация (см. выше).

В советском же уголовном процессе ревизия означает совершенно иное: рассмотрение дела, поступившего в кассационную инстанцию по жалобе (или протесту) стороны, но вне пределов доводов, содержащихся в кассационной жалобе. Во всяком случае ревизию в процессуальном значении этого слова нельзя смешивать с обычной ревизией, т. е. обследованием того или иного учреждения, проверкой его деятельности. Ревизия, ревизионный порядок в смысле ст. 412 Уголовно-процессуального кодекса означает не обследование работы суда первой инстанции, а рассмотрение кассационной инстанцией дела, поступившего по кассационной жалобе стороны, вне пределов кассационной жалобы, помимо тех доводов, которые в жалобе указаны.

Таким образом, ревизионный порядок в советском уголовном процессе не является каким-либо особым порядком, отличным от кассационного, а представляет собою часть, элемент кассационного рассмотрения. Дело поступает в кассационную инстанцию по кассационной жалобе или кассационному протесту и рассматривается в кассационном порядке; при этом кассационная инстанция, проверяя дело, не ограничивается проверкой только тех обстоятельств, на которые указано в кассационных жалобе или протесте, а должна сама проверить дело в полном его объеме — нет ли в деле нарушений, на которые не указано в жалобе или протесте, и в соответствии с этим вынести свое решение (определение). Это и называется ревизионным порядком.

§ 7. Кассационная жалоба

Наш процесс не устанавливает обязательной формы кассационной жалобы; жалобщик может написать ее так, как умеет, и приводить доводы, какие хочет, либо вообще никаких доводов не приводить, а лишь просить о пересмотре дела. Как бы ни была написана жалоба, при ее подаче дело переходит в кассационную инстанцию, которая полностью проверяет все дело и выносит свое решение (определение). Единственное формальное условие — это подача жалобы надлежащим лицом (сторона или ее представитель) и в установленный срок (ст.ст. 346, 349, 400 УПК).

Отсутствие в законе условий, касающихся формы кассационной жалобы, не означает, что эта форма вообще безразлична. Как бы ни была написана кассационная жалоба, она имеет юридический результат в смысле переноса дела в кассационную инстанцию, обязанную дело рассмотреть и вынести по нему свое определение. Но форма кассационной жалобы неразрывно связана с ее содержанием. Жалоба, обоснованная, аргументированная, содержащая подробное изложение допущенных судом нарушений, обоснование неправильности приговора и т. д., несомненно, служит очень серьезным процессуальным средством для исправления допущенных судом ошибок, для аннулирования незаконных и необоснованных приговоров. Поэтому особо значительна роль адвокатов, на обязанности которых лежит составление юридически и фактически обоснованных и аргументированных кассационных жалоб, не только содействующих исправлению ошибок суда первой инстанции, но и предотвращающих возможность ошибок самих кассационных инстанций.

Право подачи кассационной жалобы имеют стороны и их представители, т. е.: 1) подсудимый и его защитник; 2) государственный и общественный обвинители; 3) гражданский истец и его представитель; 4) потерпевший и его представитель по делам частного обвинения. Жалобы только этих лиц влекут за собой обязательный переход дела в кассационную инстанцию; жалобы же всех других лиц могут быть рассмотрены лишь в порядке судебного надзора (см. стр. 299).

Каждая сторона может подать жалобу по поводу нарушения ее прав и интересов. Прокурор же, приносящий кассационный протест, может делать это не только в интересах обвинения, но и в интересах всех участников процесса, в том числе и в интересах подсудимого, возражая против неправильного его осуждения или чрезмерной тяжести наказания.

В теории и практике уголовного процесса спорным является вопрос о круге лиц, могущих обжаловать оправдательный приговор суда. Несомненно, что оправдательный приговор может быть опротестован прокурором, а по делу частного обвинения — обжалован потерпевшим, являющимся обвинителем. Спорность вопроса—в том, может ли на оправдательный приговор принести

кассационную жалобу гражданский истец. Действующее процессуальное законодательство на этот вопрос прямого ответа не дает, и по существу этого вопроса в практике и в юридической литературе имеются разные точки зрения.

Со своей стороны мы считаем, что на этот вопрос ответ должен быть дан отрицательный: гражданский истец может подать кассационную жалобу на всякий приговор лишь в части гражданского иска. Следовательно, при вынесении судом оправдательного приговора он может подать кассационную жалобу только на отказ в иске, но не по существу приговора, не на самое оправдание. Поэтому та часть жалобы гражданского истца, которая касается самого оправдательного приговора, должна быть оставлена кассационной инстанцией без рассмотрения, и жалоба может быть рассмотрена лишь в части гражданского иска.

Такое решение вопроса нам представляется правильным по следующим основаниям. Приговор суда есть ответ на государственное обвинение, поддерживаемое прокуратурой. Оправдательный приговор означает, что суд отклонил это обвинение, отверг требования прокуратуры. Следовательно, только прокуратура может принести кассационный протест на оправдательный приговор, но не гражданский истец, участие которого в уголовном процессе ограничено рамками вопроса о возмещении убытков.

Далее, согласно ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» (см. стр. 290), отмена в кассационном порядке приговора за мягкостью примененного наказания может иметь место только в случае, если на этот приговор подан кассационный протест прокурора, тем более только по кассационному протесту прокурора может быть отменен оправдательный приговор, т. е. приговор, полностью отвергающий обвинение.

Кассационная жалоба и протест на приговор народного суда могут быть поданы в пятидневный срок с момента вынесения приговора. В случае же заочного рассмотрения дела, т. е. в отсутствие подсудимого, срок подачи кассационной жалобы для подсудимого устанавливается в пять дней с момента вручения ему копии приговора (ст. 346 УПК).

Кассационная жалоба на приговор краевого, областного, окружного суда, суда автономной области, Верховного суда автономной республики и специального суда (военного трибунала, линейного суда железнодорожного и водного транспорта) может быть подана подсудимым в течение 72 часов с момента вручения подсудимому копии приговора, а кассационный протест прокурором — в течение 72 часов с момента вынесения приговора (ст. 400 УПК).

Кассационному обжалованию не подлежат приговоры Верховного суда СССР и верховных судов союзных республик[1].

[1] См. также законы 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г., стр. 67.

В случае принесения кассационной жалобы или кассационного протеста кассационная инстанция, согласно ст. ст. 411 и 422 Уголовно-процессуального кодекса, рассматривает дело только в отношении тех подсудимых, к которым относится жалоба или протест. Исключения из этого правила могут быть только в случаях допущения судом следующих нарушений: 1) неправильного состава суда; 2) несоблюдения тайны совещательной комнаты; 3) вынесения обвинительного приговора при наличии обстоятельств, устраняющих возбуждение уголовного преследования и обязательно прекращающих уже возбужденное (ст. 422 УПК). В этих случаях кассационная инстанция отменяет приговор полностью, в целом, т. е. и в отношении тех подсудимых, которые кассационных жалоб не подали или в отношении которых приговор не был опротестован прокуратурой. Иначе решает этот вопрос Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР. Согласно его ст. 345, кассационная инстанция рассматривает дело и может отменить приговор в отношении всех подсудимых, в том числе и тех, в части которых приговор не был обжалован или опротестован.

§ 8. Кассационные поводы

Кассационными поводами называются те нарушения, в связи с которыми можно обжаловать приговор и которые могут быть предметом кассационного рассмотрения дела и являются тем самым основанием к отмене приговора в кассационном порядке.

Как указывалось выше, кассационное производство по каждому делу охватывает все его фактические и правовые моменты. Рассмотрению в кассационном порядке подлежат все материалы, касающиеся фактической стороны дела, т. е. собранные по делу доказательства и вопросы процессуальные и уголовно-правовые. Но исходными при кассационном рассмотрении являются вопросы, нашедшие непосредственное отражение в приговоре суда первой инстанции, правильность которого проверяется по всей совокупности обстоятельств дела.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР указывает четыре кассационных повода: 1) недостаточность и неправильность проведенного следствия; 2) нарушение форм судопроизводства (т. е. процессуальные нарушения); 3) нарушение или неправильное применение закона (материального); 4) несправедливость приговора (ст. 413 УПК).

Рассмотрим эти поводы в отдельности.

Недостаточность и неправильность проведенного следствия означают, что по делу остались невыясненными обстоятельства, выяснение которых должно было повлиять на приговор суда первой инстанции (ст. 414 УПК).

Основное значение имеет неполнота судебного следствия, так как приговор суда в соответствии с принципами устности и непосредственности процесса основывается на материалах судебного, а не предварительного следствия. Но обычно неполнота предварительного следствия обусловливает и неполноту судебного следствия, которое во многих случаях не может восполнить пробелы предварительного следствия. Таким образом, неполнота предварительного следствия, не восполненная судебным следствием, также является кассационным поводом и влечет за собой отмену приговора.

Существенное нарушение форм судопроизводства, т. е. процессуальных норм, правил Уголовно-процессуального кодекса, представляет собой первостепенный по своему значению кассационный повод, так как при наличии таких нарушений колеблются законные основания самого приговора. Закон знает две категории процессуальных нарушений, являющихся кассационными поводами: условные и безусловныме кассационные поводы.

Существенным процессуальным нарушением, влекущим за собой отмену приговора, является такое нарушение процессуальных норм, которое путем лишения или стеснения гарантированных законом прав сторон или иным путем повлияло или могло повлиять на правильность приговора (ст. 415 УПК). Сюда может быть отнесено любое процессуальное нарушение, которое по обстоятельствам рассматриваемого дела является существенным. Но насколько данное нарушение является существенным, решает кассационная инстанция в каждом отдельном случае применительно к особенностям данного дела. Поэтому эта категория процессуальных нарушений называется условными кассационными поводами, условными не в смысле их несущественности, а в том смысле, что значение этого нарушения зависит от условий каждого отдельного дела.

Наряду с этим устанавливаются безусловные кассационные поводы, т. е. такие процессуальные нарушения, которые обязательно, во всех случаях влекут за собой отмену приговора, независимо от существа дела, от того, повлияли ли эти нарушения и могли ли они повлиять на правильность данного приговора. Если такое нарушение имело место, приговор во всяком случае подлежит отмене, и кассационная инстанция не может оставить его в силе на том основании, что в данном конкретном деле это нарушение несущественно, что оно не отразилось на приговоре (ст. 415 УПК).

К категории безусловных кассационных поводов относятся следующие нарушения:

1) неправильный состав суда, т. е. участие в составе суда, рассматривавшего дело в первой инстанции, судей, подлежащих отводу, но не отведенных, или рассмотрение дела судом не в том количестве судей и не в том их составе, который предусмотрен законом;

2) вынесение приговора (имеется в виду обвинительный приговор) в случае, когда имелось налицо условие, при наличии которого уголовное преследование не могло быть возбуждено, а возбужденное подлежало прекращению в любой стадии процесса (ст. 4 УПК, см. также стр. 89);

3) рассмотрение дела в отсутствие подсудимого, когда нет законных условий для заочного рассмотрения дела (ст. 265 УПК); к таким условиям относятся: а) прямо выраженное согласие подсудимого на слушание дела в его отсутствие и б) доказанность уклонения подсудимого от явки в суд (см. стр. 237);

4) рассмотрение дела без участия защитника в случаях, когда участие защитника является обязательным, т. е. при участии обвинителя, или в случаях, когда обвиняемый страдает физическими недостатками, лишающими его возможности правильно воспринимать те или иные явления и, следовательно, самому защищать себя (ст. 55 УПК, см. также стр. 230).

При любом из указанных нарушений приговор подлежит обязательной отмене вне зависимости от того, есть ли в данном случае основания сомневаться в правильности вынесенного приговора.

Подобное разделение кассационных поводов на условные и безусловные вовсе не означает, что при наличии любого процессуального нарушения, кроме перечисленных выше четырех видов, приговор может быть оставлен в силе. Ряд других процессуальных нарушений может и должен влечь за собой отмену приговора. Непредоставление обвиняемому возможности ознакомиться с материалами дела, невручение подсудимому копии обвинительного заключения, лишение его права задавать вопросы свидетелям и другим подсудимым и давать свои объяснения на судебном следствии, нарушение тайны совещательной комнаты и ряд других нарушений делают невозможным оставление приговора в силе и влекут за собой его отмену.

Следующий вид кассационных поводов: нарушение или неправильное применение материального закона — Уголовного кодекса и других законов (ст. 416 УПК). Сюда относятся прежде всего неправильная квалификация преступления и определение наказания не в соответствии с санкцией примененной статьи Уголовного кодекса. При наличии такого нарушения приговор не всегда подлежит отмене: если иных нарушений по делу не было допущено и фактическая сторона дела разрешена и выражена в приговоре правильно, кассационная инстанция может внести в приговор изменения, выражающиеся в так называемой переквалификации преступления, в совершении которого подсудимый признан виновным, со смягчением или без смягчения наказания. (Об условиях изменения приговора см. стр. 292).

Последний вид кассационных поводов — несправедливость приговора (ст. 417 УПК). Под несправедливостью приговора подразумевается определение им наказания хотя и не

выходящего за пределы санкции примененной статьи Уголовного кодекса, но по своему размеру резко не соответствующего содеянному подсудимым, т. е. тому преступлению, в совершении которого подсудимый признан виновным. Может возникнуть вопрос, следует ли понимать несправедливость приговора в смысле чрезмерной суровости наказания или также и в смысле чрезмерной его мягкости, иными словами — идет ли речь о несправедливости приговора только в отношении самого подсудимого или также о его несправедливости в смысле несоответствия социалистическому правосознанию, недооценки серьезности рассматриваемого преступления. Мы полагаем, что несправедливость приговора следует понимать в обоих значениях: и в смысле чрезмерной суровости наказания, и в смысле чрезмерной его мягкости. Такое понимание несправедливости находит свое подтверждение и в том, что прокурору принадлежит право принесения протеста на мягкость примененного наказания, и, очевидно, отмена приговора в этом случае основывается на признании кассационным поводом несправедливости приговора в смысле применения судом чрезмерно мягкого наказания.

Рассмотренные выше кассационные поводы определяют характер и объем кассационного рассмотрения уголовного дела. Вместе с тем должно быть отмечено, что помимо перечисленных кассационных поводов кассационная практика постоянно ставит в центре внимания кассационных инстанций рассмотрение следующих двух моментов: 1) соответствие приговора имеющимся в деле данным; в этой плоскости кассационная инстанция проверяет, основан ли приговор на тех данных, которые имеются в деле и были рассмотрены на судебном следствии; 2) наличие в деле достаточных доказательств для обвинения; в этой плоскости кассационная инстанция проверяет, собран ли по делу доказательственный материал, на котором может быть основано обвинение (в случае вынесения обвинительного приговора). Эти моменты нашли себе совершенно ясное и определенное выражение в ст. 15 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик.

§ 9. Кассационное определение

В результате кассационного рассмотрения кассационная инстанция выносит по делу кассационное определение.

Кассационное определение может быть трех видов: 1) об оставлении приговора в силе; 2) об изменении приговора; 3) об отмене приговора.

Оставление приговора в силе имеет место в случаях, когда при производстве по делу в суде первой инстанции или на предварительном расследовании не было допущено нарушений или если допущенные нарушения не имели существенного значения, т. е. не отразились на правильности приговора.

Отмена приговора может иметь место в двух формах: 1) отме-

на приговора с обращением дела к вторичному рассмотрению; 2) отмена приговора с прекращением дела самой кассационной инстанцией.

Изменение приговора имеет место тогда, когда допущенная в приговоре неправильность может быть исправлена самой кассационной инстанцией без отмены приговора. В этом случае приговор остается в силе с теми изменениями, которые в него внесла кассационная инстанция.

Кассационное определение обязательно должно быть мотивировано. При отмене приговора в кассационном определении должны быть указаны допущенные по делу нарушения и их значение для дела, при изменении приговора — мотивы изменения. При оставлении приговора в силе, а кассационной жалобы (или протеста) без последствий в кассационном определении должны быть подвергнуты анализу доводы, приведенные кассатором (лицом, подавшим кассационную жалобу или протест), и указано, почему эти доводы кассационная инстанция признает неосновательными.

Кассационное определение подписывается всем составом суда (тремя судьями), рассматривавшим дело в кассационном порядке.

§ 10. Отмена приговора

Приговор отменяется кассационной инстанцией при наличии таких нарушений, допущенных в стадии предварительного расследования или судебного разбирательства, которые повлияли или могли повлиять на правильность приговора и тем самым колеблют приговор суда первой инстанции. В зависимости от существа дела и характера нарушений кассационная инстанция определяет стадию процесса, с которой должно быть возобновлено производство по делу: дополнительное предварительное расследование, предание суду или новое судебное разбирательство.

Отменяя приговор, кассационная инстанция передает дело для нового рассмотрения либо в другой суд первой инстанции, либо в тот же суд, но в другом составе судей. При новом рассмотрении дела в составе суда первой инстанции не могут участвовать судьи, принимавшие участие в вынесении первого (отмененного) приговора (ст. 420 УПК). Это требование вытекает из того, что судья, участвовавший в вынесении приговора, должен был составить себе убеждение по данному делу; поскольку же приговор отменен, в новом рассмотрении дела должны участвовать и новые судьи, у которых по данному делу нет предвзятой точки зрения. Участие в новом рассмотрении дела судьи (члена суда или народного заседателя), участвовавшего в первом рассмотрении дела, является безусловным кассационным поводом и влечет обязательную отмену этого нового приговора, так как здесь налицо неправильный состав суда. Новый приговор суда первой инстанции, вынесенный после отмены первого приговора,

может быть обжалован в общем порядке (т. е. в кассационном порядке).

При наличии в деле обстоятельств, устраняющих возможность уголовного преследования, кассационная инстанция, отменяя приговор, сама же прекращает дело, не передавая его в суд первой инстанции.

Согласно ст. 418 УПК РСФСР, кассационная инстанция, отменяя приговор, сама прекращает дело, лишь на основании ст 4, т. е. в случаях, когда подсудимый осужден за деяние, не содержащее состава преступления, или имеются налицо другие обстоятельства, при которых уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению в любой стадии процесса.

Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР предоставляет кассационной инстанции более широкую возможность самостоятельного прекращения дела без его направления для нового рассмотрения в суд первой инстанции. Именно, ст. 347 дает право кассационной инстанции прекращать дело в случаях, когда вывод суда первой инстанции не подтвержден материалами дела и новое рассмотрение дела не может дать достаточных доказательств для вынесения приговора.

Несомненно, ст. 347 Уголовно-процессуального кодекса Украинской ССР наиболее полно выражает условия деятельности кассационных инстанций; аналогичное положение фактически осуществляется в судебной практике повсеместно, во всех союзных республиках, в том числе и в РСФСР. Если приговор суда был отменен как необоснованный, а из дела видно, что не имеется данных, необходимых не только для вынесения обвинительного приговора, но и для предания обвиняемого суду, у кассационной инстанции нет никаких оснований возвращать дело на новое рассмотрение, заведомо зная, что дело будет прекращено; в этом случае кассационная инстанция сама должна прекратить дело. Следовательно, прекращение дела кассационной инстанцией может производиться по основаниям, указанным как в ст. 4, так и в ст. 204 УПК РСФСР, т. е. за недостаточностью улик для предания обвиняемого суду.

Существенное значение имеет вопрос о последствиях отмены приговора с передачей дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Общее положение таково. Суд первой инстанции при новом рассмотрении связан указаниями кассационной инстанции, которые для него обязательны (ст. 423 УПК). Эта обязательность для суда первой инстанции указаний кассационной инстанции сводится к обязанности суда (и следствия) произвести те действия и обсудить те вопросы, которые указаны кассационной инстанцией, но, разумеется, не может быть понимаема как предрешение кассационной инстанцией приговора по существу, как предложение суду вынести тот или иной приговор. Это означало бы нарушение принципа независимости судей и их подчинения только закону. Поэтому судьи, рассматри-

вающие дело повторно, после отмены приговора оценивают обстоятельства дела и выносят приговор по своему свободному судейскому убеждению, не будучи в этом отношении связаны указаниями кассационного определения.

§ 11. Вопрос о reformatio in pejus

Reformatio in pejus (латинский термин) означает буквально «преобразование (изменение) к худшему», т. е. решение дела в кассационной или апелляционной инстанции в сторону ухудшения положения подсудимого. Reformatio in pejus мыслима в трех формах: 1) непосредственное повышение наказания кассационной инстанцией; 2) отмена приговора за мягкостью наказания, с тем чтобы повышение наказания было произведено судом первой инстанции при новом рассмотрении дела; 3) применение судом первой инстанции при новом рассмотрении дела наказания, превышающего то, которое было применено по первому приговору, отмененному по кассационной жалобе подсудимого.

Непосредственное повышение наказания в кассационной инстанции в нашем уголовном процессе категорически запрещается и должно быть признано абсолютно недопустимым. Суд первой инстанции выносит свой приговор в результате судебного следствия и непосредственного рассмотрения всех обстоятельств дела с участием сторон и самого подсудимого. Кассационная инстанция этих возможностей лишена и в основу рассмотрения дела кладет письменное производство суда первой инстанции. Поэтому повышение ею наказания по сравнению с тем, которое было определено судом первой инстанции, означало бы совершенно недопустимое ограничение прав подсудимого на защиту (в материальном значении) и по существу — произвольность определения меры наказания.

Более сложен вопрос о праве суда первой инстанции при новом рассмотрении повышать меру наказания против той, которая была назначена в первом (отмененном) приговоре. «Основы уголовного судопроизводства» 1924 г. устанавливают принцип, что повышение меры наказания при новом рассмотрении дела может иметь место лишь в случаях, когда первоначальный приговор был опротестован прокурором (ст. 26). Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР устанавливает ограничение для повышения меры наказания в иной форме: при повторном рассмотрении дела суд первой инстанции не может повышать меру наказания, если приговор отменен по мотивам, указанным в жалобе осужденного (ст. 424). Очевидно, правило ст. 424 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР следует понимать в том смысле, что повышение наказания не допускается, если приговор был отменен по жалобе осужденного в его интересах, т. е. когда кассационная инстанция признала жалобу подлежащей удовлетворению в основном, в ее существе, а вовсе не обяза-

тельно, чтобы она использовала все доводы и соглашалась в деталях со всеми соображениями, изложенными в кассационной жалобе. Но если кассационная инстанция отменила приговор не по мотивам жалобы, по смыслу ст. 424 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР суд первой инстанции может повысить наказание по сравнению с тем, которое было определено судом по первоначальному, отмененному приговору (например если кассационная инстанция жалобу оставила без последствий, а приговор отменила в ревизионном порядке). Иными словами, подсудимый, подавший кассационную жалобу, в результате своей жалобы может получить более тяжелое наказание, чем то, которое было ему назначено по первоначальному, им обжалованному приговору.

Этот вопрос имеет очень большое принципиальное значение, так как от его решения зависит свобода обжалования судебных приговоров подсудимыми, право подсудимых оспаривать правильность их осуждения, не опасаясь, что в результате их жалобы получится ухудшение их положения, усиление примененного к ним наказания. Несомненно, что такая свобода обжалования находится в теснейшей связи с демократизацией советского процесса, а потому в настоящий момент должна быть расширена. Следовательно, не только недопустимо повышение наказания самой кассационной инстанцией, но недопустимо и повышение наказания при вторичном рассмотрении дела в суде первой инстанции, если первый приговор был обжалован только самим подсудимым, если дело поступило в кассационную инстанцию только по кассационной жалобе подсудимого, а не по протесту прокурора.

Поэтому единственно правильным может быть признано решение вопроса, данное ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик»: повышение наказания при повторном рассмотрении дела возможно лишь при отмене приговора по кассационному протесту прокурора. Равно лишь при наличии кассационного протеста прокурора кассационная инстанция может отменить приговор за мягкостью наказания; если же приговор прокуратурой не был опротестован, кассационная инстанция отменять приговор за мягкостью наказания не вправе.

Поскольку имеется расхождение между ст. 424 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, с одной стороны, и ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства» — с другой, в силу ст. 20 Конституции СССР действует ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства» как общесоюзный закон.

В данном вопросе Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР находится в полном соответствии со ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства» (ст. 424).

Reformatio in pejus при рассмотрении дела по кассационной жалобе подсудимого и при отсутствии кассационного протеста

прокурора несовместима с принципами советского уголовного процесса в какой бы то ни было, прямой или косвенной, форме. В случаях же, когда суд вынес неправильный, чрезмерно мягкий приговор, для исправления этой неправильности есть нормальный путь — принесение кассационного протеста прокурором в установленный для кассационного обжалования срок. При наличии такого протеста кассационная инстанция может отменить приговор ввиду его несправедливости (ст. 417 УПК), и она не лишается этого права, если одновременно с кассационным протестом прокурора подана кассационная жалоба подсудимым. При признании неосновательности кассационной жалобы подсудимого кассационная инстанция может оставить ее без последствий и отменить приговор по протесту прокурора.

Если же кассационный протест принесен не был, кассационная инстанция не может отменить приговор за мягкостью, даже если чрезмерная мягкость наказания будет очевидна. В этом случае она, оставляя приговор в силе, может отдельным представлением довести об этом до сведения председателя Верховного суда союзной республики или Верховного суда СССР, которые могут принести протест в порядке надзора (см. постановление Пленума Верховного суда СССР 13 июня 1940 г., «Советская юстиция», № 13).

Протест прокурора может быть принесен также и на оправдательный приговор по мотивам неправильности оправдания. Признав протест основательным, кассационная инстанция может отменить оправдательный приговор и обратить дело к новому рассмотрению в суд первой инстанции, который обязан вновь рассмотреть все дело в полном его объеме и вынести новый приговор, основанный на обстоятельствах дела и соответствующий внутреннему убеждению судей. Как уже сказано выше, указания кассационной инстанции суду первой инстанции обязательны для последнего в том смысле, что суд первой инстанции обязан произвести все действия и обсудить все вопросы, которые указаны в кассационном определении, но по существу решения вопроса о виновности или невиновности преданных суду лиц суд свободен и действует по своему убеждению. Поэтому отмена по протесту прокурора оправдательного приговора не предрешает обязательного вынесения обвинительного приговора при новом рассмотрении дела.

Французский уголовно-процессуальный кодекс устанавливает очень своеобразный институт «кассации в интересах закона». Оправдательный вердикт присяжных не может быть отменен, но прокурор может принести на него протест; при признании протеста основательным кассационная инстанция выносит определение о допущенных по делу нарушениях закона, не отменяя, однако, этот вердикт по данному делу (ст. 409). Таким образом, «кассация в интересах закона» не оказывает влияния на исход дела, по которому вынесен оправдательный вердикт, но имеет значение в смысле дачи указаний суду первой инстанции для

его дальнейшей работы. Французские процессуалисты не без основания называют кассацию в интересах закона «платонической кассацией».

Такое либеральное решение вопроса в советском уголовном процессе неприменимо, но условием отмены оправдательного приговора, равно как и чрезмерно мягкого приговора, может быть только кассационный протест прокурора, поданный в установленный законом срок на обжалование. Совершенно ясно, что прокурор может подать (и подает) протест не только на оправдание или на чрезмерную мягкость наказания, но и на неправильное осуждение и на чрезмерно тяжелое наказание. Это вытекает из природы советской прокуратуры как органа охраны социалистической законности, а не только обвинительного органа.

§ 12. Изменение приговора

Кассационная инстанция может, не отменяя приговора, внести в него изменения в случаях допущения судом первой инстанции нарушений, которые могут быть исправлены без нового производства предварительного расследования и судебного разбирательства.

Эти изменения могут касаться: а) фактической стороны приговора, т. е. изложенных в приговоре фактов преступлений, за которые осужден подсудимый; здесь возможно исключение кассационной инстанцией из приговора отдельных пунктов обвинения (если они противоречат данным дела или вменяют осужденному подсудимому в вину совершение действий, не содержащих состава преступления); б) юридической квалификации обвинения (т. е. изменения статей Уголовного кодекса); в) меры наказания, избранной судом первой инстанции (в смысле ее снижения).

Пределы этих изменений лежат главным образом в указанном выше требовании избегать «перекраивания» приговоров на почве переоценки доказательств. Кассационная инстанция не может перерешать дело, выносить по существу дела иное решение, чем то, которое вынес суд первой инстанции, но может отменить приговор с обращением дела к новому расследованию и рассмотрению в суд первой инстанции, в ином составе судей. Поэтому внесение в приговор изменений, как правило, может иметь место лишь в случаях, когда необходимость этих изменений вытекает из тех обстоятельств, которые установлены самим же приговором суда. Если же приговор не соответствует обстоятельствам дела, как правило, он подлежит отмене, а не изменению. Принципиальное значение имеет запрещение кассационной инстанции самостоятельно повышать меру наказания, избранную судом первой инстанции, о чем было сказано выше. Естественно, что оправдательный приговор никаким изменениям не подлежит и может быть лишь отменен при наличии протеста прокурора.

§ 13. Порядок кассационного рассмотрения

Рассмотрение дела в кассационной инстанции происходит в открытом судебном заседании. Закрытие дверей судебного заседания может иметь место по тем же основаниям, что и в суде первой инстанции. Рассмотрение дела в кассационной инстанции происходит применительно к правилам, установленным для первой инстанции. Кассационное заседание отличается от заседания суда первой инстанции в основном тем, что в нем нет судебного следствия. Следовательно, правила об отводе судей, об условиях закрытия дверей судебного заседания, о тайне совещательной комнаты и другие целиком распространяются на рассмотрение дела в кассационной инстанции. Стороны вызываются на кассационное заседание, т. е. им должно быть сообщено о дне слушания дела, и в случае их явки они должны допускаться к участию в кассационном заседании; однако неявка их при своевременном извещении не устраняет возможности слушания дела.

Слушание дела начинается докладом одного из судей. Судья оглашает содержание обжалованного приговора, затем излагает основные доводы кассационной жалобы (или протеста) и приводит те материалы дела, которые должны быть рассмотрены при обсуждении кассационной жалобы или протеста, но ни в коем случае не высказывает своего мнения по поводу основательности или неосновательности жалобы и протеста.

После доклада судьи стороны (если они присутствуют) дают свои объяснения. Первое слово принадлежит стороне, подавшей жалобу, которая развивает доводы своей письменной жалобы, причем может выйти за ее пределы и изложить новые доводы и соображения, а равно может представить кассационной инстанции новые материалы (документы). После объяснений сторон дает заключение прокурор. Положение прокурора в кассационной инстанции иное, чем в первой инстанции. В кассационной инстанции прокурор — не сторона, не обвинитель, а представитель органа, наблюдающего за законностью. Он не обвиняет, а с точки зрения закона дает заключение по кассационной жалобе. После заключения прокурора последнее слово предоставляется подсудимому или его защитнику, после чего суд удаляется на совещание и выносит кассационное определение.

Таков порядок кассационного рассмотрения, установленный Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР (ст. 410). В отличие от него по Уголовно-процессуальному кодексу Украинской ССР прокурор дает заключение не до, а после последнего слова подсудимого или его защитника (ст. 343).

Порядок, установленный Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, нам представляется более целесообразным, так как при нем подсудимому или его защитнику предоставляется возможность возразить на заключение прокурора.

В соответствии со ст.ст. 77, 80, 409 и 410 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР при кассационном рассмотрении дела

должен вестись протокол заседания кассационной инстанции. В этом протоколе должны быть отмечены рассматриваемое дело, состав суда, стороны и прокурор, доклад члена суда, заключение прокурора и выступления сторон, причем в протоколе не только указывается заключение прокурора и выступления сторон, но и излагается их содержание. В протокол заносятся все заявления сторон, их ходатайства, представление новых документов и т. д. Протокол подписывается председательствующим в заседании и секретарем.

Надо отметить, что на практике протоколы заседаний кассационных инстанций обычно не ведутся, а заключение прокурора и выступления сторон отмечаются в самом кассационном определении.

Мы думаем, что этот порядок должен быть изменен: в заседаниях кассационной инстанции, так же как и в суде первой инстанции, должен вестись протокол. Статья 77 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР устанавливает, что в судебных заседаниях обязательно ведутся протоколы, а согласно ст. 409 Уголовно-процессуального кодекса рассмотрение кассационных жалоб и протестов производится в судебном заседании; следовательно, и в них должны вестись протоколы.

§ 14. Частные жалобы и протесты

Кассационные жалобы и протесты приносятся на судебные приговоры. На отдельные же определения суда и постановления судьи приносятся частные жалобы и протесты. Термин «частный» в данном случае означает не то, что эта жалоба или протест приносятся в частных интересах, а то, что их предметом является решение суда не по основному вопросу уголовного дела (о виновности преданных суду лиц), а по отдельному вопросу судебного дела, не на приговор суда, а на отдельные судебные действия и определения. Частные жалобы приносятся в те же сроки, что и кассационные. Частные жалобы на определение народного суда или постановление народного судьи приносятся в судебную коллегию по уголовным делам краевого (областного) суда, в которой рассматриваются в судебном заседании без вызова сторон. Стороны, однако, допускаются к участию в рассмотрении в случае их явки (ст. 431 УПК). Согласно ст. 405, частные жалобы на определения краевого (областного) суда приносятся в кассационную коллегию того же краевого (областного) суда и рассматриваются кассационной коллегией в распорядительном заседании без участия сторон. При рассмотрении частной жалобы в состав кассационной коллегии не могут входить лица, участвовавшие в вынесении обжалованного определения. Этот порядок рассмотрения частных жалоб и протестов на определения краевого (областного) суда потерял силу с введением в действие Закона о судоустройстве СССР, союзных и ав-

тономных республик, поскольку последний в составе краевого (областного) суда не разделяет судебные и кассационные коллегии, устанавливая судебную коллегию по уголовным делам, являющуюся судом как первой, так и второй инстанции. Следовательно, частные жалобы и протесты на определения краевого и областного суда должны приноситься в судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда союзной республики в соответствии со ст.ст. 15 и 50 Закона о судоустройстве (постановление Пленума Верховного суда СССР 13 июня 1939 г.).

ГЛАВА XIII

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ

§ 1. Значение этой стадии процесса. § 2. Процессуальные вопросы, возникающие при исполнении приговора. § 3. Надзор за исполнением приговора.

§ 1. Значение этой стадии процесса

Исполнение приговора — последняя стадия уголовного процесса, в которой происходит реализация вступившего в законную силу приговора, т. е. проводятся в жизнь его постановления. Исполнение приговора завершает процесс по конкретному уголовному делу, заканчивает движение дела.

Приговор обращается к исполнению распоряжением суда, вынесшего приговор. Суд сообщает копию приговора местам заключения, милиции и другим органам, на которые возлагается фактическое исполнение приговора, и дает распоряжение о приведении приговора в исполнение.

Уголовный процесс считается законченным в тот момент, когда суд обратил приговор к исполнению, т. е. сообщил копию его органам, на которые возлагается фактическое исполнение приговора (ст. 455 УПК). Действия же этих органов, направленные к реализации наказания, к которому суд приговорил подсудимого, в систему уголовного процесса не входят, лежат за пределами процесса.

Мы считаем исполнение приговора последней процессуальной стадией, так как именно исполнением приговора завершается весь цикл процессуальных отношений, из которых составляется уголовный процесс, и реализуется состоявшееся по делу окончательное решение суда.

Некоторые буржуазные процессуалисты считают, что исполнение приговора целиком лежит вне сферы уголовного процесса, который заканчивается вступлением приговора в законную силу. Так, например, профессор Розин утверждал, что содержанием уголовного процесса является спор сторон по вопросу о правильности «карательного притязания государства». Этот спор решается со вступлением приговора в законную силу, чем и заканчивается уголовный процесс[1]. С этим согласиться нельзя.

---

[1] См. Розин, Уголовное судопроизводство, 1914. стр. 418—419.

Именно исполнение приговора, реализация вступившего в законную силу решения суда, заканчивает движение уголовного дела, так как в уголовном процессе имеет значение не только формальное получение приговором силы закона, но и фактическое осуществление этой законной силы приговора, без чего она будет только видимой, но не реальной, не действительной.

Как указано выше, в уголовный процесс входит стадия исполнения приговора в смысле обращения приговора к исполнению судом, но не в смысле административных действий органов (милиции, судебных исполнителей и т. д.), реализующих этот приговор в части примененного судом наказания.

Приговор приводится в исполнение по вступлении его в законную силу (см. стр 268), кроме приговоров оправдательных и освобождающих подсудимого от наказания, которые приводятся в исполнение немедленно по их вынесении (ст. 454 УПК). Это значит, что если оправданный или освобожденный от наказания подсудимый содержится под стражей, он тут же, в самом судебном заседании, немедленно по оглашению приговора освобождается распоряжением председателя суда; равно отменяется всякая иная ранее избранная мера пресечения.

Этот момент—освобождение судом оправданного подсудимого от наказания — является моментом процессуально-правового значения и относится к стадии исполнения приговора как стадии уголовного процесса.

Приговор к высшей мере наказания (расстрелу) может приводиться в исполнение только после рассмотрения дела в Верховном суде союзной республики и в Верховном суде СССР, причем по вступлении приговора в силу осужденный в течение 72 часов по объявлении ему об оставлении приговора в силе может подать в Президиум Верховного Совета союзной республики или в Президиум Верховного Совета СССР ходатайство о помиловании. Подача такого ходатайства приостанавливает исполнение приговора до рассмотрения ходатайства (ст. 442 УПК). По делам о террористических актах и террористических организациях, рассматриваемым в порядке закона 1 декабря 1934 г., ходатайства о помиловании не допускаются.

Приговоры по делам о прогулах без уважительных причин и о самовольном уходе с предприятия или из учреждения приводятся в исполнение немедленно (ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1940 г.).

§ 2. Процессуальные вопросы, возникающие при исполнении приговора

При обращении приговора к исполнению может возникнуть ряд процессуальных вопросов, разрешение которых производится судом и происходит в установленной законом процессуальной форме.

В процессе исполнения приговора особое место занимает вопрос об отсрочке приведения приговора в исполнение.

Отсрочка может иметь место в случаях, специально указанных в законе, а именно: 1) тяжелая болезнь осужденного; 2) беременность осужденной; 3) особо тяжелые обстоятельства личной жизни осужденного (ст. 456 УПК).

Далее, к таким же процессуальным моментам относятся вопросы: 1) изменения меры наказания в силу психической или иной тяжелой неизлечимой болезни осужденного (ст. 457 УПК); 2) рассрочки штрафа; 3) разъяснения всяких сомнений и неясностей, возникающих при приведении приговора в исполнение, и исправления вкравшихся в приговор неточностей, не касающихся существа приговора; 4) определения меры наказания по совокупности нескольких приговоров.

Разрешение всех этих вопросов происходит в особом процессуальном порядке — в судебном заседании с вызовом лиц, которых касается рассматриваемый вопрос, и при участии (необязательном) прокурора (ст.ст. 461, 462 УПК).

§ 3. Надзор за исполнением приговора

Надзор за исполнением приговоров лежит на прокуратуре, которая следит за тем, чтобы исполнение вступивших в законную силу приговоров производилось в точном соответствии с содержанием самих приговоров и с требованиями закона.

По вопросу о надзоре прокуратуры за исполнением приговоров см. циркуляр Прокуратуры СССР № 452 29 декабря 1934 г.[1].

---

[1] «За социалистическую законность», 1935 г., № 2.

ГЛАВА XIV

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПЕРЕСМОТРА ПРИГОВОРОВ, ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ

§ 1. Судебный надзор. § 2. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам

§ 1. Судебный надзор

Помимо кассационного пересмотра судебных приговоров существует особый вид пересмотра приговора в порядке судебного надзора.

Предметом пересмотра дела в порядке судебного надзора могут быть приговоры, вступившие в законную силу, а также определения суда о прекращении дела.

В отличие от нормального, кассационного обжалования, находящегося в зависимости от усмотрения сторон, порядок судебного надзора носит исключительный характер и проводится в зависимости от усмотрения соответствующего органа надзора.

В кассационном порядке самый факт подачи стороной жалобы в установленный законом срок является достаточным основанием к тому, чтобы дело перешло в кассационную инстанцию, которая независимо от содержания и основательности жалобы обязана проверить дело, решенное судом первой инстанции, и вынести по нему свое определение. Пересмотр же дела в порядке судебного надзора зависит от усмотрения государственных органов, которым закон предоставляет право возбуждать производство в порядке судебного надзора и которые могут истребовать или не истребовать дело из суда первой инстанции и дать ему движение путем принесения протеста или прекратить производство в порядке надзора, оставив тем самым дело в его прежнем положении. Иными словами, кассационный порядок является нормальной стадией прохождения уголовного дела; порядок же судебного надзора предполагает экстраординарное, особое вмешательство надзорного органа в нормальный ход дела. Этим определяется исключительный характер надзорного производства: свое обычное разрешение уголовное дело находит в двух инстанциях — первой и кассационной; возбуждение же надзорного производства может иметь место лишь в тех случаях, когда соответствующий орган, имеющий право надзора, усматривает,

что в пределах нормальных стадий процесса дело не получило правильного разрешения и допущенные по нему нарушения столь существенны, что необходимо их исправить путем отмены или изменения приговора суда первой инстанции и определения кассационной инстанции.

Совершенно различно и правовое значение жалоб, подаваемых сторонами в кассационном порядке, и жалоб с просьбой о пересмотре дела в порядке надзора: подача в срок кассационной жалобы влечет за собой автоматический переход дела в вышестоящую инстанцию, подача же жалобы с просьбой о пересмотре дела в порядке судебного надзора такого эффекта не имеет, и от органа надзора зависит — истребовать по ней дело или оставить ее без последствий, а в случае истребования дела — принести протест или вернуть его в первоначальное положение.

Таким образом, основное отличие порядка надзора от кассационного порядка заключается в формах и порядке прохождения и направления дела. Что же касается самого содержания рассмотрения дела, здесь разницы никакой нет; и в порядке кассации и в порядке надзора одинаково рассматриваются все материалы дела и проверяется правильность его разрешения с точки зрения обоснованности и законности состоявшихся по делу судебных решений. Поводы к отмене приговора в порядке кассационном или в порядке судебного надзора — одни и те же (ст. 413 УПК).

Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик внес существенные изменения в порядке судебного надзора, существовавший до этого закона. Хотя порядок судебного надзора всегда в нашем законодательстве рассматривался как порядок исключительный, однако множественность органов, имевших право возбуждать производство в порядке надзора, истребовать дела и приносить по ним протесты, фактически лишала этот порядок его исключительного характера. Так, приносить протесты на вступившие в законную силу приговоры могли все органы прокуратуры, начиная от районного прокурора, и председатели всех судов, кроме народного судьи. К этому же результату, т. е. расширению пределов применения порядка надзора, приводила и множественность судебных инстанций, которые по протестам указанных выше лиц пересматривали дела в порядке надзора. В составе краевых, областных, окружных судов, судов автономных областей, верховных судов союзных и автономных республик существовали специальные инстанции для рассмотрения дел в порядке надзора — президиумы и пленумы этих судов. Все это приводило к тому, что порядок судебного надзора в значительной мере превратился из исключительного порядка пересмотра дел в нормальный порядок наряду с кассационным, а президиумы и пленумы краевых, областных и иных судов превратились в нормальную третью инстанцию суда, хотя закон предусматривает лишь две таких инстанции — первая и кассационная.

Тем самым создавалась неустойчивость судебных приговоров, вошедших в законную силу, колебалась авторитетность судебных приговоров,

Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик резко изменил это положение. Прежде всего им сокращено число лиц, имеющих право приносить протесты в порядке судебного надзора по делам со вступившими в законную силу приговорами: таким правом сейчас обладают только Прокурор СССР и прокурор союзной республики, Председатель Верховного суда СССР и председатель Верховного суда союзной республики (ст. ст. 16 и 74). Никаким другим лицам (краевым прокурорам, председателям краевых судов) право приносить протесты в порядке надзора не предоставлено. Далее, Закон о судоустройстве ликвидировал президиумы и пленумы всех краевых, областных и иных судов, сохранив пленум лишь в Верховном суде СССР, и установил, что рассмотрение дела в порядке надзора может производиться лишь судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда союзной республики или Судебной коллегией по уголовным делам и Пленумом Верховного суда СССР.

Согласно Закону о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, порядок судебного надзора в уголовном процессе сейчас действует в следующем виде.

1. Прокурор союзной республики и председатель Верховного суда союзной республики могут истребовать дело из любого суда. союзной республики, в том числе и из судов автономных республик, входящих в данную союзную республику. Прокурор Союза ССР и Председатель Верховного суда СССР могут истребовать любое дело из любого суда СССР или союзных республик.

2. Истребуя дела из судов, указанные выше лица могут приостановить исполнение приговора.

Приостановление исполнения приговора означает, что мера наказания и иные постановления приговора (например о гражданском иске) не реализуются до тех пор, пока приостановление не будет снято или пока по делу не состоится решение, вынесенное в порядке надзора соответствующей судебной инстанцией. В отношении осужденных, отбывающих лишение свободы, приостановление приговора означает их освобождение под подписку о невыезде или с другой мерой пресечения.

Приостановление приговора производится постановлением лица, требующего дело, если при истребовании дела оно найдет нужным также приостановить исполнение приговора.

3. Если истребовавший дело в порядке судебного надзора не обнаружит существенных нарушений, влекущих отмену или изменение приговора и кассационного определения, он выносит постановление о прекращении производства в порядке надзора, и дело возвращается в суд, из которого оно было истребовано.

4. В случае, если истребовавший дело признает, что состоявшиеся по делу судебные решения необоснованны и незаконны, он приносит протест в порядке надзора.

Направление дела с протестами в порядке судебного надзора производится следующим образом:

а) дело, по которому приговор вынесен народным судом, рассматривается судебной коллегией Верховного суда союзной республики независимо от того, рассматривалось ли оно в кассационном порядке в краевом (областном) суде;

б) дело, по которому приговор вынесен краевым (областным) судом и которое не рассматривалось в кассационном порядке, рассматривается судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда союзной республики, а дело, рассмотренное в кассационном порядке, — Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР;

в) дело, по которому приговор или определение (в кассационном порядке или в порядке надзора) вынесены судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда союзной республики, — Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР;

г) дело, которое в порядке судебного надзора или в первой инстанции рассматривалось Судебной коллегией Верховного суда СССР, рассматривается Пленумом Верховного суда СССР.

Приносить протесты в порядке надзора в судебную коллегию по уголовным делам и в Пленум Верховного суда СССР могут только Прокурор СССР и Председатель Верховного суда СССР, а в судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда союзной республики — также и прокурор союзной республики и председатель Верховного суда союзной республики.

5. Помимо указанных выше четырех лиц, право истребования дела из соответствующих судов принадлежит районным, окружным, областным и краевым прокурорам и прокурорам АССР, председателям окружных, областных, краевых и верховных судов АССР. Но эти лица не могут ни приостанавливать исполнение приговоров, ни приносить протесты в порядке надзора. В случаях, когда в результате ознакомления с делом они придут к выводу, что приговор или определение является незаконным и необоснованным, они входят с представлением к вышестоящему прокурору или председателю суда о принесении протеста (приказ Народного комиссара юстиции СССР и Прокурора СССР № 77/1251 19 сентября 1938 г.).

Процессуальный порядок рассмотрения протестов в порядке судебного надзора соответствующими судебными инстанциями такой же, какой установлен для кассационного производства. В законе не предусмотрено допущение сторон к участию в заседании суда, рассматривающего дело в порядке судебного надзора.

Суд, рассматривающий дело в порядке судебного надзора, не может вынести такого решения, которым положение осужден-

ОПЕЧАТКА

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
302	19—20 сверху	сационном порядке,— Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР;	лики, рассматривается Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР;

ного отягчалось бы по сравнению с установленным кассационной инстанцией при кассационном рассмотрении дела. Так, если кассационная инстанция при рассмотрении дела по кассационной жалобе осужденного снизила наказание или отменила обвинительный приговор, суд, рассматривающий дело в порядке судебного надзора, может отменить кассационное определение и передать дело на новое рассмотрение в кассационном порядке, но не может сам оставлять в силе приговор суда первой инстанции (постановление 20 Пленума Верховного суда СССР 1938 г.).

Установленные Законом о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик изменения в области порядка судебного надзора имеют громадное значение. Ими, с одной стороны, обеспечивается устойчивость, стабильность судебных приговоров, вступивших в законную силу, а с другой стороны — сохраняется возможность пересмотра любого судебного приговора или определения, если установлена их необоснованность и незаконность.

§ 2. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам

Эта форма пересмотра судебных приговоров по существу близка к порядку судебного надзора — как и в последнем, здесь происходит пересмотр дела, по которому приговор вступил в законную силу. Разница же заключается в том, что в порядке возобновления дел пересмотр их происходит в силу того, что открылись новые обстоятельства, не бывшие в поле зрения суда первой инстанции при вынесении приговора и подлежащие расследованию.

Существенный момент возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам составляет то, что единственным органом, имеющим право давать делу направление в этом порядке, является прокуратура.

Поводами к возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам служат: а) ложные показания свидетелей или заключения экспертов и подложность иных доказательств, на которых был основан приговор; б) преступные злоупотребления судей или органов расследования по данному делу; в) все иные обстоятельства, устанавливающие неправильность приговора (ст. 373 УПК).

При наличии указаний на эти обстоятельства прокурор производит расследование и, в зависимости от его результатов, либо передает дело с материалами расследования и со своим заключением в судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда союзной республики или СССР по принадлежности для отмены приговора, либо прекращает производство, если расследованием не установлено вновь открывшихся обстоятельств, опорочивающих приговор. Преступные злоупотребления судей, а также

лжесвидетельство и дача ложных заключений экспертом или подложность иных доказательств могут служить основанием к возобновлению дела лишь в том случае, когда эти обстоятельства установлены вступившим в законную силу приговором суда, осудившим судью, свидетеля, эксперта и т. д. (ст. 375 УПК).

Смерть осужденного не является препятствием к возобновлению о нем дела, по которому состоялся обвинительный приговор, поскольку отмена приговора может означать реабилитацию умершего осужденного.

Возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам не связано сроками. Исключение — пересмотр оправдательных приговоров, который может иметь место лишь в течение года со дня открытия новых обстоятельств и во всяком случае не позже пяти лет со дня вступления оправдательного приговора в законную силу (ст. 374 УПК). Это правило относится к случаям, когда после вступления в силу оправдательного приговора обнаружились новые обстоятельства, не бывшие ранее известными суду (п. 3 ст. 373 УПК). В случаях же подложности доказательств и преступных злоупотреблений судей (пп. 1 и 2 ст. 373) для возобновления дел с оправдательными приговорами сроков не устанавливается.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ

Прилагаемый перечень литературы по уголовному процессу не является исчерпывающим и содержит указания лишь на основные работы на русском языке.

Из иностранных работ укажем капитальные курсы уголовного процесса французских процессуалистов: M. Faustin Hèlie — Traité d'instruction criminelle ou théorie du code d'instruction criminelle, 1863—1869; Garraud — Traité théorique et pratique d'instruction criminelle et de procédure pénale, 1907—1912; из новейших работ — Vidal — Cours de droit criminel et de science penitentiare, 1935 (2-я часть курса — стр. 717—1046 — посвящена изложению действующего французского уголовно-процессуального права).

Из немецких курсов уголовного процесса укажем: Graf zu Dohna — Das Strafprozessrecht, 1929, и Gerland — Der deutsche Strafprozess, 1927.

К главе I. Предмет и общие положения науки уголовного процесса

Маркс, Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов, Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. XIII, стр. 503—558.

Маркс, Дебаты по поводу закона против кражи дров, Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. I, стр. 226—260.

Сталин, Доклад на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР о проекте Конституции СССР.

Сталин, Доклад на XVIII съезде ВКП(б).

Молотов, Речь на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР.

Молотов, Доклад на XVIII съезде ВКП(б).

Вышинский, Роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян (в брошюре «К положению на фронте правовой теории»), 1937.

Вышинский, Курс уголовного процесса, 1927, стр. 3—19.

Строгович, Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности, 1939.

Полянский, Очерки общей теории уголовного процесса, 1927.

Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. 1, стр. 1—17, вып. 2, стр. 12—21.

Основные задачи науки советского права (материалы научного совещания научных работников права), 1938.

Случевский, Учебник уголовного процесса, 1913, стр. 1—36.

Розин, Уголовное судопроизводство, 1916, стр. 1—41.

Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. I, 1912, стр. 1—16.

Люблинский, Новая теория уголовного процесса, 1916.

К главе II. Уголовный процесс эксплоататорских государств

Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебников истории.

Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. I, стр. 16—67.

Случевский, Учебник уголовного процесса, стр. 36—48
Сыромятников, Очерк истории суда в древней и новой России (в сб. «Судебная реформа», т. 1, 1915).
Ланге, Древнерусское уголовное судопроизводство, 1884.
Дмитриев, История судебных инстанций, 1859.
Бэкo, Организация уголовной юстиции в главнейшие исторические эпохи (пер. с франц.), 1867.
Полянский, Уголовное право и уголовный суд в Англии, 1937.
Полянский, Судебное законодательство учредительного и законодательного собраний в эпоху первой французской революции (1789—1792), журн. «Советское государство и право», 1939, № 5.
Полянский, Судебное законодательство Конвента, журн. «Советское государство и право», 1940, № 1.
Полянский, Судьба процессуальных гарантий личной свободы во Франции, «Советское государство и право», 1940 г., № 5—6.
Люблинский, Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии, 1911.

К главе III. Советский уголовный процесс

Ленин, Письма о борьбе с волокитой, VIII Ленинский сборник, стр. 53—59.
Ленин, Первоначальный набросок статьи «Очередные задачи советской власти», т. XXII, стр. 424—425.
Ленин, Очередные задачи советской власти, Соч., т. XXII, стр. 458—460.
Ленин, О двойном подчинении и законности, т. XXVII, стр. 298—301.
Сталин, Беседа с английским писателем Уэллсом.
Сталин, Беседа с Рой-Говардом.
Речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938.
Молотов, О высшей школе.
Вышинский, Курс уголовного процесса, 1927, стр. 29—51, 140—145.
Строгович, Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде, 1934.
Строгович, Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности, 1939.

К главе IV. Уголовно-процессуальная деятельность и ее субъекты

Строгович, Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности, 1939.
Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. 2, стр. 21—98.
Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, 1915, стр. 1—179.

К главе V. Учение о доказательствах

Вышинский, Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе, «Проблемы уголовной политики», кн. IV, 1937.
Вышинский, Курс уголовного процесса, 1927, стр. 98—126.
Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1940.
Строгович, Внутреннее судейское убеждение и оценка доказательств в уголовном процессе, «Проблемы уголовной политики», кн. IV, 1937.
Голунский, О вероятности и достоверности в уголовном суде, там же.
Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. 2, стр. 98—170.
Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, стр. 179—315.
Случевский, Учебник уголовного процесса, стр. 374—406.
Владимиров, Учение об уголовных доказательствах, 1910.
Кони, Обвиняемые и свидетели, Сведующие люди и экспертиза, «На жизненном пути», т. I, стр. 312—392.
Бентам, О судебных доказательствах (пер. с англ.), 1876.

Стифен, Очерк доказательственного права (со вступительной статьей П. Люблинского, перев. с англ.), 1910.
Уильз, Опыт теории косвенных улик (перев. с англ.), 1864.

К главе VI. Возбуждение уголовного дела

Вышинский, Курс уголовного процесса, 1927, стр. 145—147.
Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. 2, стр. 192—204.

К главе VII. Предварительное расследование. К главе VIII. Процессуальные формы предварительного следствия

Вышинский, Курс уголовного процесса, 1927, стр. 96—97, 127—158.
Строгович, Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде, 1934.
Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. 2, стр. 215—246.
Фойницкий, Курс уголовного судопризводства, т. II, 1915, стр. 355—400.
Случевский, Учебник уголовного процесса, 1913, стр. 500 — 524.

К главе IX. Предание суду

Вышинский, Курс уголовного процесса, 1927, стр. 166—173.
Голунский, Камера предания суду, «Социалистическая законность», 1937, № 2.
Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. 2, стр. 246—257.
Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, стр. 400 — 427.
Случевский, Учебник уголовного процесса, стр. 524—546.

К главе X. Судебное разбирательство

Вышинский, Курс уголовного процесса, 1927, стр. 137—178.
Вышинский, Судебные речи, 1938.
Вышинский, Революционная законность и задачи советской защиты, 1932.
Строгович, Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде, 1934.
Строгович, Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности, 1939.
Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. 2, стр. 257—287.
Арсеньев, Судебное следствие, 1891.
Кони, Судебные речи, 1897.
Кони, Предмет и задачи обвинения на суде, «На жизненном пути», т. I, стр. 100—154.
Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, стр. 427—445.
Случевский, Учебник уголовного процесса, стр. 546—581.
«Участие прокурора в судебном следствии», Методическое письмо Прокуратуры СССР, сост. М. С. Строговичем под ред. А. Я. Вышинского, «Социалистическая законность», 1938, № 8 и отдельная брошюра.
«Методика подготовки и произнесения обвинительной речи», Методическое письмо Прокуратуры СССР, сост. С. А. Голунским (отдельная брошюра), 1939.

К главе XI. Судебный приговор

Вышинский, Курс уголовного процесса, 1937, стр. 179—182.
Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, стр. 445—488.
Случевский, Учебник уголовного процесса, стр. 581—603.

К главе XII. Кассационное обжалование судебных приговоров

Вышинский, Курс уголовного процесса, 1927, стр. 186—199.
Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, стр. 516—562.

Случевский, Учебник уголовного процесса, стр. 604—639.
Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. 2, стр. 287—310.
«Кассационные протесты Прокуратуры», методическое письмо Прокуратуры СССР, сост. С. А. Голунским и М. С. Строговичем, под ред. А. Я. Вышинского, журн. «Социалистическая законность», 1939, № 5 и отдельная брошюра.

К главе XIII. Исполнение судебных приговоров

Вышинский, Курс уголовного процесса, 1927, стр. 199—206.
Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. 2, стр. 331—338.

К главе XIV. Исключительный порядок пересмотра приговоров, вступивших в законную силу

Вышинский, Курс уголовного процесса, 1927, стр. 197—199, 207—208.
Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. 2, стр. 310—314.

EB_1941_AKS_454

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Предмет и общие положения науки уголовного процесса 3
§ 1. Правосудие в СССР и его задачи 3
§ 2. Осуществление правосудия 7
§ 3. Определение уголовного процесса 8
§ 4. Процессуальные гарантии и их значение 12
§ 5. Уголовный процесс и технические правила цроизводства уголовных дел 19
§ 6. Уголовно-процессуальное и уголовное материальное право . 20
§ 7. Уголовный процесс и другие отрасли судебного права . . . 23

Глава II. Уголовный процесс эксплоататорских государств . . . 29
А. История уголовного процесса в эксплоататорских государствах 29
§ 1. Общие понятия 29
§ 2. Обвинительный процесс 31
§ 3. Розыскной (инквизиционный) процесс 35
§ 4. Уголовный процесс в период Французской буржуазной революции 1789 г. 38
§ 5. Смешанный процесс 42
Б. Уголовный процесс современных буржуазных государств 45
§ 1. Французский уголовный процесс 45
§ 2. Английский уголовный процесс 48
§ 3. Германский уголовный процесс 51
§ 4. Итальянский уголовный процесс 54

Глава III. Советский уголовный процесс 57
§ 1. История советского уголовного процесса 57
§ 2. Источники советского уголовно-процессуального права и действующее уголовно-процессуальное законодательство 64
§ 3. Природа советского уголовного процесса и его задачи . . . 67

Глава IV. Уголовно-процессуальная деятельность и ее субъекты . 80
§ 1. Система уголовного процесса 80
§ 2. Суд и его положение в системе уголовно-процессуальной деятельности 83
§ 3. Подсудность 84
§ 4. Уголовное преследование 86
§ 5. Обвинение 91
§ 6. Обвиняемый 93
§ 7. Защита 94
§ 8. Гражданский иск в уголовном процессе 94
§ 9. Процессуальные сроки 96

Глава V. Учение о доказательствах 97
§ 1. Общие понятия 97
§ 2. Доказательства в обвинительном процессе 99
§ 3. Теория формлаьных доказательств 100

§ 4. Теория свободной судебной оценки 102
§ 5. Теория доказательств в советском уголовном процессе . . . 110
§ 6. Доказательства и материальная истина 114
§ 7. Предмет доказывания 116
§ 8. Бремя доказывания 119
§ 9. Презумпция невиновности 119
§ 10. Средства доказывания 121
§ 11. Классификация доказательств 123
§ 12. Виды доказательств 127

Глава VI. **Возбуждение уголовного дела** 150

§ 1. Возбуждение уголовного дела как начальная стадия процесса 150
§ 2. Поводы и основания к возбуждению уголовного дела 153
§ 3. Процессуальное оформление возбуждения дела 156

Глава VII. **Предварительное расследование** 158

§ 1. Общие понятия 158
§ 2. Предварительное расследование в буржуазном процессе . . 159
§ 3. Дознание и предварительное следствие 161
§ 4. Принципы предварительного расследования 167
§ 5. Объем предварительного расследования и его сроки 169
§ 6. Органы предварительного расследования 170

Глава VIII. **Процессуальные формы предварительного следствия** . 173

§ 1. Начало предварительного следствия и его система 173
§ 2. Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и предъявление обвинения 177
§ 3. Обвиняемый и его права на предварительном следствии . . 178
§ 4. Обвиняемый и подозреваемый 180
§ 5. Допрос обвиняемого 183
§ 6. Меры пресечения и иные принудительные меры на предварительном следствии 185
§ 7. Потерпевший 191
§ 8. Окончание предварительного следствия 191
§ 9. Обвинительное заключение 193
§ 10. Об участии защитника на предварительном следствии . . . 198
§ 11. Прекращение дела 200
§ 12. Приостановление следствия 202

Глава IX. **Предание суду** 204

§ 1. Сущность и процессуальное значение предания суду 204
§ 2. Предание суду в буржуазном уголовном процессе 205
§ 3. История института предания суду в советском уголовном процессе 207
§ 4. Действующий порядок предания суду 210

Глава X. **Судебное разбирательство** 217

§ 1. Общие понятия 217
§ 2. Конструкция судебного разбирательства в буржуазном уголовном процессе 219
§ 3. Принципы судебного разбирательства в советском уголовном процессе 219
§ 4. Суд 219
§ 5. Обвинитель 221
§ 6. Подсудимый 228
§ 7. Защитник 230
§ 8. Потерпевший 233
§ 9. Объем судебного разбирательства 234
§ 10. Построение судебного разбирательства 236

Глава XI. **Судебный приговор** 256

§ 1. Значение приговора 256

§ 2. Тайна совещательной комнаты 257
§ 3. Судебный приговор в буржуазном уголовном процессе . . . 258
§ 4. Приговор в советском уголовном процессе 261

Глава XII. **Кассационное обжалование судебных приговоров** . . . 269

§ 1. Общие понятия 269
§ 2. Формы обжалования в буржуазном уголовном процессе . . 270
§ 3. Формы обжалования в советском уголовном процессе 274
§ 4. Развитие формы советской кассации 274
§ 5. Основные черты советской кассации 276
§ 6. Ревизионный порядок 279
§ 7. Кассационная жалоба 281
§ 8. Кассационные поводы 283
§ 9. Кассационное определение 286
§ 10. Отмена приговора 287
§ 11. Вопрос о reformatio in pejus 289
§ 12. Изменение приговора 292
§ 13. Порядок кассационного рассмотрения 293
§ 14. Частные жалобы и протесты 294

Глава XIII. **Исполнение судебных приговоров** 296

§ 1. Значение этой стадии процесса 296
§ 2. Процессуальные вопросы, возникающие при исполнении приговора 297
§ 3. Надзор за исполнением приговора 298

Глава XIV. **Исключительный порядок пересмотра приговоров, вступивших в законную силу** 299

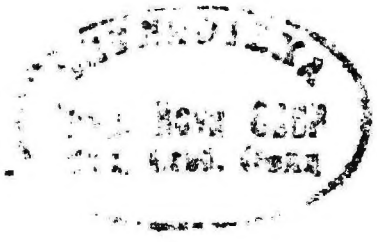
§ 1. Судебный надзор 299
§ 2. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам . 303

Перечень литературы по уголовному процессу 305

ЗАКАЗНОЕ ИЗДАНИЕ

Редактор *А. Н. Иодковский*
Изд. № 37. Подписано к печ. с матриц 15/III 1941 г. А33696. Печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 21. В печ. л. 45 600 зн. Тираж 4250. Зак. 761.

Отпечатано в школе ФЗУ ОГИЗа треста „Полиграфкнига", Москва, Хохловский пер., 7, с матриц 17-й ф-ки нац. книги ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига", Москва, Шлюзовая наб., 10.



БЕСПЛАТНО

25856

5811

16 руб

31